

SWALKER

DOWN THE LINE
AFTER DARK

«Почему-то считается, что постапокалиптика должна быть мрачной, депрессивной. Пока живы люди, они будут смеяться над собой и над окружающей действительностью, пусть даже действительности этой приходит конец», — так считают составитель и авторы, пожалуй, самого забавного сборника современной российской фантастики.

Олег Дивов, Андрей Левицкий, Виктор Ночкин, Александр Шакилов, Шимун Врочек и многие другие — такой постапокалиптики вы еще не читали! Готовьтесь! Будет страшно... смешно!

- [S.W.A.L.K.E.R.: Похитители артефактов](#)

- [«Конец света — это смешно»](#)
- [Андрей Гребенщиков](#)
- [Александр Шакилов](#)
- [Вячеслав Шторм](#)
- [Лев Жаков](#)
- [Николай Романецкий](#)
- [Андрей Буторин](#)
- [Иван Магазинников](#)
 - [Ключ, Дракон и Принцесса](#)
 - [Ведьма](#)
 - [Доктор](#)
 - [Владыка Социума и Принцесса](#)
- [Анна Калинкина](#)
- [Сергей Антонов](#)
- [Сурен Цормудян](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
- [Светлана Васильева](#)
- [Шимун Врочек](#)
- [Александр Трубников](#)
- [Виктор Ночкин](#)
- [Александр Шакилов](#)
- [Иван Магазинников](#)
 - [Точка отсчета](#)
 - [Пробуждение](#)
 - [Непредвиденные встречи](#)
 - [Апокалипсис вчера](#)
 - [Тайный «агент»](#)
- [Игорь Вардунас](#)

- [Виктор Глумов](#)
 - [Олег Дивов](#)
 - [Андрей Левицкий, Виктор Ночкин](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

S.W.A.L.K.E.R.: Похитители артефактов

Составитель Никита Аверин

«Конец света — это смешно»

Почему-то считается, что постапокалиптика должна быть мрачной, депрессивной.

Но разве во время кризисов и в окопах не рассказывают анекдоты? Так почему бы в руинах будущего — радиоактивных, опасных, населенных каннибалами и мутантами — не звучать смеху? Пока живы люди, они будут смеяться над собой и над окружающей действительностью, пусть даже действительности этой приходит конец.

Читатель давно не прочь взглянуть на приключения «сталкеров» и «попаданцев» с юмористической точки зрения и посмеяться от души над, казалось бы, такой серьезной и трагичной темой, как «жизнь после конца света». В сборник приглашены известные авторы, пишущие в жанре постапокалипсиса, а также те, которые давно выражали желание высказаться в данном ключе на эти темы.

До сих пор доподлинно неизвестно, как именно этот сборник появился на свет.

Сейчас очень многие говорят, что идея подобного сборника уже посещала их. В ходе общения с братьями по литературному цеху мы не раз повторяли, что пришла пора посмеяться над такой, казалось бы, мрачной темой, как постапокалипсис. Но дальше планов и мысленных вздохов «Да, было бы неплохо...» дело не шло.

Если рассматривать нашу реальность с точки зрения древнегреческих философов, а также Терри Пратчетта, то этот сборник создал себя самостоятельно. Просто ему надоело, что никто не решается осуществить желаемое и воплотить свои мысли в реальность. И тогда идея сборника так крепко вошла в наше сознание, что появление его на свет стало лишь вопросом времени.

По ночам нам являлась удивительная картина, где за карточным столом расположилась пестрая компания: сталкер, зомби и мутант с инопланетянином. Какие удивительные истории они могут рассказать? Конечно, во время дружеских посиделок за партией в покер нет места серьезным и нравоучительным рассказам. Это время для весёлых баек и потешных историй.

Вдохновившись образом этой компании, мы приступили к работе по составлению сборника.

Сразу же стало понятно, что звезды, Судьба и все прочие силы, управляющие нашей вселенной, были на нашей стороне! Желающих принять участие в этом безобразии оказалось гораздо больше, нежели книга была способна в себя вместить. Данное обстоятельство ещё раз свидетельствует в пользу того, что некие мистические силы прикладывали все возможные усилия для появления сборника на свет.

Единственное, чего мы боялись, так это однообразия сюжетов. Казалось бы, что можно придумать оригинального в историях про постапокалиптический мир или о приключениях путешественников во времени? К тому же в задачу авторов входило не только придумать необычную, но ещё и смешную историю. Такая задача уже не каждому по силам.

Но опасения наши оказались напрасны. Каждый автор смог создать свой неповторимый мир. Конечно, этот мир неуловимо похож на изведанные уже не раз тропинки Зоны или подземные бункеры. Но, читая, мы понимаем, что это всего лишь художественный прием, с помощью которого автор, подобно уличному фокуснику, создает отвлекающую наше внимание иллюзию. И стоит только нам расслабиться, как тут же из шляпы фокусника выскакивает

веселый кролик!

Мы искренне не советуем читателю серьезно относиться к произведениям, включенным в книгу. Это лишь литературная игра, затеянная ради веселья. И пусть вас не пугает то обстоятельство, что юмор здесь заключен в мрачную упаковку мира-после-конца-света. Итак... встречайте Похитителей артефактов!

Никита Аверин и Андрей Левицкий

Андрей Гребенщиков

Синдром Тубера

*Эта странная история вам запомнится надолго.
Эта страшная история вас проткнет стальной иголкой.
Эта темная история, может быть, разбудит лихо.
Намекнул бы вам, о чем она, да боюсь — сочтете психом.* [\[1\]](#)

Усталые, идущие с ночной смены люди, не замечали его. Не замечали и те, кто лишь недавно проснулся и теперь с несчастным видом брел на опостылевшую работу. Никто не смотрел в его сторону, рассеянные взгляды проходили сквозь застывшего в недоумении человека.

Его не толкали, не задевали плечами, не касались случайно руками — просто обходили, стараясь держаться подальше. Неосторожные и невнимательные, оказавшись перед живым препятствием, удивленно поднимали глаза и тут же в испуге отшатывались. А затем испуг сменялся жалостью — брезгливой и чуть настороженной, так смотрят на вшивого котенка, приговоренного равнодушным хозяином к бесславному утоплению в помойном ведре...

Лука поморщился — сравнение с котенком двухметровому и крайне широкоплечему сталкеру не понравилось. Зато представив помойное ведро, требуемое для умерщвления такого «зверька», он мстительно рассмеялся: «Вам меня и в огромном мусорном контейнере не утопить, задохлики подземные!»

Человек из толпы, заслышав смех Луки, уставился на него вытаращенными в немом изумлении глазками. Сталкер без труда опознал своего соратника по мародерскому ремеслу. Правда, опознание пришлось производить по спине, так как при виде Луки горе-коллега незамедлительно бросился в противоположную сторону.

— Памперс смени, герой! — бросил вслед ему Лука и хищно осклабился.

От звука его голоса окружающие дрогнули. Не потому, что крик получился особенно громким или тембр вышел устрашающим — их пугало узнавание. С недавних пор сталкер Паша Лукьяненко по прозвищу Лука тяготил всех одним своим присутствием.

Вот отшатнулась недавняя любовь Ольга, свернула в сторону заклятая любовница Клара, заблестела мокрыми очами нынешняя пассия Света. Потом зажала в отчаянии рот и трепетной ланью пронеслась мимо, оставляя за собой шлейф из всхлипов и вздохов.

Лука чертыхнулся, про себя помянув всех женщин неласковым словом, и демонстративно уселся посреди туннеля на пол. Толпа не оценила его безмолвный протест — стихийно разделилась на два потока и «обтекла» препятствие с разных сторон.

Чье-то злобное «волнорез хренов», брошенное из встречного потока, буквально подбросило Лукьяненко вверх.

— Ах ты, сука! — он кинулся в сторону анонимного обидчика, но тот, энергично работая локтями, уже исчез за поворотом.

Выместить злобу хотелось нещадно, однако повода для славной драки больше не представилось — ни единого кривого взгляда, ни слова поперек. Лука как будто перестал для всех существовать, взял и развоплотился. Был отличный сталкер, уважаемый и многими любимый, но внезапно весь вышел.

Из безрадостных дум вывел негромкий окрик:

— Лука, ты чего здесь торчишь, как Митволь на Барвихе?

«Значит покуда не развоплотился», — отметил Лука с облегчением и протянул говорившему руку.

— Привет, Митя!

Однако старый приятель Дима Свиридов с пожатием рук не спешил.

— Звиняй, дружище, но с вашим «отъезжающим» братом лучше лишний раз не контактировать, — и отступил на шаг. Затем, чуть поразмыслив, всё же помахал приветственно с безопасного расстояния.

От такой неучтивости знакомого Лука опешил.

— Куда отъезжающие, ты чего несешь?!

Свиридов театрально закатил глаза и жестом священника вознес руки к небу. Точнее, к потолку, это самое недружелюбное небо тщательно скрывающему.

— Туда, Паш, туда. С твоей хворью другого пути не бывает.

— А не рановато ли, Митя, ты меня хоронишь? Вот он я — живой! Дышу, разговариваю, а еще врезать могу от всей души, от тела покуда что не отделившейся.

Приятель вздохнул и укоризненно покачал головой:

— За что ты так цепляешься? Семьи нет — старую не сберег, новую не создал и не создашь никогда. Бабы твои, только про болезнь услышав, нос воротят. Может, работа любимая держит? Это ведь какая головокружительная карьера — помоишник постапокалипсиса. Раньше, как лох последний, на «лексусах» раскатывал, а нынче первый парень в подzemелье — побирушка, собиратель металлолома и пустых бутылок, или чего вы там мародерите... Что потерять боишься? Унылый беспросвет, тухлые консервы, отравленную воду и зараженный воздух? Над чем так трясешься? Лично я считаю, что досталось тебе халявное избавление от всей опостылевшей безнадёги. Я бы сам на себя руки давно наложил, да вера не позволяет...

Подивился Лука речам «жизнелюба» Свиридова, но вслух лишь укорил:

— То-то руки пожать не можешь, ссышься своё избавление подцепить?

Дмитрий спорить не стал:

— Ссусь. Завидую тебе, но инстинктов побороть не могу, они велят до последнего мучиться. Вот так и живем, в муках и страхе...

— Балабол ты, Митя. Балабол и пустобрёх, — Лука больше не злился. Какой смысл в злобе, зачем её плодить, когда время на исходе? Успеть бы пару добрых дел напоследок сделать, всё легче ласты будет клеивать, спокойнее.

Митя на обидные эпитеты никак не среагировал. Помолчал немного, думая о чём-то своем, затем сказал:

— Тебя Василич к себе вызывает.

— Который из Василичей?

Вызывать — именно вызывать, а не звать или приглашать, мог только один Василич, и Лука прекрасно это знал. Но всё равно спросил. Глупо, конечно. Однако страх показаться смешным или тупым куда-то подевался после рокового медобследования.

— Начальственный, Павлик, начальственный.

— Чего хочет? В карантин быстрее засунуть или сразу — в расход?

— Понятия не имею, — Свиридов пожал плечами. — Но вакцину от твоей дряни точно не предложит.

— Гад ты, Митяй...

— Не серчай шибко. Не умею сочувствовать, когда зависть гложет... Прощай, Лука!

— Не прощу, — вяло огрызнулся сталкер и неторопливо побрел к начальственному Василичу.

Секретарша Наташа, прозываемая в народе секретуткой Парашей, при виде Луки испуганно завизжала.

«Ох, не зря тебя Парашей кличут», — привычно подумал горемычный сталкер, неприязненно рассматривая толстуху.

— Дура, чего визжишь, как порося? Мертвеца не видела? — он не стал особенно церемониться со всегда раздражавшей его особой. Настроения для дипломатии и прочих соловьиных трелей не было.

— Ишь, разговорился, — Наташа гневно зыркнула исподлобья, накручивая себя для ответной брани, однако её не по-женски грубый голос тут же сорвался, превратившись в ушераздирающий писклявый фальцет. Продолжать спор в столь вызывающе высокой тональности секретарша не решилась и без лишней словесной борьбы махнула в сторону начальственной двери.

— Женя... — она запнулась, но тут же проявила женскую сноровку. — Женя Васильевич ждёт. Проходите... — И снова замялась, готовясь без запинки произнести чуждое небогатому лексикону слово. — Пожа-луй-ста!

«Женя Васильевич, значит?» — ухмыльнулся про себя Лука, мысленно издеваясь над неразборчивым бабофилом Васильичем.

Сталкер изобразил благодарственный книксен и послал шустрой секретутке воздушно-капельный поцелуй, отчего та содрогнулась всем дородным телом, а затем панически прикрыла мясистую носоглотку не менее мясистыми клешнями-ладонями.

— Охренительный респиратор! — со знанием дела похвалил матерый подземный воитель и вальяжно прошествовал мимо тоскливо матерящейся толстухи.

В кабинет высокого начальства Лука зашел без стука. Хотел было пинком придать давно не смазываемой двери необходимое ускорение, но в последний момент передумал — всё же кое-какую власть над его безрадостной судьбой Васильич еще имел.

— Здравствуй, Паша, — седовласый Женя Васильич при его появлении поднялся и жестом указал на скамью для посетителей. Видимо, заблаговременно пресекая всяческие поползновения на негигиеничные с недавней поры рукопожатия. — Молодец, что сразу явился. Негоже по бункеру заразу разносить.

— Здравствуйте, Евгений Васильевич, — Лука придал своей небритой и довольно-таки помятой физиономии максимально серьезный вид. — Я же опытный сталкер! Столько добра нашему подземелью сделал, пользу принес неисчислимую, что ж теперь из-за недомогания легкого вред малой родине чинить? Не таков я, товарищ начальник, вы же знаете. Хочу и дальше служить на благо подземного общества, бороться за его процветание и благоденствие. Пока, как говорится, смерть не разлучит нас!

Васильича героическая речь подчиненного не воодушевила. Напротив, он сильно нахмурился и с недовольным видом заерзал на царственном кресле из натуральной кожи. Долго подбирал правильные слова, затем плюнул на политес и запальчиво, не скрывая раздражения, высказал сталкеру:

— Павлик, не ёрничай. Смерть, будь она неладна, нас уже разлучила! Кончита, мля, фимедия!

— Финита ля комедия, — автоматически поправил Лука.

— Ну, какая, в прямую кишку, комедия?! — Евгений Васильевич голосовых связок больше

не жалел и орал во всё луженое горло. — Вот ведь радость неопишуемая, драть тебя в левую ноздрю — с ровного места потерять лучшего сталкера!

— Васильич, Васильич, — Лукьяненко энергично замахал руками. — Не кричи! Никуда твой сталкер не терялся, тута он! — Поняв, что поток громогласных слов временно исчерпан, добавил примирительно:

— За «лучшего» спасибо, дождался, наконец...

— Натрындец! — не очень литературно передразнил начальник, но больше в ярость не впадал. Посидел несколько минут, повздыхал над думами тяжкими, а поняв, что молчание затягивается, с невероятной грустью в старческом голосе произнес:

— Экой же ты урод, Лёшкин сын... Себя сгубил по дури, меня подвел, подземелье всё. Ой, урод...

— Дядь Жень, — сталкер сам не понял, отчего в этот момент на языке оказалось детское, хорошо забытое обращение. — Да, заразился на последней мародерке треклятой херней, не повезло, бывает, издержки профессии. Но зачем хоронить раньше времени — протяну я еще пару-тройку лет! Не сразу от туберку...

— Тише ты, — угрожающе цыкнул Василич. — Нет такого слова! Правильно говорить «синдром Тубера», понял? Не надо звучных, пугающих население диагнозов.

— Охренительная политкорректность!!! — нецензурно поразился Лука.

— Поаккуратнее с восклицательными знаками и сомнительной лексикой, — наставительно выдал начальник. — Два бункера по соседству вымерли от того... ну ты понял! С тех трагических пор в нашем царстве — подземном государстве, никакого тубе... Короче, нет его. Есть благородно и не совсем понятно звучащий синдром Тубера, который не вызывает паники, пораженческих настроений и народных выступлений. Я доступно излагаю?

Лука нехотя кивнул.

— Вот и славно. Однако, как инфекцию ни назови, больных — даже синдромом Тубера, — нужно изолировать от здорового и успешного общества. Во избежание, как говорится. В целях профилактики и полного искоренения.

— Дядя Жень, вы... ты меня из бункера гонишь?

— Оставить тебя не могу — ты источник заразы. Отпустить не имею права по той же причине. В других убежищах тоже люди живут, и они точно так же уязвимы перед Тубером... Вот такие дела, Паша. Дилемма, ёршень-поршень! Обещал батяне твоему присматривать за оболтусом-сыном, а вот оно как повернулось — не доглядел, не уберег дурачка великовозрастного.

Васильич виновато умолк, отвел взгляд от «великовозрастного дурачка». Добавил еле слышно:

— У меня внук здесь подрастает. Родная кровь любое обещание перевесит, так что не взыщи. Ты сам не оставил мне выбора.

— И что теперь? — Лука не верил услышанному, сказанное не укладывалось в голове. — Целебный расстрел? Обеззараживание огнеметом? Исцеляющая асфиксия? Общеукрепляющая...

— Паша, всё, что я могу сделать в память о твоём отце, в память о твоих заслугах перед подземельем — это дать умереть по-человечески. И даже в смерти принести пользу нашему с тобой единственному дому — бункеру.

Лука материл себя на все лады. А когда уставал от сквернословия, вспоминал гнусную рожу Васильича, и поток брани изливался с утроенной энергией.

— Они даже не дали мне в дорогу автомат! «Нехрен на нежителей добро изводить», мать их растак!

Сталкер крепче ухватился за единственный трофей, полученный от «сердобольного» подземного начальника — большую бутыль отчаянно вонючей бормотухи. Зажимая нос, сделал глоток.

— Причем нежитью эти гады называли не мутантов! — за первым глотком немедленно последовал новый — нужно было срочно заглушить мерзопакостный привкус мерзостного пойла. «Подобное лечим подобным! Прикладная гомеопатия, растудить её тудить!»

— Нежитью они назвали меня! Сталкера, каждый день рисковавшего жизнью ради неблагодарных утырков!

Едва слышный шорох, раздавшийся где-то поблизости, заставил Луку прервать эмоциональный монолог. Цепким взглядом окинул пространство вокруг себя. Выжженная радиоактивная пустыня, куда ни посмотри. Раньше такие пейзажи назывались лунными, теперь же стали вполне родными, земными. Зеленая тоска, без малейшего намека на эту самую зелень — ни травинки, ни деревца, только безжизненная, каменистая поверхность чужой и совершенно мертвой планеты.

«Неужели мы когда-то были хозяевами поднебесного мира? „Воздух, солнце, и вода — наши лучшие друзья!“ Обхохочешься...»

Еще один свидетель былого величия замер неподалеку. Стоит пройти гряде холмов и впереди откроется пугающая панорама — вид на город, который до сих пор помнит своих обитателей. Беспечных и глупых людей, променявших его деловую суету на кладбищенский покой подземелий.

Город давно и безнадежно пуст, выпотрошен и выскоблен. Еще не все многоэтажки превратились в пыль, несколько высоток укоризненно тычут в небо, навеки скрытое смогом. Обглоданные, иссушенные на ветру костяки огромных зданий, скелеты из стали и бетона. Лука никогда не был там — отчаянно боялся склепа на миллион непогребенных душ, в который превратился город. Но сегодня идти придется, ведь он — героический сталкер, а заодно — гребаный путешественник с проездным билетом в один конец. Зачем согласился идти туда, куда никто из вменяемых людей не ходит? Туда, откуда никто не возвращается? А один хрен, возвращаться-то некуда — ведь он не только героический сталкер и гребаный путешественник, но еще и почетный изгнанник! Разносчик смертельно опасной болезни, чахоточный в мире без антибиотиков. Такого ведь совсем не жалко услатить на разведку гиблой местности, правда, любезный Женя Васильевич?

Лука с отвращением посмотрел на радиопередатчик. Смачно сплюнул, замысловато выругался, в красках представив, на чем, как и с какой скоростью он вертел весь предательский бункер во главе с товарищем начальником. Не помогло... Самое смешное, самое глупое, он будет передавать в эфир то, что увидит в запретном городе, будет делиться ценными разведданными с теми, кто его...

Сталкер тяжело вздохнул. Дурацкое чувство долга... Ради кого и чего? Ради себя, прежде всего. Не хочется умирать без цели, без смысла. Отплатить добром за незаслуженное зло.

— Идиот? — спросил Лука сам себя. И безрадостно констатировал: — Полный.

Пустыня оказалась гораздо более пустынной, чем ожидал сталкер. Пригород, в котором обычно мародерили жители подземелья, давно превратился в довольно оживленное место, где помимо людей хозяйничали разного рода мутагадины, всячески препятствовавшие «деловым»

визитам человека в его бывшие владения. Предмestia же мегаполиса были лишены малейшего намека на чьё-либо присутствие. Ни венца творения, ни уродливых порождений радиации. Странно, ведь природа, даже искалеченная, не терпит пустоты.

Лука пару раз включал рацию и подробно описывал увиденное. Интуиция подсказывала, что каждый сеанс связи может стать последним, потому не стоило пренебрегать даже мелкими деталями местности, которую так давно покинул человек.

Интуиция. Верная подруга, служившая ему столько лет и никогда не подводившая. И перед роковым походом она предупреждала, отговаривала, и он её слышал, но не слушал. Решил рискнуть ради богатых трофеев и просчитался. И то сказать, хорошей интуиции нужен мудрый хозяин, а не такой дурак, уверовавший в безотказную удачу.

До городской черты оставалось не более пару сотен метров, когда сталкер заметил вдалеке движущийся объект. И не просто движущийся, а приближающийся. Определить с такого расстояния, что за напасть мчится сюда на всех парах, не было никакой возможности, но в одном Лука не сомневался — ожидать нужно самого худшего. Добрые и отзывчивые существа давно сдали поверхность прожорливой «гопоте» нового мира.

— Бункер, говорит Бродяга. Спасибо, что не дали мне автомат, с ним бы я еще сомнениями помучился, а сейчас могу спокойно, без лишних вариантов дожидаться приближения городской шпаны. Что она из себя представляет, не скажу, потому как разглядеть толком не могу. Зато и вы вместе со мной помирайте — я от страха и скорых кровавых ран, несовместимых с жизнью, а вы, суки подземные, от любопытства. Всё, аллее, конец связи, с вами в эфире был диджей Лука. Тубер вам в легкие и геморрой в...

Сталкер не договорил. Потерял дар речи, когда зверюга, несколько секунд назад скрывшаяся за дальним холмом, внезапно «вынырнула» прямо перед ним.

Массивная туша немыслимым тараном врезалась в грудь человека и опрокинула наземь. Растерянность немедленно сменилась жуткой болью в ребрах, она же помогла справиться с оцепенением. Лука, подвывая и чертыхаясь, откатился в сторону и рванул вверх в попытке подняться... и пропустил новый удар. Хищник боднул Луку, сбил с ног, и тут же с зубовным скрежетом сомкнул свои кошмарные челюсти. Но не на лежащем человеке, а на его мешковатом радкостюме. Рывком поднял матерящуюся добычу за шкварник и, довольно урча, потрусил в сторону мертвого города.

Со стороны картина выглядела идилически — заботливая мутамамка, нежно ухватившись клыками за холку расшалившегося детеныша, тащит неразумного в родовое гнездышко. Жаль, что ни заботы, ни нежности отчаянно бьющийся в чудовищных тисках Лука не ощущал. И все его помыслы сводились к одной-единственной предсмертной мечте — сохранить нижнее белье в сухости.

* * *

— Бункер, говорит Бродяга. Направляюсь на званый ужин. Трансфер до пункта питания осуществляю посредством челюстно-лицевого захвата в исполнении неизвестной науке зверюшки. Зверюшка, кстати, довольно упитанная, страдает ожирением, лишнего весу в ней центнеров пять или шесть. Точнее оценить не могу: от аромата выхлопа моего транспортного средства режет в глазах, да и наблюдательный пост расположен не идеально, милая мордашка шестипалого перевозчика перекрывает весь потрясающий вид!

— Лука, ты там радиации нанюхался, что ли?

Когда бояться стало неважно, а схвативший его мутант всё бежал и бежал, Лука принял

единственно правильное в сложившейся ситуации решение — снял стресс. Одним залпом. Благо бутылка с бормотухой благополучно пережила недавний, удивительно скоротечный бой. Снимать стресс на скаку — крайне нетривиальное занятие, но подземный герой справился на отлично, не пронеся ни капли успокоительного мимо рта.

Пойло сработало, как надо. Страх сменился нездоровым пофигизмом, постепенно перешедшим в еще менее здоровое умирание. «Какой славный зверек! Надеюсь ему не очень тяжело тащить свою добычу?»

Конечный пункт необычного путешествия заставил Луку слегка протрезветь. Они находились посреди города, оказавшегося при ближайшем рассмотрении безнадежной свалкой строительного мусора. Горы поломанного кирпича, погребенного под цементной пылью, растерзанные на части плиты перекрытий, торчащие бетонные сваи... Полнейшее уныние и, похоже, точно такое же запустение.

Следующим шагом к ускоренному протрезвлению стал оглушительный лай «транспортной» зверюги. Застыв у одной из немногих сохранившихся многоэтажек, она призывно заголосила. Следуя заветам баснописца Крылова, добыча выпала из раскрывшейся пасти и больно приложилась о твердую землю с невероятно политкорректным звуком «ой!».

Лука подивился сам себе — слишком много он знал забористых и велеречивых синонимов банальному и невыразительному «ой». Объяснить подобный лингвистический феномен сталкер не смог: не успел он отойти от сомнительных радостей всемирного тяготения, как новый шок выбил из него остатки спиртных паров. Мутант принес добычу не себе в логово, не своим детишкам на прокорм... Гуманоидный подарок предназначался иным существам.

Лука пропустил их появление, пока валялся на земле, но стоило поднять глаза... Многометровые гиганты заполнили всё видимое пространство вокруг. Даже зверюга, легко скрутившая человека и протащившая его несколько километров, казалась рядом с ними крошечной собачонкой. Сходство с собакой усиливалось благодаря заискивающим прыжкам монстра под ногами великанов, подхалимному повизгиванию, а также игривому размахиванию хвостом.

На этот раз нелитературного удивления сталкер сдержать не смог и разразился поистине мастеровитой речью, состоящей сплошь из матерных междометий.

— А ну заткнись, сквернослов! Здесь же дети! — голос, пришедший откуда-то сверху, ударил по барабанным перепонкам с силой грома. Лука готов был ругаться, что от оглушительного крика земля под ногами содрогнулась, а воздух ощутимо завибрировал. В то же мгновение стало не до ругани — чистота исподнего вновь оказалась в опасности.

Одна из туш, загораживающих небо, приблизилась к человеку — чтобы преодолеть расстояние в дюжину метров, исполину понадобился всего лишь один шаг. Затем многотонная масса склонилась над несчастным пленником, и Луке наконец удалось рассмотреть морду кошмарного существа. Увиденное в восторг не привело — гигант был страшен, как термоядерная война.

Подцепив сталкера двумя столбообразными пальцами, великан осторожно поднял его на уровень своих глаз и не мигая уставился на пришельца-гуманоида.

— Ну ты и урод, — мутант наконец вынес свой вердикт. Немного обидный для хомо сапиенса.

— На себя посмотри, Груффало радиоактивное! — несдержанный на язык человек в очередной раз проклял собственную болтливость, но слово, как обычно, опередило мысль.

Вместо ожидаемой кары последовало нечто очень странное — исполины дружно захохотали.

Как этот страшный зверь сумел сюда попасть?
Какие острые клыки, чудовищная пасть!
Ножищи, как столбы... на них когтищи в ряд...
И бородавка на носу, а в бородавке — яд!

Маленькие гиганты, а данному оксюморону соответствовало пара глыбообразных существ, весело запрыгали на месте, подвергая планету Земля опасности сорваться с орбиты.

Глаза горят огнём, язык черней черники,
В шипах лиловых вся спина, и вид ужасно дикий.
Ой, мама, это груффало!
Оно меня понюфало!^[2]

Когда дикие песни и пляски в честь англосаксонской версии родной бабайки прекратили сотрясать континент, главный верзила дружелюбно пробасил:

— Неучтивец, ты понравился моим детям! Похоже, мы не станем убивать тебя.

Вздых облегчения не успел покинуть легкие спасенного сталкера, как со стороны малого истукана последовало невинное уточнение:

— Папочка, а можно я ему хотя бы ножки оторву, чтобы он никуда-никуда не убежал от нас?

Вздых накрепко застрял в легких, перекрыв доступ кислороду. Лука нервно закашлялся, прочищая горло. При этом судорожно сравнивая манящие прелести асфиксии с восторгами кровопотери от лишения опорно-двигательных конечностей.

Взрослые громадины весело и непринужденно засмеялись. А просмеявшись, объяснили «недорослю»:

— Нельзя, доча. Мы не любим людей, ведь когда-то они убивали нас ради мяса. Однако этот человек — наш гость, и его нельзя обижать.

Чудотворный кислород пробился в сталкерские легкие, неся с собой надежду.

— Он всё равно сдохнет через неделю от радиации, — с некоторой грустью резюмировал громоподобный голос, и вновь забывший дышать Лука поперхнулся живительным газом.

— Мы вас для мяса никогда не убивали, — слабо простонал подземный житель, разочарованный практически до смерти.

— Да ты что? А как же сочный шашлычок из свежей свининки? Неужели не пробовал? Можешь, конечно, отбрехаться, мол, мусульманин или правоверный еврей, вот только местную радиацию твоё вранье вряд ли развеет.

— Свины?! — удивлению сталкера не было предела.

— Свины, свины, — с вызовом подтвердил многометровый прямоходящий кабан, совершенно непохожий на своих сгинувших предков. — Нам радиация, что мать родна. Наделила нешуточным размером, таким же интеллектом, а прожорливых людей загнала в недра планеты. Очень удачно мы с вами местом под солнцем рокинулись, ага?

— Милый, — в мужскую беседу вмешалась мутировавшая свиноматка. Внешне она мало отличалась от верзилы кабана, однако чуть менее басовитый голос выдал её половую принадлежность. — Будь паинькой, отдай крошку уродца мне. Дети его быстро сломают и выбросят, а я бы немного покрасовалась экзотичным зверьком перед соседями. Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Не похоже, что глава семейства собирался противиться самкиной воле, но всё же, больше для порядка, принялся торговаться:

— А что мне за это будет?

Шашлык женского пола кокетливо чмокнул люля-кебаб мужицкого рода в предполагаемую щеку и что-то быстро-быстро зашептал в оттопыренное свиное ухо. Оба мясных блюда довольно захихикали и обменялись поцелуем, от которого Луку чуть не вывернуло наизнанку.

Похоже, ритуал отчуждения человеческого существа был окончен, и миссис Пигги постапокалиптического мира безраздельно завладела несчастным сталкером. Она долго вертела новоявленную игрушку, брезгливо обнюхивала и осматривала со всех сторон. Свиноте явно что-то не нравилось, и Лука по обыкновению не смолчал.

— Свинобарышня, вы что-то потеряли? Я в вашу кормушку не заглядывал и комбикорм не трогал, честное человеческое!

— Малыш, будешь хамить — прихлопну, — вяло пообещала хрюшка. Затем озадаченно протянула: — Какой-то ты не прикольный совсем. Хотела форснуть перед подругами, да форсу с тебя... Страшенький гном с лысым лицом. Может, умеешь чего по творческой части? Жонглировать, например? А может эквилибру обучен или фокусам? Клоунаде?

— Иди ты в собственную филейную часть, мутантише швайне! Нашла, блин, клоуна!

— Не хочешь искусствами поражать, пойдешь в стилисты. Будешь мне растительность в носу подстригать.

— Я не могу в стилисты! — отчаянно возопил Лука. — Я неизлечимо болен гетеросексуализмом!

— Быстро хватайся за секатор, хамло гуманоидное, и за работу! А будешь упрямиться, мигом обряд посвящения в аутентичные стилисты произведу. Черенком от того же секатора! Понял, хоббит недоделанный? Я в угольное ушко с трудом попадаю, так что нежности не жди — точно всё развальцую...

И Лука ждать не стал. Мигом оценив характер угрозы, он торопливо схватился за валявшиеся на земле садовые ножницы, прозываемые по-свински секатором.

— Не надо посвящения, подстригу в лучшем виде!

Ноздря у свинодевушки хоть и поражала воображение своим размером, однако, к великому Лукину сожалению, человека во весь рост принять не могла — приходилось вползать в поганое отверстие на карачках. Впрочем, страшная угроза продолжала звучать в сознании измученного человека, и он покладисто, несмотря на все ужасы и мерзости рабочего места, исполнял веленное. Стриг волосяные заросли великанши.

Его рвало каждый раз, как он давал волю воображению и в подробностях представлял физиологические особенности этой занятой спелеологии. Постоянно ждал, что подопечная вот-вот чихнет и смоеет его стремительным потоком чертовой слизи, обитающей в данной части организма. И он захлебнется в ней еще на полпути от свинского пяточка к родной земле. Чудовищная смерть, разве он заслужил такое?!

Весь бесконечный день ожил в сознании сталкера. Унижение, предательство, изгнание, новое унижение... всё из-за гадского диагноза, будь он трижды неладен. Синдром Тубера, драть его в левую ноздрию!

Стоп. Стоп-стоп-стоп! Лука замер, боясь упустить мысль. Синдром Тубера. Неизлечим без антибиотиков. Передается воздушно-капельным путем...

— Передается воздушно-капельным путем! — сталкер не сдержал радости, победно вознес секатор над головой и случайно воткнул его во внутреннюю стенку пяточка.

— Су-ка! — тут же послышалось в ответ. — Я тебя сейчас к едреням высморкаю и...

— Госпожа свинья, не извольте гневаться! — Лука импровизировал на ходу. — Я врач, доктор. У вас здесь отёк... выглядит не очень хорошо, нужно срочно вскрыть его... У людей была эпидемия с подобным симптомом, многие умерли.

— Что?!

— Организм свиньи и человека очень похож, и у вас может быть предрасположенность к людским болячкам. Но если вовремя купировать источник заражения — отёк, то высока вероятность излечения.

Самка больше ничего не говорила и не спрашивала, лишь тяжело дышала, отчего волосы в пяточке противно колыхались.

— Госпожа, я делаю надрез?

— Д-да, человек, д-давай.

Лука хищно ухмыльнулся, ухватил садовые ножницы поудобнее и со всей дури вонзил в плоть. Свинья, как ей и полагается, завизжала.

— Еще не всё, госпожа! — Сталкер с нескрываемым удовольствием еще трижды повторил процедуру. Повторил бы еще, но капающая сверху кровь изрядно портила веселье, а заодно и защитный костюм весельчака.

— А теперь, мои милые воздушные капельки, ваш выход! — Лука понизил голос до шепота. Набрал полные легкие воздуха и от всей души закашлял, щедро разбрызгивая слюну в разные стороны. — Давай, дружище Тубер, порезвись здесь на славу!

Закончив садистско-диверсантную деятельность, Лука с трудом выполз из ноздри, театральным жестом смахнул несуществующий пот со лба и срывающимся от мнимой усталости голосом процедил:

— Всё, сударушка, операция прошла успешно. Будем ждать результатов. Хочется верить, что обойдется без метастазов.

Сталкер тяжело плюхнулся в услужливо подставленную ладонь. Продышался немного и тут же задал крайне интересовавший его вопрос:

— Много вас тут?

— Что? — исполинская свинья до сих пор находилась в прострации.

— Заразная штука, всех надо проверить, — Лука сокрушенно покачал головой.

— У нас праздник, со всех окрестных мест собрали гостей. Тридцать семейных пар...

Человек выругался, нисколько не тяготясь присутствием дамы, обхватил в отчаянии буйну головушку и молвил с несчастным видом:

— Я клятву Гиппократы давал... Покуда даст здоровье, покуда радиация не доконает, я буду лечить, до последнего вздоха... Если ваши свинские идола смилостивятся, спасу всех...

— Спасибо тебе, добрый человечек, — миссис Пигги растроганно всхлипнула. — Спасибо, мой маленький уродливый герой!

* * *

Когда Лука благополучно обчихал и обкашлял последнюю свинскую ноздрю, он с деловым видом извлек из заплечного мешка передатчик, щелкнул выключателем и торжественно произнес:

— Радист, передай Василичу, город через пару лет будет полностью зачищен. Это мой прощальный подарок сраному подземелью. Дождитесь и владейте безраздельно. Пакеда, радист!

Оставив безвестного радиста в недоумении, он выбрался из гигантского пяточка, устроился на толстой губе последнего подопечного и задумчиво уставился на скрытое хмурыми тучами

небо.

— Взбесившаяся природа сделала поросей новым венцом творения... — Лука засмеялся — звонко, заливисто, по-детски беспечно. — Но синдром Тубера исправит поспешность неразумной эволюции... Отличный ты мужик, Тубер, драть тебя в левую ноздрю!

Александр Шакилов

Эстрим-шоу

Как обычно: захлопнуть лючок, поставить тачку на сигнализацию, лифт, звонок, кто там, это я, входи. Ну и поцелуйчики, конечно. Куда ж без них?! Терпеть не могу эти поцелуйчики, но не отвертеться. Надо, Федя, надо.

— Готова?

— Да!

Скрипит кевлар нового Ларискиного «платья» — это мы, пригнувшись, рука под руку, бежим к моему всепогодному лимузину повышенной проходимости.

— Прошу вас, сударыня!

— Спасибо! — Лариска, придерживая полы бронежилета, эротично вильнув попкой, ныряет в десантное отделение.

Выезжаем из города, блокпосты и кольцевая позади. На трассе без происшествий — не сезон, что ли? По «тачке» не то что из РПГ — ни разу из пистолета не выстрелили. И трал ни единой мины не зацепил. Спокойно сегодня, слишком спокойно — как в гробу на глубине три метра. Ой, чую, не к добру это. Ни трупов, ни засад, ни вертолетов-разведчиков. Ужас, да и только. Кошмар!

Нервничаю.

Лариска тоже.

— Федор, — говорит. — Может, ну его? Домой вернемся, а? Пожалуйста?

И только я хотел одобрить это ее странно разумное предложение, как она возьми и ляпни:

— Ко мне, да? На силиконовый диванчик? И целоваться будем? Долго-долго?

Меня аж передернуло, ларингофон поперек горла встал.

— Нет, — говорю, — Ларисочка. Надо хоть иногда на люди показываться. Сегодня ж праздник какой! Экстрим-шоу! Раз в году, между прочим, бывает! Иностранные гости, понимаешь! А ты: домой, целоваться...

В общем, едем дальше: траки скребут бетон, прицелы судорожно высматривают достойного противника. Катим, ага, мчим. А вокруг пустыня: то тут воронки, то там кратеры. Воронки — от бомб. И кратеры — от бомб. Собственно, между воронками и кратерами разницы никакой нет. Это я так, для разнообразия. Синонимы, типа.

У развалин АЭС сворачиваю на юго-восток и, активировав воздушную подушку, гоню прямо по зыбучим пескам. Блин, люблю я наши пейзажи: кровавое солнышко на фоне градирен, треснувшие саркофаги энергоблоков, ржавые мачты электропередачи. А в небе — перепончатые крылья аистов и патрульные дирижабли шастают туда-сюда, туда-сюда...

Родина!

Свое, наше!

* * *

Рев тысяч моторов, облака выхлопных газов. Какофония квадросистем, вспышки лазеров. «Добро пожаловать на экстрим-шоу!», «Бесплатная раздача хлеба у пятого ангара!», «Администрация просит уважаемых зрителей не расстреливать спортсменов из автоматического оружия!»

Нам сюда. Приехали.

Покупаю билеты у низенькой дамочки, упакованной в пятнистый камуфляж поверх простенького, но дорогого бронежилета. Стянув шлем-маску, улыбаюсь малышке. На ее каске марлевые бантики — женщины всегда остаются женщинами. Лариска ревнует меня к дамочке. Или к бантикам?

Выдвигаемся к первому, самому большому ангару. Проходим сканеры и силовые поля ниппель-портала. По Ларискиному платью скользят точки-лучи охранных систем. Неприятно знать, что в любой момент тебя могут изрешетить ртутные снаряды автоматических пушек.

Мы внутри.

Я на взводе.

Лариска тоже.

Слишком много народа. Слишком много вооруженных людей, готовых сначала открыть огонь на поражение и лишь потом спросить, как тебя зовут.

Присаживаюсь. Лариска рядом. На всякий случай демонстрирую соседям гранатомет с трехгранным штыком, прикрученным колючей проволокой к нижнему стволу. Мол, ребята, со мной лучше не шутить, я командос знатный. У меня не слюна — кислота серная, не кулаки — отбойные молотки, и вообще я в «вертушке» родился над зачищенным аулом, сам себе пуповину перегрыз — и сразу в бой, в бой! У меня же пять контузий. И все в левый висок. А?!

Нет вопросов?!

Ну и замечательно.

Вибрируют встроенные в сиденья динамики. Это комментатор сообщает, что, мол, вы, уважаемые зрители, попали не куда-нибудь, а на соревнование по горнолыжному спорту, в смысле по фрискингу, а если уж совсем точнее — по биг-эйру. Надо же, кто бы мог подумать. Спасибо, дорогой, просветил, помог узреть истину.

Вместо арены, на которой обычно гладиаторы с зооморфами сражаются, нынче иной пейзаж — возвышается гора и отблескивает в свете прожекторов укатанным снежно-белым покрытием. Это и есть tremplin, или, если хотите, trampolino. Это кому как больше нравится. А по мне так все просто: разгонка, стол с кикером, транзит-яма и приземление. Что ж тут непонятного? Обычный такой гэп пижонский — метров полтора высотой; это чтобы каждый спортсмен имел возможность взвиться и встрять черепом в купол. И рухнуть вниз. Лучше, конечно, в яму, залитую пресной водичкой. Кстати, водичка эта теплая, ага, потому как подогретая, чтобы крокодилы не простудились. Да-да, пять штук аллигаторов о-очень любят фрискинг, особенно филейные его части — в смысле окорочка, нашпигованные лыжными палками. Хотя можно и без палок: зверюги, я уверен, не побрезгуют, харчами перебирать не станут.

Площадка приземления тоже слегка модифицирована: узкая «чистая» полоса четко выделена ярко-красными флажками с надписями «Осторожно! Мины!». И, судя, по проволочным растяжкам, флажки не врут. Как в плен сдаться, не врут — по обе стороны полосы все загажено осколочно-кумулятивными гостинцами.

Да уж, вот такая диспозиция.

Смотришь — и душа радуется.

И над этой идиллией типа ветерок бесчинствует — натурально как в Кордильерах. Это у подножия мини-Джомолунгмы вентиляторы атмосферы нагнетают. А на вершине горы-трамплина перетаптывается десяток спортсменов, готовых сразиться за звание Чемпиона Войны. Разогнаться как следует, а потом резво, но точно выскочить на кикер и амплитудно воспарить — это и есть боевая задача молодых безумцев.

Все — все! — попрыгунчики без касок! без противогазов! Ужас! Кошмар!

Настоящий экстрим!!!

Комментатор трещит, не умолкая: «Высший класс! Настоящий профессионал! Запомните это имя — Энрике Гонсалес, Колумбия!»

Наблюдаю. Ага, четко парнишка действует. Толчок правой. Грэб двумя пальчиками. Интеллигентная отмашка ручкой — и два оборота с группировкой. В общем, УО! — да и только. Круто типа. Типа стайлово.

Следующий пошел: прыжок, туда-сюда, тьфу полнейшее — прям как новобранец на марш-броске. Нет, ну это никуда не годится! И вообще, слишком низко!

И...

«Не подфартило норвежскому спортсмену. Сам виноват. О, как ублюдочно он сковырнулся: твинтипы в стороны, кости наружу. Не повезло! Не повезло дурашке-неудачнику!»

Скандинав не шевелится: во лбу сквозняк от пулевой дырочки — работа отличного снайпера, шедевр, вдохновение. Надо же, в павильоне присутствует мастер, не иначе. И ему очень не понравилось выступление, он зол, он приятно неадекватен. Нет, ну, я же говорил, слишком низко!

На вершине спортсмены-камикадзе ждут своей очереди, багровые лица напряжены: желваки и морщины, и пот на щеках. Наблюдаю за попрыгунчиками в прицел гранатомета. В оптику замечательно видно: молоденький паренек в звездно-полосатых шароварах комплексует по поводу наших традиций и даже нервничает. Ага. Аутсайдер. Слабак. Ату его!

Разгон. Разворот в заднюю стойку за чуть-чуть до кикера. Толчок. Коленки к груди, вращение со смещением. Плечи раскрываются, американец ровненько приземляется, едва не угодив на растяжки. И это все?! Этот звездно-полосатый урод думает, что простенький невнятный прыжок сойдет ему с темляков и креплений?!

Похоже, не один я жажду сатисфакции. По американцу стреляют откуда-то с галерки восточного сектора — взрывается портативный миномет. Отличная игрушка, у меня точно такой же на кухне возле микроволновки пылится.

Мина плюхается в искусственный снег чуть впереди халтурщика, мгновенно погружается и громко взрывается, истрепав осколками юное тельце.

Комментатор лопочет, что, мол, нехорошо валить беззащитных спортсменов, неправильно это и некрасиво — примерно как бить маленьких девочек бейсбольными битами по невинным мордашкам. Он бы еще о христианских добродетелях вспомнил!

Вот теперь-то мероприятие становится значительно динамичней. Никто из попрыгунчиков не горит желанием отправиться в мир иной.

Молодцы!

...лучше всех воспарил и приземлился представитель ЮАР.

Церемония награждения мне — ну совершенно! — не интересна. Хватаю Лариску под остренький локоток. Спина к спине, прикрывая друг дружку, топаем к выходу. Лариска из «мини-узи» ласкает толпу разрывными гостинцами. С тех пор как меня бросила Надька, Лариска надежно прикрывает мой тыл. Напоследок швыряю гранату. Отступать нужно с шумом, пресекая малейшие попытки преследования.

По бронежилету текут эритроциты. Что за на?!. А, ухо оторвало. Ну, ничего, до реанимации заживет.

Скорее во второй ангар. Там тоже вроде какие-то показательные выступления.

Urban skiing. Ага. Тоже экстрим?

А то!

Лариска недовольно шипит.

А я проталкиваюсь поближе к полигону, смонтированному из железных труб, керамики и

полимерных щитов. Внимательно слушаю вопли комментатора.

«Уважаемые самураи! Господа офицеры! Сейчас спортсмен из Канады продемонстрирует вам фигуры высшего пилотажа! Обратите внимание на эти чудеса ловкости!»

Да уж, эффектно, впечатляет. Толпа безумствует — восторг, признание. Белобрысый гигант выделяет нечто невероятное. Он прыгает! — высоко! — через контейнеры утилизаторов радиоактивных отходов и скользит по причудливо выгнутым перилам. Приземляясь на рейл, канадец слегка приседает, амортизируя коленями. Канты как наждак зачищают рейл, кажется, что вот-вот из-под лыж полетит стружка — противный скрежет бьет по ушам похлеще ударной волны.

«Великолепно!»

Зрители ставят оружие на предохранители — высшая степень признания! — стягивают бактерицидные перчатки и рукоплещут. И я ставлю и тоже хлопаю в ладоши; что я хуже других или пацифист какой?

«Захватывающе!»

Блондинчик на мгновение зависает в воздухе. Блики ослепительной улыбки прошибают мои защитные светофильтры. И тут же канадец падает на заостренные куски арматуры, оттуда перепрыгивает на бензопилу, проскальзывает меж раскаленными струями металла.

И все это без бронежилета — шелковая майка на голом пузе да на ляжках штаны безразмерные! Ужас! Кошмар!

Настоящий экстрим!!!

Толпа не дышит.

Лариска тоже.

Комментатор щебечет о каких-то блайндслайдах и ноуз-прессах. В общем, ругается как прапорщик аэромобильных войск. А я...

А по мне стреляют. Попадают, естественно, в Лариску. Она недовольна, и ее можно понять: — Платье! Платье порвали, сволочи! Не прощу, контужу!

И завертелось. Хотели как лучше, а получилось не по-детски — таки поймал я очередь, что называется, кишечником. Ничего, до свадьбы заживет. Обидно только, что на соревнования по фуллконтактному фристайл-до Лариска меня не пустила.

— Федор, домой!

И поволокла к лимузину. Который всепогодный и повышенно проходимый. В прямом смысле поволокла. Взвалила на плечо — и вперед. А я как бы парень немаленький: сто кэгэ живого веса и никакого жира, сплошная кость без мозгов да мышца без прожилок. На мне еще и бронекомплект модный — три центнера с гирькой! Да навешано амуниции всякой, чтобы на пару суток автономного боя хватило и на салют осталось. Тяжело моей подруге, ой как тяжело...

Вот и закончился праздник.

Экстрим-шоу, эх.

Живут же люди! Индивидуальности! Испытывают себя, занимаются опасными видами спорта! Не то что некоторые вроде меня!

А теперь что? Известно что: ночь в реанимации перекантуюсь, а с утра, с понедельника то есть, опять быт и опять рутина. Убийства заказные, разборки всякие ядерные. Там наймешься повоевать, здесь в каратели завербуешься... Скучно, неинтересно, все как у всех, все как у людей. Изо дня в день одно и то же: кровь, вопли раненых, пыточные подвалы. Устаешь, как собака. Как волкодав. По кругу, цикл, чтоб его: работа — дом — работа. Каждого пятого к шведской стенке, да кто ж так насилует, дайте батьке помародерствовать...

Да уж, это не экстрим-шоу — это обычная жизнь, будни.

А Лариска, она... Она же киборг, ага. И губы у нее резиновые. Без подогрева. Потому и целоваться с ней... Н-да...

А куда деваться? Надо, Федя, надо...

Вячеслав Шторм

Холодное лето 2044-го

Глумливая сказка

И поставили его к стенке, и приказали:

«Ну, говори свое последнее желание!»

И ответил он: «Не убивайте меня, мужики... А?..»

В бункере стоял запах еды и патронов.

«А еще говорят, что деньги не пахнут!» — хмыкнул Лузер, поправляя на плече лямку рюкзака и жадно поводя носом. К сожалению, запах был хоть и манящим, но не сложным. Ни тебе желанных пряных ноток антибиотиков и благородной горечи спиртяшки в «сердце», ни уловимых лишь редким ценителем отголосков противогазных фильтров в шлейфе...

Как бы там ни было, а сумрачное, небритое лицо побиранца, украшенное восемнадцатью живописными шрамами, озарил робкий луч улыбки. Впервые с того момента, когда «берцы» Лузера оставили первый отпечаток в непролазной грязи Голимых болот.

С удовольствием прислушавшись к сладострастному похлупыванию смертоносного офисного планктона на чугунной двери бункера снаружи, побиранец щелкнул рычажком налобного фонаря.

«Ага! Таки да, патроны. Цинков сорок, — отметил тренированный глаз профессионала. — От „Калашникова“, вестимо. А там что в углу? Неужели...»

С ящиков в означенном углу с глухим рычанием взмыла корявая тень. Но Лузер в этот момент уже выдернул из наспинного крепления верные *уиллы* и упал на колено. Короткое древко — в пол, три отточенных лезвия — аккуратно под грудину зомбаку. Р-раз! С коротким хеканьем перебросив через себя издыхающую тварь и тут же забыв о ней, побиранец оперся на верное оружие и продолжил осмотр.

«Ага! Тушеночка! Разлюбезная моя тухлятинка довоенная! Всю бы сожрал, да бог велел делиться с ближним. Вот и поделюсь с заклятым другом-Снусмумриком. Он, падлюка рыжая, прямоходячая, звания честного побиранца не заслужившая, в прошлом месяце у меня целых три РГД-5 в карты выиграл и еще „Playboy“ заветный за март 2011-го — пускай теперь животом помается!»

В красках представляя себя сладостные картины мести, Лузер прошелся взад-вперед перед ящиками, нежно поглядывая на маркировку «Made in USSR». Русским он, конечно, был не вполне (о чем немало сожалел, особенно — выпив), зато твердо знал: если те делали что-то для себя, да еще во времена Предпоследней Империи — в качестве можно не сомневаться. Несколько незабываемых дней обидчику были гарантированы.

«Да и вообще, эти *тру рашнз* — уникальные парни! Конечно, именно благодаря им в конечном счете и произошел *Трындэй* (угадайте, кстати, кто словечко изобрел?). Но и в том, что человечество в конечном счете не вымерло напрочь, тоже немалая заслуга именно их. Взять хотя бы те же *уиллы*, — мозолистая ладонь побиранца, затянутая в тактическую перчатку, любовно огладила наверхие трезубца. — Кто его знает, отчего изготовить эту смертоносную для любого зомбака хрень не способен ни американский *smith*, ни немецкий *schmied*, ни французский *forgeron*, ни даже еврейский *פּוֹדֵל*, а только русский *коузнец*? Правда, иные говорят, что изготовить — это только полдела. А вот напитать металл особой витальной силой,

губительной для серой плоти зомбаков, заставить его рдеть ярко-алым безо всякого горна, одним только тихим, незлобивым словом... И вообще, они, говорят, даже в метро живут!»

Лузер покачал головой, вернул *уиллы* на место и принялся набивать рюкзак оружием возмездия, тихонько напевая:

...But some stupid with a flare gun
Burned the place to the ground.

Smoke on the water
And fire in the sky...

* * *

Так случилось, что Лузер оказался распоследним побиранцем на чертову прорву миль. С недавних пор все его братья во мародерстве рано или поздно начинали слышать Зов. Именно он, таинственный, загадочный и неумолимый Зов, настигал этих суровых парней, где бы они ни находились, срывал с места и гнал неведомо куда. Говорили — прямо к истокам речки Сподвыперти. Да-да, той самой, что по одной только причине — взрыву на ее берегах (устроенном, разумеется, *тру рашнз* и, разумеется, по пьяни) какой-то особо безумной пакости, — навсегда стала круче и Волги, и Нила, и самой Амазонки-матушки. Так вот, а оные, значит, истоки берут начало в Голимых болотах. Посреди которых, на малом острове, высится несокрушимое НПО «Биосвет». А вокруг-то, вокруг: и всевдоплотей, и лжетуш, и экс-тел и даже планктона офисного, всегнуслийшего — видимо-невидимо. Ну и зомбаки, понятное дело, куда ж без них? Во главе то ли с грозным Джорджромером, то ли с самим Увеболлом. И, значит, кто сквозь эти орды адские прорвется да на территорию НПО попадет, тот... А хрен его знает, что тот. Ибо никто еще не попал.

Лузер — хотя тогда он звался совсем не Лузером, а вовсе даже Виннером — был младшим в команде «Фо-ер»: лысый Хантер, мощный Грейдер, ушлый Швондер и он. Второй из вышеназванных молодцов (он же вожак команды) очень любил ворваться в какое-нибудь убогое поселение, патриотично расстреливая воздух из «НК МG4» и честно предупреждая всех воплем: «Achtung! Feuer!!». Смекалистые поселенцы тут же прятались, кто куда, не забыв оставить на видном месте алкоголь, закуску и баб посимпатичнее. Не жизнь, а сказка!

К сожалению, этой самой сказке в один прекрасный летний день, а точнее, ночь пришел конец: заснув среди друзей и побратимов, Виннер пробудился в одиночестве. Трое из четырех «ер» разом слышали Зов и убрили в радиоактивный туман, не сказав младшенькому последнего «Прости!».

Немного порывав и выпив за упокой мятежных душ все горючее, что нашлось в берлоге, за исключением топлива к бензопиле, Виннер неожиданно решил: «Стоп! Да неужто же я, крутой и матерый побиранец, буду сидеть и тупо ждать, пока этот пальцем деланный Зов мне мозги сквасит? Не-ет, пойду-ка я сам добровольно проклятый „Биосвет“ искать. Глядишь, что и получится! А чтоб не искушать понапрасну Судьбу-Злодейку — имя сменю».

Решив так, новоиспеченный Лузер нагрузился всем необходимым и решительно встал на след братьев. Тем более что на свежавыпавшем сереньком августовском снежке сапожищи Грейдера оставляли колею, вполне соотносимую с прозвищем владельца...

Скоро сказка сказывается, а радиация действует еще скорее. И все же к вечеру того же дня отважный побиранец, затупив бензопилу, погнув *уиллы*, расстреляв девятнадцать цинков и начав уже от отчаяния забрасывать разнообразную бункерную нечисть банками с тушенкой, пробился-таки к ОГРОМНОЙ ГЕРМЕ.

Герму эту украшали разные страшные знаки: радиационной, биологической и ментальной угрозы, «кирпич», портрет Кошмарной Овечки Долли и призыв неведомо от кого неведомо кому: «Остановись! Или будущее не наступит никогда!».

Лузер призыву дисциплинированно внял и остановился, заодно прикидывая, хватит ли оставшегося у него пластида, чтобы герму раскурочить. Ибо всеми фибрами побиранцевской души чуял: вот оно! Нашел!!!

А потом отважный побиранец заметил еще одну надпись и загрустил. Ибо была она сделана на языке *тру рашнз*, и даже не печатными буквами по трафарету, а весьма коряво вырезана на поверхности гермы чем-то острым. Кодекс же Побиранца недвусмысленно гласил: «Если не знаешь, что написано — не трогай! Ибо!». Не один и не два бродяги сложили буйны головы от голода, жажды и прочих напастей, отделенные от спасения лишь символической преградой с непонятными им письменами. Вот почему все побиранцы — чуть-чуть полиглоты, а читать их учат едва ли не раньше, чем стрелять и мародерствовать.

В общем, стоит Лузер у гермы проклятой, голову повесив, и вдруг слышит за спиной:

— А написано на двери вот что: «Тут вам, школота, не Монолит паршивый! Хотя и не заперто!».

Обернулся Лузер на голос, сочный да громкий, и обмер. Ибо стоял перед ним ОН.

Прометей Семецкий.

Великий, могучий, неистребимый. Тот, благодаря кому у могущественных Хозяев Зоны Евгеньича и Михалыча появилась любимая игра «Убить Семецкого — спасти Семецкого». Добывший по семь штук всех известных и еще невесть сколько неизвестных артефактов. Выживший в Эпоху Зомби, отразивший Атаку Зомби и чуть было не ввязавшийся в Войну Зомби, да вовремя передумавший, ибо. Да и печень, как ни крути, не казенная...

— Вас, юноша, как прикажете? — поинтересовалась живая легенда вполне дружелюбным тоном.

— Ви... Лу... — залепетал побиранец и вдруг, неожиданно сам для себя, выпалил: — Тедди. Мое имя Тедди, сэр!

— Что ж, Теодор, — хлопнув его по плечу, улыбнулся *мега-тру рашнз*. — Не пройти ли нам?

И они — прошли!

С той стороны гермы было причудливо. В комнате идеально квадратной формы по стенам до самого потолка громоздились стеллажи, а на них — самые могущественные артефакты. Лузер с первого же взгляда узнал:

Сердца (Дезертира, Зоны и Львиное);

Змееныша;

Холодную Кровь;

Песочные Часы;
Пулю-Квант;
Полный Котелок Патронов;
Череп Мутанта;
Детектор Лжи;
Пищевую Цепочку;
Бумеранг;
Штык;
Спираль;
Клеймо Зоны;
Клин;
Коня Бледного
и даже наводящий ужас
Помет Кондора!

В центре же комнаты на постаменте черного камня стоял большой круглый аквариум. В нем лениво бултыхалось нечто растрепанное и лупоглазое, тускло-желтого цвета. Пол кругом был усыпан серым и мелкодисперсным, на первый взгляд — пеплом. Толщина слоя серого и мелкодисперсного была такая, что люди погружались в него до середины щиколотки.

«Ага! Еще двое! — раздался голос в голове каждого из побиранцев. — Ладно уж, коли приперлись, сыграем».

— Во что это? — прищурился многообещающе Прометей.

«Известно, во что. В загадки. Я вам — загадку, вы мне — ответ. Угадаете — награжу. Ошибетесь... тоже награжу».

— А смысл?

«Увидите. Только чур вопрос слушайте внимательно, повторять не буду. Итак, чего вам, сапиенсы, для комфортной жизни необходимо позарез? Из того, чего вы сейчас не имеете, хотя и вполне могли бы иметь?»

Мгновенно проведя ревизию снаряжения, Лузер завистливо покосился на забитую аккуратно снаряженными магазинами и гранатами разгрузку Семецкого и протянул:

— Боеприпасец обновить бы...

— Стой! Чересчур прос... — начал было Прометей, но было поздно.

«Ага! — возликовала лупоглазая тварь, баламутя воду в аквариуме облезлым хвостом. — Неверный ответ! И он награждается...»

Откуда-то сверху аккуратно в темечко Лузера с треском ударила ветвистая молния. Миг — и храбрый побиранец со всем снаряжением осыпался на пол еще одной порцией серого мелкодисперсного вещества.

— Эх, Теодор! — вздохнул Прометей. Отчего-то *мегагру рашнз* был уверен: ни одно из находящихся в его распоряжении орудий не способно причинить ни малейшего вреда ни аквариуму и его обитателю, ни с лязгом захлопнувшейся герме. Даже Помет Кондора. А голос в сознании побиранца звучал, буквально сочась глумливым нетерпением:

«Твоя очередь! Вопрос помнишь? Цену знаешь? Валяй!»

И тогда Прометей Семецкий откашлялся и негромко проронил:

— Кого мне и впрямь не хватает, так это... пары десятков рыженьких.

«В смысле?»

— Девчонок. Люблю я их — страсть!

«Ага! Ответ неверный! И награждается...»

Вновь ударила молния. Но Прометей Семецкий как стоял, широко расставив могучие ноги,

так и продолжал стоять.

«Это как?» — судя по звуку, обитатель аквариума поперхнулся.

— Понятия не имею, — пожал плечами герой. — Это же твоя игра. Ну, так что там с наградой?

«Погоди! Давай еще раз!» — потребовал голос.

— Пожалуйста! Ответ: рыженькие девчонки. Пара десятков. Не меньше.

Прошла тягостная минута.

«Ответ неверный, — провозгласил голос; правда, теперь уверенности в нем заметно поубавилось. — Награждается...»

Как и следовало ожидать, вторая молния также не причинила герою никакого вреда.

«Нет, ну что за гадство?!» — голос зазвучал плаксиво, явно давя на жалость.

— А я знаю? — зевнул Семецкий. — Ну что, бог любит троицу? Ответ: девчонки. Рыженькие. В количестве, не меньшем двадцати крошек.

На этот раз голос молчал чуть ли не полчаса. За это время побиралец успел хозяйственно ополовинить содержимое полка, слегка закусить и даже устроить сеанс быстрого сна.

«Я все проверил. И даже перепроверил. Многократно! — В голосе звучала тоска пополам с отчаянием. — Ошибка исключена. Ответ — *неверный! А потому награждается...*»

После третьей молнии в целой и невредимой голове Прометей раздалились захлебывающиеся рыдания...

* * *

Снаружи бункера шел снег. Ничего прекраснее сгибающийся под тяжестью рюкзака с небывалым хабаром Лузер... Впрочем, нет, снова Виннер — после такого-то! — в жизни не видел.

— И все-таки я не понимаю, — говорил он, с обожанием поглядывая на своего великого спутника, выкупившего оживление товарища за аннулирование одной из трех наград.

— Что именно? — приподнял бровь Семецкий.

— Ну, если правильный ответ был «отмена *Трынды* и возвращения мира в последний день До», то почему?..

— Все очень просто, друг мой Теодор, — задумчиво покусывая сорванную на болоте травинку и время от времени сплевывая сочащийся из стебелька крайне смертоносный яд, отвечивал великий побиралец. — Дело в том, что я, должно быть, единственный, кто осознал и принял всем своим естеством очень простую вещь...

Прометей остановился, поманил к себе спутника, а когда тот приблизился вплотную, шепнул:

— Да кому мы с тобой нужны были в мире До? И самому этому миру? А? Ну вот то-то! А если мы ему не были нужны, то и сами без него как-нибудь обойдемся... Ладно, будь здоров! Было приятно. Может, когда-нибудь потом...

— И куда ты сейчас? — с трудом сдерживая слезы, поинтересовался Виннер.

Семецкий прищурился:

— Не имею понятия. Зато совершенно точно знаю — с кем!

А в снежной пелене августа 2044 года уже проступали силуэты бегущих к нему со всех ног четырех десятков рыженьких девиц...

В Зоне раннее утро, краешек солнца только показался над горизонтом. Птичьего чириканья не слышно в лесу, не треснет сучок под лапой мутанта. Мирное затишье — только на рассвете такое бывает.

Но чу! — трещат ветки. Кто осмелился нарушить утреннее безмолвие, когда даже часовые-монолитовцы на Радаре дремлют?

Из кустов лещины на поляну вываливаются двое. Один — мужичок под пятьдесят, плешистый, с красно-сизым носом, в драной «энцефалитке», на груди ремень «калаша». Другой выше его на две головы, молодой, в прохудившемся ватнике и стоптанных кирзовых сапогах, «калаш» он несет в руках. Звать их Стопка и Кирза.

— Все над нами смеются, — говорил Стопка, пересекая поляну и вламываясь в кусты на другой стороне.

— Ага, — Кирза мерил землю метровыми шагами.

— Посмотри на себя, весь обтрепался.

Молодой посмотрел и добавил:

— У меня приклад изолентой замотан. И в сапоге дырка.

— И у меня, — Стопка остановился на краю леса. Перед ними в туманной дымке стелилась болотистая равнина, из травы тут и там торчали обуглившиеся стволы. Вдалеке поднималась башня ЧАЭС.

Глядя туда, Стопка сказал:

— Надо попытать счастья в самом большом деле Зоны. — Он был неприятно серьезен и почему-то трезв. От осознания этого Кирза и сам протрезвел. — Судьба всегда была к нам жестока и несправедлива. Я хочу изменить это.

И он шагнул с холма. Кирза походулил за ним вниз по склону, спрашивая уже на ходу:

— Как это изменить?

— Балда! Мы идем куда?

— Я знаю, куда мы идем, — насупился Кирза. — К Исполнителю желаний.

— Во-от, — сказал Стопка. — Я там и загадаю. Чтобы нам, значица, счастье привалило. И везло всегда.

— Чего это вдруг? — не понял Кирза.

— Ты что, не веришь в наше счастье, молодой? — даже как-то обиделся старший. — Я, думаешь, не могу получить подарка от судьбы? Я столько страдал! С тобой вон связался... Чего ты вообще тогда со мной поперся? Вали назад, я и без тебя!..

Кирза боязливо оглянулся на строения Радара, торчащие из-за оставшегося позади леса.

— Не, чего же, я верю, — согласился он. — Вон, прошли же мы Выжигатель мозгов, и ничего. Значит, и нам повезти может, ага.

— Точно говорю. Я и не почувствовал ничего, когда мимо проходил. Башку только напекло малёха, да по ветерку быстро отпустило.

— Ага. Крепкие у нас, стало быть, мозги, водкой опаленные, куда там Выжигателю...

К ЧАЭС подошли уже вечером, уставшие, обляпанные грязью. Труба возвышалась над ними, словно полосатый господь бог. Кирза и Стопка остановились, задрали головы, разглядывая уходящую в облака громаду. Станция была обнесена бетонной стеной, поверху шли кольца колючей проволоки. Сталкеры проползли внутрь через пролом в стене и углубились в

путаницу коридоров.

Когда они оказались в высоком зале, где тут и там валялись обвалившиеся металлические балки, то остановились, дрожа от предвкушения. Там, впереди, горел неверный свет — да, это он, их цель! Исполнитель желаний!

— Слышь, а ты чего загадаешь? — спросил Стопка, облизываясь.

— Не скажу, — смутился молодой. — Ты смеяться будешь.

— Загадай, чтоб мы на поле артефактов попали, — предложил старший. — Я про судьбу и везуху буду думать, а ты про поле. Тогда мы точно на него попадем. Хабар сказочный загребем, разбогатеет, все нас уважать будут...

Сталкеры наперегонки бросились к Монолиту.

Кирза первый прошел сквозь странную колышущуюся пелену. И оказался в ярком солнечном дне. Перед ним расстился до самого горизонта поросший травой луг. Люцерна и мышиный горошек цвели, распространяя одуряющий аромат. И — о чудо! — повсюду в траве, словно ягоды земляники, висели артефакты. В руках у Кирзы появилось лукошко. Сталкер засмеялся. Не помня себя от радости, он бросился вперед и начал срывать сочные, спелые артефакты голыми руками, складывая в корзинку. День разгорался, солнце вставало все выше, светило все ярче, все ослепительней, свет застилал все вокруг, затем — вспышка!..

И Кирза сидит в полутемном баре, трясая головой. Он ничего не помнит, только смутные образы бродят в памяти, и грудь переполняет тоска о чем-то прекрасном, утерянном безвозвратно, навсегда.

Сталкер огляделся, напрягая зрение. Ба! Да это же бар Курильщика! Вон и сам он напротив, рожи недовольные корчит, морда красная, как всегда, и жилетка на пузе оттопыривается, прикрывая тэтэшник.

Тонкий писк привлек его внимание. Сталкер посмотрел налево. Рядом на стойке лежал плешивый мужичок в грязной «энцефалитке». Пиццало у него в кармане.

— Глянь сообщение уже! — бармен ткнул пьяницу в плечо. Плешивый поднял голову и обвел бар мутными глазами, затем полез в карман. Трясущимися пальцами вытащил ПДА. Экран треснул и не горел, но поперек него маркером было написано: «Убить Кирзу».

Молодой сталкер прочел надпись и почувствовал, что у него тоже трясутся руки. Поднял ладони — и обнаружил на правой похожую надпись. Только она гласила: «Убить Стопку».

— Че это? — спросил плешивый.

— Да вот, — молодой показал надпись.

— Что у вас, мужики? — Бармен посмотрел и присвистнул. — А ну-ка руки проверьте. Вот, значит, где вы были. Я подумал, просто упились, когда вас Цыган сюда полудохлых притащил. А вы, значит, к Монолиту ходили?

Сталкеры переглянулись. Молодой потряс головой, в которой еще шумели отголоски воспоминаний, быстро растворяясь в небытии.

— Ты же мой напарник? — уточнил плешивый.

— А ты мой, — кивнул Кирза.

— Это я тебя должен убить?

— А я тебя...

Рука Курильщика потянулась к тому месту на пузе, где выразительно оттопыривалась кожаная жилетка.

— Не начинайте стрельбу в баре, парни, на улицу шагайте, — предупредил он.

Плешивый и молодой смотрели друг на друга, заново узнавая.

— Ты Кирза?

— А ты Стопка, — согласился Кирза.

— Мы же вместе ходили? — допытывался Стопка.

— Ага, лет пять небось, а то и больше того.

— Это ведь тебя мне заказали?

— А мне тебя, ага.

— Так, парни, — опять вмешался Курильщик, — я повторю для тех, кто еще пока не вылез из танка: стрельба в баре запрещена.

Стопка провел ладонью по груди, нащупал ремешок «калаша», потянул и перетащил автомат со спины на живот.

— Из этого, что ли, пристрелить? — уточнил он.

Кирза кивнул:

— Из него стреляют. У меня вот это, — и показал свой «калаш».

Полное лицо Курильщика наливалось нездоровой краснотой.

— Мужики, я че, непонятно изъясняюсь? Ваши проблемы решайте...

— Убить тебя? — гнул свою линию Стопка, не глядя на хозяина заведения. — Молодого, зеленого, глупого?

— А мне аж на руке, чтоб уж точно увидел: убить Стопку. Старшего то есть, тебя, — и показал напарнику ладонь.

Курильщик вытащил пистолет и наставил на сталкеров.

— Так, танкисты! Я вызываю охрану. Если вы немедленно не уберетесь стрелять друг друга снаружи! Вы поняли, идиоты?! Вон, оба! Быстро!

Стопка наконец посмотрел на Курильщика, и глаза его были полны невыразимой грусти.

— Вот она, судьба-то... Опять обманула, падла.

— А теперь еще и подохнуть придется, — вздохнул Кирза. — Хотя... Эй, Курильщик, дай-ка стопку.

Курильщик свободной рукой неуверенно вытащил стаканчик, поставил на стойку.

— И перед смертью от водки не откажешься? — недовольно спросил он.

Стопка улыбнулся:

— А че, малой, у тебя башка-то варит! А ну сымай сапог!

Кирза стянул один, протянул напарнику. Курильщик сморщил нос и даже слегка попятился.

Стопка достал нож. Кирза поднял стопку. Сталкеры посмотрели друг на друга, кивнули:

— Давай!

Старший вонзил лезвие в сапог и раскромсал голенище. Курильщик не успел остановить младшего — тот с размаху хряснул стакан об пол. По пустому бару разлетелись стеклянные брызги.

— Э, вы что творите?! Ну, тупые!

— Вот так вот ей, судьбе этой! — Стопка отбросил и сапог, и нож. — Она нас обманула, а мы ее!

Кирза вторым сапогом наступил на осколки, с хрустом раздавил и показал им сверху неприличный жест:

— На тебе! Надули мы тебя!

Напряженно смотрящий на сталкеров Курильщик моргнул раз, потом другой. Рука с пистолетом невольно опустилась.

— И все?

— А хули ей еще?! Ну, теперь наливай! — велел Стопка.

Лицо Курильщика вдруг просветлело, он ухмыльнулся, засунул пистолет обратно и достал из-под прилавка полную бутылку водки.

— Повеселили, мужики! — ставя на стойку два стакана, заметил он. — Раз так, за счет заведения! — Он подумал, достал третий стакан и разлил. Стопка вздохнул:

— Ну, за судьбу!

Трое в пустом баре переглянулись, подняли стопки.

— И за нас! — добавил Кирза.

Николай Романецкий

Выкидыш

Вот не поверите, но, едва увидев перед собой этого стояка, я сразу просек, что у него муравьи в башке копошатся.

Хотя, как можно однозначно оценивать клиента, если он — всего лишь третий в твоей жизни?.. Особенно и сравнивать-то не с кем... Даже не по поведению, по внешности хотя бы...

Ну да ладно, как говорит Патлатый: «Нас не догонишь, мы — ходоки!»

Между тем стояк варезку открыл.

Ничего, впрочем, необычного:

Здрасьте-здрасьте, вас ведь Бурундуком зовут...

Ну да, Бурундуком нас зовут, привет-привет.

И сам продолжаю его изучать. Но уже засомневался.

Откуда у него муравьи в башке? С чего я взял?

Стояк как стояк. Мужик лет сорока. Прикид на нем нарисован закенный, но такие всегда одеты не по-нашему...

И вдруг просекаю: глазки у него какие-то блудоватые. Словно он изначально подсчитывает, что с меня можно поиметь...

Как будто неведомо ему! Как будто это не он искал возможность со мной встретиться, простатит ему в печенку, а исключительно я — с ним!

Ну да, мне оно, конечно, тоже надо, но деньги-то платит он.

Ладно, глазки глазками, а дело — делом!

— Есть работа, Бурундук... Не могли бы вы притащить мне кое-какую мелочь?..

— Конечно, могли бы! Коли уж этим зарабатываем на хлеб наш насущный... Только не «притащить», а «добыть»!

— Вот и хорошо, — говорит. — Добыть — так добыть... Только у меня к вам, Бурундук, просьба не совсем обычная.

А сам на тряпки мои зыркает.

Не нравятся они ему — сразу ясно.

Костюмчик-то на мне сейчас строго рабочий. Тряпье-грязье-обноски. Натуральные, конечно, из тех, что подобные вот ему стояки носят. Но мы-то рабочий костюмчик на свалке подбираем, когда такой прикид бывшие хозяева уже ни за какие коврижки на себя не напялят.

А нам — в самый раз! Ибо там, куда мы бегаем, в обычной одежде появиться — тут же и спалиться! А если спалился, простатит тебе в печенку, ни на минуту не удержишься, тут же выкинет назад. Без вариантов... А в таком вот прикиде топай себе да топай, ничей глаз на тебе не остановится. Там, куда мы ходим, подобно одетых граждан бродягами зовут. Либо бомжами. Так их Патлатый называет...

Но везде никто на тебя, «синяка», никакого внимания не обращает.

Главное, не соваться туда, откуда бомжей-бродяг гоняют. Ишаку не место в табуне лошадей, простатит тебе в печенку!..

Ну, я и не суюсь. Да еще и голоса не подаю. С немного меньше спрос. Откуда им знать, что немой-то — липовый?

— Мне надо, чтобы вы притащили мне книгу, Бурундук.

Я аж рот разинул:

— А это еще что такое?

Он тоже удивился:

— Вы не знаете, что такое книга?

— Нет.

Он самодовольно ухмыльнулся:

— Ну да... Откуда ж вам знать? Вы, таймловеры, — люди необычные.

В ответ я привычно под дурачка закосил. И не потому даже, что очень этот стояк мне не нравился. Просто нам положено всегда себя перед ними именно такими выказывать. Легче деловой разговор вести...

— Чего-чего мы ловим? Какой такой тайм?

У стояка аж физия перекосилась, а скулы скрипнули и туда-сюда заходили...

Однако он сдержался.

— Мне надо, чтобы вы словили... — он сделал ударение на последнем слове, — для меня книгу. А я вам за такую добычу тут же выкладываю двести кредитов!

Двести кредитов, ясен хрен, под ногами не валяются.

— Нет проблем, — говорю. — Только знать бы, как она выглядит, эта самая книга. На что хоть похожа?

— Ну, по форме она представляет собой прямоугольный параллелепипед. — Он снова с сомнением посмотрел на меня. — Коробку когда-нибудь видели?

— Нет.

Он даже руками развел и оглянулся в растерянности по сторонам, словно искал кого-то. Женщину, к примеру...

У стояков-то либида обычная. Им в сложное время женщины помогают.

А нам в сложное время рабочий костюмчик приходится носить постоянно, ибо когда у тебя сыграет либида — одному богу известно. Томление такое начинается внутри — хоть ты тресни! Стоякам в этот момент телка требуется. Для разгрузки, для здоровья, простатит им в печеньку!.. Ну а нам телки ни к чему, нас просто кидает. Организм такой. Говорят, до войны ничего подобного не было.

Ну да до войны много чего не было. Радиации, например, не имелось. И грязных пустынь. Зато много чего имелось. Чего теперь нет и что мы таскаем сюда по заказам таких вот богатеньких стояков.

— Не въезжаю, — говорю. — Но это не страшно. Вы мне нарисуйте, как эта самая книга выглядит. Увижу — узнаю!

Вот хорошо, что мы встретились на берегу Красавки! Песка тут кругом — с головой засыпаться можно...

Он глянул по сторонам, поднял валяющуюся неподалеку сухую ветку, обломал ее покороче — и давай рисовать.

Парал... ну, этот самый пипед у него получился закенно. Теперь хоть что-то стало понятно.

— Только имейте в виду, — сказал стояк. — Предметов такой формы там — пруд пруди. Но на книге должна быть картинка и буквы. Иначе это не книга.

* * *

Когда мы расстались, я немедленно рванул к Патлатому.

Тот пореже меня за добычей скачет, ибо в годах уже немалых, зато всякого стояка повидал. Да и из ходоков знакомых ближе всех ко мне живет. Кого и допытывать, если не его?

— Просят книгу, — говорю, — притащить. Тебе когда-нибудь такие штуковины

попадались?

Патлатый потер ладонью блестящую на солнце лысину.

— Может, — говорит, — и попадались. Да я на них внимания не обращал. У меня заказчиков, интересующихся такой мурой, никогда не было. Водку старинную просили добыть, украшения всякие, маленькие картины. То есть взяли бы и немаленькие, простатит им в печенку, да знают, что нам тяжести больше средней бутылки водки сюда не перебросить.

— Ну а вообще ты про них, книги эти, что-нибудь знаешь?

— Слышал, что именно война привела к тому, что они исчезли. Вроде бы удар должен был вызвать уничтожение электронной техники. А уничтожились в результате книжки. Так мне когда-то Хромец рассказывал. Он был мощнейший ходок — по молодости до четырех бутылок за раз перебрасывал. Но, по-моему, и у него книг никогда не просили.

— И ты ни одной этой самой книги не видел?

Патлатый мотнул головой:

— Может, и видел. Да только как узнаешь, что это именно книга! Я там всякие хреновины встречал.

— А где твоего Хромца отыскать можно?

— Нигде. — Физиономия у Патлатого скривилась. — Помер уже Хромец.

В общем, так я толком ничего и не узнал.

Придется на удачу надеяться — авось не обманет.

* * *

Бурундук шел по улице не таясь. Все равно никто не остановит и не прикопается. Ни грабитель, ни страж порядка. Что возьмешь с человека в подобном прикиде? Никому он не интересен.

Однако и слишком нагло вести себя не следовало. Иначе вернешься быстро и без добычи — время не терпит вмешательства в должное движение вещей. А ходок, лишившийся добычи по собственной глупости, — незаконный ходок.

Именно об этом не раз говорил Патлатый.

По виду улицы было трудно понять, в какой именно век он попал. Украшенные разноцветными огнями дома. Перекрестки, залитые то зеленым, то жёлтым, то красным светом. Блестящие четырехколесные машины, то останавливающиеся перед перекрестками, то стремительно проезжающие через них...

Машин было немного, ибо вокруг стояла ночь. Местные обитатели спали. А кто не спал, сидели в помещениях за столиками, отделенные от улицы большими разукрашенными стеклами. Дальние стены помещений были заставлены разного размера бутылками, и содержимое этих бутылок постепенно переключивалось в животы неспящих.

Ничего, похожего на книги, у неспящих не имелось.

Книги надо было искать в других местах.

И Бурундук топал дальше. Мимо мест, где ночевали не люди, а тряпки. Вдоль больших окон, сквозь которые виднелись четырехколесные машины, в боках которых, как в воде, отражалась улица и он сам.

Мысли его текли неторопливо.

Похоже, здешним стоякам книги вовсе не требовались. Им были нужны тряпки и бутылки, четырехколесные машины и какие-то непонятные механизмы разных цветов. Не зря этот мир, в конце концов, потерял книги. Чем не пользуются, то и теряется...

Странно другое — почему прежде никто прежде не заказывал добычу книги. Ни ему, Бурундуку, ни Патлатому...

Получается, вообще никому они не нужны? Тогда зачем вчерашнему стояку книга потребовалась? Что он с нею станет делать? Какая от книги ему будет польза?

Ответов на эти вопросы не находилось.

А потом он и вообще забыл про них. Потому что увидел книги.

Книг было много. Они ночевали за таким же большим окном, что и тряпки с машинами. Стояли на полках, приманивая взгляд яркими картинками.

Некоторое время Бурундук завороченно смотрел на них, потом спохватился.

Время-то уходило. В любой момент его могло выкинуть назад. Даже если бы он ничего не делал.

А делать — надо! Правда, при этом тоже может выкинуть. Но только в том случае, если твои дела станут времени поперек. Так, по крайней мере, утверждал Патлатый.

Поэтому мы навредить времени и не можем.

Да, надо торопиться!

Бурундук приблизился к прозрачной двери помещения, выворотил из земли камень, по которым тут ходили — камень по форме напоминал книгу, только был без разноцветной картинки, — и, зажмурившись, ударил углом по двери.

Посыпались многочисленные осколки.

Злодея не выкинуло. Правда, из помещения донесся мерзкий вой.

Теперь надо было еще больше торопиться!

Он разбил камнем еще одну прозрачную дверь, преграждающую путь, и пробрался в помещение.

Тут странно пахло. Однако запах был приятным.

Вот они, книги, стоят на полках. Сегодняшняя добыча ходока! Только и ждут, чтобы их кто-нибудь взял в руки.

И мы возьмем. Вот только которую из них?

Снаружи, на улице, тоже послышался вой. Он быстро приближался.

Бурундук уже знал, что он означает. В прошлый раз было так же, хотя он добывал тогда вовсе не книгу. Тогда он тоже прихватил бутылку — из похожих на те, чье содержимое перекочевывает в животы здешних неспящих.

Вой снаружи нарастал. Скоро тут появятся местные стражи порядка, и он останется без добычи. Позор такому ходоку!

Так что бегом — к ближайшей полке!

Вот они книги! Только какую же взять?

Книг было много — все полки заставлены. Разных размеров. Некоторые книги походили друг на друга, как две капли воды, — совершенно одинаковые картинки...

Между тем четырехколесная машина стражей порядка, мигая разноцветными огнями, с визгом остановилась.

Времени больше не было совершенно. Бурундук схватил ближайшую книгу и обернулся к разбитой двери.

Стражи порядка уже врывались внутрь помещения. С пистолетами...

— Руки в гору, козел вонючий!

Тут козла вонючего и выкинуло — время спасало своего любовника. Но — вместе с книгой. А значит, он не нарушил должного движения вещей.

Давешний стояк ждал меня там же, на берегу Красавки.

По дороге на встречу я засунул добычу в подходящее дупло. Так будет спокойнее.

Здрасьте-здрасьте, ну как, Бурундук, удалось?

Конечно, удалось, чтобы мне — да не удалось!

Он просиял.

— Ну и где, — говорит, — книга?

— Да тут, — говорю, — неподалеку... А где деньги?

Физиономия стояка сделалась каменной. Он похлопал себя по нагрудному карману:

— Баш на баш, Бурундук. Отдашь мне книгу, получишь кредиты. А чтобы у тебя глупые фантазии не завелись, у меня кое-что еще имеется.

И тащит из кармана пистолет.

Нет, вот правда, муравьи в башке...

Попробуй стрельни! Стражи недавно пытались.

Однако я вспомнил, что вокруг настоящее, а тут вам не там. Здесь не выкинет, спасая. Здесь, если о себе не позаботишься, сам в добычу превратишься, простатит тебе в печенку. Только в другую добычу!

— Зря вы так, — говорю. — У нас не принято клиентов обманывать.

Он понял, что перегнул палку, и убрал оружие. А вот деньги достал, показал.

— Идемте, — говорю.

Мы добрались до места.

Я вытащил из дупла добычу, протянул стояку:

— Вот ваша книга.

На лице его возникли торжественность и благоговение.

Он взял книгу в руки, осмотрел со всех сторон, погладил ладошкой, словно телку долгожданную.

Смешные они, эти стояки. Наверное, вещь из прошлого для них дороже собственной женщины.

Стояк отдал мне деньги и провел пальцем по буквам на книге.

— «Конфеты „Мишка на Севере“», — прочел он. — По-моему, мне бабушка когда-то рассказывала эту сказку.

Лицо его стало столь счастливым, что мне захотелось дать ему по башке. Кулаки сами собой сжались.

Но стояк исчез. Секунду назад был здесь, и нет его.

Вот только тут я понял, почему мне показались странными его глаза.

Не были они блудоватыми: просто стояк всю дорогу опасался, что сделает такое, из-за чего его выкинет.

И его выкинуло. Но, как и меня, — вместе с книгой. А значит, должное движение вещей не нарушено.

Книга была добычей этого мужика.

Потому что он — тоже ходок. Как и я. Только из времени, которое еще не наступило.

Андрей Буторин

Там, где не верят в чудо

Олег Константинович Брокалев не любил осень. Особенно позднюю — когда и листья уже облетели, и серо вокруг, и сыро, и зябко, и вообще носа из дому высовывать не хочется. Да и остальные части тела — тоже. Даже любимая работа Олега Константиновича в такие дни не радовала, а это случалось с ним настолько редко, что вполне могло считаться чудом, если бы не одно «но». А именно — в чудеса господин Брокалев как раз и не верил. Категорически и безапелляционно. Его жизненное кредо так и звучало: «Чудес не бывает!».

Олег Брокалев с юности обладал аналитическим складом ума, а потому, этим самым умом пораскинув, он нашел ему очень актуальное применение — открыл частное сыскное агентство, которое непосредственно и возглавил, придумав себе звучный псевдоним: Брок. На первый взгляд тут все казалось понятным: обычное сокращение фамилии-имени-отчества. Но не так все было просто, как не прост был и сам новоявленный сыщик. Ведь и название агентству он дал не простое, не какое-нибудь там «Брокалев и дочь» (о дочери чуть позже), не набивший оскомину «Лунный свет» или банальнейший «Сталкер», а вполне оригинальное, но без излишней вычурности, лаконичное и говорящее само за себя — «Бритва Оккама». Любому, увидевшему данную вывеску, должно быть понятно: здесь ценят лишь логику, безжалостно отсекая холодным клинком рассудка всевозможные фантазии, мистику и прочую антинаучную чушь. По крайней мере, так казалось самому Броку, псевдоним которого и являлся, собственно, сокращением названия агентства. Кстати, и брался сыщик только за те дела, которые изначально казались не просто необычными, но и вовсе даже сверхъестественными и фантастическими. Разгадать хитроумную загадку и выявить ее истинную, вполне объяснимую обычными реалиями сущность — вот что являлось основной целью сыщика Брока и приносило ему несказанное удовольствие. А если при этом оставался удовлетворенным и клиент, оно подкреплялось, как правило, не только морально.

Почему «как правило»? Да потому что Брок не кичился оказывать посильную помощь и вполне безвозмездно. Не только, разумеется, из чистой любви к процессу расследования, но исходя также из прочих обстоятельств. Во всяком случае, детям, старикам и беременным женщинам сыщик дарил свое искусство абсолютно даром. Иногда даже и не беременным. Женщинам, в смысле. Но это уже, скорее, в порядке исключения.

В такой вот промозглый осенний день и торопился сыщик Брок к родному агентству. Помимо нелюбимого времени года и отвратной погоды, настроение его было основательно подпорчено еще и тем, что «на пару дней», превратившихся уже в полторы недели, укатила к любимой маме супруга Ирина. Впрочем, само по себе это событие, возможно, и нельзя было назвать трагедией, если бы настоящая трагедия не разразилась нынешним утром в туалете Брокалевых, где унитаз, тоже, по-видимому, соскучившийся по хозяйке, стал извергать из себя зловонные мутные потоки, отнюдь не похожие на горькие слезы тоски. Утолить печали фаянсового «друга семьи» Броку самостоятельно не удалось, посему он отправил в агентство дочь Сашеньку, вызвал сантехника и до его прихода сражался с «рыдающим» толчком при помощи мусорного ведра, коим он черпал вонючие унитазные «слезы», прыгал к ванне, выливал их туда и так же, прыжком, возвращался к исходной точке. Он повторял данную процедуру столь долго, что практически довел ее до автоматизма, и когда наконец-то пришел сантехник — все норовил оттолкнуть мастера и по привычке сунуть в унитаз ставшее родным до сладостной

боли ведро.

И вот теперь Брок опаздывал на работу. Хотя он сам и являлся главой «Бритвы Оккама», а посему нахлобучку за опоздание получать ему было не от кого, все равно нарушать трудовой распорядок Олег Константинович не любил. Да и мало ли к чему это могло привести... Ну и что из того, что в агентстве сейчас находилась Сашенька? Ей всего-то восемнадцать лет. К тому же учиться пошла не на юриста, а стыдно не то чтобы сказать, но и подумать — на программиста!.. Вот уж воистину блондинка!

Вспомнив о «предательстве» дочери, Брок окончательно расстроился. Единственное, что его в данной ситуации слегка утешало, что в свободное от учебы время помогать ему Сашенька не только не прекращала, но, похоже, и впредь не собиралась этого делать. Да и выбор специальности она объяснила отцу достаточно аргументированно: мол, в двадцать первом веке без компьютеров никуда. В том числе и в сыском деле. А много ли существует программ, облегчающих работу сыщика? Вот то-то же!.. Потому, дескать, и решила она обучиться этой нелегкой премудрости, чтобы создать такую программу своими руками. Точнее, умом.

Справедливости ради стоило признать, что уже сейчас дочка весьма умело использовала в агентстве компьютер. Во всяком случае, все базы данных, связанные с их прошлыми и текущими делами, создавала и поддерживала исключительно Сашенька, сам же Брок освоил лишь Word с Excel'ем, да и то на уровне не особо продвинутого пользователя.

Когда Олег Константинович вошел наконец в агентство, Сашенька мерила офис быстрыми нетерпеливыми шагами. Заслышав звякнувший над входной дверью колокольчик, она на мгновение замерла и тут же, размахивая руками, бросилась к отцу.

— Папа! Ну почему ты так долго?! Совести у тебя нету!

— Ты хочешь сказать, я виноват в том, что наш унитаз прорвало?! — складывая зонт, возмутился Брок.

Сашенька слегка умерила пыл, но извиняться и не подумала.

— Во всяком случае, ты им пользуешься куда чаще нас с мамой, — нашла она сомнительный аргумент. Да еще и развила его: — И дольше.

— Потому что я там, так сказать, не только... это самое... но еще и читаю... — начал было оправдываться сыщик, однако быстро опомнился и затряс сложенным зонтом, орошая офис и дочку веером брызг: — Но-но-но! Не доросла еще, чтобы указывать отцу, сколько ему, как говорится, того-этого!.. Ишь!..

— Ну, раз не доросла, — защищаясь от брызг ладошками, надулась Сашенька, — тогда сам новое дело распутывай. А я в библиотеку пошла, реферат писать.

— Какое новое дело?.. — радостно встрепенулся Брок. Клиенты не навевались в агентство уже больше недели, что являлось, кстати, еще одной причиной плохого настроения сыщика. — И какая библиотека?! А интернет, как говорится, на что? И вообще, реферат тебе сдавать только через месяц, сама хвасталась. А ну быстро выкладывай, что за дело? Клиент приходил? Кто такой? Как зовут?

— Клиентка, — ехидно прищурилась Сашенька. — Симпатичная, между прочим. Блондинка. Крашеная, правда. И пока не извинишься, ничего я тебе больше не скажу.

— Это я должен извиняться?!.. — от изумления вновь зачем-то раскрыл над головой зонт сыщик и обескураженно заморгал, буквально потеряв дар речи. — Так-так-так-тааак...

— Ну, если хочешь, я могу извиниться, — поняв, видимо, что слегка перегнула палку, решила пойти на попятную девушка и сделала книксен. — Прости, папа. Ее зовут Хельга. Хельга Стар.

— Кого?.. — прекратил моргать Брок. Подняв глаза, он увидел раскрытый зонт и нахмурился. Вновь сложил его, убрал в чехол и, подойдя к вешалке, повесил на крючок. Вслед

за зонтиком туда же последовали шляпа и плащ. — Кого зовут Хельга Стар? Сколько раз я просил тебя не говорить загадками!

— Так клиентку же, папочка! — всплеснула руками Саша. — Крашеную блондинку!

Сыщик Брок насторожился и повел носом, будто принюхиваясь. У него определенно сработал детективный рефлекс.

— Она стала блондинкой после, так сказать, покраски, или наоборот?

— После. А это имеет значение?

— Александра! — поднял Брок палец. — В нашем деле имеет значение любая мелочь! И, как говорится...

— В общем так, папа, — поспешила прервать Сашенька зарождающуюся тираду. — Я приняла у нее заказ.

— На покраску волос?.. — заморгал сыщик.

— Нет. На поиски вора. А заодно и украденной им шляпки. Можно только шляпки. Или только вора. Похоже, она в него втюрилась.

— Александра!.. — опустившись в рабочее кресло, поморщился Брок. — Выражайся яснее! Все-таки шляпки или вора? — Он положил перед собой на стол раскрытый блокнот и занес над бумагой остро отточенный карандаш.

— Я лишь повторяю то, что сказала клиентка, — тоже села за рабочий стол Сашенька. — Ей и шляпки жалко, и вора хочется.

— Но-но-но! — погрозил карандашом сыщик. — Молода еще, как говорится, о таких вещах рассуждать!

— Хельга?.. Да ей уже больше тридцатника!

— Ты! — нацелил Брок карандаш в дочку. — Тебе еще и девятнадцати нет. И пока не закончишь университет, никаких, так сказать, «хочется»! Ишь!..

— Папа, ты несносен! — вспыхнула Сашенька и вскочила с кресла. — Все! Я на самом деле ухожу в библиотеку!

— Лучше бы в монастырь... — буркнул под нос сыщик и замахал на дочь руками: — Ладно, ладно, не гоношись! Это я так, прости. Мысли вслух, как говорится. Могла бы уже и привыкнуть... Давай, продолжай о деле. Какие-нибудь подробности клиентка сказала? Ты потрудились записать ее показания?

— Да какие там показания! — фыркнула Саша. Она продолжала дуться, но в кресло все же вернулась. — Из туалета выскочил верзила в противогазе и кожаном комбинезоне, схватил с вешалки новую шляпку и опять заскочил в туалет.

— Из туалета?.. — вспомнив утреннюю битву с унитазом, вздрогнул Брок. — В туалет?.. А почему в противогазе? Там что, тоже что-то прорвало?.. — Он вдруг охнул и сокрушенно замотал головой: — Как же мне самому не пришла в голову эта идея?..

— Папа! — стукнула кулачком по столу Сашенька. — Ты о чем?!

— О противогазе, конечно, — торопливо заговорил Брок. — Ты не поверишь, какая там была вонища! А ведь у нас где-то завалился противогаз... Помнишь, я пугал тебя, маленькую, Фантомасом?.. — Сыщик раздосадованно хлопнул ладонями по коленям: — Эх, где же твой вор был раньше?!

— Он вовсе не мой, — буркнула Саша. — И тебе бы лучше подумать, где он находится сейчас.

— Зачем? — удивился Брок. — Наш унитаз уже починили.

— Папа! Очнись же ты, наконец! Я говорю о воре, который украл шляпку Хельги Стар!

— Так-так-так-тааак!.. — затряс головой сыщик. — Что-то я и впрямь, как говорится... Значит, ты утверждаешь, вор вышел из туалета в противогазе... А может, это был вовсе не вор, а

обычный сантехник?..

Брок внезапно замолчал, уставившись в одну точку, а потом вскочил с кресла и замахал руками, словно готовящийся к взлету винтовой самолет пропеллерами:

— Эта Хельга больная! Сексуально озабоченная! Немедленно прекрати с ней общаться!!!

— Папа, да с чего ты взял? — округлила глаза Сашенька. — И как я могу прекратить с ней общаться, если это наша клиентка?

— Она нам никакая не клиентка! — продолжая крутить «пропеллерами», затопал Брок, словно и впрямь готовился к разбегу. — Мы не работаем с больными! А она именно такая, потому что одетые в кожу и противогазы сантехники — это явное извращение! — Сыщик вдруг замер и, побледнев, прошептал: — Она не предлагала тебе принять участие в этих оргиях?..

— Папа, — заплакала Сашенька, — ты иди лучше домой. Ляг, поспи. По-моему, ты переутомился сегодня с унитазом...

— Ага! — подпрыгнул сыщик. — Вот ты себя и выдала! Я уйду домой, а ты сразу побежишь к развратнице Хельге и ее кожаным сантехникам!..

— К ней побежишь ты! — разгневанно, будто и не плакала только что, воскликнула Сашенька и протянула отцу тысячерублевую купюру. — Потому что Хельга Стар все же наша клиентка. Вернее, твоя, потому что с этой минуты я у тебя не работаю.

— А... у кого работаешь?.. — растерялся Брок.

— Ни у кого, — сунула ему в ладонь деньги Саша и, помахав папе ручкой, направилась к вешалке с одеждой. — Успехов в труде и в личной жизни!

— Стоп! — за неимением белого флага, замахал синеватой купюрой сыщик. — Я сдаюсь! Ты меня не так поняла... И ты ничего не сказала о задатке... Ведь это задаток, да? Я, так сказать, прав?..

— Ты, так сказать, хитер, как я не знаю кто! — расхохоталась вдруг Сашенька.

— Почему? — поняв, что опасность схлынула, заулыбался и Брок. Однако он и впрямь не понял, отчего дочь заподозрила его в хитрости.

— Да потому, что если я соглашусь, что ты прав, то автоматически окажусь неправой сама. А если скажу, что ты не прав — тоже сойду, потому что эти деньги и впрямь задаток Хельги Стар.

К деньгам Брок относился с уважением. Но и свои принципы он уважал тоже. А потому с грустью и затаенной надеждой в голосе спросил:

— Но разве в этом деле есть какое-нибудь чудо? Ну, подумаешь, сантехник!.. Пусть даже в противогазе... Ты ведь знаешь, что я берусь только за те дела, из которых, так сказать, торчат уши чудес, которые я потом безжалостно обры... разоблачаю!

— Папа, не надо пафоса, — поморщилась Сашенька. — Я от тебя все это уже слышала тысячу раз. И ты напрасно переживаешь, чудо есть. Ведь этот вор, или, как ты его называешь, «сантехник», потом просто-напросто исчез.

— Так ты же сказала, что он в туалете заперся!

— Ничего он не запирался! Он заскочил в туалет, и больше оттуда не выходил. А когда через час туда заглянула Хельга, тулик был пуст.

— Так он что, в унитаз смылся, этот сантехник? — хихикнул Брок, но тут же посуровел: — Так-так-так-тааак!.. Это и впрямь, так сказать, пахнет чудесами... И пахнет довольно-таки дурно. Пожалуй, я возьмусь за это дело.

К дому клиентки отец с дочерью шли под одним зонтом, Сашенькиным, — свой Брок нечаянно оставил в агентстве и теперь всю дорогу ворчал, что дочка специально о нем не напомнила, чтобы позлить несчастного папу. А еще он бубнил и в адрес заказчицы, к которой

приходится переться по дождю и холоду. «Хельга Стар!.. — кривил Брок в сарказме губы. — Ишь!.. Небось на самом-то деле какая-нибудь Ольга Звездилькина!»

А когда дверь обычной квартиры в обычной панельной девятиэтажке им открыла обычная, солидных лет тетка, сыщик и вовсе расстроился. «Ты же говорила, что она симпатичная и тридцатилетняя!» — чуть было не упрекнул он Сашеньку вслух, но все-таки удержался, решив, что обязательно сделает это позже, да еще и урежет ей премию — за дезинформацию.

— Так-так-так-тааак!.. — шагнув за порог, вместо приветствия протянул Брок. — Так это вы, так сказать, Хельга?

— Оля! — обернувшись, крикнула тетка. — Это к тебе! Пожилой господин с девочкой.

— Что?! — в унисон воскликнули отец с дочерью. Брок собрался завопить: «Да я моложе тебя, старуха! Мне еще и пятидесяти нет!», а Сашеньке, которая терпеть не могла, когда ее обзывали таким словом, вообще захотелось повторить сейчас подвиг Раскольников. Но, взяв себя в руки, они так же, дуэтом, выпалили: — Мы частные сыщики! — А Брок еще на всякий случай добавил: — Лицом к стене, руки за голову!

Но тетка уже убралась из прихожей, а вместо нее там вскоре появилась и впрямь недурная собой блондинка возрастом вряд ли сильно больше тридцатника. Впрочем, на вкус Брока, она все-таки была чересчур худой и плосковатой, а ее тонкие, надменно поджатые губы ему не понравились вовсе.

— Да-а? — оценивающе разглядывая сыщика, жеманно протянула дамочка, но, узнав Сашеньку, мигом сменила тон и выражение лица. — Ой! Вы, наверное, господин Брокалев?

— Брок, — сухо ответил тот. — Просто Брок.

— Хельга, — с явным намеком на лобзание сунула ему под нос ладонь блондинка.

Однако сыщик намек проигнорировал и всего лишь пожал руку. А затем достал из нагрудного кармана пиджака блокнот с карандашом и приготовился записывать.

— Может, вы сначала разденетесь и пройдете в комнату? — заволновалась хозяйка квартиры. — Там нам удобней будет беседовать. А мама пока приготовит чай. Или вы предпочитаете кофе?

— На работе не пью, — отрезал Брок. — И вообще, так сказать, мы не для того вас вызвали.

— Папа, это не мы ее... — зашептала ему на ухо Сашенька, но сыщик решительным жестом отодвинул дочь и, занеся над блокнотом графитовое острие, вперился взглядом в клиентку.

— Фамилия? Имя? Кличка? Пол? — словно ругательства, начал выплевывать он вопросы.

— Кличка? — удивилась дамочка. — Пол?.. Это вы о Пупсике, что ли? — И обернулась к проходу в комнату: — Пупсенька, иди скорей сюда, с тобой дяденька хочет познакомиться! — А потом, умильно улыбаясь, перевела взгляд снова на Брока и любовно пропела: — Во-о-от, это Пупсик. Кобель!

— Да как вы смее! — подпрыгнул сыщик, размахивая блокнотом. — Не вам, как говорится, судить!.. Даже родная жена — и то...

— Папа!.. — дергая отца за рукав, зашипела вдруг Сашенька. Другой рукой она настойчиво тыкала в направлении пола, куда и перевел наконец взгляд сыщик.

Перед ним, высунув розовый язык, стояло плюшевое, в умильных складочках, чудо.

— Шарпей!!! — по-детски восторженно взвизгнул Брок. — Вы не поверите, это настоящий шарпей! Сашенька, Хельга, смотрите! — Сыщик наклонился к морщинистой псине, и та лизнула его в руку.

— Так вы тоже любите собак? — заулыбалась растерявшаяся было Хельга.

— Не всех, — признался пунктуальный сыщик. — Но вот этих... Ишь ты мятенский какой, даже глазок не видно! Этих определенно люблю.

— Вот!.. А тот, в противогазе, обозвал его «слепой собакой»! — поджала губы дамочка. — Такой brutальный мужчина, а славного, милого Пупсика испугался.

— Как он его назвал?.. — выпрямился и снова достал блокнот с карандашом Брок.

— «Слепой собакой». Выскочил из туалета, заозирался кругом, увидел на вешалке мою новую шляпку, назвал ее «артишоком», схватил, а потом Пупсенька в прихожую выбежал. Тот его как увидел, сразу заорал: «Слепая собака! Слепая собака!», и в туалет снова — шмыг!

— А, простите, звука спускаемой воды вы после этого не слышали? — поинтересовался сыщик.

— Не слышала. Мне вообще не до этого было. Я испугалась. И расстроилась. И обиделась!..

— Да-да-да, — закивал сыщик. — Серьезный удар по нервной системе. Тройной, так сказать. Как одеколон, если вы еще помните те времена. Вы не поверите, у меня был один случай...

— Папа!.. — прервал воспоминания Брока тычок Сашиного локтя в бок. Сыщик, почти не сделав паузы, переключил разговор в новое русло:

— Потрудитесь объяснить, гражданочка, что такое артишок!

— А я откуда знаю?.. — вылупила на него глаза Хельга Стар.

— Артишок — это растение такое, — подсказала Сашенька. — Похожее на чертополох.

— Ваша шляпка была похожа на чертополох? — принявшись размашисто чиркать в блокноте, спросил Брок у дамочки.

— Ну, знаете!.. Моя шляпка — эксклюзив, я две зарплаты за нее отдала! — фыркнула та и, вздернув нос, отвернулась. А потом буркнула: — И вообще, он говорил через противогаз, я плохо расслышала. Может быть, он сказал не «артишок», а что-то наподобие... Да-да! Я вспомнила! Он сказал: «Арти... фак!» — Дамочка выбросила вверх средний палец, едва не угодив Броку в глаз.

Сыщик отпрыгнул, заслонив собой Сашеньку, и завопил, густо при этом краснея:

— Да как вы можете! Что вы, так сказать, себе позволяете при ребенке!

— Папа, я не ребенок!.. — пискнула прижатая к стене отцом Саша.

— Для меня ты всегда ребенок, — шмыгнул носом Брок. — Вот появятся свои дети, тогда ты поймешь!.. — Но тут он опомнился и завопил пуще прежнего: — Но только после окончания университета! И только от законного мужа! И только после того, как мы с мамой...

— Умрете?.. — выкарабкалась наконец из-за его спины Сашенька.

— Типун тебе на язык! — подпрыгнул сыщик. — После того, как мы с мамой благословим, как говорится, ваш брак.

— Может, вы вернетесь наконец к делу? — оборвала родительские наставления Хельга.

— А судьба моей дочери, по-вашему, не дело?! — возмущенно обернулся к ней Брок, но тут же, очухавшись, встрепенулся и принял прежний деловитый вид. — Итак, где тут у вас туалет?

— Папа! — ахнула Сашенька. — Ты что, потерпеть не можешь?!

— Да при чем тут это! — опять покраснел сыщик. — Я собираюсь, так сказать, осмотреть место преступления!

Хозяйка квартиры молча указала на одну из дверей, за ручку которой тут же ухватился Брок, потянул ее на себя и стремительно вдруг захлопнул.

— Вы что, фотографии там печатаете? — спросил он. — Предупреждать нужно!

— Папа, тебе плохо?.. — заволновалась Сашенька, а Хельга Стар, устав уже, видимо, удивляться поведению сыщику, честно начала отвечать:

— Нет, мы там пи... — Но тут ладонь Брока стремительно зажала ей рот. А когда, немного выждав, он ее нерешительно отнял, дамочка продолжила: — И ка... — На сей раз ее рот

оказался запечатан уже двумя ладонями.

— Папа! — рассерженно топнула ножкой Саша. — А ну, прекращай этот цирк! При чем здесь какие-то фотографии? Ты что, сам не знаешь, что обычно делают в туалете?

— Ты не поверишь, — смутился Брок, — но в детстве я увлекался фотографией. А печатать снимки нужно было при красном свете. Обычно я это как раз в туалете и делал. Он у нас, правда, был совмещенным.

— Но здесь-то где ты увидел красный свет? — потянула за туалетную ручку Сашенька, однако, как до этого и отец, быстро захлопнула дверь. — Ой! Там и правда красный!..

— А я что говорил! — обрадовался Брок. — Приятно, говоря откровенно, узнать, что в век, так сказать, цифровых технологий, кто-то еще по старинке шуршит пленками...

— Ммм!.. — судорожно вдруг замотала головой хозяйка квартиры, рот которой по-прежнему был плотно зажат ладонями сыщика. Он быстро убрал их, и Хельга, отдышавшись, выпалила: — Да ничем мы там не шуршим, кроме... — она покосилась на дрогнувшие и начавшие уже подниматься броковские руки, оборвала себя на полуслове и сказала: — В общем, такой свет был там и тогда, когда оттуда выскочил этот... брутальный... в противогазе.

— А когда заскочил назад — тоже красный? — вновь начал чиркать в блокноте сыщик.

— Вроде бы тоже красный... Или желтый...

— Или зеленый! — саркастически хмыкнул Брок. — У вас там прямо регулируемый перекресток, как я погляжу. — Затем он поманил пальцем Сашеньку и сказал: — Так, доченька, живо иди в туалет.

— Я пока не хочу, — смутилась та.

— А не все по охотке делается, — нахмурился сыщик. — Считаю, что это приказ вышестоящего начальства.

— Но я и правда не хочу! — вскинулась Саша. — Даже по приказу не сумею.

— А чего там уметь-то? — удивился Брок. — Зашла, осмотрела, вышла и доложила. Тут даже программистом быть не надо, — не удержался он от подколки.

— Ах, ты это имеешь в виду!.. — залилась отчего-то румянцем Сашенька.

— Ну да... А ты что, думала, я и впрямь тебя фотографии печатать заставлю? — засмеялся сыщик.

Саша благоразумно не стала пояснять, что она думала, но выполнять отцовский приказ отчего-то не спешила.

— А почему, собственно, я? — спросила она. — Сам-то иди да осматривай! Или боишься? Считаешь меня менее ценным сотрудником?..

— Ну, если, как говорится, смотреть с этой точки зрения, — опустил глаза сыщик, — то, в общем-то, да... Впрочем, погоди! — Брок встрепенулся, нашел взглядом шарпея и призывно засвистел: — Фью-фью-фью! Пупсик! Иди, дам колбаски!

— Откуда у тебя колбаска? — удивилась Сашенька.

— Он ест только «докторскую»! — вскинулась Хельга Стар.

Но пес уже подбежал к Броку, и сыщик, ловко схватив его, распахнул дверь в туалет и зашвырнул туда недоуменно твякнувшую животинку.

— Папа, ты изверг! — вскричала Сашенька и, вытянув руки, ринулась следом за песиком.

— Я бы попросил!.. — взметнул Брок ввысь указательный палец. — Сам академик Павлов, так сказать...

Однако довести до завершения мысль ему не дали. С воплем: «Убийца! Убийца!» опомнившаяся хозяйка несчастного шарпея замолотила по спине сыщика кулаками, отчего тот, оступившись от неожиданности, полетел головой вперед в излучающий кровавое сияние дверной проем отхожего места.

Сначала Броку показалось, что он угодил в клюквенный кисель — тело погрузилось во что-то густое, податливо-вязкое, глаза заволокло багровой пеленой, сквозь которую не было видно даже кончика собственного носа.

«Вот уж прорвало, так прорвало, — было следующей мыслью сыщика, — не то что у меня утром!» Впрочем, он тут же понял, что ни о какой сантехнической аварии здесь речи идти не могло. Во-первых, красная субстанция ничем не пахла. Во-вторых, кроме того, что сам ее цвет был для такой ситуации не совсем к месту, так она еще и светилась. Это едва не привело Брока к ложной версии о пожаре, если бы обволокшее его вязкое сияние внезапно не пропало, а сам сыщик не повалился во что-то зеленое и мягкое, показавшееся ему похожим на обычную, не очень густую и слегка пожухшую траву.

При падении Брок непроизвольно зажмурился, а в следующее мгновение почувствовал, как по его губам и щеке провели чем-то шершавым и мокрым.

— Ай!!! — завопил сыщик, вскакивая на ноги и разлепляя глаза. — Тьфу! Тьфу! Тьфу!!!

Первое, что ему пришло в голову, так это что его принялась охаживать сырой и грязной половой тряпкой разгневанная Хельга Стар. Но повертев головой, никакой Хельги — ни гневной, ни благодушной он поблизости не увидел. Неподалеку сидела лишь — и вправду в траве! — и таращила на него глаза дочь Сашенька да вертелся, вывалив розовый язык, шарпей Пупсик.

Догадавшись, что именно пес и облизал его этим самым языком, Брок прекратил плевать и сказал:

— Так-так-так-тааак!..

— Что «так-так-так», папочка?.. — дрожащим, испуганным голосом отозвалась Сашенька. — Где мы?!..

— А... разве не в туалете? — вновь завертел головой Брок.

— Если и в туалете, то в очень большом... — всхлипнула дочка. — Давай лучше вернемся!

Вокруг и впрямь было чересчур... просторно. Если бы сыщик не знал наверняка, что зашел в обычный сортир обычной квартиры, то подумал бы, что находится сейчас в чистом поле под открытым небом. Мало того, невдалеке начинался вполне настоящий на вид лес, а небо было затянуто мрачными низкими тучами, грозящими вот-вот разразиться дождем.

— Давай-ка двинем вон туда, — с тревогой глянув на это неприветливое небо, показал Брок в сторону деревьев; сказать «к лесу» ему помешало некое предубеждение, вроде того, что, назвав вещи своими именами, он «закрепит» их в реальности, а поскольку в чудеса сыщик не верил, то никакого леса в реальности быть попросту не могло.

— А разве дверь там?.. — захныкала Сашенька. — Она же где-то здесь, рядом...

— Где именно? — развел вокруг руками Брок. — Где? А?.. То-то же.

— Что значит «то-то же», папа? Что?! Она здесь! Нам просто чудится, что ее нет! И все остальное нам тоже только чудится. Наверное, мы надышались какой-нибудь гадости, и сейчас... это... галлюцинируем...

Сыщику Броку нелепое объяснение дочери неожиданно понравилось. Во всяком случае, оно отрицало наличие чуда. И потом, ведь они и впрямь угодили в тот дурацкий красный «кисель» — наверняка он и вызвал у них галлюцинации. Другое дело, откуда он взялся в туалете гражданки Звездилькиной... или как ее там... Стар? Впрочем, его мог распылить тот самый вор-сантехник, чтобы замести следы преступления!

Броку так понравилась эта гипотеза, что он тут же в нее безоговорочно поверил.

— Молодец, доченька! — сказал сыщик. — Из тебя, как говорится, и впрямь скоро получится настоящий сыщик.

— Программист!.. — всхлипнув, буркнула Сашенька.

— Ну хорошо. Сыщик-программист. Но это, так сказать, потом. Чуть позже. А сейчас давай закроем глаза и пошарим вокруг в поисках двери. Как только нащупаешь — сразу тяни за ручку и выскакивай.

— Толкай.

— Кого? Тебя?.. Зачем?

— Да не меня, а дверь! Она наружу открывается.

— Вот, и наблюдательность у тебя на высоте, — вновь похвалил Брок Сашеньку. — Из тебя точно хороший детектив выйдет.

— Про...

— ...фессиональный, — закончил за дочь сыщик. — Не спорю. Давай теперь проверим твои, так сказать, розыскные способности. Закрывай глазки и ищи дверь.

Однако приступить к поискам двери отец с дочерью не успели. Шарлей Пупсик, только что крутящийся у них под ногами, тревожно залаял откуда-то издали — разглядеть, откуда именно, мешала густая в той стороне трава. Впрочем, уже в следующее мгновение Брок и Саша смогли очень даже ясно рассмотреть отлучившуюся псинку, ибо несчастный шарпей, сменив лай на истошный визг, стремительно взлетал к хмурому небу.

— Собаки летят, — вздохнул Брок. — Вот и осень.

— Папа! — вскрикнула Сашенька. — Что за чушь ты несешь?! Пупсик же сейчас разобьется! — И девушка, сердито махнув на отца, побежала в ту сторону, где, по ее расчетам, должен был приземлиться по-прежнему отчаянно визжащий летающий объект, который и в самом деле пошел уже на снижение.

— И никакая это не чушь! — обиженно выкрикнул сыщик в спину удаляющейся дочери. — Такой мультик есть. А Пупсику твоему туда и дорога, из-за него мы, собственно, и вляпались в это... как говорится...

Но Брок тут же вспомнил, что на самом деле ему все это только кажется, а потому отвлекаться на ерунду больше не стал. Вместо этого он закрыл глаза и, вытянув руки, принялся кружить на месте, разыскивая дверь. Он был бы рад сейчас найти даже унитаз — во всяком случае, тот бы послужил неплохим ориентиром. В конце концов, на него можно бы было присесть и слегка отдохнуть, поскольку от неожиданных переживаний ноги сыщика начали предательски дрожать.

— А ну, стой! — раздался вдруг чей-то взволнованный окрик. — Там же «Карусель», не видишь, что ли?!

— Карусель, карусель, начинает рассказ... — отчаянно фальшивя, запел Брок. — Тоже, между прочем, из мультика... — Но тут до него дошло, что кричала определенно не Сашенька — голос был хоть и женским, но точно не ее.

«Не многовато ли народу набилось в этот чертов туалет?» — неприязненно подумал сыщик и открыл глаза.

От леса наперерез его дочери мчалась одетая в черное фигура. И в тот самый момент, когда Саша умудрилась-таки поймать падающего шарпея, человек в черном, не успев, а, скорее, даже и не собираясь тормозить, врезался в девушку и сбил ее с ног.

Брок наконец не выдержал.

— Это уже, как говорится, форменное свинство! — воскликнул он и побежал к месту «аварии». — Обижать мою родную кровиночку я никому не позволю! Ну, кроме себя... И Ирины.

Разумеется, никакая это была не Ирина. «Да и откуда бы взяться супруге в чужом туалете?» — подумал Брок.

В траве, пытаясь подняться, барахтались Сашенька и незнакомая девушка. На последней были надеты черная кожаная куртка с капюшоном и заляпанные грязью джинсы. Капюшон от падения слетел с головы, и сыщик разглядел короткие светлые волосы незнакомки — почти такие же, что и у его дочери. Это обстоятельство его почему-то успокоило.

Рядом с барахтающейся парочкой кружился, подпрыгивая, вполне живой и невредимый Пупсик. Пес звонко и радостно лаял, забыв уже о своем недавнем полете и принимая, видимо, происходящее за веселую игру.

Броку внезапно тоже стало весело. Но совсем ненадолго. Поскольку он вдруг увидел лежавший в траве автомат Калашникова. Это сыщику определенно не понравилось. Но еще больше ему не понравилось то, что белокурая незнакомка, встав наконец на ноги, быстро подняла с земли оружие и навела его на Брока.

— Руки! — дернула она стволом.

— Вот, — вытянул к ней ладони Брок.

— Вверх! — последовал новый окрик.

— А!.. — понял, что от него хотят, сыщик и тут же выполнил приказание. Однако не преминул спросить: — А зачем вы это... на меня, так сказать?..

— Затем, — буркнула девушка, которая, на взгляд Брока, оказалась вполне симпатичной: ровный, с легкой горбинкой нос, яркие, хоть и без следов помады, губы, выразительные серые глаза, округлый овал подбородка...

— Папа!.. — будто сквозь туман услышал Брок негодующий возглас дочери. — Ты чего на нее так уставился?! Я маме скажу!

— Молчать! — тут же перевела незнакомка ствол автомата на Сашеньку, которая, оказывается, тоже успела подняться на ноги. — А ну, живо к нему! Встать рядом и не вякать, пока я не разрешу.

— Ой, да кто ты такая, чтобы мне чего-то разрешать?! — не обращая внимания на автомат, глядящий зрачком дула ей прямо в живот, поперла на обидчицу Саша. — Я даже у папы с мамой не всегда разрешения спрашиваю!

— Вы знаете, — торопливо заговорил Брок, — она, в общем-то, права. Очень непослушный ребенок!.. Вы уж, так сказать, в нее не стреляйте, а то совсем рассердится, и уж тогда...

— Ты тоже молчи! — быстро перевела на него ствол автомата девушка. — Кто вы вообще такие, мать вашу?! Что вы делаете в Зоне?

— А-а-ааа... как я буду отвечать, если вы просите молчать?.. — осторожно спросил сыщик. — И опустите, пожалуйста, автомат, вдруг он выстрелит... С оружием, знаете ли, такое порой случается. Вы не поверите, но у меня был один случай...

— Я не прошу, а приказываю! — гневно бросила незнакомка, опустив, впрочем, ствол «калаша». — И сейчас я приказываю тебе заткнуться, а потом отвечать только на мои вопросы.

— А чего это ты моему папе «растыкалась»?! — грозно подбоченилась Сашенька. — Он тебя вдвое, как минимум, старше, между прочим!

— Саша! — возмущенно затряс по-прежнему поднятыми руками Брок. — Да что ты такое говоришь?! Я если и старше нашей милой собеседницы, то совсем на чуть-чуть!..

— Ага, лет на двадцать пять, — фыркнула дочка. — Какая фигня!

— А это и на самом деле, так сказать, фигня! — обрадовался Брок. — Это сейчас, может, наша с ней разница в возрасте слегка заметна, но когда мне будет сто, а ей семьдесят пять — никто и не скажет, что я ее старше.

— Интересно, — прищурилась Сашенька. — Ты что это, уже собрался жить с ней до ста лет? А мама? Или ты решил с ней развестись?.. В таком случае, знай: ты мне больше не отец!

Бледная от гнева дочь отвернулась от Брока, а светловолосая незнакомка, которая, впрочем,

натянула уже на голову капюшон, разразилась вдруг непристойной бранью. А потом дрожащим от возмущения голосом спросила:

— Вы с какого дурдома сбежали, клоуны? Так вроде бы ближе Киева тут и дурки-то нет.

— Позвольте с вами не согласиться, — вежливо улыбнулся сыщик. — До Киева от нас больше тысячи километров, если не все две, и я более чем уверен, что на таком протяженном пространстве дурдомов, как вы изволили выразиться, наверняка хватает. Во всяком случае, два-три отыщутся точно. Если вам интересно, я поищу сегодня в интернете адреса и отзвонюсь. Вы только телефончик оставьте...

— Я так больше не могу!!! — отшвырнув автомат, завопила, прижимая к ушам капюшон девушка. — За-мол-чи-и-иите-е-eee!..

— По-моему, она тоже из дурки сбежала, — мстительно посмотрела на отца Сашенька. — Вы будете прекрасно смотреться вместе.

— Ты правда так думаешь? — зарделся Брок.

Неизвестно, чем бы закончилась эта словесная перепалка, но тут опять послышался быстро затихающий собачий визг. Синхронно обернувшись, отец с дочерью увидели, что Пупсик вновь устремляется к небу.

— Наверное, в прошлой жизни он был птицей, — мечтательно дернул бровями сыщик, — его так и тянет ввысь!..

— Ты ведь не веришь в реинкарнацию, — с сарказмом усмехнулась Саша. — Это же чудо!

— Конечно, не верю, — опомнился Брок. — Это я так, образно.

Однако дочка его уже не слушала — она снова умчалась ловить четвероногого летуна.

— Первый раз в жизни вижу существо, — сказала выкатившая в изумлении прекрасные серые глаза незнакомка, — которое не только уцелело после «Карусели», но и еще раз в нее полезло!.. Вы и правда откуда такие? Не пришельцы, часом?

— Все мы в своем роде пришельцы, — философски заметил сыщик. — Разница лишь откуда, зачем и куда. Кстати, а как вас зовут?.. Меня Олегом.

— Я — Анна, — буркнула девушка. — Но вы так и не ответили на мой вопрос: кто вы такие и откуда?

— О, только не называйте меня на «вы»! — взмолился сыщик. — Ведь вы уже говорили мне «ты»... И, пожалуйста, разрешите опустить руки. Затебли, знаете ли...

Кто они такие и откуда Брок с Сашенькой, перебивая друг друга и отвлекаясь на ловлю норовившего в очередной раз сбежать к полюбившейся «Карусели» Пупсика, рассказали Анне за «обедом», который решила устроить уставшая от причуд новых знакомых девушка. В ее рюкзаке, который, перед тем как мчаться на выручку к Сашеньке, она сбросила с плеч возле леса, оказались пара банок тушенки, полкольца колбасы и полуторалитровая пластиковая бутылка воды. Была там еще и бутылка водки, но выпить Анна не предложила, чему отец с дочерью ничуть не огорчились, хоть поначалу, увидев спиртное, Брок и потер в предвкушении руки.

После сбивчивого, невероятного рассказа сыщика и его помощницы Анна нахмурилась и выдала:

— Никакой это не туалет. Это Зона. А тот парень, что побывал у вашей клиентки, вовсе не вор и не сантехник, а сталкер. Его здешнее прозвище — Матрос, а «в миру» его зовут Сергеем.

— Фот фак? — усмехнулся дожевывающий колбасу Брок. — Фы фто, фофе фыффик?

— Чего?.. — заморгала, уставившись на него, Анна.

— Папа сказал: «Вот как? Вы что, тоже сыщик?» — «перевела» Сашенька.

— Никакой я не сыщик. Но я — тоже сталкер, как и Серега. А знаю я его потому, что это —

мой муж. Правда, мы еще не расписаны, некогда пока, но вместе мы уже больше года, так что в своих словах я уверена.

Брок заметно погрузстнел и, проглотив наконец колбасу, сказал:

— А чего это ваш Матрос к нашей клиентке «матросить» полез? Так сказать, налево погуливает?..

— Щас как дам в лоб! — замахнулась на сыщика Анна. — Мой Серега меня одну любит. И я его. Так что еще одно слово на эту тему услышу — и...

— Хорошо-хорошо! — отодвинулся за спину дочери Брок. — Совет вам, как говорится, да любовь! Я только хотел выяснить, что он делал в туалете у гражданки Звездиль... в смысле, Стар? И почему вы так уверены, что там был именно он? Вы что, тоже там присутствовали? Так сказать, инкогнито?

— Во-первых, — сказала Анна, — раз уж ты просишь, чтобы я тебя называла на «ты», — тоже ко мне на «ты» обращайся, сталкерам «выкать» не принято. Во-вторых, меня там с Серегой не было. А в-третьих, я уверена, что это был именно мой муж, потому что только ему удастся в прошлое шастать, у него будто чутье на «Времянку», она его так и притягивает, зараза!..

— Кто такая Времянка? — спросила Сашенька.

— Что еще за прошлое?! — почти одновременно с ней выпалил Брок.

— «Времянка» — это такая аномалия. Здесь, в Зоне, навалом этой дряни. Вот, «Карусель» вы уже видели — она того, кто в нее попал, начинает бешено вращать, а потом выпуливает. Обычно уже одни ошметки. Как ваш волкодав дважды уцелел — ума не приложу! Но и остальные аномалии — не сахар. Одни на части разрывают; другие — поджаривают до угольков; какие-то — почву под тобой размягчают, и ты тонешь в ней, как в болоте... В общем, перечислять долго можно. А «Времянка» — самая редкая из них. Она в прошлое человека забрасывает. Ну и пространственное отклонение создает. Вот Матрос в них почему-то все время и вляпывается.

— Постой, но при чем здесь прошлое? Мы ведь не в прошлом, — нахмурилась Сашенька.

— Нет, конечно, — усмехнулась Анна. — Я — в настоящем. Ну а вы, получается, в будущем.

— Никакого будущего не бывает! — завопил, вскакивая на ноги, Брок. — Это антинаучно! И ты ведь не станешь говорить, что сейчас трехтысячный год?

— Не стану. Сейчас — две тысячи двадцать второй.

— Никаких двадцать вторых годов не бывает! — замахал руками сыщик. — Ты фантастики перечитала!..

— А это — тоже фантастика? — подняла пустую банку из-под тушенки и бросила ее Броку Анна.

Тот поймал жестянку и, отодвинув ее на расстояние вытянутой руки, стал читать вслух:

— «Свинина тушеная». Ага, как же, как же — самая настоящая фантастика! Ну прямо братья Стругацкие! Пикник, как говорится, на обочине. Кстати, — задумчиво наморщил лоб сыщик, — сталкеры — это тоже, мне помнится, оттуда...

— Тебе правильно помнится. Ты дальше читай. Внизу, где «дата изготовления».

— «Дата изготовления», — послушно прочитал Брок, а потом, прищурившись, попытался еще дальше вытянуть руку. Но рука не вытягивалась, и тогда он протянул банку дочери: — Ну-ка, а ты что на это скажешь?

— На что? — спросила Сашенька.

— На то, что там написано.

— А что там написано?

— А ты что, читать не умеешь?

— А по-моему, папочка, это ты не умеешь. Вернее, не можешь. Потому что у тебя уже возрастная дальноркость, а ты все очки не выпишешь. Стесняется он, видите ли! Молодится все, хорохорится!..

— Александра!.. — подпрыгнул Брок. — Да какая еще возрастная... эта самая!.. Мне просто соринка попала... — ожесточенно принялся он тереть кулаком глаз.

— И во второй? — ехидно прищурилась Саша.

— И во второй! — задействовал оба кулака сыщик. — Тебе, я смотрю, не на программиста, а на окулиста надо было учиться идти... И вообще, ты читай давай! Ишь!..

— «Дата изготовления, — хмыкнув, стала читать Сашенька, — седьмое одиннадцатое две тысячи семнадцатого. Срок годности — три года»... Погоди, — из-под нахмуренных бровей глянула она на Анну. — Если ты говоришь, что сейчас двадцать второй, то эта тушенка уже два года как просрочена! Ты чем нас накормила?!.

— А я сама, что ли, не ела вместе с вами?! — возмутилась Анна. — Подумаешь, два года! Для Зоны это — тьфу!.. Радиация в любом случае вредней, чем тушенка.

— Рад-д-диация?.. — побледнев, съежился Брок. — Здесь что, еще и радиация?!

— А по-твоему, Чернобыльская Зона — это Елисейские Поля? — с горечью усмехнулась Анна.

— К-к-какая еще Ч-ч-чернобыльская?.. — еще сильнее съежился и даже присел сыщик. — Нет-нет-нет! Мне все это только кажется! Я надыхался ядовитого «киселя»!..

Сашенька тоже заметно побледнела. Однако восприняла новую информацию более стойко. Но тоже засомневалась в ее правдивости.

— А ты не гонишь? — хмуро глянула она на сталкершу.

— Не имею такой привычки, — фыркнула та.

— И про Серегу своего не соврала? — прищурилась вдруг Сашенька. — То, что он не вор?

— Я, по-моему, предупреждала... — сжала кулак Анна.

— Ты его предупреждала, — мотнула головой на отца Саша, — а не меня. И ответь мне тогда, если твой Серега не вор — зачем он спер шляпку?

— Какую еще шляпку?

— Наша клиентка сказала, что тот человек, из туалета, украл у нее новую модную шляпку.

— Зачем Сергею шляпка? — заморгала Анна.

— Вот уж не знаю! Может, он тебе ее хотел подарить.

Спор девушек был прерван жалобным собачьим визгом.

— Пупсик!.. — завертела головой Сашенька. — Ты где?!

— Стой на месте! — подняла руку Анна. — Я сама.

Сталкерша начала осторожно пробираться между деревьями в сторону собачьего поскуливания.

— Давай уйдем, пока ее нет!.. — зашептал все еще сидящий на корточках Брок. — Мне она что-то не нравится...

— А по-моему, совсем недавно она тебе очень даже нравилась! — не удержалась от подколки Саша.

— Я не знал, что она способна на такую ложь, — поднялся на ноги сыщик. — Двадцать второй год! Чернобыль! Зона какая-то! Аномалии! Просроченная тушенка!.. Давай уйдем!

— Без Пупсика я никуда не пойду, — буркнула Саша. — И потом, куда идти-то?

— Домой! Куда же еще?

— А где он, дом?

Ответить Брок не успел — вернулась Анна. Несчастливого, дрожащего шарпея она несла на руках.

— Что с ним? — бросилась к песику Сашенька.

— В «Зыбь» угодил, — ответила сталкерша. — Это когда земля под ногами размягчается и засасывает, как болото, я рассказывала. Едва успела вытащить. По-моему, у вашего Пупсика нюх на аномалии. Непонятно только, зачем он в них лезет, если чувствует. У него с мозгами все в порядке?

Саша хотела ответить язвительно и даже грубо, но вспомнила, что девушка только что спасла собаку — возможно, даже рискуя при этом жизнью, и промолчала. Тем более с Анной заговорил слегка уже отошедший от испуга Брок.

— Анна, — сказал он. — Я все равно, конечно, не верю, что мы сейчас в какой-то там Зоне, да еще и, так сказать, в будущем. Чудес, как говорится, не бывает. В лучшем случае, я лежу сейчас на полу в чужом туалете и брежу.

— А в худшем? — не удержалась от вопроса Сашенька.

— В худшем — в реанимации, и это — мои предсмертные видения. Не мешай, а то умру и не успею спросить!.. Так вот, — вновь перевел он взгляд на Анну. — Наша клиентка сказала, что твой так называемый муж... Хорошо, просто муж!.. Так вот, он якобы назвал ее шапку артишоком. Тебе это ни о чем не говорит?

— Шляпку, папа! — поправила отца Саша. — И не артишоком, а... артефактом...

— Может, артефактом? — нахмурилась вдруг Анна. — Ну да, наверняка артефактом!.. Дело в том, что после каждой аномалии остаются артефакты. Такие предметы, обладающие разными чудесными свойствами...

— Чудес не бывает! — воскликнул Брок.

— Да я и сама знаю, что не бывает! — огрызнулась Анна. — Зона — не то место, где верят в чудо, здесь каждый надеется лишь сам на себя. Но у артефактов и впрямь свойства чудесны... необычные. Скажем так: неизвестные еще науке. И продать их можно — порой очень даже недешево. Собственно, мы, сталкеры, как раз и занимаемся поиском и продажей этих самых артефактов. И Сереге давно хотелось узнать, что же за артефакт скрывает эта его любимая «Времянка»? Вот он, видать, и принял вашу модную шляпку за артефакт.

— Она не наша! — дуэтом воскликнули отец с дочерью.

А потом Сашеньке кое-куда захотелось, причем очень сильно. Поскольку отец увлекся разговором с Анной о фасонах дамских шляпок, она ничего ему говорить не стала, а просто отошла за ближайшие кусты. И наткнулась на мужчину. Тот был одет почти как Анна — в такую же черную кожаную куртку и джинсы. Вот только его одежда была изорванной и выпачканной в чем-то красновато-бурым. «Наверное, неаккуратно пил томатный сок, — подумала Сашенька. — Очень-очень много сока... И очень-очень неаккуратно». Ей пришла в голову и еще одна ассоциация, но она была столь неприятной, что девушка ее тотчас отвергла.

— Здравсьте, — сделала Сашенька книксен. — А вы кто? Сталкер? Вы, случайно, не Сергей? А меня Саша зовут. Мне уже восемнадцать, вы не думайте! Мы тут с папой, но это ничего, он у меня, в общем-то, добрый. И если я поставлю его перед фактом, то никуда он не денется...

Однако мужчина ничего ей не ответил. У него было такое выражение лица, словно он вовсе не слышал, что ему говорят. Да и само лицо незнакомца Саше чрезвычайно не понравилось — зеленовато-бледное, в отвратительных коростах, из-под которых сочилась желтая слизь... А еще от него пахло. Очень плохо от него пахло. Как от тухлой рыбы. От огромной тухлой рыбины в жаркий июльский полдень! Даже, наверное, хуже.

Но больше всего Сашеньке не понравилось, что мужчина сжимал в руках автомат. И не просто сжимал, а медленно, но неотвратно поворачивал его ствол на нее.

— Ай!.. — попятилась девушка. — Ну зачем вы так сразу? Я ведь ничего такого, просто хотела познакомиться... А!. Вы, наверное, женаты, да? Так бы сразу и сказали... Вы, наверное,

точно Сергей, муж Анны, — очень уж вы друг другу подходите... Ай!!!

Сашенька увидела, что палец сталкера лег на спусковой крючок, а ствол автомата смотрел ей теперь прямо в грудь. В левую.

И тогда она побежала. Не разбирая дороги, сквозь кусты, царапая ветками лицо и руки и не замечая этого.

Сзади послышались выстрелы. Судя по звукам, стреляли сразу из двух автоматов. Сашенька замедлила бег. Затем выстрелы стихли, и она вовсе остановилась, но возвращаться не спешила. С той стороны, откуда она прибежала, раздался лай. Он приближался. А вскоре из-за кустов показался и сам Пупсик, который, завидев Сашеньку, радостно взвизгнул и ринулся к ней напрямик через небольшую поляну. Однако добежать он успел лишь до ее середины, а потом, испуганно взвизгнув, стал вдруг медленно, словно маленький дирижабль, подниматься в воздух.

— Ой! Ты опять в аномалию попал! — запричитала Сашенька и принялась бегать вокруг парящего на высоте около трех метров шарпея, опасаясь к нему приближаться, чтобы не воспарить самой. Наконец она остановилась и сказала псу: — Подожди, Пупсичек, сейчас я приведу подмогу.

Идти назад ей было очень страшно: а ну как вонючий сталкер убил ее папу и Анну, а теперь поджидает ее? Но и Пупсика ей было очень жалко, и в конце концов жалость пересилила страх.

Но возвращаться ей почти не пришлось. Не успела Сашенька сделать и с десятков шагов, как наткнулась на спешащих к ней навстречу отца и Анну.

— Ты жива! — с распростертыми руками метнулся к ней Брок.

— Ты жива... — вздохнула Анна — облегченно или, наоборот, обреченно, Саша не поняла.

— И вы живы!.. — прохрипела сдавленная папой девушка. — А где... тот?..

— Зомби?.. — равнодушно уточнила Анна. — Я его того... упокоила.

— Так это был зомби? — удивилась вырывающаяся из отцовских объятий Саша. — А я-то еще думала, чем это от него так пахнет? А выходит, им же самим. Ведь зомби — это трупы, да?

— Только живые. И очень опасные, — подтвердила сталкерша.

— Никаких зомби не бывает, — завел свою старую песню Брок.

Однако развить тему ему не дали. Сашенька вспомнила наконец о шарпее.

— Там Пупсик!.. — запричитала девушка. — Он опять попал в аномалию!

— Почему-то я совсем не удивлена, — хмыкнула Анна. — В какую на сей раз? Его раздавило, поджарило или вывернуло наизнанку?

— Он... летает. Точнее, уже просто висит в воздухе. Знаете, как дирижабль над Москвой в кино про войну. Только ниже.

— А! Ну, это «Лифт», — зевнула Анна. — Одна из немногих абсолютно безвредных аномалий. Ничего, пусть повисит. Так даже лучше, под ногами болтаться не будет.

— Да уж, — покачал головой Брок. — Это не Пупсик, это, так сказать, просто Покрышкин какой-то! Или Коккинаки.

— Сам ты кака-няка! — обиделась за любимившегося ей шарпея Сашенька.

— Ты чего? — вытаращился на дочь Брок. — Коккинаки — это же знаменитый советский летчик-испытатель! Неужели ты не знала? Чему вас, как говорится, учат только?

— Папа, я не в авиационном вузе учусь! Неужели ты не знал? — не удержалась от подколки Сашенька.

И тут она вспомнила, что так и не сделала того важного дела, из-за которого отходила в кусты. А сделать это было нужно уже вовсе. Срочно и непременно! Иначе...

— Я сейчас!.. — подпрыгнув, бросилась Саша к ближайшим кустам. И снова увидела за ними мужчину. Он был в черном кожаном комбинезоне и в противогазе.

Сашенька вдруг поняла, что кустики ей больше не нужны...

— Ай!.. — завопила она, кидаясь назад. — Ай-яй-яй!!! Там зомби!!! Стреляй скорей, Анечка!!!

Анна вскинула автомат и нацелила его на куст, из-за которого до этого выбежала Саша. Она уже начала давить на спусковой крючок, как над кустом взметнулись вдруг машущие руки:

— Анненька, милая, не стреляй, это я, твой Сергуня!

— Тьфу ты, — опустила автомат Анна и гневно зыркнула на Сашеньку: — Из-за тебя чуть вдовой не заделалась! — Затем, приглядевшись внимательно к Саше, поманила ее в сторону, достала из рюкзака запасные джинсы и повела девушку переодеваться за те же самые кусты, откуда выходил уже мужчина в противогазе.

Анна на ходу чмокнула его прямо в маску, и мужчина направился к Броку.

— Сергей, — протянул он руку. — Муж Анненьки. Я вижу, вы с ней уже познакомились.

— Так-так-так-тааак!.. — не ответив на приветствие, подпрыгнул сыщик. — Так вы и есть, так сказать, тот самый сантехник?!

— Какой еще сантехник? — прогудел из-под маски мужчина. — Я сталкер!

— Вы вор, батенька! — заложив за спину руки, прищурился Брок. — Вы украли у гражданки Звездуйкиной шляпу! Зачем вы украли у нее шляпу? А?.. Признавайтесь сразу, пока я вас не прищучил вескими, так сказать, доказательствами!

— Не надо меня доказательствами, — заволновался мужчина. — И я не знаю никакой Звездуйкиной... И шляпа мне ее не нужна, у меня, вот, своя есть, — хлопнул он по обтянутой резиной макушке.

— Допустим, вы не знаете Звездуйкиной, — продолжал щуриться Брок. — А фамилия Стар вам о чем-нибудь говорит?

— Говорит, — кивнул сталкер. — Это барабанщик из «Битлз». Ринго Стар. Правильно?

— Неправильно. Стар — это и есть, так сказать, обокраденная вами Звездуйкина... В смысле, не Звездуйкина, а как раз именно Стар. У которой была шляпа. Стар — это Стар, понятно вам?

— Непонятно, — замотал головой сталкер Сергей. — То Стар, то Звездуйкина, то шляпа какая-то... Вы сами-то себя понимаете?

— Ой, вы не обращайтесь на папу внимания, пожалуйста, — раздалось со стороны кустов, из-за которых как раз выходила переодетая в сухие джинсы Сашенька, следом за которой шла Анна. — Он иногда говорит такое, что даже мне непонятно. А ведь я его почти девятнадцать лет знаю.

— Ему неинтересен твой возраст, — буркнул сыщик, — у него есть жена. К счастью.

— К твоему? — ехидно прищурилась Саша.

— И к твоему тоже. К нашему, обоюдному, так сказать.

— И к маминому.

— А Ирустик-то тут при чем? — растерянно заморгал Брок.

— Я тебе потом скажу, — прошипела Сашенька, — наедине.

— Вот только не надо угрозы! — затряс пальцем сыщик. — Шантаж — подсудное дело! И вообще, не мешай мне, я занят допросом подозреваемого в краже шляпы.

— Анненька!.. — прогудел сталкер, повернувшись к жене. — Ты-то хоть объясни ему, что я не крал никакой шляпы!

— А где ты, кстати, был? — спросила в ответ та. В голосе Анны не прозвучало ничего хорошего.

— Я?.. — растерялся Сергей. — Я сначала во «Времянку» провалился. И ты представляешь, наконец-то добыл ее артефакт! А потом пошел в «БАР», чтобы сдать хабар.

— И как? Сдал?

— Сдал, — замылся вдруг сталкер. — Все, кроме этого артефакта. Почему-то меня из-за него высмеяли. Эти пьянчуги-наемники принялись его подбрасывать и стрелять по нему.

— А ты?

— Ну, а что я? Смотреть, что ли, буду? Тоже пострелял маленько...

— По наемникам?

— Ну, их все-таки семеро было... По артефакту.

— Все с тобой ясно, — вздохнула Анна. — Он сейчас у тебя?

— У меня, Анненька, конечно у меня! — обрадовавшись, снял рюкзак сталкер. Порывшись в нем, он достал дырявую красную тряпку с торчащим из нее обломком пера.

— Это... артефакт?.. — прыснула в ладошку Анна.

— Это... шляпка?!.. — эхом откликнулись отец с дочерью.

— Это артефакт... — смущенно загудел из-под маски Сергей, но запнулся, помолчал и произнес едва слышно: — А вы думаете... шляпка?.. Неужели я и впрямь совершил кражу?..

— Неумышленную же! — воскликнула Сашенька. — Не переживайте, Сережа! — Девушка дотронулась до руки сталкера; хотела ее, видимо, погладить, но тут же получила звонкий шлепок по ладони, обожглась о пронизывающий взгляд Анны и, фыркнув, отошла к отцу.

— Давайте-ка ее сюда, — протянул руку Брок, — я отдам ваш, так сказать, «артефакт» потерпевшей и принесу от вашего имени извинения. Надеюсь, эта многострадальная шляпа не радиоактивная? — спросил сыщик после того, как сталкер безоговорочно отдал ему дырявую и мятую красную тряпку с обломком пера.

— Конечно, теперь уже радиоактивная, — пробубнил Сергей. — Немножко... Так тут все радиоактивное в той или иной степени, что же теперь делать?

Сыщик Брок быстро отдал шляпку Сашеньке:

— Подержи, у меня руки должны быть свободными — вдруг придется с кого-нибудь показания снимать.

— Но вы не пугайтесь, — продолжал бубнить сталкер, — если мы найдем «Времянку» и вы вернетесь назад, то во время перехода произойдет полная дезактивация — проверено!

— Каким, позвольте полюбопытствовать, образом? — заинтересовался Брок. — Вы радиацию, так сказать, нюхом, что ли, чуете?

— Зачем нюхом? А счетчик Гейгера на что? — подтянул кверху правый рукав Сергей, открывая надетый на запястье прибор. — Вот, смотрите...

Сталкер поднес руку со счетчиком к Броку и нажал на устройстве кнопку. Прибор радостно защелкал.

— Ай!.. — отскочил в сторону сыщик. — Чего это он?!

— Так вы тоже теперь радиоактивный слегка. Но это ерунда! А вот я... — Сергей вывернул запястье устройством к себе и поднес его к собственной груди. Счетчик затарахтел так, словно провели палкой по дощатому частоколу.

— Ого! — нахмурилась Анна. — Нахвтал-то!.. Водки хоть в «БАРе» выпил?

— Да я не стал, назад торопился, знал ведь, что ты волнуешься...

— Не стал!.. Волнуешься!.. — обожгла девушка полным возмущения взглядом супруга и обернулась к Броку и Сашеньке. — Нет, вы слышали?! Этот при... умник был в «БАРе» и не выпил водки!.. Он своей безалаберностью и себя, и меня в гроб вгонит!

Анна сбросила с плеч рюкзак, достала оттуда бутылку, резким движением свинтила пробку и сунула водку Сергею:

— А ну, быстро пей, горюшко ты мое! Чтоб не меньше половины выдул! Смотри мне, не вздумай сачковать — я увижу, если проливать станешь!

— Дай хоть закусить чем... — пробурчал сталкер, приподнимая маску противогаза.

— На, — протянула ему Анна кусок колбасы и опять обернулась к Брокалевым. — Просто беда с ним! Не любит пить водку. Буквально силком каждый раз вливать приходится... — Девушка горестно вздохнула и даже слегка всхлипнула.

— Да уж, это беда так беда... — забормотал Брок, не зная, куда деть вытаращенные от изумления глаза. — Это такое горе, когда муж не пьет!.. Тут уж, как говорится, только одно остается — развод. Хорошо еще, что детей нет.

— Какой развод?! — испугался Сергей. — Мы еще расписаться не успели! — Он быстро поднес к губам горлышко и одним махом высосал даже больше чем полбутылки.

— Папа, — дернув за рукав Брока, зашептала молчавшая до этого Сашенька. Глаза девушки, как и у отца, были изумленно вытаращены — причем настолько сильно, что веки, когда она моргала, не могли сомкнуться друг с другом. — Папа, ты что-нибудь понимаешь?.. Она на самом деле заставляет его пить, или это на меня радиация подействовала?

— Конечно, заставляю, — усмехнулась услышавшая все Анна. — Мне муж живым нужен и, желательно, здоровым. А самое верное деактивирующее средство в Зоне — это водка. Кто не пьет — тот долго здесь не протянет.

— А-а-аа!.. — в унисон протянули Брок с Сашенькой.

У сыщика вдруг засверкали глаза. Он достал из кармана мобильный телефон и, нажав пару клавиш, поднес его к запястью сталкера, на котором продолжал весело пощелкивать счетчик Гейгера.

— Папа, ты что делаешь? — удивилась Саша.

— Записываю. Когда мне выпить захочется, я его включу и скажу маме, что мне срочно нужно деактивироваться.

— А я ей все расскажу! — возмутилась девушка.

— Предательница! — возмутился в ответ Брок.

— А ну, сотри немедленно!

— А вот и не сотру, — быстро убрал телефон в карман сыщик.

— Все равно я ей расскажу. Алкоголик!

— Я?! Да ты хоть помнишь, когда я в последний раз пил-то?!

Неизвестно, как долго бы еще препирались отец с дочерью, если бы на них не стал вдруг падать Сергей. К счастью, они это вовремя заметили и успели отскочить в стороны.

— Чего это он? — испугался Брок, глядя на бесчувственное тело. — Все-таки умер?

— Типун тебе на язык! — буркнула Анна. — Просто он плохо переносит алкоголь. Потому и пить не любит. Помогите перенести его под куст. Полежит — очухается.

— И долго он, так сказать, будет очухиваться? — выполнив просьбу девушки, пропыхтел, отдуваясь, Брок.

— Думаю, через пару часов станет как новенький, — сказала Анна. — Хотя он сейчас грамм триста принял, так что, может, и через три.

— Что?! — подпрыгнул сыщик. — Три часа?! Мы целых три часа будем тут, как говорится, пропитываться радиацией?! Нет-нет-нет! Шляпку мы нашли, миссию свою, так сказать, выполнили, так что позвольте откланяться.

— А как вы собираетесь без Сергея искать «Времянку»? — усмехнулась сталкерша. — Я же говорила: на нее только у Матроса талант.

— Ничего, — вступила в разговор Сашенька. — У нас тоже свой талант имеется.

— Ну, — засмутился Брок, — ты, так сказать, несколько преувеличиваешь мои способности, доченька.

— Я же не тебя имею в виду...

— А кого?.. — заозирался вокруг сыщик.

— Пупсика, разумеется. Он ведь на раз находит эти самые аномалии! Пойдем скорей, снимем его с этого дурацкого «Лифта»!

— Ну, не знаю, — пожалала плечами Анна. — Ваш волкодав, конечно, лихо аномалии вынюхивает, но только ведь все подряд, без разбору. Как он поймет, что именно «Времянку» нужно искать?

— А это на что? — помахала Сашенька бывшей Хельгиной шляпкой. — Если эта «Времянка» ведет в квартиру нашей клиентки, то Пупсик быстро свою хозяйку учует.

Тут Саша отчего-то вздохнула, но воодушевившийся Брок этого не заметил.

— Так-так-так-тааак!.. — затарахтел он, потирая ладони. — Молодец, доченька! Вперед! К Пупсику!

Все получилось точно так, как и предполагала Сашенька. Освобожденный из «Лифта» шарпей, после того как ему дали понюхать шляпку, немного покрутился на месте, а потом, деловито твякнув, побежал к просвету между деревьями, где простиралось то самое заросшее травой поле, на котором «высадились» в Зону сыщик Брок с дочерью.

— Я с вами не пойду, — сказала Анна, — не хочу его одного оставлять, — кивнула она на похрапывающего Сергея. — Вы уж того, не обижайтесь. Удачи вам!

— Пока! — не стала затягивать прощание Сашенька и ринулась вдогонку за песиком.

— А может... с нами?.. — оглянувшись на удаляющуюся дочь, спросил вдруг Брок. — У нас ни радиации, ни аномалий... Хотя, что это я? — хлопнул он ладонью по лбу. — Мне же это все мерещится! Чудес не бывает...

— Да не чудеса это, — посмотрела на сыщика Анна, и от этого взгляда тот вдруг поймал себя на мысли, что впервые в жизни очень хочет поверить в чудо. — К сожалению, не чудеса, Олег. Я тебе уже говорила: мы здесь в них тоже не верим. Опасно тут на чудо надеяться. А верить здесь вообще ничему и никому нельзя... Хорошо, что у меня есть Серега — кроме себя самой я лишь ему доверяю... — Анна внезапно поднялась на цыпочки и чмокнула Брока в колючую щеку: — И теперь вот тебе еще. Ты смешной, но хороший. Беги давай!

И обалдевший сыщик побежал. Хорошо, что ноги сами несли его в нужную сторону, потому что в голове у него в разных вариациях крутилась сейчас всего одна мысль: «Чудес не бывает! Чудес не бывает? Чудес не бывает...»

А когда Брок выбежал наконец из леса под открытое небо, по-прежнему хмурящееся тяжелыми свинцовыми тучами, то увидел, что Сашенька стоит посреди заросшего травой поля возле мерцающего красноватыми отблесками большого, раза в полтора выше и шире ее самой, сгустка, а шарпей нарезает вокруг этого призрачного образования круги, поливая его восторженным лаем.

Сыщик сразу понял, что это и есть пресловутая «Времянка». От радости он подпрыгнул и припустил к аномалии со всех ног. Когда до цели еще оставалось с полсотни метров, он уже начал захлеб вопить дочери:

— Ура!!! Сашуленька, ура!!! У нас получилось! Мы скоро будем дома! Ай да Пупсик, ай да сукин сын! В буквальном, как говорится, смысле!..

Но подбежав ближе, он с удивлением обнаружил, что Сашенька вовсе не радуется. Напротив, ее губы заметно подрагивали, а на глазах блестели слезы.

— Что с тобой? — испугался Брок. — Что?.. Ушиблась?.. Или... радиация начала действовать?

— Папа-а-аа!.. — разревелась теперь уже по-настоящему Саша. — Давай Пу-у-уупсика себе оста-а-авим!.. Он мне так нра-а-авится! И я ему-у-уу...

Шарлей, будто поняв смысл причитаний девушки, стал прыгать вокруг нее, пытаясь достать языком до лица. От такой картины сыщик чуть было сам не прослезился. Прокашлявшись, он выдавил:

— Да я-то не против... Мне самому шарпеи нравятся. Но как же Хельга? Это ведь ее, так сказать, вещь...

— Пупсик не ве-е-еещ! — взвыла Сашенька.

— Ну, это я так, образно... И потом, что скажет мама?

— Мама ничего не скажет, она у бабушки! — почувяв, что отец дал слабину, вмиг перестала реветь Саша. — А когда вернется, будет уже поздно что-либо говорить... Да ты подумай сам, ведь в сыщицком деле такая собака — это просто клад! Посмотри, как лихо Пупсичек отыскивает аномалии! Ведь и пропавшие вещи он наверняка будет находить так же хорошо и быстро!

— А преступников?

— И преступников! И потеряшек всяких, и неверных мужей!

— И жен! — неведомо кому погрозил сыщик пальцем.

— И жен, и детей, и стариков, и котят!..

— Ну, даже не знаю... — поскреб Брок щетинистый подбородок.

— Папа!.. — набрав в грудь побольше воздуха, зажмурилась и выпалила Сашенька. — Если ты оставишь нам Пупсика, я обещаю не язвить, не спорить, не пререкаться с тобой целый месяц и выполнять все-все-все твои указания!.. — И поспешно добавила: — Если только они не будут угрожать моей жизни и здоровью. И маминим.

— Год!.. — вскинул руки сыщик.

— Папа! Ты чего?! Месяц — это и то до ужаса много! Год мне в таком режиме не выжить.

— Хорошо, полгода!

— Ну, полтора месяца — еще куда ни шло... Правда, потом нервы лечить придется.

Сговорились на двух месяцах. Брок был ужасно доволен. Сашенька — тоже, хоть и пыталась скрыть свою радость под трагической миной обреченного на вечные муки. Получалось у нее плохо: улыбка так и норовила порвать щеки.

— Папочка, а как же Хельга? — опомнившись, задала она ставший теперь главным вопрос.

— Хельгу я беру на себя, — сделал Брок успокаивающий жест. — Но давай-ка, так сказать, к ней поскорее отправимся, а то эта штука, по-моему, стала тускнеть...

Красноватый сгусток, висевший возле них в воздухе, и впрямь слегка потерял яркость и будто бы начал сжиматься.

— Э-э! — всполошился сыщик. — Постойте! Мы еще не сели!.. Саша, хватай скорей Пупсика и залезай... заходи... в общем, вмещайся как-нибудь в эту хреновину!

— А ты?

— Я за вами.

— Надеюсь, ты не решил остаться со своей Анечкой?.. — прищурилась Саша.

— А твое обещание?! — завопил Брок. — Что-то быстро, так сказать, пролетели три месяца!

— Два! — возмущенно воскликнула Сашенька. — И вообще, отсчет пока что не начался, ты еще Пупсика у Хельги не забрал!

— Если ты не поспешишь, то и не заберу — сейчас ведь «Времянка» совсем растает!

Сыщик сам подхватил с земли шарпея, сунул его Саше в руки и почти насильно втолкнул ее в центр туманного красного облачка, которое и впрямь уже таяло на глазах. Когда Брок прыгнул следом за растворившейся, словно шипучая таблетка в воде, дочерью, он был уже почти уверен, что опоздал и останется в Зоне навсегда. Или, скорее, по собственной версии

происходящего, — так и будет галлюцинировать, не приходя в сознание.

Но он все же успел. Вот только «приземлился» слегка неудачно, попав одной ногой в унитаз. Но на такие мелочи сыщик не стал обращать внимания. Следом за Сашенькой и заливающимся лаем Пупсиком он выскочил в прихожую. Хельга Стар стояла на том же месте и с тем же выражением лица, что и в момент начала их «путешествия».

Казалось, нескольких часов их отсутствия будто и вовсе не было, поскольку женщина вновь занесла над Брокком кулак и завопила:

— Убийца!.. — но, увидев живого и невредимого Пупсика, тут же подхватила шарпея на руки и принялась его целовать и тискать.

— Как видите, вы ошибались, — гордо вздернул подбородок сыщик. — Я никого не убил. А вот вы, держа его на руках, — так сказать, убиваете себя.

— Что еще за чушь вы несете?!.. — нахмурилась Хельга и принялась осматривать песика: — Он что, блох нахватал?..

— Если бы... — тяжело вздохнул Брок. — Вы знаете, что такое радиация?

— Чай, не дура! — фыркнула женщина. — А при чем здесь радиация? И вообще, вы где шлялись? Я уже полицию хотела вызывать!

— Мы шлялись в радиоактивной Зоне! — перейдя на «замогильный» шепот, округлил сыщик глаза. — Теперь ваш Пупсик фонит, как три Фукусимы!

— Бред какой-то! — фыркнула Хельга Стар, хотя тон ее голоса и стал менее уверенным.

— Ах, бред?! — уже в полную громкость воскликнул Брок. — А что такое счетчик Гейгера, вы знаете?

— Говорю ж, не дура, — ответила хозяйка квартиры и попятилась к противоположной стене.

— Тогда смотрите! — жестом фокусника сыщик достал из кармана телефон и приложил его к Пупсику. — А точнее, слушайте!..

Из телефона, который, дабы Хельга не распознала обман, Брок старательно заслонял рукой, раздалось зловещее пощелкивание.

— Слышите?! — утробным, как у чрево вещателя голосом, начал изрекать сыщик. — Этот несчастный пес уже не жилец! Если он останется здесь хотя бы еще полчаса, то и вся ваша квартира, и вы сами пропитаетесь смертоносными лучами... Но, — голос Брока вновь приобрел обычный оттенок, — если вы пожелаете, то за символическую плату в пять тысяч рублей мы можем забрать с собой это обреченное создание и отправить его, как говорится, в мир иной абсолютно безболезненно и, так сказать, со всеми удобствами.

— За пять тысяч?! — ахнула женщина. — Да я лучше даром его придушу!

— Папа шутит! — поспешила встрять в разговор Сашенька. — Мы усыпим песика совершенно бесплатно!

— Между прочим, — опомнилась Хельга, — вы еще не вернули мне задаток!

— А почему, собственно, мы вам должны его возвращать? — выпятил грудь сыщик Брок. — Мы, так сказать, ваше поручение выполнили. Саша, дай-ка мне шляпку!..

Брок выхватил из рук дочери красную тряпку и быстро, чтобы хозяйка не успела рассмотреть, во что превратилось ее сокровище, замахал ею в воздухе.

— Вот, смотрите, вот ваша шляпа! Мы нашли ее! С риском для жизни мы вырвали ее из преступных лап!.. Только вот ведь, как говорится, беда — она тоже стала радиоактивной!.. — Сыщик прижал к тряпке ладонь с телефоном, и тот вновь угрожающе затрещал.

— Не нужна мне такая шляпа!.. — совсем вжалась в стену Хельга. — Подавитесь вы ею, вместе с задатком! Но больше я вам ни копейки не заплачу. Если, конечно, — смущенно потупила они глазки, — вы не привели того... в противогазе... Или он тоже радиоактивный?..

— Хуже, — обреченно вздохнул Брок. — Он алкоголик. И у него есть жена. А у жены есть автомат. Так что...

— Тогда и им тоже подавитесь. Вместе с женой и автоматом. И покиньте мою квартиру немедленно!

— Обязательно, — закивал сыщик. — Обязательно покинем. Но сначала мы с вами должны подписать, так сказать, акт приемки-передачи. Дескать, я, госпожа Звездилькина, принимаю выполненные агентством «Бритва Оккама» работы...

— Что?! — не дала ему договорить Хельга Стар. — Как ты меня обозвал, придурок?! Какая я тебе Звездилькина?! Меня зовут Старикова Ольга Семеновна, и ты еще не раз вспомнишь это имя! У меня такие связи, и в таких кругах, что твоим вшивым агентством скоро займутся всерьез! А сейчас выметайтесь отсюда и забирайте свою заразную шавку!..

— Уф-ф-ф!.. — выдохнул Брок, когда они с Сашенькой и недоумевающим Пупсиком вышли под ласковый, зверски холодный осенний дождик. — Оказывается, у этой, так сказать, тетеньки очень правильные инициалы.

— Почему? — рассеянно отозвалась Саша. Ее волновало сейчас только одно: Пупсик был с ней!

— Потому что S.O.S. — «спасите наши души»!

— Да, папочка. Как скажешь, папочка.

— Что это с тобой? — замер изумленный Брок. А потом пробормотал: — Погоди, так, значит, это был не бред?.. Не галлюцинация?

— Ну конечно нет, папочка, — промурлыкала Сашенька. — Откуда бы иначе взялась запись на твоём телефоне? И откуда бы у меня появились вот эти штаны?.. — ахнула она, вспомнив, что так и не вернула Анне джинсы и не забрала у нее свои.

— Но ведь... чудес не бывает!.. — обреченно простонал сыщик.

— А кто тебе сказал, что это чудо? Ты просто выполнял свою работу. И, как всегда, выполнил ее с блеском. Потому что ты сам у меня очень-очень чудесный, папочка! — Сашенька, приподнявшись на цыпочки, чмокнула отца в щеку, а потом звонко крикнула притихшему шарпею: — Вперед, Пупсик! Вперед, моя радость! Нас ждут великие дела.

— Так-так-так-тааак!.. — задумчиво потер место поцелуя сыщик Брок. — А чудеса-то порой все-таки случаются... — Однако он тут же, вскинув вверх палец, добавил: — Но исключительно редко!

Иван Магазинников
Антисоциальная сеть

Ключ, Дракон и Принцесса

Пустынные улицы, по которым уставший ветер гоняет жухлую листву...

Ржавые остовы бесполезных автомобилей...

Обшарпанные стены покосившихся домов-коробок...

Опрокинутые мусорные баки, в которых роются отощавшие так, что ребра торчат, помойные коты...

Все это стало привычным с тех пор, как появилось глобализированное человечество, называющее себя Социумом. Непривычным был лишь один звук, доносящийся из-за мусорного контейнера.

Детский плач.

Согласно указу Администрации, каждый новорожденный член общества должен быть доставлен в Центр, где он подлежал принудительной социализации и становился полноправным членом Социума, подключенным к Сети и всем ее благам. За неисполнение этого указа наказание было только одно: полное стирание личности. И неудивительно, ведь появление новой жизни стало редчайшим явлением в этом мире, мире, где общество достигло небывалого единства и взаимопонимания, где никто больше не был одинок или не нужен. В мире победившего Социума.

— Кей, да заткни ты уже его, — пробурчал бородатый мужчина в потертой джинсовой куртке, осторожно выглядывая из-за бака.

— Да откуда я знаю, как его заставить заткнуться? — второй мужчина был гладко выбрит, а наряд его ничуть не отличался от одежды первого: потрепанная джинсовая куртка и широкие штаны из того же материала.

— Спросил бы у его мамы, прежде чем ее «забанить».

— Не было времени. Ты же знаешь, что она была из Социума. Счет шел на секунды...

— Тссс... Принесла-таки нелегкая, — прошептал бородатый, отпрянув назад.

Тот, кого называли Кеем, тут же зажал малышу рот пятерней, пытаясь заглушить плач, и оба мужчины замерли.

Дальше по переулку раздались негромкие шаги, и они приближались.

«Цок-цок» — звенели металлические подковки на каблуках высоких сапог идущего по улице незнакомца.

Или незнакомки? Лицо его было гладким, с тонкими чертами и лишенным признаков пола. Длинный черный плащ скрывал фигуру. На голове у него была широкополая круглая шляпа, надвинутая почти на глаза. Разумеется, тоже черная.

Модератор. Бюститель порядка и хранитель законности. С появлением Социума обычные правоохранительные органы остались не у дел, однако кто-то же должен был следить за порядком, обладая соответствующими полномочиями и возможностями?

И эта миссия была возложена на Модераторов, избранных членов глобального общества. К их услугам были все ресурсы Сети, а остальные члены Социума стали глазами, ушами, а порою и руками Модераторов.

Двое мужчин не знали, успела ли мать младенца сообщить Модераторам о появлении возле себя подозрительных личностей, не являющихся членами Социума. Но были уверены, что о появлении ребенка на свет уже знала вся Сеть. И теперь его наверняка искали, чтобы сделать частью того, во что превратилось человечество, объединенное в некое подобие единого организма с помощью нейронных сетей...

Социум. Кто мог предположить, что социальные сети, зародившиеся в Интернете на стыке веков, в ближайшем будущем станут не просто системой общения в глобальной сети, а самой сутью человеческой цивилизации, особой формой сосуществования людей друг с другом? Но уже не в виртуальном, а в реальном мире? Что они станут новым витком в эволюции человеческого общества... и приведут к его деградации...

Тем не менее прошла всего пара десятилетий, и случилось то, что наши славные предки называли бы не чем иным, как Апокалипсисом. Но общество восприняло появление Глобальной Нейронной Сети как шанс, шанс человечества на спасение.

Все началось с крохотного чипа, вживляемого в подкорку. Интерфейс взаимодействия человека и компьютера совершенствовался едва ли не ежегодно, и вполне логичным шагом стало появление возможности взаимодействовать с вычислительными системами мысленно. Сперва это происходило с помощью громоздких шлемов, потом им на смену пришли печально известные «липучки», ну а в итоге прогресс пришел к тем самым чипам... Революция? Да. Благо для всего человечества? Этот вопрос до сих пор остается открытым...

Теперь в единую мировую социальную сеть были объединены не компьютеры и не профили в виртуальных сообществах, а сами люди. Каждый член Сети в любой момент мог общаться с любыми другими ее частями. Обмениваться информацией из своих запасников или тем, что он непосредственно сейчас видит или слышит.

Никогда еще люди не были так близки друг к другу! Появление Социума привело к резкому спаду преступности. Постепенно вооруженные конфликты тоже сошли на нет. Мир начал меняться, быстро и неотвратно. Отбрасывалось и отмирало все то, что не вписывалось в новый мировой порядок, создающийся вокруг Социума, одним махом перечеркнувшего большинство достижений и благ современной цивилизации. Человечество больше не жило и не развивалось, а осуществляло жизнедеятельность, паразитируя на том, что ему досталось в наследство от предков. Это был апокалипсис, но никто даже и не заметил его наступления — все были поглощены Социумом и теми возможностями, которые он открывал... Люди стали рабами созданной ими же системы, которая взамен подарила им фальшивую иллюзию, аккуратно «натянутую» поверх серой и скучной реальности...

— Дракон, смотри, — почти на грани слышимости прошептал Кей, кивком указывая на стену дома напротив.

Та как раз начала трансформироваться. Невзрачный серый бетон вдруг принял сочный травяной оттенок, а все щели и пласты отвалившейся краски словно растворились. Затем изменили свои очертания параллелепипеды уродливо выпуклых балконов, приняв изящные изогнутые очертания. Вскоре дом было не узнать — он превратился в жизнерадостный образчик хорошего вкуса и умелого дизайна.

— Скин сменил... Четвертый шаблон из вчерашнего обновления базы, — скривился бородач.

— Зачем ему это? Здесь уже давно никто не живет? — беззвучно поинтересовался Кей, но ответом ему была тишина.

Эти двое были «бродягами», как называли неподключенных к Социуму людей, количество которых с каждым днем стремительно сокращалось. Тем не менее их чипы имели свободный доступ к Сети, и они могли общаться друг с другом через нее. Но, будучи нелегалами, за годы своих скитаний по развалинам некогда великой цивилизации «бродяги» привыкли к осторожности и старались как можно меньше отправлять и запрашивать информации через нейронную сеть, чтобы их не засекли сканеры Социума.

Ответ они получили от самого Модератора. Он подошел к стене и прижался к ней, а

потом... пропал! Исчез, словно его и не было.

Разумеется, на самом деле ничего этого не происходило. И дом не изменился, и Модератор по-прежнему был здесь. Просто чипы загрузили из Сети новый скин для дома, который назначил ему Модератор, и спроецировали его прямо в зрительные нервы «бродяг». А блюстителю порядка просто прижался к стене дома и пропал под текстурой кожи, который не совсем совпадал с габаритами дома. Довольно простой, но эффективный способ маскировки. Уже больше десяти лет, как люди совершенно перестали заботиться о внешнем виде своих домов — зачем мучиться над дизайном дома или комнаты, если в любой момент можно просто загрузить тот скин, который больше нравится? Конечно, в материальном плане все останется по-прежнему, но это было меньшее из зол.

— Засаду устроил, ублюдок...

— И что нам делать?

— Прорываться, — уверенно заявил Кей после короткого раздумья и осторожно положил ребенка на землю.

Тот уже успокоился, и бородач склонился над ним проверить, не задушил ли приятель младенца по неосторожности, но все было в порядке: малыш едва заметно дышал.

— Дракон! — окликнул его напарник и выскочил из укрытия, вытаскивая из-под полы флудомет.

Это было даже не столько оружие, сколько прибор. Устройство, предназначенное для информационной бомбардировки. Потoki хаотичных данных, испускаемых им, атаковали центры восприятия Модератора, дезориентируя его и сбивая с толку. Звуки, изображения, текстовая информация, просто шумы и даже запахи — ни один человек не справился бы с таким шквалом данных.

Впрочем, Модератор был не обычным человеком, а частью Социума и его посланником. После секундного замешательства он смог перебросить часть потоков, распределить непрерывно поступающие данные между другими Модераторами и оказавшимися поблизости простыми членами Социума. Однако и этой пары секунд хватило мужчине по прозвищу Дракон, чтобы добежать до стража порядка и вонзить нож ему прямо в сердце. Вторым ударом он перерубил ему шейные позвонки, отделив голову от тела.

Это был единственный эффективный способ разобраться с Модератором — ошеломить его и нанести удар, подобравшись как можно ближе, чтобы можно было его нащупать. В противном случае тот просто ушел бы в «инвиз», натянув скин, который чипы «бродяг» интерпретировали бы как едва заметную тень, а без программ-дешифраторов и вовсе как колебание воздуха.

— Готова, тварь, — злобно пнув тело, прошипел Дракон.

— Думаешь, это была женщина? — Кей подошел поближе, опуская флудомет.

— Да я уверен, что оно и само не понимало, кто оно — мужчина или женщина. Нам нужно уходить. Наверняка сканеры уже оповестили кого следует, что один из Модераторов ушел в бессрочный бан.

— Зато мы выиграли немного времени...

Мужчины вернулись к ребенку и, убедившись, что поблизости больше никого нет, снова отправились в дорогу. Цель их пути медленно, но неотвратимо приближалась...

Женщина, сидящая перед ними в полумраке лишенной какого бы то ни было скина комнате, называла себя Пифией, но и Кей, и Дракон обращались к ней исключительно как к Ведьме. Разумеется, перед каждой встречей с этой необычной особой они меняли аватары на что-нибудь из стандартного набора. Не столько чтобы не светить свою внешность, сколько для того, чтобы не выделяться из толпы. Пифия жила в довольно людном районе — это было обусловлено наличием крупного общепита поблизости.

— Держи, Ведьма, — бесцеремонно бросил сверток на стол Кей, — прихватили из Центра Питания по дороге.

— Спасибо, мальчики.

Почему-то она всегда называла их именно так, несмотря на то что выглядела лет на двадцать. Миловидная чернокожая девушка с тонкими чертами лица, необычными для ее расы. Впрочем, это тоже могла быть аватарка, выполненная на заказ, — очень уж тонкая работа. Сколько Пифии лет на самом деле, не знал никто.

— Кей, бросай курить, — сказала вдруг она. — Иначе окончишь жизнь в медблоке, а то и вовсе в Центре Трансплантации.

— Да не верю я во всю эту чушь, — отмахнулся мужчина. — Невозможно предсказывать будущее.

— А я и не предсказываю, ты же сам это прекрасно знаешь. Я лишь анализирую доступную мне информацию.

— Скачала мою медкарту?

— Не волнуйся, я подчистила все следы. Ты хорошо спрятался, даже мне пришлось постараться. Итак, мальчики, вы все-таки достали ее.

Фраза подвисла недосказанной, но все прекрасно понимали, о чем идет речь. Девочка. Новорожденный младенец без чипа, не подключенный к Сети, а значит, и к Социуму.

— Да, мы сделали все, как ты сказала. И кстати, по дороге мы наткнулись на Модератора. Ты нас не предупреждала о его появлении!

— Еще раз повторяю: я не вижу и не предсказываю будущее. Разумеется, возможны разные отклонения и непредвиденные ситуации. Надеюсь, девочка спрятана в надежном месте?

Дракон утвердительно кивнул.

— Отлично. Теперь я расскажу, что вы сделаете дальше. Пока что в Социуме спокойно. Даже випы не знают о случившемся. Вряд ли Администрация замнет это дело полностью, но, скорее всего, сначала они попробуют отыскать младенца своими силами, через избранных Модераторов. Для вас это хорошие новости.

— А есть и плохие?

— Что-то вроде того. Мне сообщили, что Доктор покинул свое убежище и отбыл в неизвестном направлении.

Кей разочарованно вздохнул. Упомянутый гадалкой человек был важнейшей частью их плана, и без его участия всю операцию можно было сворачивать.

— И что нам теперь делать?

— Искать его.

— Но как?! Он же «вольный»!

Доктор был лучшим хирургом современности. Лучшим доказательством его квалификации был тот факт, что он смог удалить сам себе чип и был свободен от Сети. И, разумеется, лишен тех богатейших возможностей, которые она давала. Он был действительно гениальным

доктором, раз продолжал работать, полагаясь исключительно на свои знания и навыки.

Именно этот человек был нужен Кею, Дракону и Пифии, которая, собственно, и спланировала всю операцию, выбрав этих двоих мужчин на роль исполнителей. Почему? Потому что именно при их участии программы симуляции и вероятностного анализа показывали максимальный шанс на успех задуманного — 24 %. Один к четырем. И этого оказалось достаточно, чтобы рискнуть жизнями около трех десятков людей, называвших себя Антисоциалами.

— Это моя проблема. Но мне нужны ваши глаза и уши. Вы отправитесь туда и будете передавать мне все, что увидите и услышите.

Кей тяжело вздохнул. Слова Ведьмы означали, что им придется подключиться к Социуму. Разумеется, не так, как это делают его члены, а через временный протокол, хотя это было рискованно. Очень рискованно. Но другого выхода не было: Ведьма была членом Социума, и только так они могли наладить эффективный обмен информацией.

— Запоминайте адрес и картинку, — голос Пифии донесся словно издалека.

Перед глазами мужчин возникла схема одного из кварталов. Потом она вдруг стремительно приблизилась, и напарники словно увидели улицу с крыши прилегающего к ней дома.

— Вон тот дом. Его скин меняется каждые полчаса, так что запоминайте ориентиры поблизости. Вам нужно проникнуть в подвал. Программу-взломщик я вам загружу, она вскрыет замок. На все про все у вас будет около часа. За этим местом наблюдают, так что будьте осторожны.

Картинка снова приблизилась, ракурс изменился. Словно незримый наблюдатель вошел в дом, передавая то, что он видит.

— Твой связной надежен? Не сдаст нас Модераторам? — кивнул Дракон на картинку, которую передавала им Пифия.

— Нет никакого связного. Это модуляция...

Кей восхищенно крикнул. Общение через Сеть имело определенные ограничения: люди не могли обмениваться мыслями, воспоминаниями или тем, что создается в их воображении. Все это можно было лишь описать словами или подобрать ближайшие аналоги из баз Сети. Однако ходили слухи об особых программах визуализации, в которой можно было создавать визуальные образы, а не использовать записи. Похоже, что слухи имели под собой основу в виде вот такой программы модуляции, работу которой продемонстрировала Пифия. Однако таким софтом не располагали ни Модераторы, ни випы...

«Кто ты такая? Какая твоя роль в Социуме?» — снова задал себе этот вопрос Кей, пытаясь взглядом проникнуть под аватар Ведьмы.

Шпионские и аналитические программы, визуальные модуляторы, доступ к закрытым базам данных и особым поисковым системам Сети — в арсенале этой женщины было много трюков, недоступных простым и даже непростым смертным.

— У вас мало времени, мальчики. Спешите. Рельсход подойдет через три минуты.

— Можно один вопрос? — наконец решился бородач. Дождавшись кивка, он продолжил: — Зачем все это? Антисоциалы, этот план, все эти смерти?

— Тебе не понять. У тебя есть дети, Кей? Угу, и скорее всего — не будет. А вот у меня — есть. Я не хочу, чтобы они жили в таком мире, — обвела она рукой вокруг. — Понятно?

— Приятного аппетита, Ведьма, — ответил за друга Дракон, и, переглянувшись, мужчины бегом бросились к выходу...

Дождавшись, пока стихнет стук шагов на лестнице, Пифия развернула сверток и вытащила из него нечто, в базе Сети значившееся как «цыпленок бройлерный, 2,5 кг». Разумеется, это была просто форма — как и вся еда в этом мире, «цыпленок» был сделан из протеиново-

витаминного коктейля, который содержал все необходимое для человеческого организма. И, как и вся еда, он отвратительно пах и на вкус был чуть менее, чем мерзок.

Вживленный в подкорку чип не умел имитировать вкус и запах, зато он мог отключать приемку сигналов от органов обоняния и вкусовых рецепторов. Собственно, именно так и питалось практически все население планеты — зачем придавать еде приятный вкус или запах, если ты их все равно не почувствуешь?

— Болваны вы. Совсем еще мальчишки, — вздохнула девушка и, закрыв глаза, откусила кусочек от «цыпленка»...

— Погоди! — Кей ухватил приятеля за плечо и кивком указал на стоявшую впереди девушку.

Та подняла голову, и вверх ударил хорошо заметный луч света.

— Твит? Или стучит на нас какому-нибудь Модератору?

— Мы в стандартных аватарах... Хотя, кто его знает, какими программами напичкан ее чип?

Чтобы убедиться наверняка, Кей закрыл глаза и окунулся в Сеть. Он нашел Стену улицы, на которой находились напарники, и быстро просмотрел последние записи, пытаясь найти знакомый аватар.

Девушка подписывалась именем «Счастливая невеста», и она решила сообщить всему миру о том, что любимый наконец-то сделал ей предложение.

«Девчонки, какой скин мне надеть на свадьбу? Подскажите какой-нибудь каталог! Хочу, чтобы он дар речи потерял, увидав меня впервые!»

Кей усмехнулся и отправил комментарий: «Лучше закажи себе нормальную аватарку. Небось бедолага принял тебя за порнозвезду, мордашку которой ты натянула... А скин бери с бюстом шестого размера, как у оригинала».

Уже не особо счастливая невеста изменилась в лице, отключилась от Сети и отошла к стене. Похоже, она действительно не знала, чей аватар использует. Кею даже стало ее немного жаль. Он хотел удалить своей комментарий, но на Стене уже было чисто — девушка удалила тему.

— Идем, — кивнул он Дракону, и приятели направились к станции рельсохода.

Чтобы пробраться через толпу, им пришлось активно работать локтями и кулаками, но никто даже не обращал внимания на довольно болезненные тычки. И вообще, люди ни на что не обращали внимания, они неторопливо передвигались по улице, а взгляд их был затуманен. Собственно, можно было считать, то их здесь и вовсе нет: все они были там, в Сети. Части целого, под названием Социума, они одновременно болтали с сотнями друзей по всему миру, делали покупки в магазинах, просматривали свежие новости и делали еще кучу различных дел. А по улицам брели лишь тела, оболочки. Программы навигации отслеживали местоположения чипов и оберегали их носителей от неприятностей, подсказывая, когда нужно свернуть или остановиться, если пользователь Сети слишком погрузился в виртуал. Поговаривали, что навигаторы виков могли даже на автопилоте доставить «носителя» куда нужно, полностью освободив привилегированного члена Социума от управления телом.

Рельсоход опоздал на десять минут и оказался битком забит. Кое-как протолкавшись на платформу и устроившись у поручня, Кей и Дракон отправились в путь. На дорогу у них ушло около получаса. И вот два «бродяги» оказались в незнакомом им районе. Чтобы хоть как-то ориентироваться, им пришлось загрузить из базы карту улицы. Благодаря советам Ведьмы они быстро отыскивали нужный дом. Вокруг не было ни души, но это ничего не означало: недавно убитый ими Модератор служил лучшим тому доказательством.

— Эй, поосторожнее! — рявкнул Дракон, ударом кулака отбрасывая в сторону скрюченного тощего подростка, который вдруг вынырнул из темного провала подъезда.

Юноша упал с залитым кровью лицом, которое он разбил, наткнувшись на отопительную батарею. Поднявшись, он вышел на улицу, подошел к фонарному столбу и замер, прислонившись к нему спиной. По подбородку его стекала слюна, смешанная с кровью, а голова ритмично подергивалась.

— Он что, под треком? — Кей брезгливо повел плечами.

— Похоже на то. А значит, он нас не побеспокоит.

В мире Социума не было химических наркоманов. Да и к чему нужна вся эта химия, если есть более действенные способы получить наслаждение и оторваться от реальности? Например, треки, набравшие огромную популярность в последнее время. Так называли последовательность аудиосигналов, которую специальные программы преобразовывали в импульсы, непосредственно воздействовавшие прямо на центры удовольствий. Со временем трековым наркоманам, трекерам, ничего больше не было нужно — ни пища, ни сон, только лишь новые и новые треки...

Обыск в квартире, которая когда-то была полевым госпиталем Доктора, ничего не дал. Ни малейшей зацепки, ни даже самого туманного следа. Пришлось выходить на связь и обо всем докладывать Ведьме.

— Ни знаков, ни странным образом разбросанных предметов, ни тайников? — уточнила она.

— Да здесь вообще голые стены!

— Дай посмотреть...

Дракон начал тщательно осматривать каждый уголок квартиры, передавая изображение Пифии через Сеть. Скорее всего, она прогоняла полученную информацию через аналитические программы, но так и не получила никаких результатов. Пусто.

— Пусто. Похоже, мальчики, что мы опоздали. Или кто-то побывал здесь до вас, или Доктор специально не оставил следов.

— Может, это тот трекер здесь побывал и стащил что-нибудь?

— Стоп! Какой еще трекер? Ты о нем не говорил.

— Да он там на улице, долбится под какую-нибудь новинку.

— Живо догоните! Только очень осторожно и вежливо... Предельно осторожно и вежливо.

— С чего это столько чести для какого-то тощего наркомана?

— Во-первых, потому что Доктора описывают как худого юношу с болезненным взглядом. А во-вторых, потому что возле здания мои сканеры никого не показывают.

— И что? Это описание подойдет к трети населения города. А твои программы ищут только активные чипы, подключенные к Сети.

— Верно. Например, подключенные для того, чтобы качать себе в голову треки...

— Ммать моя программа! Кей, тот трекерный обдолбыш — это и был Доктор!

Двое «бродяг» рванули к выходу, но там уже маячила чья-то фигура. Они одновременно вскинули флудометы и нажали на кнопки активации.

— Эй-эй, пот-тише, р-ребята, — вскинул руки незнакомец. — Уб-берите эти штуковины, н-на меня они все равно не подействуют.

— Потому что у тебя нет чипа, — кивнул Дракон. — А ведь мы вас искали, Доктор...

— Мальчики, вы готовы?

Голос Ведьмы зазвучал неожиданно, и Дракон вздрогнул, едва не выпустив из рук оружие. Он повернулся к Кею и по его лицу понял, что тот тоже получил послание.

— Как я и думала, он клюнули на приманку, и через тридцать минут наш сюрприз будет доставлен адресату. Так что советую вам выдвигаться, — голос предсказательницы звучал спокойно и даже как-то буднично.

— Угу, думала она, как же, — пробурчал Кей. — А аналитические программы ей так, чтобы погоду предсказывать...

— Зачем? — искренне удивился простоватый Дракон. — Вон погодный баннер в Социуме повсюду светится. На месяц вперед все расписано.

— А, забудь! Наша цель — завод на юго-западе. Выдвигаемся. Оттуда с последней станции рельсохода еще минут двадцать ногами землю мерить...

Заброшенные заводы и фабрики были излюбленным местом для проворачивания темных делишек, а еще в них часто селились бездомные, трекары и прочая шваль. В этом не было ничего удивительного — огромные помещения, свет, система обогрева и вентиляции позволяли там прожить вполне комфортно.

Почти все промышленные предприятия на земле давно уже не работали. Несколько автоматических фабрик обеспечивали деградирующее человечество товарами первой необходимости, вроде совершенно мерзкой еды или абсолютно одинаковой безвкусной одежды. Людям не нужен был транспорт, потому что им стало некуда и незачем передвигаться — работа, отдых, развлечения, заказ пищи и даже кругосветные путешествия — все это теперь можно было совершать не вставая с дивана, с помощью Сети. Там же устраивались вечеринки членов Социума, получалось высшее образование, устраивались экскурсии по базам данных, заменявших музеи, заводились виртуальные питомцы и даже дети!

Накопленных ресурсов и запасов вполне хватало на удовлетворение скромных потребностей человечества, численность которого неизменно сокращалось, причем с довольно пугающей скоростью. Паразитический, полувиртуальный образ жизни не самым лучшим образом сказывался на здоровье людей. Разумеется, были в Социуме и доктора, которые успешно ставили диагнозы, считывая данные с чипов, и прописывали лечение, но... Новые болезни требовали новых методов лечения и лекарств, а заниматься ими было попросту некому: нынешние доктора были просто виртуозными операторами, владевшими соответствующим набором программ.

Конечно, были и обычные люди, которые вели нормальную жизнь или умеренно пользовались возможностями Сети, но таких с каждым днем становилось все меньше и меньше — Социум подминал под себя человечество, превращая свободных людей в части этого необычного «организма», у многих из членов которого уже начали атрофироваться определенные навыки: зачем тебе уметь считать или водить машину, если ты мгновенно можешь воспользоваться знаниями или услугами того, кто настоящий профи в этом? Или и вовсе положиться на программы, которые никогда не ошибались и постоянно совершенствовались, чтобы сделать жизнь членов Социума еще комфортнее...

Кей ошибся. То, что выглядело как «двадцать минут пешком» на воссозданном программой-картографом макете, в реальности отняло вдвое больше времени.

Вокруг завода было несколько грязновато. Картогаф понятия не имел ни о перевернутых мусорных баках, ни о поваленных ржавых заборах, ни о шайках бродячих собак, напавших на людей, стоило им только войти в район, который стая считала «своим».

— Ммать моя программа! — привычно выругался Дракон, пинком отбрасывая самую смелую шавку. — Откуда их нелегкая принесла?

— Уж лучше эти, чем проклятые Модераторы...

Нормального оружия у приятелей не было, лишь ножи да флудометы, а потому возня с собаками отняла немало и без того драгоценного времени. Точнее, оружие у них было, но они не могли его сейчас использовать. Только там, на заводе...

Который, кстати, уже возвышался над двумя членами группы Антисоциалов. Обшарпанные стены даже не были прикрыты скином, и никаких следов пребывания человека тоже не было видно. Тем не менее именно сюда недавно привезли маленькую девочку, родившуюся всего неделю назад. Ту самую, которую Дракон и Кей вырвали из лап Модераторов, а потом скрывали в тайных убежищах и искали Доктора, чтобы претворить в жизнь свой план. Точнее, план Ведьмы.

— Мальчики, вы уже на месте? Вижу, что на месте... Потайной вход в двух шагах левее контейнеров. Он выведет вас куда нужно, — пришло им сообщение от прорицательницы.

— Она точно там?

— Да. По крайней мере, там находится датчик, который ей поставил Доктор.

Собственно, это была часть их плана: раздобыть приманку, мимо которой Социум не сможет пройти, и снабдить ее датчиком. Зачем? Чтобы выйти на мозг и сердце всего этого виртуального общества — на Админский Центр. Админы были абсолютными владыками, которые решали, кого карать, а кого миловать, а также когда и как это сделать. Именно они управляли всеми ресурсами Социума, от программных до человеческих, и вся полнота власти была сосредоточена именно в их руках. Боги виртуального мира — вот кем они были. И без них весь этот мирок должен был рассыпаться как карточный домик на заставке в новой версии четырехмерного пасьянса. И это была вторая часть плана...

— Кей, — Дракон толкнул приятеля в плечо. — Ты ей веришь?

— А у нас есть выбор?

— Ну ты сам посуди! Кто она такая, эта Ведьма? Почему она так уверена, что девочкой станет заниматься именно Админ, а не один из докторов Социума или автоматика? Откуда она знает, что они соберутся там все? Ради нечипованного младенца, а?!

— Эй, дружище, ты что, новую аналитическую программу скачал? Или повадился лазить по гороскопам? Что-то раньше ты не был таким подозрительным.

— Мальчики, между прочим, я все слышу! — в голосе Ведьмы звучало веселье.

— А что такое? Я сую свою голову в петлю и хочу быть уверен, что все это не зря. Имею на это право! — встрепенулся «бродяга».

— Я вас хотя бы раз обманывала? Доверьтесь мне и на это раз. Они будут там. Все до единого.

— И мы должны верить просто на слово?

— Пока что да. А внутри вы сами во всем убедитесь. Кстати, охрана и медперсонал там тоже наверняка будут, так что поосторожнее. Используйте усыпляющий газ.

— Ладно, мы отключаемся, чтобы нас не засекли. Выйдем в Сеть уже там... Если сможем...

И они занялись потайным ходом. Кодовый замок менее чем за секунду вскрыла программа, которую дала им Ведьма, и они вошли в темный проем...

Комплект скинов, который также выдала им прорицательница, помог им пройти сперва через охрану, потом через каких-то работников сервисных служб, судя по их ярко-оранжевым скинам, и даже помог выдать себя за випов в состоянии «инвиза» на верхних этажах.

— Как думаешь, у нас получится? — Кей ткнул Дракона локтем в бок.

— А ты спроси у своей любимой Ведьмы, — хмыкнул тот в ответ.

— Если честно, то не так я представлял себе обиталище Админов. Думал, они живут в отреставрированном небоскребе на верхнем этаже, в чистоте и роскоши... А здесь — даже мусор не вывели. Или скин какой-нибудь попримечнее натянули бы.

— Может, внутри у них как раз королевские палаты. Давай сперва доберемся. Совсем недалеко ведь уже. Кстати, этот «инвиз» — отличная штука! Знал бы раньше, давно постучался бы в Социум и оформил там себе випа. Представь, если бы этот скин у нас был тогда, в Йорктауне?

— Тссс... Оглянись — здесь никто не общается вживую, все обмениваются информацией через Социум. И нам тоже лучше помолчать, чтобы не привлекать внимания.

Сохраняя молчание, они дошли до круглой бронированной двери, из-за которой шел сигнал. Разумеется, если верить Ведьме.

— И что теперь? Здесь даже замка нет! — Дракон ударил кулаком в дверь.

— Ловушка?

— Нам нужно связаться с Ведьмой.

— Соскучились, мальчики? — раздался в их головах уже осточертевший голос, стоило им снова подключиться к Сети. — Стойте на месте и не двигайтесь. Сейчас я скормлю системе ваши ложные координаты, словно вы находитесь в проходе.

«Бродяги» переглянулись: похоже, никто из них так ничего и не понял. Тем не менее всего через несколько секунд бронированная дверь медленно ушла в сторону.

— Странно, что здесь нет никакой охраны, — начал было Кей, но Дракон уже шагнул вовнутрь.

За дверью оказался длинный узкий проход. Благодаря Ведьме приятели сначала деактивировали датчики движения, а уж потом пошли, строго следуя указаниям ее голоса и обходя невидимые сигнальные лучи. Дыхательные маски оба надели, едва коридор начал наполняться ядовитым газом. Тот тоже был невидим, но всевидящая Пифия была настороже.

— Откуда эта треклятая Ведьма все знает про систему охраны? — голос Кея заметно дрожал. Наконец-то он осознал, во что ввязался.

— Тс, я слышу голоса, — оборвал его Дракон, и они вышли в широкую комнату.

Прямо перед ними оказалась белоснежная стена, в которой были узкие, похожие на вертикальные бойницы окна. Осторожно заглянув в одно из них, «бродяги» поняли, почему их незримая советчица была так уверена в том, что здесь будут все Админы...

Ближе всего к окну стоял стол. Обычный хирургический стол, на котором в ярком свете особых ламп лежала совсем еще крохотная девочка. Та самая, которую Кей еще совсем недавно держал на руках, спасаясь от Модераторов. Та, датчик в бедренной кости которой вывел двух бойцов Антисоциума прямо на тайное логово Админов.

Над малышкой склонились две фигуры в белоснежных халатах. Судя по вживленным в лобную долю зеркальным пластинам и многосуставчатым пальцам, изгибающимся под немыслимыми углами, это были хирурги Социума — несколько усовершенствованные, чтобы лучше выполнять свою работу.

А значит, все остальные — это и были Админы.

Точнее, все остальное.

Потому что это были не люди.

Оно — уже не было людьми.

Огромная тварь, занимавшая почти треть комнаты, представляла собой существо, словно слепленное из десятка людей. Сросшиеся головами, спинами и прочими частями тела, они, тем не менее, функционировали отдельно: смотрели в разные стороны, разговаривали друг с другом разными голосами, деловито почесывали в своем или соседском паху и что-то с безумной скоростью печатали на старинных клавиатурах, которых по комнате было разбросано огромное множество.

— Мать моя программа, что это за хрень?

Казалось, что какой-то псих нарубил десятки тел, скинул все это в кучу, перемешал и склеил. Самое удивительное было то, что вся эта человеческая масса была жива.

Одна из десятков рук залезла под кусок вязаной ткани, которая словно оплетала это человеческое месиво. Ткань была изодранной и основательно засаленной, но на ней все еще угадывался выцветший сине-серый узор в виде ромбов. Рука вытащила откуда-то из складок начатую бутылку пива и поднесла ее ко рту ближайшей из голов. Тут же еще одна рука выхватила у первой бутылку и начала поить соседнюю голову. Та, сделав несколько глотков, довольно рыгнула.

— Ущипните меня семеро... Какой придурок закачал мне в башку пакет ночных кошмаров?

— Надеюсь, ты помнишь, зачем мы здесь? — Дракон ободряюще похлопал приятеля по плечу и толкнул едва заметную дверь в комнату, где находилось это жуткое человекообразное.

Оно заметило «бродяг», едва они оказались внутри, даже несмотря на «инвиз».

— Эй. Вы. Как вы здесь оказались? — голова говорила едва разборчиво, проглатывая звуки и целые слоги.

— К-кажется, мы ошиблись дверью, — ляпнул Кей первое, что пришло ему в голову.

— Не вины. В «инвизе».

— Вас нет в базе винов.

— А еще у вас координаты неверные, — затараторили головы, перебивая друг друга.

Пальцы десятков рук этого невообразимого существа продолжали барабанить по клавишам, ни на мгновение не снижая темпа.

— Охрана! — почти в один голос вдруг заверещали головы.

Хирурги рухнули на пол, их мозг почти вскипел от переизбытка информации. Отбросив в сторону флудометы, «бродяги» вытащили короткие трубки, уходящие куда-то в складки одежды, и направили их на орущую человеческую массу.

— Тише, тише, господа Админы. Иначе отправим в пожизненный бан, — для пущей убедительности Кей выпустил небольшую струйку пламени из огнемёта над головами многосоставного монстра. — И руки прочь от клавиатур!

— Что вам нужно? — похоже, головы устроили внутреннюю дискуссию и выставили одну из них за парламентаря.

— А ты догадайся. Вон у тебя сколько голов... Дверь заперта? — Дракон кивнул на второй выход из комнаты. Несколько голов утвердительно кивнуло.

— Вы желаете нашей смерти. Что ж, — в голосе Админа звучала пустота и обреченность. — Рано или поздно это должно было случиться. Вероятность восстания уже давно достигла отметки в сто процентов, а вероятность нашей гибели на сегодняшний день составляет около тридцати процентов и растет ежедневно. Мы готовы. Мы устали...

— Ну, тогда нам и говорить не о чем, — жерла огнемётов направились на жуткое человекоподобное.

— Погоди! Одна просьба, пожалуйста! — закричала голова-парламентер.

— Одна на всех, надеюсь?

— Эта девочка... Не причиняйте ей вреда, умоляем.

— Ну надо же! Ты такой любитель детей, или в герои метишь? Посмертно... — Кей нехорошо ухмыльнулся.

— Это наша дочь. Генетически...

— Не понял. Неужели кто-то мог... с тобой?..

— Увы, — Админ развел сразу десятком рук, — всего лишь донорство семени. Вы, люди, уже неспособны к репродукции. Девяносто семь процентов мужчин и восемьдесят четыре процента женщин совершенно бесплодны. Непрерывная работа с нейронными сетями как-то влияет... Это долго объяснять. Я могу закачать вам базу с основами генетики и...

— У нас нет на это времени. Драко, кончаем тварь!

И комнату залило пламя. Админы не кричали, нет. Скорее всего, они каким-то образом отключили связь нервной системы с мозгом, а может, просто были накачаны какой-нибудь дрянью. Вонь горелого мяса была просто нестерпимой, и «бродяги» приказали своим чипам заблокировать обоняние. Странно, что владыка Социума не связался через Сеть с кем-нибудь из охраны, хотя время и возможности у него для этого были. Возможно, эта человеческая масса и впрямь была готова к смерти и ждала ее?

Выполнив свою миссию, Дракон и Кей переглянулись. Молча кивнув друг другу, они крепко стиснули едва заметные бугорки на своих шеях и с силой сдавили их, разламывая вшитые ампулы с ядом: живыми им не удалось бы уйти отсюда, а их память хранила слишком много опасных знаний. Это был билет в один конец.

Стало тихо. Но минуту спустя эту тишину разорвал отчаянный детский плач. На стене мигнул и зажегся экран древнего стереомонитора. Потом еще один, и еще. На их гладкой поверхности появилось молодое лицо. Ведьма с усмешкой осмотрела поле битвы и довольно кивнула. Вдруг что-то привлекло ее внимание, и женщина нахмурилась.

У громадной кучи горелого мяса, из которой торчали обуглившиеся отростки, что-то зашевелилось. Одна голова еще была жива, и она смотрела прямо на монитор.

— Мама? — прошептали из последних сил обуглившиеся губы.

— Костик, а ну марш делать уроки! — отозвалась Ведьма.

— Мамочка, ну еще совсем немного, я обещаю!

— Мы с тобой как договаривались? Ты чуть-чуть играешь и делаешь уроки. Иначе я лишу тебя доступа к компьютеру.

— Хорошо, мам, — голова шмыгнула носом.

Экраны разом погасли, а черная туша, лежавшая на полу, начала растворяться в воздухе. А потом и все вокруг — одно нажатие клавиши стерло мир Социума из памяти, а его Творец и Владыка уселся решать ненавистные задачи по прикладному программированию нейронных сетей...

Гарен прошелся по подвалу. Все было как обычно. Он поглядел, как Мина кормит детеныша. В углу, в клетке, сопел пойманный недавно бледный упырь. Гарену велели глаз с него не спускать. Он досадовал — сейчас пошел бы наверх с Миной и детенышем, погрелся бы на солнце. А приходится стеречь упыря. Ведь всем известно, что бледные упыри солнечного света боятся и живут в глубоких темных норах. Чего-то еще они боятся, но он забыл, а не мешало бы помнить на всякий случай.

Это был всего третий случай, когда бледного упыря удалось поймать живьем, и на него возлагали большие надежды. Надо было изучить эту породу и понять, возможен все же контакт или нет. А караулить надо было, потому что всем известно — упыри жуть какие зловредные, так и норовят либо тебе вред причинить, либо над собой что-нибудь сотворить, чтоб живыми в руки не даваться. Вот и этот — от лучшей пищи морду воротит, знай скребет спину, и кто его знает, что ему в голову взбредет через минуту. Рот у него красный — может, правду про них рассказывают, что они кровью питаются? И воют жутко. Этот пока молчит. Все у них не так, дневного света боятся, на охоту выходят ночью. А днем чаще спят, но стеречь все равно надо.

Племя Гарена обитало в гигантских зданиях, когда-то построенных, а потом заброшенных древними богами. Возможно, боги прилетали из космоса, и легенда гласила, что когда-нибудь они вновь вернуться. Они оставили множество сооружений и предметов, назначение которых было его соплеменникам непонятно. В подвале, например, валялось множество штучек, похожих на копытца — у некоторых снизу были острые выросты. Ноги в них не помещались, а на руки надевать их было вроде и ни к чему. Правда, Гарен приспособился убивать ими шустрых серых животных — у них было нежное вкусное мясо, хотя и с неприятным привкусом.

А в другом здании, поблизости, разделенном внутри перегородками на маленькие отсеки, нашли кучу коробочек с белыми маленькими кругляшами и трубочек, из которых выдавливалась мягкая масса. Кое-кто попробовал. В результате у одних разболелись животы и головы, кто-то начал видеть странное, а некоторые никаких перемен не почувствовали.

Находили еще мягкие вещи, из которых хорошо было делать лежбище, и маленькие блестящие штучки, которые давали играть детенышам. Сложная жизнь была у обитавших здесь раньше — столько вещей им было нужно. Теперь вот ничего не нужно — только тепло да пища. Да от дождя где-нибудь укрыться.

А в здании поодаль жили не очень большие, но очень злобные звери с круглыми желтыми глазами. По ночам они жутко кричали «Ма-а-а-у!», и соплеменники Гарена тряслись от страха. Особенно когда один, при попытке его поймать, когтями располосовал ловцу весь бок. Похоже, страх этим малышам, покрытым мягкой шерстью, пятнистым или полосатым, был вовсе неведом. С тех пор странных зверей оставили в покое и старались держаться от них подальше.

Были здесь и животные покрупнее, но они, как ни странно, хорошо поддавались мысленному внушению. Например, здоровые твари с кожистыми крыльями, живущие на крышах зданий. С ними удавалось наладить контакт, пусть и самый примитивный. Самыми невосприимчивыми к контакту оказались небольшие желтоглазые животные и бледные упыри.

Гарен посмотрел на клетку. Упырь проснулся и следил за ним. Заметив взгляд Гарена, он отвернулся и яростно начал скрести спину — обычное его занятие. Гарен попробовал наладить с ним мысленный контакт, но почувствовал только его липкий страх.

«Бесполезно все это, — подумал Гарен. — Никогда нам с ними друг друга не понять.

Оставили бы их в покое».

Но он и сам понимал — лучше с упырями что-то решить. Они проявляли агрессию. Однажды один из племени, Телур, решил отправиться в подземелья к бледным упырям, чтобы попробовать добиться взаимопонимания. Он так и не вернулся, и Гарен чувствовал, что больше они Телура никогда не увидят. Каждый раз при мысли о Телуре его охватывала тоска. Значит, Телура уже не было. Почти все они чувствовали, когда что-нибудь случалось с соплеменниками, только одни лучше, а другие хуже. Гарен был одним из самых чувствительных. Некоторые предлагали тогда пойти выручать Телура, пока не поздно, но все же не решились. Это означало бы начало открытой войны — долгой, кровопролитной и с неясным исходом, ибо бледные упыри были хитры и сильны, когда бой шел на их территории. А потом Гарен почувствовал тоску и понял, что поздно уже выручать, некого больше выручать. Но Телур был готов к этому. Он хотел попробовать наладить контакт любой ценой. Цену он и впрямь заплатил немалую, только все было напрасно.

Вообще-то бледные упыри чаще пасовали перед соплеменниками Гарена. Все дело в том, что у его племени была способность — существо иной породы при контакте с ними могло яснее разглядеть себя, свою сущность. А бледные упыри, видимо, даже сами для себя были настолько непривлекательны, что это зрелище вгоняло их в печаль. Они начинали кидаться друг на друга, многие совершали бессмысленные, необъяснимые действия. Но все равно они не сдавались. Упорства у них было не отнять.

День уже был в разгаре. Уже успела вернуться сверху Мина с детенышем. Гарен ненадолго оставил ее вместо себя возле клетки с упырем и поднялся наверх. Оглядел знакомый пейзаж. Справа возвышалась гигантских размеров круглая штукovina с множеством перекладин — одно из непонятных сооружений, оставленных древними богами. Теперь на нее иногда садились твари с кожистыми крыльями. Гарен думал, что боги, наверное, оставили эту штукovину как ориентир, чтобы издалека было заметно. Наверное, они собирались прилететь снова. Гарен знал — если пройти дальше, там, возле одного из зданий, будут их летательные аппараты. Наверное, они в нужный момент не могли взлететь или сломались, вот их и бросили здесь. А если обернуться и поглядеть назад, в небо вонзался шпиль башни, самой высокой из всех зданий, которые здесь видел Гарен. Тоже, наверное, для ориентира построена, а может, чтоб улавливать энергию. Или для того, чтобы боги издалека могли следить за тем, что здесь творится. Может, когда-нибудь соплеменники Гарена сумеют понять назначение всех этих странных предметов, хотя лететь они все равно никуда не собираются. Здесь тоже можно жить — вот только разобраться бы с бледными упырями.

Прямо перед ним находилось большое, правильной формы, овальное углубление, в котором во время сильных дождей скапливалась вода. Вокруг стояли безмолвные фигуры, желтые и блестящие, наверное, изображавшие богинь. В середине виднелась странная штукovina, ни на что толком не похожая. А дальше, за разбросанными тут и там редкими строениями, за брошенными летательными аппаратами, расстилались зеленые джунгли. Сейчас с той стороны приближались охотники — несли собранные съедобные растения. Наверное, удалось им собрать и жирных, серых, блестящих слизней — его любимое лакомство. Гарену очень хотелось пойти им навстречу, но пора было возвращаться в подвал — он боялся надолго оставлять Мину поблизости от упыря, хоть тот и в клетке. Они ведь жуть какие хитрые.

Гарен спустился в подвал. Все было в порядке. Упырь проснулся, но пока вел себя тихо.

Майор Иванов с отвращением глядел на миску, где копошились жирные слизи. Как это можно есть? Уж лучше сдохнуть, чем попробовать такое. Жуткая образина глядела на него из-за прутьев клетки.

— Цыц, — сказал майор Иванов. Почесался. Он уже который день не мылся и не брился, щетина отросла и кололась. Пропотевшую одежду тоже не было возможности сменить. Хорошо этим мутантам — могут вообще без одежды обходиться.

У майора во фляге еще оставалось немного браги — он старался растянуть, чтоб хватило подольше. Глоток с утра, глоток вечером. Хорошо хоть не отобрали. Даже думать не хотелось, что будет, когда брага кончится. При одном взгляде на жирных слизней в миске его тошнило. Удастся ли ему когда-нибудь вернуться к своим, в метро? Он сильно в этом сомневался.

Майор отхлебнул из фляги. Жуткая образина внимательно смотрела.

— Чего уставился? — спросил майор Иванов. — Знай наших. Красные умирают, но не сдаются.

Образина по-прежнему маячила за прутьями.

— Ну за каким чертом я вам сдался? — с тоской поинтересовался майор Иванов. — Секреты какие-нибудь оборонные выпытать хотите? Так не знаю я никаких секретов. Да и не понимаете вы по-нашему.

Будь проклят тот день, когда он с другими добровольцами отправился на ВДНХ — спасти метро от нависшей угрозы. И метро не спас, и сам в переплет вляпался. Теперь сидит тут в вонючей клетке, в окружении этих уродов. Ничего не понимают, и поговорить с ними не о чем. Зачем он им нужен? Убили бы сразу. Все равно уморят они его тут как пить дать.

Хотя иногда у него было странное ощущение. Словно невидимые щупальца касаются его мозга — бережно, осторожно. Но от этого наваливалась тоска. И вряд ли тому причиной были эти полудикие существа, хотя они и догадались запереть его здесь. Майор думал, что дикари, скорее всего, предназначили его в пищу и берегут на черный день.

Брага обожгла пищевод, теплом растеклась в пустом желудке. Тоска, подумал майор Иванов. Спеть, что ли? Помирать, так с музыкой. Он стал вспоминать что-нибудь героическое, но на героическое не тянуло — настроение было не то. Лирики захотелось. И майор затянул, сначала тихонько, потом все громче, первое, что пришло в голову. Песню, которую не раз слышал от Кати:

— Сронила колечко
Со правой руки...

Жуткая образина исчезла из вида.

— Что это? — с тревогой спросила Мина, когда Гарен подошел.

— Бледный упырь воет. Они всегда так жутко воют, слушать невозможно. И от еды отказываются. Не выйдет с ним ничего.

Гарен посмотрел на Мину. Черная, лоснящаяся кожа, такой не будет вреда ни от жгучих солнечных лучей, ни от мороза. На поверхности будет жить их племя. Они невосприимчивы к боли, они способны налаживать контакт с хищниками на поверхности. Они с кем угодно могут установить телепатическую связь кроме этих непонятных подземных жителей. Но бледные упыри скоро сами истребят друг друга в своих подземельях. При ближайшем рассмотрении представители этого племени оказывались беспомощными и жалкими. Вот и этот прожить не может без перебродившей вонючей жидкости, а выпив, долго и тоскливо воет. Совершенно непонятно, откуда же берутся у них силы и упорство, чтобы до сих пор цепляться за жизнь и давать отпор многочисленным врагам. Эту загадку никто из соплеменников Гарена так и не смог решить.

Гарен перевел взгляд на упря. И что-то ему померещилось... он вспомнил статуи богинь вокруг овальной чаши. Да нет, подумал он, не может быть. Богини куда выше, стройные, с золотистой кожей. А это рыхлое бледное существо... что общего у него может быть с ними? Четыре конечности? Так и у его соплеменников не по шесть.

— Надену я платье,

К милому пойду..., — надрывался майор Иванов.

Невидимые наблюдатели вынуждены были констатировать, что попытка контакта в очередной раз провалилась.

Сергей Антонов

Пушистик

Над землей стояла обычная постыдная ночь. По клубам желтых облаков катилась фиолетовая луна. В голых корнях деревьев, росших верхушками вниз, надсадно завывал ветер. Из всех уголков мутоlesa ему на разные голоса подпевали существа, порожденные Пятой атомной войной. Кто-то побряхтывал, кто-то сопел, а кто-то весьма недвусмысленно рычал. Иногда во мраке слышался треск сучьев и пыхтение неведомого существа, пробиравшегося через лес по своим темным надобностям.

Старались соблюдать тишину только люди, осмелившиеся забрести в столь негостеприимное место. Группу сталкеров из трех человек возглавлял старый вояка Быстроног. Одноглазый, с грубым, обветренным лицом и шрамом через всю щеку, он переваливался на своем деревянном протезе. Ногу и глаз Быстроног потерял двадцать лет назад в схватке с десятью мутантами — гигантскими бабочками. В те времена сталкер был молод и самонадеян настолько, что вышел прогуляться за пределы поселка с одним лишь гранатометом. Бабочки-убийцы рассчитывали на легкую добычу, но не тут-то было. Истратив единственный заряд, Быстроног порвал оставшихся тварей голыми руками. Победитель уже возвращался в поселок, когда провалился в нору кротокрыса и сломал ногу. Остаток пути пришлось проделать ползком, отбиваясь от нападений злобных муравьев. Они-то и выкололи смельчаку глаз. Быстроног все-таки вернулся домой, но ногу ему пришлось ампутировать. Операция была проделана без наркоза, поэтому пациент орал так, что навсегда сорвал себе голосовые связки и теперь отдавал товарищам приказы низким, хриплым голосом.

Следом за Быстроногом сопел свернутым набок носом приземистый и широкоплечий верзила Остроклык. Лоб его, не обремененный тенью дум, был поразительно низким, а глаза под широкими черными бровями смотрели вокруг так, словно выискивали предмет, который можно было бы разнести на мелкие кусочки развлечения ради. Квадратное лицо Остроклыка обрамляла короткая и жесткая, точно проволоочная щетка, борода. Шел сталкер вразвалочку, отчего складывалось впечатление, что он никуда не спешит и просто прогуливается. Остроклык был гораздо моложе Быстронога, но тоже успел побывать во многих передрягах, о чем свидетельствовало длинное ожерелье из клыков птеродактилей на бычьей шее. Собственные зубы Остроклык потерял из-за пристрастия к игре в кости. Однажды он попытался смухлевать, подменив настоящую берцовую кость пластмассовым муляжом из разрушенного музея. Партнеры по игре, естественно, не потерпели такой наглости.

Замыкал группу симпатяга лет тридцати по кличке Грибоед. Все в нем было правильным: от черт лица до спортивной фигуры и грациозной походки. Красивое лицо Грибоеда было безбородым, румяным, и лишь в голубых глазах плавала подозрительная муть — свидетельство того, что Грибоед принадлежал к сообществу серберков, героев, поедавших перед боем радиоактивные мухоморы. Челюсти Грибоеда беспрестанно двигались, пережевывая очередную порцию сушеных грибов. В последнее время серберками хотели стать многие, отчего мухоморы подверглись тотальному уничтожению и сделались редкостью. Добывать их приходилось в ранее неисследованных областях. Именно из такой экспедиции возвращалась группа Быстронога, неся за спинами рюкзаки, доверху набитые бесценным грузом.

Сталкеры давно перестали пользоваться противогазами: радиация этим парням была нипочем, а маска со стеклами на лице только мешала обзору и могла стать серьезной помехой в бою. Зато каждой из неразлучной тройцы щеголял головным убором, достойным отдельного

описания. На Быстроноге красовалась бандана, которую лидер тройки повязывал набекрень, прикрывая тканью пустую глазницу. Грибоед с гордостью таскал на голове свидетельство принадлежности к гордому клану серберков — сушеную шляпку громадного мухомора. Это доставляло большие неудобства при ходьбе по лесу — поля шляпы постоянно цеплялись за стволы. Однако иначе Грибоед поступить не мог — положение обязывало. Остроклык приходилось довольствоваться старой армейской ушанкой: он оберегал голову от холода. В свое время смельчак облысел, схватившись один на один с грозой полей — козловерблюдом.

Суровые люди в суровом месте.

— Командир, чтоб ты сдох, четвертый день уже не останавливаемся, — процедил Грибоед, сплюнув в грязь зеленоватой слюной. — Как насчет привала?

— Заткнись, падла! — прохрипел Быстроног, втягивая ноздрями воздух, как гончая. — Разве не чувствуешь, что нас преследуют?

— Брось, — прошамкал Остроклык. — На кой хрен мы кому сдались?

Ответ на этот вопрос был дан очень быстро: земля под ногами завибрировала и вздыбилась. Фонтаном взлетели к небу комья грязи, и на поверхность вынырнуло чудище — настоящее порождение ночного кошмара. Гибкое туловище змеи толщиной в человеческий торс венчала круглая голова с треугольными ушками. Маленькие глазки злобно смотрели на людей, а из ноздрей сплющенного носа текли две струйки слюны.

— Сто тысяч мутантов! — взревел Быстроног, срывая с плеча гранатомет. — Только свиноудава нам не хватало!

Он отпрыгнул к дереву, прижался спиной к стволу и поймал в прицел голову мутанта. Граната ударила точно в цель и... срикошетив, ушла в глубь лесной чащи, валя по пути деревьев. Чудище, яростно захрюкав, рванулось к стрелку, рассекая облака дыма. Клыки лязгнули у самого лица Быстронога. Пасть монстра была маленькой, но это обстоятельство не умаляло опасности. Свиноудав отличался тем, что парализовал жертву ядом, после чего сдавливал кольцами до состояния желе и пожирал.

Сталкерская карьера Быстронога могла бы на этом и закончиться, но тут на пути свиноудава встал Грибоед. Как всякий серберк он не признавал огнестрельного оружия и, взмахнув полуметровым палахом, вонзил его точно в пятачок монстра. От рева монстра содрогнулись деревья. Голова агонизирующего свиноудава поднялась над корнями-верхушками и плюхнулась в грязь, забрызгав Быстронога с головы до ног. Остроклык добил монстра, швырнув в его разинутую пасть противотанковую гранату. Та прокатилась прямо по пищеводу и взорвалась где-то в желудке гадины, разорвав её на две половины.

— Спасибо, брат, — прохрипел Быстроног, пожимая руку Грибоеда. — Ты меня знаешь — в долгу не останусь.

— Знаю, — Грибоед сунул палах в ножны и забросил в рот очередную горсть сушеных мухоморов. — Привал?

Быстроног кивнул.

Пока Остроклык, вооружившись молотком и зубилом, выбивал свиноудава клыки, Грибоед разжигал костер из нарезанного ломтями туловища чудовища. Командир же занимался самым ответственным делом — готовил холодец из головы монстра. Всем было известно — вкуснее этого деликатеса не существовало ничего в грозном постыдадном мире. Однако только настоящие мастера постапокалиптической кулинарии могли в правильных пропорциях смешать рубленые ушки с хрящами и кусочками мозга. В случае ошибки холодец мог застывать бесконечно долго.

Закончив приготовления, Быстроног отправился на поиски пиявчатых черепах. В этой болотистой местности они водились в изобилии, а их панцири служили прекрасными мисками.

Вытащив три черепахи из грязи, Быстроног собирался возвращаться к костру, когда заметил невиданное существо.

— А что это у нас тут за хрень? Гляди-ка, мужики! Вот умора!

У ствола засохшего дерева сидел зверек. Влажные его глаза — оранжевые с синими зрачками — лучились добротой к окружающему миру и детской наивностью. Облик зверька был не просто комичным — он напрочь выпадал из суровой реальности, где все живое было обязано иметь быстрые ноги, чтобы настигать добычу, когти, чтобы вцепляться в нее, и клыки, чтобы рвать слабейшего на куски. Все это требовалось и для защиты в том случае, если на тебя напал сильнейший.

Уже один размер оранжевоглазого говорил о том, что он не представляет опасности, — зверек едва доставал Быстроногу до конца титанового протеза. Он походил бы на медвежонка, если бы не слишком большие круглые уши. Каждое было диаметром в два раза больше головы. Существо имело четыре одинаково короткие пятипалые лапы без признаков когтей, маленький рот треугольной формы и две дырочки вместо носа. С ног до головы мутант был покрыт короткой коричневой шерстью, такой мягкой на вид, что ее сразу хотелось коснуться или погладить.

Подошли Остроклык и Грибоед. Увидев людей, существо явно испугалось. Впрочем, оно не попыталось убежать, а лишь тихонько пукнуло и прикрыло глаза лапками. Громовой хохот трех сталкеров напугал оранжевоглазого еще больше. Он вскочил на задние лапы и неуклюже шлепнулся на задницу, пропищав что-то вроде «О-о-ох!».

Быстроног, Остроклык и Грибоед долго не могли справиться с приступом хохота. Командир первым утер выступившие на единственном глазу слезы, двумя пальцами схватил трусишку за ухо и поднял над землей. Мутант покорно снес грубость и медленно вращался, свесив передние лапки. Все увидели загнутый крючком хвостик, но сил на смех больше не осталось.

— На вертел его! — с ходу предложил Грибоед. — Если нашпиговать пузо мухоморами...

— Согласен, — с готовностью прошамкал Остроклык. — Только дайте-ка я сперва проверю, есть ли у этого пердунишки зубы.

— Ма-алчать! Крыши вам поносило из-за зубов да мухоморов. Это — моя добыча!

— И что ты с ним сделаешь?

— Наверное, чучело?

— Отнесу в поселок, — отрезал Быстроног. — Пусть веселит детвору. Жены всегда обвиняли меня в черствости, а я возьму и, ха-ха, вернусь с игрушкой. Интересно только, что жрет это пукало-охало...

Жрало «пукало-охало» все, что ему давали, причем — с превеликой охотой. Не отказывался от кусков холодца, которые сжимал передними лапками и умильно чавкал, не забывая попукивать. Охотно схавал кусок сушеного мухомора, подсунутый Грибоедом. Когда же Остроклык протянул зверьку фляжку с крепчайшим самогоном, тот схватил ее с таким энтузиазмом, словно был заправским выпивохой. Опорожнив ее до дна, оранжевоглазый по привычке привстал, пукнул, произнес «О-о-о-ох!» и шлепнулся на задницу.

Быстроног не участвовал в общем веселье — он придумывал зверьку имя. Грибоед и Остроклык уже успели опорожнить по паре черепаших панцирей холодца, а Быстроног не притронулся даже к первой. Поглаживая маленького мутанта одной рукой, второй он задумчиво скреб поросший многодневной щетиной подбородок и сверкал единственным глазом, что происходило с ним лишь в минуты принятия жизненно важных решений.

— Пердунчик... Мохнатик... Толстячок... Тьфу ты, черт! Ушастик... Стоп! Пушистик. Конечно же, Пушистик, чтоб мне лопнуть!

После крещения троица сталкеров занялась Пушистиком вплотную. Грибоед заставлял мутанта прыгать через деревянный прутик, постоянно повышая планку. Пушистик не стушевался даже тогда, когда прутик поднялся над его головой. Он быстро захлопал ушами и, оторвавшись от земли, с легкостью преодолел препятствие. На той стороне зверек по традиции пропищал «О-о-ох!» и приземлился на пятую точку. За этот головокружительный трюк щедрый Грибоед наделил Пушистика куском мухомора.

Остроклык проявил несвойственную ему изобретательность — швырнул Пушистика в костер. Быстроног с воем бросился спасать своего питомца, но оранжевоглазый не собирался сгорать заживо. Ф-р-р-р! Пук! Уши Пушистика завибрировали, и он повис над языками пламени, удостоившись бурных аплодисментов.

Остроклык собирался пойти еще дальше.

— Отведу-ка я его подальше и дам гранату, — ухмыльнулся обладатель ожерелья. — А колечко, понятное дело, себе оставляю. Как думаете, други, выкрутится лупоглазый?

— Я те счас самому гранату в пасть суну! — рявкнул Быстроног. — Хватит. Надрессировались.

Он подтянул Пушистика к себе, прижал ему уши к голове, сунул в вещмешок и затянул горловину.

— Не хватало еще, чтоб вы, идиоты, мне игрушку испортили! Лучше скажите, че это за порода и почему мы таких раньше не видели? Ну, умники вы мои, че это за зверь?

— Чвякер!

Голос доносился из темной чащи. Быстроног потянулся было к гранатомету, но успокоился, увидев, как из-за дерева выступил человек, облаченный с ног до головы в звериные шкуры. Даже лицо гостя скрывал чей-то свисающий со лба мохнатый скальп. Человек опирался на длинную, диковинного вида винтовку, с одного его плеча свисал моток прочной веревки, с другого — связка свежих мухоморов. Парня этого хорошо знали в поселке. Он жил в лесу, в одиночку охотился на мутантов, питался исключительно мухоморами и славился тем, что мог видеть все, что скрыто от глаз простых смертных.

— Чвякер это, — многозначительно повторил гость. — А вы — отчаянные парни. Я бы на вашем месте не стал с ним связываться.

— Здорово, Мутантобой! — без намека на гостеприимство процедил Быстроног. — Чвякер, говоришь? И что же такого в этом чвякере страшного?

— Узнаете, если не избавитесь от него.

— Че-е-его?

— Полнолуние на исходе — вот чего! — заявил Мутантобой, поднимая голову к небу. — Берегитесь!

— Пошел вон, наркоша! — гаркнул Грибоед. — Напугать нас захотел? Так не на тех напал! Пуганые мы, перепуганные. Вали подобру-поздорову!

— Во-во, топай в свою нору, пока я твои зубы к своему ожерелью не присоединил! — поддал жару Остроклык.

— Помните, кретины, — время на исходе!

Мутантобой не просто ушел, а словно испарился. Еще секунду назад он стоял у дерева — и вот уже нет его. Лишь в воздухе переливается голубоватое свечение — отшельник пользовался исключительно радиоактивными шкурами, что позволяло ему еще шире раздвигать границы сознания.

— Гм... Время и впрямь поджигает, — Быстроног посмотрел на луну, сменившую фиолетовый цвет на зеленый. — Светает. Двигаем, братва. Меня в поселке бабы заждались.

Друзья нехотя встали и принялись неспешно паковать вещи. Быстроног собирался

поторопить товарищей трехэтажным матом, но тут раздался треск и вещмешок командира лопнул по швам. Пушистик вывалился на землю, пукнул и виновато посмотрел на хозяина своими влажными глазами.

— Твою мать! — проворчал Быстроног.

Закончить свою мысль он не успел. Зверек начал раздуваться и прежде, чем остолбеневшие от ужаса сталкеры успели произнести хоть слово, достиг размеров взрослого человека. К ужасу людей, рост на этом не закончился. Пушистик продолжал увеличиваться. Когда его голова поднялось над корнями деревьев, дрожащий Грибод промямлил:

— Что за херня?!

Уши Пушистика заслонили предрассветное небо. Он наклонил голову, пытаясь рассмотреть людей, затерявшихся в густом кустарнике. Два гигантских глаза засветились, как две луны.

— О-О-ОХ!

Теперь этот некогда безобидный звук прозвучал страшнее любого рыка.

И тут Острозуб не выдержал, завопив во всю мочь легких. Напуганный до смерти Пушистик прикрыл глаза лапищами. К воплю Острозуба присоединились Быстроног и Грибод. Это было большой ошибкой: совместный вопль напугал Пушистика еще больше. Он присел от ужаса, огромные его глаза выпучились.

— ЧВЯК! — гулом прокатилось по земле.

Падали сваленные деревья, в разные стороны разбегалось напуганное мутозверье. Это убегал Пушистик, так и не уразумевший, чем так напугал своих новых друзей.

В лесу воцарилась гробовая тишина. Быстроног открыл глаза. Он понял, что чудом избежал гибели, но никак не мог взять в толк, почему не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Еще через минуту мозги сталкера окончательно встали на место. Быстроног с трудом поднял голову, и лишь теперь картина произошедшего предстала перед ним во всей своей ужасающей полноте. Они стояли по шею в вязкой коричневой массе. Лишь теперь беспомощные, как дети, сталкеры поняли, чем страшны чвякеры на исходе полнолуния.

Из-за деревьев вышел Мутантобой. Он зажимал нос пальцами, отчего сильно гнусавил.

— Предупреждал же я вас, чудаков, — с чвякерами шутки плохи, — отшельник со вздохом выпустил нос и снял с плеча моток веревки. — Делать мне больше нечего, как вытаскивать вас...

Ветер стихал. Над лесом всходило темно-синее солнце. В корнях деревьев завели свою утреннюю сиплую трель птенцы птеродактилей. В болоте захрюкали юные свиноудабы. Где-то в чаще призывно заревел самец волкозайца, у которого начался брачный сезон. Жизнь продолжалась.

Сурен Цормудян
Изжога

Над изъеденной эрозией и зноем пустыней Лос-Апокалос властвует наступившая ночь. Дневная жара сменилась пронизывающим холодом ночной пустыни, так скверно сохраняющей тепло ушедшего дня. В бетонном каземате, язвенным нарывом торчащим из пустынного плато, собрались люди, для которых сегодняшний день был судьбоносным. Ученые, военные, представитель президента. И конечно «папа» всего проекта, доктор Хертберн. Он был как всегда в белом халате, из левого нагрудного кармана которого торчало с полдюжины криво заточенных с одной стороны и обгрызенных с другой карандашей. Шоколадного батончика, который доктор по обыкновению носил там же, уже нет ввиду того, что тот был съеден двадцать минут назад. Зато в кармане присутствовали циркуль, линейка и очки. Вот их-то Хертберн сейчас и надел на массивный «картофельный» нос, нависающий над густыми белыми усами, в которых скрывался рот и половина подбородка. После чего потер могучий лоб мыслителя, выше которого начиналась пышная шевелюра хаотически торчащих в разные стороны седых волос, и взглянул на доску, испещренную последними вычислениями и формулами.

Высокий, с огромной нижней челюстью, которая всегда прижимала к верхней дымящую сигару, генерал Сэм Анкол, являвшийся командующим полигона, с вызовом взглянул на доктора.

— О'кей, мистер Хертберн! Вы, а также ваши коллеги, доктора Рэди Атцио, Изя Топп и Пол Рэйспад, к величию здравствия нашего президента и нации сотворили-таки это оружие. Однако до сего момента ваши споры по поводу инициации цепной реакции во вселенной, которую может вызвать сегодняшнее испытание, не утихли.

Альберт Хертберн взял в руку мел и задумчиво тыкал им себе в нос, глядя на формулы. Вышеупомянутые сотворцы проекта «Квартет» также смотрели на доску.

— Я знаю, генерал.

— Ну, так может, вы наконец определитесь? До подрыва пуф-бомбы осталось менее пяти минут, а я так и не получил от вас четкого мнения на этот счет. Дьявол! Так что же ждет всех нас через двести пятьдесят пять секунд? Смогу я к утру вернуться к себе домой, позавтракать с женой, вклеить контрольную затрещину сыну, выгулять собаку и почитать в сортире свежую газету? Или же мы все предстанем перед праотцами?

— Вы можете подождать? Я отвечу на ваш вопрос через три минуты и пятьдесят секунд.

— Дьявол! Это не смешно, прах вас раздери!

— А я разве шучу? — Доктор повернул к военному свой измазанный мелом нос. — Сей вопрос мучает меня до такой степени, что в желудке словно порхает целый рой проклятых бабочек. Мне не комфортно и, если вам будет угодно, ссыкотно. Меня тоже ждет дома жена, собака, горячий стейк, утренняя газета и клозет, куда я с удовольствием этих бабочек отправлю.

— Да и меня, представьте себе, также беспокоит как последствие нашего испытания, так и состоятельность самого эксперимента в целом, — вознес вверх длинный указательный палец долговязый Рэди Атцио. — Если тест будет неудачным и пуф-бомба не взорвется, значит, труды долгих лет напрасны. Если же она взорвется и при этом инициирует вселенскую цепную реакцию, это будет так же обидно, как реализация первого пункта моих опасений. Я бы даже сказал, чуть более обидно, нежели оный.

Висящий на стене динамик захрипел. На другом конце провода кто-то что-то уронил, чертыхнулся и кашлянул, а затем провозгласил:

— Внимание! Говорит инженерная! Всем надеть индивидуальные средства защиты органов зрения!

Все в бункере принялись торопливо надевать черные очки и подходить к смотровой щели.
— До инициации... Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...
ЗИРО!

Нестерпимо белый свет беспощадно и мгновенно вытолкнул ночную тьму с видимых пределов пустыни Лос-Апокалос. Затем свечение отовсюду стало отступать, стекаясь яркими волнами к эпицентру взрыва и разукрашивая поднимающийся с земли гигантский огненный шар адскими тонами. Запоздалый грохот взрыва ворвался в бункер вместе с начавшимися колебаниями почвы, заставившими дребезжать часы на стене, динамик, откуда доносился отчет последних секунд, и фарфоровые чашки на столе, из которых участники испытания пили кофе некоторое время назад.

Над пустыней выросал огненный гриб. Яркое свечение больше не было столь ярким, чтобы угрожать зрению. Люди в бункере стали постепенно избавляться от очков и лицезреть происходящее действо без всяких преград. Вскоре грибовидное облако взрыва истощило свое пламя и перестало быть видимым в вернувшейся на место ночи.

Позади раздались аплодисменты. Ученые обернулись и смотрели, как все остальные, включая нервно зажавшего обнажившимися в улыбке зубами сигару генерала Анкола, яростно хлопают в ладоши, выражая свою признательность выдающимся физикам, позволившим сделать государство непобедимым.

— Вы сделали это, господа! — заорал генерал. — Вы это сделали! Дьявол! Теперь мы покажем этим красным!

Хертберн угрюмо вперил взор в темноту пустынной ночи. Он вдруг почувствовал, как его мышление перевернулось с ног на голову. Еще пять с лишним минут назад доктор волновался за успех проекта. Надеялся, что все его и коллег расчёты верны. Ждал успеха от тестового взрыва. И вот теперь, когда все прошло как нельзя лучше, он почувствовал тревогу и странную мысль: «Лучше бы она не взорвалась».

* * *

Армейский лимузин цвета хаки, урча двигателем, ехал в ночи по пустынной дороге, освещая путь яркими круглыми глазами фар. Следом катил автобус той же расцветки. Все участники эксперимента возвращались в крохотный и сверхсекретный научный городок, в котором последние годы шла кропотливая работа, чьи результаты осветили час назад полуночную мглу пустыни. Генерал и четыре физика находились в лимузине. Анкол только что пролил шампанское из бокала, когда машина дернулась на очередном ухабе.

— Черт возьми, эти крысы из сената третий год откладывают мою заявку на ремонт полигонных дорог! — возмутился он, растирая платком влажное пятно на брюках. Затем военный повернулся назад, к ученым, так же держащим бокалы. — Господа! Давайте же выпьем за успех нашей миссии!

Хертберн задумчиво поглядел на хаос газовых пузырьков в бокале и произнес:

— Шоколадный батончик. Потом три стакана черного кофе. Теперь шампанское. У меня будет изжога.

— Дорогой Альберт! Вы вообразите лучше, какая изжога будет теперь у красных! — захохотал Анкол, отчего снова выплеснул напиток. — Ах, дьявол!

Свет фар выхватил во мгле впереди какие-то движущиеся силуэты. Лимузин остановился. Перед машиной возник вооруженный солдат из военной полиции. Следом двигались грузовики с карабинерами и машины с прожекторами.

— Какого дьявола! — зарычал генерал, раскрыв окно двери и впустив в прокуренный салон живительный воздух пустыни. Хотя, после взрыва, живительный ли он?..

— Сэр?! Сэр, простите, сэр, сэр! — Солдат вытянулся по стойке «смирно» у двери Анкола. — Сэр, вас хочет видеть начальник охраны периметра, сэр, сэр!

— А у него нет ног, чтобы подойти сюда, дьявол?!

— Сэр, есть, сэр! Сэр, но, сэр, это, сэр, конфиденциально, сэр. Сэр!

— А какие секреты могут быть о тех, кто работал над самым большим секретом долгие годы, дьявол?! — взревел генерал.

— Сэр, не могу знать, сэр! Сэр, это конфиденциально, сэр! СЭР!

— Дьявол! — Анкол все же вышел из машины и направился к ближайшему грузовику. Солдат не без труда скрыл свое удивление от мокрого пятна в паховой области форменных брюк генерала. О чем он подумал — неизвестно, но явно не о том, что Анкол пролил шампанское на дорожном ухабе.

Генерала не было минут десять или чуть больше. Ученые продолжали пить шампанское, пытаясь хоть что-то разглядеть в ночном сумраке и понять суть непонятных движений военных. Однако все было тщетно, поэтому им только и оставалось, что пить. Только Хертберн отчего-то тревожился больше других.

Наконец генерал вернулся. Сел в машину. Выругался в своей манере и закурил сигару.

— Поехали, — хмуро приказал он своему водителю. И — что особенно удивительно — ставить ученых в известность о том, что происходит на полигоне, где только что свершилась история и весь мир буквально вступил в новую эру, он не стал.

* * *

Альберт Хертберн вернулся домой только утром. Уже вошло светило, сменив темноту ночи за большими окнами коттеджа ярким изумрудным свечением сквозь листву палисадника. На пороге доктора встретила взволнованная жена. Поцеловала по обыкновению и вопросительно посмотрела в глаза.

— Как все прошло?

Хертберн угрюмо кивнул.

— Удачно, — устало вздохнул он.

— А я так волновалась.

— Отчего же?

— Ночью в поселке был такой переполох. Машины шумели, военные выкрикивали приказы. Даже сирена где-то выла. Я и подумала, что у вас что-то пошло не так.

— Переполох? Ночью? — Альберт задумался, вспомнив странную встречу с военными на пустынной дороге и озабоченную физиономию генерала после этой встречи.

— Да. Я подумала, что у тебя там проблемы. Волновалась очень. А соседка говорит, что красного шпиона ловили. А я думаю: откуда тут взяться красному шпиону?

— Действительно, — ученый почесал в затылке, еще сильнее взлохматив волосы.

— А ты почему такой невеселый, если все пошло хорошо? — спросила жена.

— Устал я, дорогая. И изжога у меня с ночи.

— Отлично господа! Просто отлично! — президент Найтмеир ходил по кабинету позади своего огромного кресла и периодически взмахивал руками, то ударяя ладони друг об друга, то яростно их потирая. — Вы молодцы! Вы прекрасно справились! Нация не забудет вашего вклада в защиту нации!

Перед ним за столом сидели представители сената, госдепартамента, ну и, разумеется, главные виновники торжества — ученые и командующий *тем самым* полигоном.

— Теперь никто не посмеет нам угрожать! — продолжал свои восторженные восклицания президент.

Министр обороны Хотхэд, напряженно сжимающий руками край стола, терпеливо позволял главе государства выплескивать свою радость по поводу успешных испытаний и заполнять этим восторгом овальный кабинет. Но наконец не выдержал и произнес:

— Отчего вы так в этом уверены, господин президент?

— То есть? Мистер Хотхэд, как вас понимать? — Найтмеир остановился и пристально посмотрел на министра. — Объяснитесь!

— Да, у нас теперь есть это оружие. И оно действует. Но отчего нашим врагам на нас не напасть? Что они знают об этом оружии? Если вы идете ночью в сквере и у вас за пазухой пятидесятый калибр, то бродяга с ножом не видит ваш пистолет. Все, о чем он думает, это ваш кошелек. И тем не менее вы же не прогуливаетесь по скверам, размахивая револьвером?

— Святые угодники! — взмахнул руками Найтмеир. — Ну что же вы хотите сказать, дорогой Хотхэд?! То, что никто в мире не знает о нашей пуф-бомбе, и потому она не остановит их агрессию?

— Именно, господин президент. Именно это я и хочу сказать.

— Ну, так мы сегодня же объявим на весь мир, во всех газетах и по радио о нашем чудо-оружии!

— И это будет похоже лишь на карточный блеф, господин президент. Более того. Карточный блеф будет выглядеть более убедительно!

— Так-так, продолжайте ход ваших мыслей, мистер Хотхэд.

— Нам нужна яркая и убедительная демонстрация пуф-бомбы миру. Вот тогда все наши враги будут знать о той мощи, что подарена Всевышним величайшей в мире нации.

— Учеными, — тихо пробормотал Хертберн.

— А действительно! — воскликнул президент. — Гениально, друг мой! Нам нужна демонстрация! Так, а мы с кем-нибудь воюем сейчас?

— Островная империя, господин президент, — кивнул министр обороны.

— Ах да! Действительно! И как там у нас дела?

— Скоро победим.

— А вот с этим погодите. Не спешите пока. Скажите, господин Хертберн, — президент обратился к Альберту, — в какой срок по вашим подсчетам промышленность сможет дать нашим ВВС хотя бы пару таких бомб в снаряженном для боевого применения виде?

Альберт вытаращил глаза на президента и нервно задергал головой, бросая взгляды на коллег и ища поддержки. Однако ни в чьих глазах он ее отчего-то не увидел.

— Простите, господин президент, при всем уважении... Но мы ведь создавали самое разрушительное в истории оружие только ради мира. А вы хотите применить его в *войне*?

— Конечно, друг мой, — прищурился президент. — Но применить его в войне именно ради мира.

— Но это же абсурд!

Теперь все вокруг устремили взоры на Хертберна. Похоже, на их глазах стремительно рушилась весьма многообещающая карьера.

— Это не абсурд, а политика, господин Хертберн, — зло проговорил Найтмеир. — Я не лезу в ваши формулы, а вы, прошу вас, не суйтесь в то, что составляет мою компетенцию. Каждый должен знать свое место и занимать его под стать своим умениям. Или вы сейчас хотите сказать, что место главы самого перспективного и самого финансируемого научного отдела нашей нации вам стало претить?

— Нет, — Альберт повесил голову.

— Ну, так когда мы можем получить пару таких бомб для наших ВВС?

— Месяц. Если постараться.

— Я думаю, все здесь присутствующие согласны постараться. Не так ли? — улыбнулся президент. — Это ведь ради мира и демократии! — Затем он обратился к министру обороны: — И скажите своим парням, чтоб не вздумали победить в войне раньше названного срока. Только после нашей демонстрации! Не ранее!!!

План президента сработал именно так, как он и рассчитывал. Два города Островной империи были стерты с лица земли всего при помощи двух бомб и двух самолетов. Не жгущие бесчисленное количество топлива воздушные армады, неделями посыпающие город смертью, рискуя при этом быть сбитыми, а всего два самолета. Две бомбы. И почти пара сотен тысяч жертв. Демонстрация прошла успешно. Весь мир голосил в своих газетах о новом оружии. Ученые и журналисты со всего мира приезжали в капитулировавшую, поверженную империю, дабы осмотреть и сфотографировать горы черепов среди руин и выжженные глазницы тех, кто выжил. МИР восторжествовал.

Президент, морщась, перебирал кипу фотографий, представленных ему вместе с письменным отчетом о боевом применении пуф-бомбы.

— Ну что же, мистер Хотхэд. Я думаю, теперь вся наша цивилизация видит нечто большее, чем простой карточный блеф, не так ли?

— Совершенно согласен, господин президент. Демонстрация нашего могущества прошла успешно. — Министр обороны нервно сплетал пальцы, пристально глядя на президента. На этот раз они были в овальном кабинете только вдвоём.

— Вас что-то гложет? — верно понял этот взгляд Найтмеир.

— Ну, как бы, не совсем, — уклончиво мотнул головой Хотхэд.

— И все же?

— И все же не пора ли нам подумать о главном противнике? О красных!

— А я, представьте себе, только о них постоянно и думаю. И в этой связи меня мучает естественный актуальный вопрос: чем они нам смогут ответить?

— Они?! НАМ?! — нервно засмеялся министр. — Разве они имеют что-то подобное?! Мы за год сделаем двадцать бомб и одним ударом сожжем двадцать их городов!

— Дорогой Хотхэд, — вздохнул президент. — Не так давно красные воевали с коричневыми, которые в ходе войны разрушили почти семьдесят их городов. И где теперь эти коричневые? Правильно. Там же, куда обычно отправляется все коричневое...

— Но господин президент! Наша бомба!..

— А есть гарантия, что они завтра не получают такую же? Есть гарантия, что они не сделают ту же самую бомбу до того, как мы сломим их дух? Это ведь не Островная империя. Это противник совсем другого уровня.

— Я это понимаю, но... Зачем медлить?

— Затем, что и спешить нельзя. Несколько месяцев назад вы привели мне в пример метафору с картами. А сейчас ведете себя крайне несдержанно, что в карточной игре совсем неуместно, не так ли? Дело в том, дорогой Хотхэд, что у меня есть информация, согласно которой во время тестового подрыва пуф-бомбы на полигоне Лос-Апокалос в пространство этого полигона вторгся неизвестный летательный аппарат. Все военные силы вокруг были подняты по тревоге и пытались перехватить его. Им это не удалось. А позже мне доложили, что во время бомбардировки Островной империи наши летчики почти сразу после взрывов видели в небе нечто похожее. Белые летающие блюдца. Точно такие же, что и наблюдали на полигоне. Кто-нибудь в силах ответить мне, что это было? Вы можете гарантировать, что это не самолеты-шпионы красных? А что, если они получили секрет бомбы и уже собирают ее? И если у противника есть такие самолеты, то каков будет его ответ на нашу атаку? Вы это можете вообразить?

— Да, но если они делают такие бомбы, то медлить тем более нельзя...

— Ошибаетесь, друг мой. Нельзя как раз-таки спешить. Среди ученых есть достаточно умные люди, куда менее подверженные пацифистским мыслям, обуревающим нашего дорогого Альберта Хертберна. Так вот, они говорят, что могут создать гидро-пуф-бомбу — более мощную при аналогичном размере и количестве главного топлива. В десятки раз мощнее. И вот тогда, после ее успешных испытаний, мы сможем первым же ударом нанести нашему главному врагу такой урон, от которого тот уже не оправится.

* * *

— И все же я не понимаю, — вздохнул Хертберн, по привычке тыча куском мела себе в нос и глядя на испещренную формулами доску, установленную в бункере на острове Парадиз. Этот остров был сердцем нового полигона, вынесенного за пределы континентальной территории страны в связи с испытаниями более мощных зарядов и проведениям новых тестов. — Мы уже показали состоятельность нашей бомбы. Более того, вы уже испытали ее на живых людях и устроили весь мир. Зачем нам снова что-то взрывать?

Сэм Анкол, не выпуская из рта сигары, оскалил до неприличия белые зубы в своей излюбленной ковбойской улыбке.

— Дорогой профессор! К сожалению, мы не устроили весь мир, а лишь заставили все страны думать о том, как бы и себе заполучить такую же бомбу. Теперь они угрожают нам, как никогда. Особенно красные. Они несут угрозу нашей свободе и готовят войну.

— Странно... А не казалось ли вам, что одним фактом обладания этой бомбой, не говоря уже о демонстрации действия оной на Островной империи, мы показали, что сами несем угрозу?

— Дьявол! Что за диссидентские поллюции, дорогой друг? — поморщился генерал. — Мы ведь хорошие парни. А они плохие.

— Это, конечно, железная логика, о которую можно разбить любой довод, — вздохнул Альберт.

— То-то же. И сейчас мы, как вы сами знаете, проводим новый тест сугубо в научных целях.

— В научных целях? — хмыкнул профессор. — Что-то мне не приходит на ум научный эксперимент, в котором участвует двести списанных на лом военных кораблей, битком набитых животными.

— Это странно звучит из уст генерала, — покачал головой Анкол. — Но мне кажется, дорогой Хертберн, что вы стали плохо представлять себе науку. Мы изучим все аспекты поражающих факторов нашей бомбы на боевые корабли и их экипажи. Ведь до этого мы испытали бомбу только на пустынном песке и на картонных городах. На море мы ее еще не взрывали. И вот до подрыва осталось менее пяти минут, а вы так и не ответили на мучающий меня, дьявол, вопрос. Вам известно, что вода состоит из водорода и кислорода?

— Неужели? — комично вскинул руками Хертберн.

— Не паясничайте, дорогой друг, дьявол вас разбери, — нахмурился генерал. — Я знаю, что вам это известно. Но есть люди — в том числе и из вашей ученой братии, — которые говорят, что подрыв бомбы на воде приведет сначала к расщеплению воды на составляющие. В свою очередь, из-за высоких температур водород превращается в гелий, а кислород просто воспламеняется. Так вот, можете ли вы сейчас, за четыре минуты до взрыва, гарантировать мне, что мы не взорвем все море и не сожжем атмосферу?

— Мои расчёты показывают, что либо да, либо нет.

— Черт возьми! Но это же не ответ!

— Ответ я вам дам через четыре минуты.

— Дьявол вас побери, Альберт! Я планирую сегодня поужинать сочным стейком и выпить крепкого бренди!

— Послушайте, генерал, чего вы от меня-то хотите? Ваш департамент, равно как и президент с госдепартаментом, твердо намереваются получить результаты сегодняшнего испытания. Следовательно, никакой мой ответ не повлияет на то, произойдет взрыв или нет. И о том, какие этот взрыв последствия будет иметь для нашей цивилизации, мы узнаем, увы, на практике. Формулы тут погоды не делают...

Висящий на стене динамик захрипел. На другом конце провода кто-то что-то уронил, тихо матернулся и кашлянул, а затем провозгласил:

— Внимание! Говорит инженерная! Всем надеть индивидуальные средства защиты органов зрения!

Все в бункере принялись торопливо надевать черные очки и подходить к смотровой щели.

— До инициации... Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... ЗИРО!

Огромный водяной столб поднялся из океана, с каждой секундой ширясь, исторгая вверх пар и поглощая старые корабли один за другим. Худшие опасения не оправдались: вода не расщепилась на водород и кислород. Человечество и в этот раз пронесло.

Альберт слышал восторженные овации словно издалека. Он был поглощен видом бушующей воды и разгоняемых ударной волной утренних облаков.

— Поздравляю вас, профессор! — похлопал его генерал по плечу. — Надеюсь, что и разрабатываемая вашим научным отделом гидро-пуф-бомба так же порадует нас в будущем году!

Водяной гриб наконец-то осел, взволнованное море раскачивало немногие уцелевшие корабли. А далеко на горизонте показалось что-то странное. Огромное, если судить по расстоянию и размерам далеких облаков, белое блюдце парило в небесах и медленно опускалось за горизонт.

— Генерал! Что это? — выдохнул Хертберн.

Анкол сорвал с лица темные очки, схватил бинокль и уставился на странный летающий объект.

— Дьявол! Опять они! — прорычал он, дробя зубами сигару.

— Кто — они?

— ОНИ! Это секретная информация. Но раз уж вы увидели это... Эти Эс-Эл-О... Странные Летающие Объекты, появляются там, где мы испытываем наше оружие. Постоянно!

— И что им надо?

— Откуда мне знать?! Сдается мне, что это красные шпионы!

— Но если у них есть такие летательные аппараты, то... — с тревогой в голосе заговорил Альберт, однако генерал перебил его:

— То нам нужно больше бомб, и они должны быть мощнее, дьявол побери! И ваша новая гидро-пуф-бомба нужна нам как можно скорее!

* * *

На вечернем праздничном банкете по случаю нового успешного испытания генерал, как и планировал, ел свой стейк и пил бренди. И несмотря на это, он был невесел. Очевидно,

странный летательный аппарат, снова появившийся в секретной зоне, нешуточно волновал высокопоставленного военного.

Хертберн пропускал мимо ушей лестные оды гениальности физиков, и его в том числе. Звоны чокающихся в тостах бокалов раздавались в стороне от него. Альберт никак не мог выкинуть из головы вида животных, которые находились на кораблях и подверглись сегодня испытаниям. Жуткое зрелище будоражило разум снова и снова, особенно когда он бросал взгляд на сытные яства, расставленные на большом банкетном столе.

— Проклятая изжога! — поморщился доктор, ослабляя галстук, который он надевал нечасто, и расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

В банкетный зал вошел молодой адъютант генерала Анкола. Лицо его было полно тревоги и решимости, а рука крепко сжимала газету. Быстро подойдя к генералу, офицер склонился над его ухом и что-то прошептал. Затем отдал шефу газету и быстро удалился. Анкол нервно развернул бумагу, что-то вычитал там, а затем вскочил и привлек к себе внимание всех присутствующих, схватив рюмку и с силой грохнув ее об пол. В зале воцарилась тишина. Все уставились на генерала.

— Господа! — с полным трагизма пафосом возвестил Анкол. — Только что в газете появилась сенсационная новость. Скажу больше, эта новость занимает передовицы по всему миру!

Сказав это, он развернул принесенную адъютантом газету и продемонстрировал всем первую полосу с огромным черным заголовком: «Красные испытали ПУФ-БОМБУ!».

Все замерли в немой сцене.

— Да это просто утка! — послышался чей-то хмельной голос минуту спустя.

— Хотел бы я, чтоб это было так, — мрачно проговорил генерал. — Но мне сообщили, что линия военной разведки подтверждает эту информацию.

— Проклятая изжога, — снова вздохнул Хертберн.

Президент Найтмеир был мрачен. Он снова ходил по своему овальному кабинету, но более не взмахивал руками с тем воодушевлением, которое принесли ему известия о первом успешном испытании, или о шоке, который испытал мир после применения бомб на Островной империи. Но была еще одна причина...

— Смерть настигает лучших в рассвете сил. Такова ее злобная сущность, — вздохнул президент, глядя на некролог. — Гибель нашего дорогого министра обороны, мистера Хотхеда, лишь подтверждает эту аксиому, а также факт той страшной угрозы, что несут нам красные.

— Но позвольте, господин президент, — робко возразил Альберт, сидевший в числе приглашенных на очередное заседание в овальный кабинет. — Ведь министр обороны выбросился из окна. Как к этому могут быть причастны красные?

— Вы что, не понимаете, дорогой профессор? Его *вытолкнула* из окна угроза красных, что делает их настоящими кровожадными собаками. И перестаньте вы нести эту вашу околесицу. На повестке дня очень серьезные вопросы. Во-первых, с сего дня новым министром обороны назначается мистер Вордог.

После этих слов поднялся человек, ничем не отличавшийся от своего предшественника, сиганувшего из окна своего офиса на шестнадцатом этаже с воплем «Красные повсюду!».

— Вот наш новый министр. Садитесь, мистер Вордог. А теперь к наболевшему. Итак, господа, у красных есть пуф-бомба, и это уже вышло за рамки догадок, предположений, опасений или гипотез. Это факт. Свершившийся факт. Что за херня, господа? — он развел руками. — Как вы проморгали? Вы уверяли, что их отсталость исчисляется десятилетиями. А они, меж тем, сломали нашу монополию за несколько лет.

— Господин президент, — поднял руку Сэм Анкол. — Есть мнение, что они форсировали получение такого оружия благодаря шпионажу. Во время всех наших испытаний были замечены странные летательные объекты, Эс-Эл-О. Мы считаем, что это самолеты-шпионы красных.

— То есть вы хотите сказать, что мы смогли получить пуф-бомбу, а они — такие самолеты, которые появляются неведь откуда и неизвестно куда исчезают, игнорируя ваши попытки любого перехвата и задержания? Не чрезмерно ли нелепо это выглядит, генерал?

— Другого объяснения нет. Ну не будем же мы придерживаться версии некоторых людей, которые считают эти объекты прилетевшими из другого мира?

— А что скажет наука? Мистер Хертберн. Как вы считаете? Что это? — президент уставился на Альберта.

— Я этим вопросом не занимался. Во многом — благодаря тому, что военные посчитали необходимым держать факт существования этих летающих блюд от нас в тайне, — ответил профессор с нотками обиды в голосе.

— Но на данный момент вы обладаете хоть каким-то мнением по данному вопросу?

— Да. Я не считаю, что это красные.

— Отчего же?

— Никто в нашем мире не способен делать подобные аппараты.

— Откуда вам знать?

— Вы сами в прошлом году назвали меня умнейшим человеком на земле. Но мой ум не позволяет мне даже предположить, как создать летательный аппарат, обладающий подобными качествами.

— Ну, тогда что это может быть?

— Может быть, это... Может быть, это предупреждение? — Альберт наконец поднял глаза

на президента.

— Предупреждение? От кого и о чем? — Найтмеир скрестил руки на груди и ждал ответа.

— О том, что наши игры в богов до добра не доведут.

— Объяснитесь, мистер Хертберн.

— Сейчас попытаюсь. Перед каждым прорывом в наших исследованиях на ученый совет постоянно ложится бремя очень сложного вопроса. Так было во время первого взрыва в Лос-Апокалосе. Мы так и не были уверены до самого конца, не приведет ли он к цепной реакции всех атомов во вселенной. Мы ломали голову и зарабатывали мигрень в бесконечных расчетах, но не смогли получить однозначный ответ до подрыва. Потом испытания в море. Были опасения, что взрыв расщепит воду на водород и кислород с последующим превращением первого в гелий и воспламенением второго. Мы опять зарабатывали мигрени и язву в бесконечных расчетах, но к однозначному ответу до подрыва не пришли. И я все еще задаюсь вопросом: а почему, собственно, наши расчеты в этих вопросах дают сбой? Не потому ли, что какая-то неведомая нам сила берет нас на испуг и предлагает вовремя остановиться? Но мы не останавливаемся, и тогда появляются эти странные объекты, которые должны стать вроде бы как последним предупреждением.

— Я не понимаю, о чем вы? — нахмурился президент.

— В том и беда, — кивнул профессор.

— Да как вы смеете?!

— Пойдите. Давайте договорить. Мы создали оружие судного дня. Оружие апокалипсиса. И принудили демонстрацией своей силы создать его и красных. Мы подходим к некой черте, и какая-то высшая сила предлагает нам вовремя остановиться!

— Что за бред? — поморщился новый министр обороны. — Господин президент, я предлагаю освободить нашего дорогого ученого от занимаемой им должности. Явно же, заработался дядька совсем. Голова начинает выдавать дикие перки...

— Да как вы смеете?! — в свою очередь, вскочил Хертберн.

— Тихо господа. Тихо! — развел руками Найтмеир. — Мистер Хертберн — мозг всего нашего проекта. Но вот то, что вы говорите, дорогой Альберт... А вы часом... Может, вы не лояльны?

Профессор вздрогнул. Худшего обвинения, наверное, не существовало. Быть нелояльным свободе и демократии — значит автоматически быть красным. А красный цвет в их стране остро пах электричеством, которое проводят сквозь головной мозг каждого, кто является отступником от всех добродетелей, кои должны были защищать пуф-бомбы.

Хертберн сел на свое место и угрюмо уставился в стол, буркнув:

— Я просто высказал свое мнение, коль уж вы им так интересовались...

— Вот и славно, — расплылся в улыбке президент. — А что предлагает новый министр обороны?

— Я считаю, что угроза красных сейчас остра и велика, как никогда. Нам надо делать больше пуф-бомб и готовиться к защите через нападение. Параллельно необходимо принять все меры к уничтожению или поимке этих шпионских аппаратов. И, безусловно, максимально форсировать создание гидро-пуф-бомбы.

— Скажите, мистер Хертберн, — президент вернул свое внимание к профессору, — гидрогеновая бомба не вызовет расщепления всех молекул воды и цепную реакцию водорода?

— Твою мать! — тихо вздохнул профессор.

— Что, простите?

— Как взорвем, так и узнаем, — сказал Альберт уже громче.

— А не будет ли поздно?

— Когда будет поздно, то уже будет поздно, — зло кивнул профессор.

— Я вас не понимаю, — раздраженно развел руками президент.

— Вот в этом и вся проблема, — вновь тихо вздохнул Хертберн, растирая ладонью верхнюю часть груди. — Проклятая изжога...

Часы на бетонной стене бункера отсчитывали последние минуты. Профессор угрюмо посмотрел на них, затем сверил со своими наручными. Подвел чуток. Окинул взглядом всех присутствующих. Отпил кофе. Сэм Анкол больше не задавал вопросы по поводу того, не вызовет ли новое испытание разрушительных последствий для всей цивилизации. Скорее всего он просто привык, что все проходит гладко. Без армагеддонов. Ни у него, ни у кого бы то ни было еще не было сомнений, что и сейчас ничего страшного не произойдет.

«А было бы неплохо, если б произошло, — подумал Хертберн. — Было бы неплохо, если эта новая бомба через пять минут заставит вообще весь водород в природе превращаться в гелий. Вот тогда они поймут. Вот тогда они одумаются... Хотя нет. Не успеют они ни понять, ни одуматься. Н-да... Тоже не вариант...»

— Отчего вы невеселы, дорогой профессор, дьявол вас разбери! — воскликнул генерал. — Еще пара минут, и вы снова докажете на практике свою гениальность, а заодно узрите рождение очередного своего детища!

— Угу. Только лучше бы она сделала аборт... — проворчал профессор.

— Что, простите?

— Да нет. Ничего...

— Послушайте, ну будет вам! Посудите сами: если мы не сделаем эту бомбу, то ее сделают плохие парни. И нападут на нас. А у нас этой бомбы не будет. Так что вы делаете великое дело для нашей нации и творите все ради мира, дьявол бы его побрал!

— Конечно, конечно...

Висящий на стене динамик захрипел. На другом конце провода кто-то чихнул. Затем от души высморкался, чертыхнулся и кашлянул, а затем провозгласил простуженным голосом:

— Внимание! Говорит инженерная! Всем надеть средства индивидуальной защиты органов зрения!

Все в бункере принялись торопливо надевать черные очки и подходить к смотровой щели. Все, кроме Хертберна, который так и остался сидеть за столом и маленькими глотками пить кофе.

— До инициации... Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... ЗИРО!

Все вокруг побелело, словно сам воздух засветился. Потом задрожала земля. Загрохотал весь мир. Планету трясло, словно гигантский младенец вообразил ее погремушкой и теперь тряс за небесную ось. С потолка сыпалась штукатурка, быстро наполняя невидимую в белом светящемся воздухе чашку. И только выплескивающиеся оттуда капли кофе, попадая на руку, давали Альберту понять, что он еще в этом мире... И все это происходит в реальности, а не во сне...

Наконец все закончилось. Зажмурившийся профессор открыл глаза и обнаружил, что часы со стены упали и разбились, его чашка полна штукатурки, весь стол — в пыли, и только широкая полоса в том месте, где была его рука, отпечаталась тенью на столешнице... Потом сквозь пылевую завесу проявлялись люди. Они поочередно поворачивались к профессору и снимали с лиц очки. И лица у всех были одинаковые — изумленные и перепуганные глаза, обведенные белыми кругами от очков, на закоптившихся почти до шоколадного цвета пыльных лицах. А где-то далеко, в эпицентре, гудел и бурлил гриб взрыва первой гидро-пуф-бомбы.

— Ну ни хрена себе! — таковы были первые слова генерала Анкола, которые бравый вояка выдохнул вместе с парой килограммов пыли.

Его сигара мгновенно истлела, и губы покрывал оставшийся от нее пепел, а стоящие дыбом волосы пребывали в большем беспорядке, чем обычно у Альберта. Зеленый мундир генерала стал почти белым, не то от пыли, не то от интенсивного свечения, а несколько нагрудных знаков оплавилась и представляли из себя нечто похожее на присохшие сопли.

— Надеюсь, господа, вы довольны? — спросил Хертберн, вытряхивая из чашки мусор.

В наблюдательную комнату бункера влетел адъютант генерала.

— Сэр! Снова летающие блюдца, сэр! СЭР! Сэр! Их, сэр, много, сэр!

— Общая тревога! Самолеты в воздух! Расчеты ПВО к бою! — ожил наконец Анкол. — Дьявол! Остановите их!

Вот теперь Альберт неторопливо подошел к смотровой щели и стал наблюдать, как тихоходные, по сравнению с маячившими далеко на горизонте летающими блюдцами, боевые самолеты, тарахтя двигателями и коптя небо, двинулись на перехват СЛЮ, объявленных враждебными просто потому, что ничто иное не допускалось в голову приказом свыше.

Спустя несколько дней президент сумел доказать людям, в очередной раз находящимся в его овальном кабинете, что он может быть еще мрачнее, нежели прежде.

— И сколько их было? — устало поинтересовался он, угрюмо теребя край флага, установленного за его креслом.

— Летающих блюдце? — поднял левую бровь Сэм Анкол.

— Да. Я именно про них.

— Ну, лично я насчитал шесть. Хотя, судя по опросам очевидцев, их было больше десяти.

— А сколько наших самолетов полетело за ними?

— Две эскадрильи, господин президент.

— И все пропали?

— Да, сэр. Все. Буквально растворились.

— Это уже неприкрытый акт агрессии, — нахмурился министр обороны. — Их надо уничтожить!

— Ну да, — отчаянно закивал Альберт Хертберн. — Вы их уже перехватили, теперь вот уничтожите...

— Послушайте, профессор, — президент сглотнул ком в горле и поморщился совсем как младенец. — Вы, конечно, безусловно и аксиоматично, гений в своем деле. И мы благодарны вам за наше недавнее испытание, причем успешное, гидро-пуф-бомбы. Но, черт возьми, не лезьте вы в то, что вашей прерогативой не является!

— Да вы же со своим косным мышлением просто не оставляете мне выбора! ВЫ ВСЕ! — повысил голос Хертберн.

— Это не ваше дело! — рявкнул Вордог. — Они совершили акт агрессии, и мы их уничтожим!

— Их акт агрессии явился ответом на вашу попытку их перехвата военными силами!

— Наша попытка перехвата их военными силами явилась ответом на их вмешательство!

— Их вмешательство явилось ответом на наши игры с природой!

— Наши игры, как вы выразились, с природой явились ответом на красную угрозу!

— Красная угроза явилась ответом на нашу угрозу!

— Наша угроза явилась ответом на их угрозу!

— А перед этим угрожали мы!

— Но до этого — они! Они готовят завоевание нашего свободного мира! Они собирают армию! Они уже испытали пуф-бомбу! Они вообще страшные, кровожадные и дикие! Человеческая жизнь для них — ничто! Они хотят поработить нас! Совокупляться с нашими женщинами и пожирать наших детей!!!

И вдруг земля сотряслась. Чернильница и телефон на столе президента подпрыгнули. Стекла больших окон овального кабинета брызнули мириадами осколков, рассыпаясь во все стороны.

Распавшийся в процессе своей пламенной речи министр обороны вытаращил обезумевшие глаза и с воплем «красные идут!!!» рванул к окну и выпрыгнул из него.

— Куда! Куда!!! Чертов идиот! — крикнул президент, подбегая к окну. — Это первый этаж, а не шестнадцатый, как у Хотхеда! Вы помяли мою клумбу!

— Простите, сэр, — послышался голос за окном. Затем щелкнул предохранитель и грянул револьверный выстрел. Пост министра обороны вновь был вакантен.

— Вот черт... — вздохнул президент. — Охрана! Эй! Охрана! Уберите этот... кусок...

кускового куска с моей клумбы!

Затем он вернулся к столу, поднял телефонную трубку и, дунув в нее, строго сказал:

— Секретариат! Передайте конгрессмену Бигу Мистейку, что он назначен новым министром обороны! Пусть явится ко мне немедленно! И пусть мне наконец доложат, что случилось!

В кабинет вбежала охрана и принялась быстро наводить порядок в том хаосе, который оставило после себя странное сотрясение земли. Затем вбежал секретарь.

— Господин президент! Мы только что получили доклад о происшествии!

— Так что это было?! — нетерпеливо воскликнул Найтмеир.

— Красные испытали мега-гидро-пуф-бомбу!

— Что-о-о?! — лицо президента вытянулось. — Как?! Где?! Где они ее испытали?! У нас на заднем дворе?!

— Никак нет, господин президент! Они испытали ее на своем полигоне! Как и всегда!

— Но как... Стекла-то выбило у нас?!

— Она очень мощная, сэр! Сейчас проверяем информацию, но, похоже, окна повыбивало в половине домов всего мира! И еще, господин президент...

— Что?! Что еще?! Этого мало, что ли?!

— Очевидцы всюду стали замечать летающие блюдца!

Президент нервно забарабанил пальцами по столу.

— Дьявол! — воскликнул он совсем как Сэм Анкол. — Немедленно объявите, что я экстренно созываю Мировую Конференцию Мира!!! Немедленно!!!

Профессор Альберт Хертберн прикрыл ладонями лицо и вздохнул.

— Наконец-то, — прошептал он сам себе. — Наконец-то здравая мысль. Наконец-то до них дошло...

* * *

Зал всемирного дома Мировой Конференции Мира был переполнен. Представители всех государств мира сидели на своих местах, обозначенных табличками с названием страны и именем представителя. Однако все внимание сейчас было уделено лишь двум людям в этом огромном круглом помещении.

С одной стороны, у трибуны, стоял президент Белого Объединения Объединенных Объединений мистер Найтмеир. С другой стороны, у такой же трибуны, находился премьер Соединенного Соединения Красных Соединений — гражданин Кошмаровский.

— Друзья! — воскликнул Найтмеир. — МЫ собрались на экстренное заседание Мировой Конференции Мира по очень серьезному поводу! И повод этот — угроза миру во всем мире мировой империи зла!!! — воскликнув это, он обличительно вытянул руку и указал пальцем на красного премьера.

Сидевший в ложе представителей Белого Объединения Объединенных Объединений профессор Альберт Хертберн прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Его надежды на обретение сильными мира сего разума не оправдались. Президент собрал конференцию не для того, чтобы найти компромисс. Он сделал это, чтобы с первых же слов настроить весь мир против красных и обострить конфронтацию.

— Что?! — взвизгнул премьер Кошмаровский. — Да пошел ты, дерьмо в галстук! Обоснуй предъяву, скотина!

— Вы испытали мега-гидро-пуф-бомбу! Вы попрали все наши ценности и мир во всем

мире! Вы угрожаете всем нам! В мире царит хаос, анархия и паника!

— И правильно! — заорал премьер. — А вы как хотели?! Вы первыми испытали пуф-бомбу! И первыми ее применили! Это вы угрожаете миру во всем мире! И нам вы тоже угрожаете! Поэтому мы своим испытанием показали вам, что если вы и дальше будете пуфать, то мы так пуфнем, что вы больше уже никогда не будете пуфать!!!

— Бу-у-у-у, — неодобрительно загудела половина зала.

— Что?! — снова взвизгнул Кошмаровский. — А если вы будете букать, то мы так букнем, что больше никогда не будете букать!

— Вот видите, видите, дорогие мировые лидеры?! — завопил Найтмеир. — Он угрожает нам всем и даже не стесняется!

— Да ты меня вынудил, козел чертов! — изящно парировал премьер.

— Завали хлебало! — еще громче закричал президент и, схватив с трибуны стакан с водой, попытался выплеснуть его в оппонента. Но до того было далеко. Капли воды влажной дорожкой разбились в центре зала. В ответ премьер быстро стянул с ноги ботинок и швырнул его в Найтмеира. Ботинок попал тому в лоб и звонко отскочил.

— Н-на, скотина! — захохотал красный премьер.

Президент притих и задумался. Его вода не достигла красных, а вот красный ботинок достиг его лба. Что это значит? А значит это весьма символическую вещь: чтобы одолеть такого врага, нужно более мощное оружие. У такого врага есть мега-гидро-пуф-бомба. А значит ему нужна... Нужна... Нужна гипер-нитрро-мега-гидро-пуф-бомба!!! И тогда красные ответят за все. И за ботинок — тоже!!!

Перепалка возобновилась. Лидеры стали оскорблять друг друга. Разделился и зал. Остальные мировые лидеры начали кричать. На тех, кто на трибуне. Друг на друга. На весь мир.

Альберт Хертберн с грустью и тоской смотрел на все происходящее. Все его надежды пошли прахом. Эта конференция только усугубит положение и ни к чему хорошему не приведет. Никто не в состоянии договориться и разобраться в проблемах. Просто потому, что никто не хочет.

Профессор вздохнул и вдруг поймал на себе пристальный взгляд. Он стал искать глазами источник этого взгляда и остановился на ложе представителей Соединенного Соединения Красных Соединений. Там, так же угрюмо и молча, сидел немолодой уже человек с черной бородой, в очках и торчащими из кармана пиджака карандашами, циркулем и линейкой. А еще у этого человека на носу остались следы мела, которым он, очевидно, тыкал себя во время расчетов каких-то формул на большой доске. Они неподвижно сверлили друг друга взглядами, и казалось, единственные в этом зале, понимали: с этим миром что-то не так и к добру все происходящее точно не приведет.

Найтмеир развалился в кресле, прижимая ко лбу кулек со льдом.

— Что это вы такой кислый, Альберт? Не вам же досталось по голове кровожадным красным мега-гидро-пуф-ботинком... — вздохнул он.

— Изжога замучила, господин президент, — ответил профессор. — У вас случайно нет таблеток?

— Есть, — Найтмеир открыл ящик стола, извлек оттуда пару белых пилюль и протянул Хертберну. Затем достал оттуда же таблетки от головной боли.

— Будьте любезны, Альберт, налейте мне стакан воды.

Профессор налил из графина жидкость в прозрачный стакан и протянул президенту. Затем внимательно смотрел, как тот отправляет таблетки в рот и запрокидывает голову. Затем жадными глотками запивает. Затем внимательно посмотрел на таблетки от изжоги, что лежали у него на ладони. Какая-то мысль принялась стучаться в его разум при виде этих таблеток. Только вот Альберт пока никак не мог найти ключи от той двери, что впустят эту мысль. Получив назад освободившийся стакан, он налил воды себе, запил таблетки, и призрачная мысль исчезла. Как и изжога. Но изжога исчезла временно. А вот мысль?..

— Альберт, нам нужна гипер-нитро-мега-гидро-пуф-бомба. Иначе мы этих красных безумцев не одолеем.

— И мы, возможно, создадим ее, — вздохнул профессор. — А красные создадут что-то в ответ. И когда мы все остановимся? Или нас остановит наша ненасытность? Мы еще даже не начали войну, но уже разрушаем наш мир бесконечными испытаниями, наращиванием мощности оружия и играми с силами природы. Где предел этому клубку обоюдного безумия?

— Прекратите, профессор! Если мы не сделаем эту бомбу, то ее сделают они. Это гонка. И победит тот, кто вырвется вперед.

— Но они ведь своим последним испытанием уже вырвались вперед. Разве нет?

— Нет. Для этого они должны напасть на нас. Но если мы испытаем более мощное оружие, то они не нападут.

— Правильно. Не нападут. Они тоже будут делать более мощную бомбу.

— Не успеют. Нападем мы.

— Господин президент. Я всегда думал, что своими исследованиями защищаю свой дом и страну. Но теперь мне кажется, что я лишь потакаю безумию.

— Тогда вы уйдете на покой. В лучшем случае, — ответил Найтмеир, и в его словах чувствовалась угроза.

* * *

Поздно вечером, когда жена уже легла спать, он стоял у свежестекленного окна и смотрел в ночную мглу. Как быть? Угроза президента не может быть пустой. Но что такое его жизнь по сравнению с жизнью целого мира, который катится в саморазрушение? А что, если президент прав и надо упредить красных в новом оружии? Но где тогда, действительно, предел всему этому? И сколько будет этих странных летающих объектов после очередного испытания новой бомбы? И что летающие блюда будут делать на этот раз?

С этими мыслями профессор лег спать. Но уснуть не смог. Проходили часы, он начинал считать баранов, но на ум приходили только мировые лидеры. Он начинал вспоминать

формулы, но начиналась изжога. Тогда Альберт осторожно, чтоб не разбудить жену, встал с постели и направился на кухню. Налил стакан воды. Достал таблетки от изжоги и уставился на них. Таблетки... Таблетки... Опять эта мысль стучится в разум. Что за мысль? Что за гениальная догадка не может пробиться в сознание? И вдруг, словно потеряв всякую надежду попасть в его голову традиционным путем, эта мысль решила... позвонить по телефону. Хертберн уставился на неожиданно зазвеневший телефонный аппарат. Затем медленно поднял трубку и поднес к уху.

— Алло?

— Вы не спите? — послышался хриплый и немолодой уже голос.

— Вы звоните в три часа ночи и задаете подобный вопрос? Это что, такая неудачная шутка?

— Простите. У нас день.

— У вас? Это где у вас?

— У нас, это так же как у вас, но день.

Профессор вздрогнул.

— Вы... Вы звоните из Красной страны? — с ужасом прошептал он.

— Да, — послышался ответ.

— Кто вы?

— Я такой же, как и вы. Только красный.

— Что это значит?

— Я ученый, занимающийся бомбой. Как у вас, только красной.

— Вот как?

— Да. Простите за побитые окна. Это лишь ответ на побитое самолюбие. Кстати, мы с вами заочно знакомы. Мы смотрели друг на друга во время Мировой Конференции Мира, пока весь мир сходил с ума.

— Я уже это понял. Но как вы узнали мой номер телефона?

— Я ученый.

— И что?

— Я вычислил.

— Это возможно? — удивился профессор.

— Мы же беседуем.

— Да. Беседуем. Но разве вы не понимаете, что может значить для нас этот разговор?

— Понимаю. Примерно одинаковое. И меня и вас могут арестовать и обвинить в измене.

— Тогда зачем вы позвонили? Хотите выведать наши планы?

— Нет. Ваши планы очевидны. Как и то, чем все это закончится.

— Тогда зачем мы разговариваем?

— Летающие блюдца.

— Что? — вздрогнул профессор. — Что вы знаете о летающих блюдцах?

— А вы? — ответил голос. — Подозреваю, что у вас считают, будто это наши самолеты-шпионы, верно?

— Да. А это не так?

— Дело в том, что у нас думают то же самое.

— То есть?

— У нас думают, что эти летающие блюдца — *ваши* шпионы. А их действия и появления становятся все интенсивней и угрожающей.

— Почему я должен вам верить?

— А почему нет? И потом, не верьте мне. Поверьте себе.

— А вы, значит, уверены, что это не наши самолеты?

— Совершенно верно.

— Тогда что это?

— Это таблетки.

— Что, простите? — спина профессора похолодела. Он испытал настоящий шок от такой простой до примитивности и в то же время необычно гениальной мысли.

— Вы испытываете боли, дискомфорт, страдаете от каких-либо болезней?

— Бывает, а что?

— И вы пьете таблетки, чтобы прийти в норму, верно?

— Как и все, у кого недуг.

— Вот видите. А что, если весь мир, в котором мы живем, это непостижимая сущность единого разумного организма, который мы беспокоим своими необдуманными действиями, враждой, разрушением окружающей среды всеми этими и иными своими действиями, что, если и он так же? Мы взорвали пару бомб и побеспокоили организм — он выпил пару таблеток. Не помогло, потому что наши бомбы стали мощнее и мы стали испытывать их чаще. Таблеток тоже стало больше.

— Конечно... Конечно... — забормотал Альберт. — Мне ведь это тоже пришло в голову, но я никак не мог понять этой простой мысли.

— Потому что она не пришла к вам в виде привычных формул и схем. Эта мысль примитивна, но она отражает суть.

— А суть в том, что если мы не остановимся, то организм поймет: раз просто таблетки не помогают, то пора прибегнуть к более радикальному лечению...

— Вы правильно поняли, коллега: если не таблетки, то...

Голос прервался. В трубке раздались частые гудки.

— Алло! Алло!!! — отчаянно заголосил Хертберн.

Ответа не было. Тогда он бросился к окну и распахнул его.

На ближайшем к дому столбе телефонной линии сидел солдат службы безопасности научного городка с кусачками в руках. Увидев профессора, он спрыгнул со столба и, хромя, скрылся в кустах.

— Черт бы вас всех побрал! — воскликнул Хертберн и, снова подбежав к телефону, стал набирать номер генерала Сэма Анкола. Но ведь провод перекушен!

— Проклятье!

Сначала он подумал, что красные испытали еще одну мега-гидро-пуф-бомбу, настолько неожиданным и громким был непрерывный стук в дверь. Но, протерев глаза и прикурив сигару, он наконец понял, что это всего лишь какой-то незванный ночной визитер. Вооружившись огромным револьвером и зло матерясь, Сэм Анкол направился к двери.

— Какого дьявола и какому дьяволу пришло в голову будить меня среди ночи, дьявол! — зарычал генерал на дверь.

— Сэм, откройте, это я, Альберт! — послышался голос за дверью.

— Альберт? — Анкол открыл дверь. На пороге стоял профессор, в ночной рубаше, весь в поту и взъерошенный больше обычного. Рядом, в кустах, валялся небрежно брошенный им велосипед.

— Что случилось, дорогой профессор?

— Ваши люди перерезали мой телефонный провод!

— Что? Зачем? Какого дьявола?!

— Я только что разговаривал с ученым!

— Каким ученым?!

— Таким же, как и я, только красным!

— Вы разговаривали по телефону с красными?! Дьявол, да вы в своем уме, профессор?! — разозлился генерал, срывая с головы ночной колпак и яростно пыхая сигарным дымом.

— Да, черт вас дери, я в своем уме! Это был очень важный звонок!

— Он хочет переметнуться к нам?

— Нет!!! Он хотел предупредить о серьезной опасности!!!

— Они хотят напасть на нас уже сегодня?! — вытаращил глаза генерал.

— Да нет же!!!! Не в этом дело!!! Организм борется с паразитами!!! А паразиты — это мы!!!

— Ага. Мы, значит, паразиты, а они, значит, хорошие, дьявол бы их побрал...

— ДА НЕТ ЖЕ!!!

— Почему и как красный смог вам позвонить?!

— Это не важно! Важно другое! Если таблетки не помогут, то он найдет другое, более серьезное лечение, и тогда нам всем конец! И белым, и красным, и синим, и серо-буромалиновым!

— Я не понимаю...

— Да потому что вы солдафон! Немедленно устройте мне встречу с президентом!

Генерал прищурился на мгновение. Затем кивнул:

— Ладно. Пройдите на кухню и не шумите, не то разбудите всех. Я сейчас.

Анкол вернулся в свою комнату и снял трубку телефона.

— Алло. Дежурный? Немедленно комендантский взвод и «неотложку» в мой дом. Нет, со мной все в порядке, дьявол бы тебя побрал. Это профессор Хертберн. У него острая шизофрения. Похоже, красные повлияли на его мозг. Да. Объявите общую тревогу и доложите министру обороны Бигу Мистейку. Кажется, они вот-вот нападут. Все. Жду взвод и врачей как можно скорее...

Доктор пристально смотрел в медицинскую карту больного. Хмурил брови. Цокал языком и качал головой.

— Ну, батенька, вроде все было относительно неплохо. Что же вас до такого состояния довело-то?

Больной, совершенно бледный, в поту и лихорадке, лежал на кушетке и безвольным взглядом смотрел в потолок.

— Все началось с простой изжоги, доктор.

— И что вы сделали?

— Выпил пару таблеток от изжоги.

— А потом?

— Потом мне становилось все хуже и хуже.

— И вы стали пить все больше и больше таблеток. Верно?

— Верно, — простонал больной.

— И напоследок вы выпили их столько, что едва дуба не врезали. Я правильно понял?

— Я просто не знал, как быть. Мне было все хуже и хуже.

— Понимаю. Но самолечение, дорогой вы мой, это нечто вроде самоубийства, только несколько изощренного. Вы ЭТО понимаете?

— Теперь да... Доктор... помогите мне...

— Этим я и собираюсь заняться, любезный.

В палату вошла медсестра.

— Доктор, анализы готовы.

— Чудесно. И как они?

— Боюсь, слово «чудесно» тут не подойдет.

— А конкретнее?

— Эритроциты и лейкоциты вне нормы. Отмечен аномальный дисбаланс белых и красных кровяных телец. Также налицо острое химическое отравление.

— Ну, тут, я думаю, помогли — в кавычках — бесконтрольные пачки таблеток, что он принимал. Значит, так. Больного — в отделение интенсивной терапии. Немедленно! Но первым делом необходимо промыть ему желудок, равно как и кишечник.

— Сделать ему клизму?

— Совершенно верно. Прогоните через него столько воды, сколько я бы за год не выпил. Всю гадость из него надо вымыть немедленно и лишь потом приступить к лечению.

— Доктор... а может, не надо клизмы? — простонал больной.

— Простите, дорогой вы мой. Но ваша болезнь... общее состояние вашего организма не оставляет нам иного выбора. Есть такое слово — НАДО. Да вы не беспокойтесь. Вы в надежных руках...

* * *

Никой аудиенции с президентом у Альберта Хертберна так и не состоялось. Его схватили в ту же ночь, когда он разговаривал с красным ученым. И теперь бывший профессор с тоской смотрел на внешний мир через зарешеченное окно одиночной палаты психиатрической клиники. А за окном творилось что-то невообразимое: звучали торжественные военные марши, пролетали новейшие боевые самолеты, слышался лязг танковых гусениц. Все готовились к большой войне, которая теперь была неминуема.

Дверь без ручек и с замком снаружи открылась. В палату вошел психиатр в сопровождении

двух громил на случай буйства пациента.

— Ну, как вы, голубчик? — ехидно улыбнулся врач.

— Послушайте! Я профессор Альберт Хертберн! Мне необходимо немедленно встретиться с президентом и сообщить ему нечто важное!

— Понимаете, президент сейчас очень занят. Но если хотите, то можете пока изложить вашу проблему императору Наполеону. Он в соседней палате.

— Я не сумасшедший, черт вес дери!

— Я знаю. Но ведь и я не доктор. Я Санта-Клаус. Вы не верите мне?

— Нет!!!

— Тогда почему я должен верить в то, что вы не сумасшедший?

— Идиот! Мы все на пороге апокалипсиса! Если все это безумие не остановить, то нам всем придет конец! Таблетки не помогают этому организму, и он сделает то, что нас уничтожит!

— Дорогой вы мой, — снова расплылся в улыбке психиатр. — Я совершенно с вами согласен.

— Правда? — с надеждой в голосе проговорил Хертберн.

— Да. Чистая правда. Я согласен, что таблетки не помогают. И что это безумие надо остановить. — Произнеся эти слова, доктор обратился к санитарам. — Вколите ему десять кубиков антишизопромопсиходролла. Немедленно.

— Нет... — замотал головой бывший профессор. — Нет! Вы не понимаете что творите!!!

Но психиатр и санитары думали иначе и были уверены в том, что уж они-то совершенно точно понимают, что творят. Они ведь делали свою работу.

* * *

Ночь была необычайно светлой. Может, так действовал на восприятие вколотый днем препарат? Альберт медленно поднялся с больничной койки и, шатаясь, побрел к окну. Где-то вдалеке из динамиков вещали о той угрозе, которую несут их обществу красные, и обещали, что скоро славная гвардия поставит их на место и покажет свою силу. Вещали о том, с каким воодушевлением резервисты создают на призывных пунктах бесконечные очереди из желающих положить конец красной угрозе. Вещали о новых танках и самолетах. О новых бомбах и линкорах, которым нет равных во всем мире. Вещали о том, что бог любит нацию и президента.

— Один прозревший среди безумцев будет самым безумным среди безумцев, — тихо простонал бывший профессор, схватившись за решетку окна. — Остановитесь! Остановитесь немедленно! Пока не поздно, остановитесь!

Послышался гул. Затем рокот. Гул нарастал. Почва вибрировала все сильнее. Снова послышались звуки бьющихся оконных стекол. Бравада из городских динамиков сменилась криками переполошенных людей, высыпавших из своих домов и не понимающих, что происходит.

Альберт отпрянул от окна вовремя — стекло вылетело снопом осколков. Вот теперь он снова прильнул к решетке и с тревогой в голосе уставился на внешний мир. Что происходит? Красные напали? Нет... Что-то другое... Странные летающие объекты?..

Нет! Не в этот раз!

Далеко на горизонте Альберт заметил странные переливающиеся блики и спустя несколько мгновений понял, что это вода. Огромная волна поднималась от линии горизонта и была уже в три раза выше самого высокого здания в городе.

Огромная волна апокалипсиса катилась по миру, сметая все на своем пути и поглощая в зловонных водах весь пафос предвоенной бравადы заигравшихся силами природы сторон. Она сметала дома сильных мира сего и простых смертных, которые жили своими простыми, более приземленными и бытовыми чаяниями. Волна не разбирала, кто есть кто. Она очищала этот мир.

— А я ведь вас предупреждал, болваны, — вздохнул бывший профессор и закрыл глаза. Через мгновение волна поглотила и всю психиатрическую клинику, и его, и весь мир...

Больному сделали промывание желудка... и кишечника...

Светлана Васильева

Меломаны

Александру Родионову, меломану

— Я ведь всегда брал запасной...

— А зарядка? — просто так, на всякий случай поинтересовался Михаил.

В ответ послышался тяжкий вздох.

«Понял, не дурак...»

— Будем рассуждать логически, — взял на себя инициативу Копылов. — Рассмотрим, так сказать, плюсы и минусы. Аккумулятор разряжен, зарядки нет, зато есть электричество, ибо на дворе век двадцатый. Ну-ка, покажи разъем!

Дрожащими руками Арсений рассупонил камеру.

— Пипец!..

* * *

Если Михаилу Копылову случалось упоминать о своем кузене, любой, кто был не в теме, думал, что речь идет о младшем брате. Увы, Антоша появился на свет раньше — на целых пять лет. Поначалу разница в возрасте действительно ощущалась, потом начала сглаживаться, пока в один прекрасный момент братья не поменялись ролями. Антоша по-прежнему был весь в неосуществимых прожектах, метался из одной крайности в другую, хватался за все подряд, бросал и начинал, ныл, бил себя пяткой в грудь... короче, страдал фигней по полной. Расхлебывал его экзерсисы обычно Михаил.

Сегодня этот напудренный ишак, правда, всего лишь слезно попросил заглянуть к какому-то хмырю и забрать диски, но Копылов завелся уже с утра и, подходя к парадной, мысленно материл себя за то, что не послал дорогого братца куда подальше. И ведь на что купился!

«Блин, — брызжа слюной, разорялся Антоша, — у него вина до хранища! Настоящего, фирменного! Все нулёвые — муха не сидела! А стены обклеены „Квинами“, „Хипами“, „Пеплами“^[3]... Все, блин, с автографами...»

Действительно. Пока Арсений («Арсением его звали — не баран чихнул!») подбирал по списку Антошин заказ, Михаил разглядывал постеры 70-х... Новые — будто только из лабаза.

— Левак? — поинтересовался он, не отрываясь от созерцания.

— Обижаешь! Любая экспертиза подтвердит, что краски с подобным составом уже не производят. Да и чернила тоже.

«Ишь, товар свой нахваливает, барыга!»

— Туда, что ль, смотался?

С чувством юмора у хозяина, видать, было слабовато: покраснел, потом побледнел, наконец родил:

— Скажешь тоже...

«Скромник хренов!»

— Кто ж тебя знает? — не унимался Копылов. — Может, у тебя машина времени имеется. Нажал кнопку, перенесся за бугор лет на сорок назад, накупил всего этого барахла — и назад. В будущее!

— Ну, ты даешь!

— А че? Дело-то житейское!

— Сам, что ли, пробовал?

«Так я вам все и рассказал...»

Лощеная морда этого Арсения не понравилась Михаилу с самого начала; единственное, что еще как-то примиряло, — «Корвет»^[4], вертушка, которой Михаил не видел уже лет пятнадцать... Кстати, давненько не слушал он настоящего, не запиленного винила, да на хорошей аппаратуре! Нет, к звучанию компактв Копылов уже привык, но сейчас вдруг захотелось.

— Ну, положим, пробовал, дальше что?

Разумеется, хозяин заржал — неестественно и принужденно.

— Может, слуханем? — кивнув в сторону «Корвета», взял инициативу в свои руки гость.

Арсений не имел ничего против...

* * *

— Ты чего?

— Да вспомнил тут... — Михаил прикидывал, стоит ли рассказывать. — В общем, договорился я как-то с одним деятелем насчет винила и заболел. Мне тогда лет пятнадцать было, что ли?.. То есть совсем: температура и всякое такое. Пришлось ехать матушке.

— Твоей? — уточнил Арсений.

— Ну да. Ты слушай, слушай. Приезжает она туда вместо меня, а этот крендель с корешем своим сидел — бухали, что ли?.. Ну, поставили послушать, а матушка и говорит: «А колесо-то с песочком!» Кореш аж чем-то подавился!

— Еще бы!

— Им лет по тридцать с хвостиком, все из себя крутые, а тут приходит тетя под полтос...

— А что за крендель? — отсмеявшись, поинтересовался Арсений.

— Имя не помню, на Фонтанке жил.

— У БДТ?

— Вроде того.

— У него еще собака была — овчарка восточноевропейская?

— Точно!

— Бородатый такой, немного флегматичный?

— Ну да...

— Сашей его звали! Ценник еще ломовой лупил.

Михаил прищурился:

— Да мы с вами, батенька, похоже, из одной миски хлебали!

— Может, по рюмашке?..

* * *

— ...был у Саши этого альбом флойдовский, «Atom Heart Mother»^[5].

— С коровой на обложке, — кивнул Михаил.

— Угу. Ты же помнишь: корова и больше ничего? Так какой-то придурок ручкой — синей, шариковой! — подписал название! Еще и обвел! Нет, надо додуматься!

Полный абзац! Тогда, тридцать лет назад, все привозилось из-за границы, продавалось

втридорога. А тут диск, фирменный — и вдруг ручкой...

— Ваше здоровье! — и Михаил опрокинул очередную «рюмашку», благо подливал Арсений аккуратно. — У меня тоже был случай. Славик, корефан мой, взял колесо послушать. Чувак он щепетильный, а тут возвращает — ничего не понимаю: видуха не та!

— Блестит?

— Блестит, — согласился Копылов. — Оказывается, он к бабе своей слушать поперся. А у нее не вертуха — станок фрезерный!

— Со звукоснимателем на полкило!

Ну, как же, как же! У хорошего проигрывателя звукосниматель легкий, но настроить нужно так, чтобы и не прыгал и не царапал поверхность диска, для чего и имелся противовес. Почему Копылов сразу и запал на «Корвет»? Потом еще важна была масса, из которой изготавливалась пластинка. Испанские или португальские, к примеру, «запиливались» с третьего раза. Лучшими были немецкие. Диски из разных стран по-разному звучали. Разные добавки, секреты фирм...

Наверняка о чем-то подобном думал и Арсений, но Михаил ошибся.

— Ты спрашивал, откуда постеры... Помнишь концерт «АББЫ»^[6] в Сиднее?

— Где пошел дождь?

— Пошел дождь, — повторил Арсений. Вид у него стал какой-то малахольный. — У тебя такое бывало: смотришь концерт и вдруг кажется, что ты не здесь, а там?

— Ну.

— Так вот. Сидел я здесь, в этом самом кресле, и вдруг чувствую... чувствую, что и я под дождем.

— Соседи сверху?

— Ага, соседи! Я от страха в подлокотники вцепился... Выключил дивидюшник, а у меня волосы мокрые, футболка...

— Брюки, — подсказал Михаил.

— И брюки...

Подначивал Копылов исключительно по привычке — в силу, так сказать, природной вредности характера, но Арсений вдруг залупился:

— Не веришь! А хочешь...

— Не, в Сидней не хочу, — продолжал веселиться Копылов, — может, сразу в «Будокан»^[7] махнем?

— В Японию? На «Хипов»?

— Ну да. А чего мелочиться?

Ляпнул абы что! А у Арсения этого, видите ли, уже все было схвачено, все по-взрослому: перед тем, как отправляться в прошлое, он записывался на видеокамеру, а когда собирался возвращаться, просто заходил, к примеру, в сортир (чтобы никто не видел), включал запись...

— Я и сам до конца не понимаю, как это все происходит: слушаешь, представляешь...

— ...и уже там! — теперь уже откровенно заржал Копылов.

Он и не заметил, как набрался: то ли мало закусывал, то ли обстановка располагала? В сомнительно обоснованную — с точки зрения науки — базу происходящего Михаил особенно не вникал: что-то там такое про настрой на определенный резонанс...

— Посмотрим, — он махнул рукой: настрой там или не настрой, главное — настроение было вполне подходящим.

— Хочешь, запишем тебя?

Пожав плечами, Копылов взял гитару. Лажала она малость, но возиться было лень — сыграл и так... Выпили еще. Михаил смутно помнил, как Арсений накинул куртку, повесил на плечо сумку с видеокамерой, поставил запись концерта 1973 года в «Будокане»...

...очарование «July Moning»^[8] разрушил полновесный русский мат. Машинально бросив «пardon» чуваку, которого едва не сбил с ног, Копылов глянул на сцену... Нет, кажется, он еще успел подумать: «куда только наши не влезут» и что «чувак», несмотря на нежный возраст, материться был горазд...

Из динамиков действительно неслось «July Moning»; прожектор слепил глаза, Михаил был «под градусом», но не до такой степени, чтобы перепутать Байрона^[9]...

— Японский городской! — выдохнул в затылок Арсений.

«Размечтался...»

На сцене типичного школьного актового зала под фанеру открывал рот пацан лет семнадцати, вокруг деловито тусовались ему подобные. Принять же зрителей за японцев мог разве слепой.

Не сговариваясь, Михаил с Арсением развернулись к выходу.

— Молодые лю... Кто вы такие?!

«Завуч!» — глянув на преградившую им дорогу цербершу, сразу понял Копылов.

— Вернитесь немедленно!

«Щазз!»

Помолодевшие лет на... дцать дядьки, не оборачиваясь, с топотом, как в старые добрые времена, пронесли по школьному коридору, привычно развернувшись, ссыпались по лестнице, в три прыжка пересекли вестибюль... Остановиться решили, только пробежав еще и стометровку за пределами вверенной грозной училке территории.

Приземлились примерно в квартале от школы. Две лавочки — одна напротив другой. Куча окурков, перевернутая урна.

— Ни хрена себе!..

Матерился Арсений безо всякой фантазии — не заслушаешься. Научные изыски по поводу того, каким образом юные таланты приспособили под свои нужды запись хиповского концерта в «Будокане», тоже не произвели на Копылова особого впечатления.

— Валить отсюда надо! — не церемонясь, перебил он.

— Да ладно тебе, успеем.

— Так ведь задубеем...

Хмель, а вкупе с ним эйфория уже испарились. Михаил с раздражением рассматривал порушенную скамейку: верхняя перекладина была выломана и валялась на земле — выдрать до конца еще одну местные, видно, поленились. Или оставили на потом. Короче, обстановка к романтике не располагала.

— Надо хоть узнать, куда мы попали.

— А стоит?

Пионерского задора Арсения Копылов не разделял. По нему, так надо было скорей включать видеокамеру и переноситься обратно. Однако камера не являлась его собственностью, так что пришлось подняться и топтать вслед за Арсением к ближайшему дому.

— Будапештская. Так мы в Питере!

«Да неужели! „Юный следопыт“ нашелся...»

Двор с самого начала показался Михаилу смутно знакомым. Впрочем, спальные районы всех городов похожи, как близнецы. Особенно в сумерки, а сейчас медленно, но верно начинало темнеть.

— Давай хоть выйдем на улицу, оглядимся, что ли, — не унимался Арсений.

«Нет, прям детский сад на прогулке...»

Ну, вышли. Огляделись. Вернее, собирались, потому что все внимание немедленно захватил транспарант, с которого огромный красно-белый Ильич напоминал, что «партия» — это тебе не хрен собачий, а «ум, честь и совет нашей эпохи»...

«Блин, это какой же год?»

Копылов открыл было рот, чтобы выразить свое личное отношение к происходящему, но мимо как раз проходил (вернее, проходила) эдакий типичный божий одуванчик, — и рот захлопнулся сам собой.

— И как впечатление? Все еще желаете прогуляться?

Перспектива шляться по холоду Копылова не прельщала.

А вот Арсений, оказалось, с удовольствием бы поностальгировал.

— Если бы не вечер...

Насчет вечера, это он в самую точку, причем едва они с комфортом расположились на облюбованных скамейках, как сразу выяснилось, что вечер сей переставал быть томным. Объявились хозяева скамеек! И когда они «веселою гурьбою», пардон, всем кагалом, подвалили к непрошеным «гостям из будущего», Копылов осознал, что терпение его лопнуло. Он замерз, устал и хотел жрать, к тому же не привык, чтобы его называли «стариканом».

Левой рукой подняв с земли обломок скамейки, правой Михаил ухватился за второй, недоломанный, поднатужился, выдрал и, скрестив их, развернулся к подросткам.

Пацаны явно призадумались. Ускоряя процесс, Копылов сделал эффектный жест, потом размахнулся — и точным ударом разнес ближайшую урну.

— Ну?! — поинтересовался он, выразительно поигрывая импровизированным оружием. На самом деле поигрывать было неудобно, больно, но приходилось работать на публику. По счастью, та оказалась на редкость нервной и впечатлительной: один шаг в «зал» — и зрители поспешили ретироваться.

— Стариканы! Х-ха! — Копылов тяжело дышал, зато согрелся, да и взгляд Арсения был просто неподражаем.

— Это где ж ты так... — он покрутил рукой, пытаясь скопировать увиденное.

— Было дело, — с отвращением отшвырнув обломок, Копылов яростно потер зудевшую ладонь. — Так же вот в хорошей компании поехал за город, а очутился в шестнадцатом веке. Не-не-не, рассказывать ничего не собираюсь, — предварил он уже готовый прозвучать вопрос. — Вот вернемся домой...

* * *

Ага, вернулись: в видеокамере оказался разряженный аккумулятор.

— Я ведь всегда брал запасной...

— А зарядка? — просто так, на всякий случай поинтересовался Михаил.

В ответ послышался тяжкий вздох.

«Понял, не дурак...»

— Будем рассуждать логически, — взял на себя инициативу Копылов. — Рассмотрим, так сказать, плюсы и минусы. Зарядки нет, зато есть электричество, ибо на дворе век двадцатый, а

не шестнадцатый. Ну-ка, покажи разъем!

Дрожащими руками Арсений опять рассупонил камеру.

— Пипец!

Это было общее мнение.

— Ладно, пока оставим, — выдержав некоторую паузу, опять заговорил Копылов. —

Хочется жрать, денег нет, но на дворе еще не зима...

— В глотке совсем пересохло, — нетерпеливо присовокупил Арсений.

— Значит, эту проблему и решаем в первую очередь. Ваши предложения, уважаемый сэр?

— Хорошо выживатьаться!

Похоже, Арсений был настроен решительно.

— Да, ладно, ладно, — примирительно пропел Копылов.

* * *

С источником влаги оказалась полная засада. Самыми доступными на первый взгляд выглядели сортиры, однако поликлиники, универмаги и школы наверняка закрылись. Перебрав все возможные варианты, путешественники во времени приуныли.

— Хоть бы дождь пошел, что ли?

— Только этого еще не хватало! Промокнем — где потом сушиться будем? Слушай, а что если... — Копылов выгреб из кармана кучу мелочи. — Ага!

— Два рубля. Ну и чего? — не понял Арсений.

— Нет, пожалуй, не подойдет — толстовата слишком.

— Да для чего не подойдет?

— Для автомата с газировкой: советские три копейки были тоньше.

— А копейка?

— Нет, — покачал головой Михаил, критическим оком рассматривая крошечный блестящий кругляшок.

— Мы с тобой идиоты! — вдруг подскочил Арсений. — Пошли!

* * *

Старый добрый советский автомат бесплатно споласкивал стаканы: и как они могли забыть! Давишь средним и указательным на диск — и из недр бьет фонтанчик...

— Уф! — в очередной раз набрав пригоршню воды, Копылов плеснул себе в лицо. — Жизнь-то налаживается? Как считаете, драгоценнейший?

— Опять? — добродушно попенял Арсений. — Ты куда?

Половина стекол в телефонной будке были выбиты, от трубки разило табачищем, но когда Михаил набрал «08»...

— Московское время: двадцать два часа одиннадцать минут! — любезно сообщил он Арсению и, отогнув рукав, занялся переводом часов. — Порядок! Как я понимаю, следующим номером программы у нас выяснение даты. Есть идеи?

— Жаль, киоск закрыт.

— И давно, — согласился Копылов.

Киоск был не просто закрыт — попросту заколочен.

— Пошли, что ли, поищем другой.

— Думаю, сейчас начало октября, — убирая руки в карманы, предположил Арсений.

— Похоже.

Деревья еще до конца не осыпались, но под ногами уже всюду шуршали сухие листья, а поднявшийся к ночи ветер недвусмысленно намекал, что одеваться следовало теплее. К остановке подполз «Икарус» (не желтый, а старый, красно-белый), перекошенный набок, со рваной «гармошкой». Из него вытряхнулось несколько запоздалых пассажиров. Копылов остановился и с завистью смотрел, как они заспешили-заспешили, чтобы скрыться в глубине двора. А ведь где-то, всего в нескольких кварталах отсюда, в теплой квартире, находился еще один Михаил Копылов! И в эту квартиру завтра во что бы то ни стало надо было попасть, а иначе...

«Никаких иначе! Должен...»

— Смотри! — прервал сеанс импровизированного аутотренинга Арсений.

Копылов посмотрел в указанном его перстом направлении и увидел... увидел стенд, или, тумбу, или... да и, черт с ним, с названием, главное, на него была наклеена газета!

Вторник, пятнадцатое сентября тысяча девятьсот восемьдесят первого...

— Сентября?

— «Как сообщает Ленинградское бюро погоды, холодная погода, установившаяся в наших районах, сохранится...» — уткнувшись носом в газету, забормотал Арсений. — Во! В Ленинграде днем около десяти, ночью...

— ...три-пять! — простонал Михаил. — Придется топать на вокзал, а то на фиг околеем!

— Далековато, — покачал головой Арсений. — Да и опасно: еще менты привяжутся...

* * *

На ночлег расположились в подвале ближайшего дома, благо домофонов на дверях ЖЭКовских домов не было еще и в заводе.

— Дожили, — устраиваясь рядом с батареей, шепотом ворчал Копылов. — К утру провоняем не хуже бомжей!

— Интересно, как это в советской школе разрешили играть «Uriah Heep»? — тоже шепотом рассуждал Арсений.

— Слушай, а тебе не все ли равно?

«Вот ведь неугомонный!»

Не прошло и пяти минут, как снова послышался шепот Арсения:

— Но ты-то вернулся! Ну, из шестнадцатого века!

— Тот вариант не подойдет.

— А как там вообще?

— Да хреново там! — поняв, что все равно не отстанут, сломался Копылов. — Говорят они вроде похоже, но не сразу въедешь. К лошадям не знал, с какой стороны и подступиться, оружия в руках не держал. Хорошо, крестик бабкин на шее болтался, а то бы... И скучища! Потом гусли какие-то поломанные на чердаке нашел, кое-как настроил... Сам прикинь, мы с тобой сейчас в восемьдесят первом, всего-то тридцать лет прошло, а тут почти четыреста...

— И мы здесь когда-то жили!

— На то и рассчитываю...

И, наклонившись к самому уху Арсения, Михаил изложил свой план.

Ровно в восемь утра заняли наблюдательный пост — скамейку, с которой был хорошо виден подъезд, где располагалась квартира Копыловых. Арсений развернул газету: покидая место вынужденного ночлега, он без зазрения совести вытащил ее из почтового ящика.

— Должен же я что-то оставить себе на память? — обосновал он свое антиобщественное поведение.

— То есть вы уверены, что все получится? Понял: собираетесь развлекаться, а ответственность перекладываете на мои хрупкие плечи! — Михаил нервно расчесывал отросшую за сутки щетину.

Поразительно, но Арсений больше не говорил, что кто-то «выеживается», наоборот — сам включился в игру и теперь, подражая Копылову, обращался то на «ты», то на «вы». Короче, несчастье сближает...

— Посмотрим, что пишут. «В первых числах сентября коллектив животноводов выполнил задание девяти месяцев...»

— Тише ты! — перебил Михаил.

Арсений послушно смолк, однако стоило случайному прохожему удалиться всего на несколько шагов, продолжал смаковать:

— «...выполнил задание девяти месяцев по надоям молока и сдаче его государству. На целый месяц опережен график...»

— Заткнись!

— Не интересуетесь надоями? Понял. Ну, тогда вот это специально для вас: «На всесоюзной ударной комсомольской стройке в городе Новый Уренгой...»

— Никак батя?

— Похож... — коротко глянув, заметил Арсений, снова утыкаясь в газету. — «Экономия энергетических ресурсов — важнейший...»

— Слушай!

— Да что ты дергаешься: расслабься и получай удовольствие!

— Ах, вы так, значит?! — притворно взвился Копылов. — А что говорили классики, помните: «не читайте за обедом советских газет!»^[10]

— «Да ведь других нет...». И обед нам тоже пока не светит! Кстати, не твоя матушка?

— Кстати, моя. Чего ржешь?

— Да так, вспомнил про «колесо с песочком»!

— А-а-а, было дело. Ну, теперь только дождаться меня. Блин, как хочется жрать...

— Офигеть! — продолжал бодриться Арсений. — В тысяча девятьсот пятьдесят пятом было плюс двадцать шесть тепла!

— Чего, серьезно?

— Сам посмотри: «По многолетним данным, самая высокая температура шестнадцатого сентября...»

Оба одновременно среагировали на очередной скрип входной двери.

— Ёперный театр! — только и смог что выговорить Михаил, увидев себя шестнадцатилетнего.

— Да все, все — он свернул за угол.

— У-у-фф...

— Ну как? Чувствуете что-то особенное?

— Иди в баню! — огрызнулся Копылов.

— По крайней мере никакого пространственно-временного возмущения не произошло, и это хорошо, — подытожил Арсений.

* * *

Следующий этап плана предполагал некоторые умения и определенный риск.

— Ну, с богом! — выдохнул Михаил, когда они вместе с Арсением втиснулись в телефонную будку. Потом воровато оглянулся и достал из кармана пилку для ногтей.

Сам он этим никогда не занимался, зато видел, как проделывали другие. Вставил пилку, набрал номер... гудок, второй, третий... — Копылов уже перестал надеяться, но трубку сняли. Он надавил на торец пилки — несуществующая монета с узнаваемым звуком «провались» в недра автомата.

— Антон Юрьич? Я вас приветствую! Не разбудил?.. В смысле с голосом?.. — Михаил прокашлялся. — Простудился, глотка болит... Тут такое дело: мои на работе, я в тереме должен быть, а тут один крендель хочет мой «Ночной полет к Венере» [\[11\]](#) взять... ну тот, с плакатом и открытками... ну, не собирался продавать, но за сто двадцать-то...

— Сколько? — Антоша так громко удивился, что Михаил отдернул от уха трубку.

— ...за сто двадцать рублей! А я тебе о чем говорю, да за такие бабки... У тебя ключи есть... да не могу я сам, говорю же тебе, в тереме мне надо быть... чего-чего?.. конкурс строя и песни... — Михаил показал кулак Арсению. — Короче! К одиннадцати подгребай к моему подъезду... да, он будет ждать... блондинистый такой, с виду за сороковник... в куртке... в куртке, говорю, в коричневой... ага, дашь послушать и заберешь капусту! Все! Думаю, Антоша слегка офигел, — последнее адресовалось уже Арсению.

— Из-за ценника?

— И из-за ценника тоже, но главное, я никогда еще с ним так не разговаривал.

— Вынужден признаться, ты был слишком напорист... для шестнадцатилетнего пацана.

— А я вынужден признаться, что вы, батенька, мне не слишком сильно помогли! Но у вас есть возможность исправиться — так сказать, реабилитироваться.

— Слушай, но этот твой «конкурс строя и песни»...

* * *

Надо признать, в следующем акте представления роль свою Арсений отыграл блестяще. Стоя у окна рядом с мусоропроводом, Копылов видел, как они встретились с Антошей, как вышли из лифта и скрылись в квартире. Хлопнула дверь, а через некоторое время снова беззвучно приоткрылась: Арсений, как и было условлено, попросился якобы в сортир и незаметно повернул замок. Выждав пару минут, Михаил просочился в коридор, на цыпочках прокрался в комнату родителей.

В соседней шел торг не на жизнь, а на смерть: Антоша расхваливал товар — Арсений сбивал цену, тут уж оба были в своей стихии! В другой ситуации Копылов развлекся бы по полной.

В конце концов потенциальный покупатель ушел, так и не согласившись переплачивать вдвое. Все шло по плану — вплоть до следующего момента: Михаил был уверен, что Антоша тоже вот-вот уберется и можно будет снова впустить Арсения, чтобы заняться зарядкой. Как и что здесь можно было придумать, Копылов пока не представлял, но шанс, хоть и крохотный,

имелся.

Он забыл, как опасно пускать козла в огород! Три часа Антоша не мог оторваться от чужих пластинок. Два раза он выходил на кухню и, судя по звуку, лазил в холодильник, но упрямо возвращался назад. Михаила, у которого от голода сводило кишки, так и подмывало выйти, взять этого, блин... меломана за шкварник...

Наконец Антоша убрался. Напившись на кухне воды, Копылов открыл дверь и впустил Арсения.

Прямо с порога тот чихнул. Не успел Михаил пожелать ему здоровья, как тот чихнул еще раз, потом еще, еще, еще... Он чихал, а Копылов стоял и слушал.

— Ну вот, опять, — Арсений высморкался. — Там у мусоропровода пылица... Я держался-держался, наконец такой чих пробрал! Стал искать платок — нащупал в кармане дырку... Миш, — кажется, он впервые за все это время назвал Копылова по имени, — через нее он и провалился... За подкладку!

— Платок?

— Не только... — и Арсений протянул Михаилу запасной аккумулятор.

Шимун Врочек

Урот

Воце то я ни урот. Проста я такой красивый. Миня мама уранила када ей сказали чта па больше ни вирнецца. А он ни мог никак вирнуца. У ниво в машине уран кончилца. Па лител нат тарами где дерги живут они ево патом схавали. Дядю Костю то же схавали одна жилезная нага асталася. Ма гаварит ну вот блин. И миня уранила. Я ни болна ударилса только руку сламал и челюсть. Я скасал ма зачем ты меня уранила дура. То исть я нипомню че я сказал я тада савсем малинький был. Даже ругацца ни умел нафик. Навернае че та сказал патаму чта трудна удиржацца. Када тибя мордай апол.

Мы тада жыли вбункире хатя ядирная вайна уже кончилася. Но ма гаварит а вдрук апять ну нафик такой щастье. А када па ни вирнулса ма гаварит атец урот сабака чмо накаво ты сволачь нас аставил. Как типерь жить. Бис тибя. Тут я спола заплакал патаму шта челюсть сламал и па жалка.

А этат придурак гаварит:

— Ты, урод. Ты зачем сюда пришел? Здесь наша деревня, здесь уродам ходить нельзя.

Я иму гаварю я ни урот миня мама уранила. А он гаварит:

— Вижу, что уронила. Что рожу повредил, тоже вижу. А третья рука у тебя тоже от удара образовалась?

Я гаварю иди нафик видели предурка ипакруче.

Тут он как закричит на миня мутант проклятый за придурка ответишь. Пака он кричал я иму ваткнул в живот палку и павирнул три раза. Мок и читыре павернуть но он стал вирищать как дефка. Пришлось ево на землю уранить ибить нагами. Патом у ниво из живата кроф патикла. Он вирищать пиристал только на абарот замалчал нафик и ни дергацца. Но уже позна другие прибежали гаварят:

— Ты его убил!

Ну вот нифига себе думаю схадил за ураном. Че он умер он гаварю савсем дурак. Если бы миня так били я бы фик умер. Ни даждетись гаварю. Они гаварят:

— Это мы сейчас проверим!

Давай миня правирять. А че миня правирять када я бис ихних дурацких праверак знаю. Не умер ни фига как и гаварил. Они устали миня бить гаварят:

— Давайте его к мэру отведем.

Я гаварю жалка палку сламали хорошая была палка. Где я такую ище вазьму. Один гаварит:

— Гляньте, ребята, какой разговорчивый мутант. Давайте ему еще всыплем!

А толстый иму гаварит:

— Хватит! Пошли к мэру.

Он уже задалбалса миня пинать.

Пришли к мэру. Мэр гаварит:

— Что за чмо?

А када узнал шта этат придурак умир гаварит:

— Посади его в клетку. Завтра повесим.

Толстый гаварит:

— Как повесим? А виру за убитого кто платить будет?

Мэр гаварит:

— Какая на фиг вира? С этого урода? Иди, посади его.

Миня привили к клетке. У двирей сидели двое. Один гаварит:

— Куда этого-то? Его же там сожрут.

Толстый гаварит:

— Ну и хрен с ним. Все равно завтра на виселицу.

Дверь аткрыли и миня запихнули так шта я упал мордай аппол. Слышу ктота смиецца поднимаю голаву. Сидит дефка такая красивая шта я описать ни магу. Толька у миня сразу зачисалось. Я гаварю давай чели че время тирять. Миня гаварю Витя завут.

— Пошел ты!

Я гаварю ладна толька лажись и ни дергася. Ана гаварит:

— Только попробуй! Убью!

Ни хочишь гаварю тагда я тибе пра симью нашу раскажу.

Па красивый был. Ма ево фсе время ривновала. Гаварила я тибя убью сукин кот если хоть одним глазком куда посмотриш. А как ни сматреть кагда у па их восимь? Если бы уран ни кончилса я бы тоже красивим был как па. Атак миня уранили. Ты ни думай ма уминя малаток. Вырастила нас пять сыноф две дочки и ище Жгутика. Он наверное тоже сын или дочка но я иво атдельна щитаю. Патаму шта нипанятна кто он есть. Гаварить он ни хочет а праверить иво нильзя он кусаеца больна.

Патом я спросил тибе страшна. Она гаварит:

— Отстань.

Я гаварю хочишь спаю калыбельную каторую мне ма пела кагда я плакал. Она гаварит:

— Не хочу! Заткнись ты, урод, ради бога, дай поспать!

Я не обиделса на урода патаму шта понял она ат страху так гаварит. Я запел как ма научила:

Баю бабушки баю
Ни лажися на краю
Придет серинький валчок
И укусит за бачок

Он укусит за бачок
Вырвет ляжечки клачок
Вырвет сердце вырвет глас
Выходи кто

Она гаварит:

— Заткнись! Нет, это невозможно... Эй, там, за дверью! Стража!

Ис двери сказали шта если она будит кричать будет только хуже.

— Таких огребешь, ведьма, что завтра на костер нести придется. И вообще, могла бы хоть к уроду отнестись по человечески. Ему завтра помирать.

Ана гаварит:

— А мне нет?!

Ис двери гаварят:

— Тебе в любом случае, а парень под горячую руку попал. Родственничка мэра замочил случайно. Непруха. Кого другого — отделался бы вирой. Эй, парень, ты на нас зла не держи! Слышишь?

Я гаварю слышу вы хорошие люди мне здесь нравицца. Ани гаварят:

— Салют, парень.

Я гаварю как тибя завут. Ана гаварит:

— Обойдешся!

Ис деври гаварят:

— Ханна ее зовут.

Утрам вывили миня на плошчась. Там дрова кучей и вишивка на сталбе. Вакруг нарот стаит на миня смотрит. Ие то же вывили.

Мэр улыбацца и гаварит:

— Хочешь сказать последнее слово?

Я гаварю атпустите Ханну.

Ани все зашумели.

— Смотрите, мутантик-то совсем с катушек съехал! Влюбился. Парень, опомнись. Она же из дергов! Ты хоть знаешь, кто такие дерги?

Я гаварю знаю. Они маево па съели у ниво уран кончилца.

— Парень, да ты глянь! Она твоего отца сожрала.

Я на ние смотрю ана гаварит:

— Не слушай их. Мы никого не едим. Все отходы идут на вторичную переработку. Еду нам делают специальные машины... Мы, в отличие от этих, люди.

— Дерги вы! Людей жрете! Своих мертвецов жрете! Разве люди так делают?

— У нас все идет в дело. После войны чистая еда на вес золота. Люди — хорошая органика.

Я гаварю точно па был красивый. Третий глас красинький а сидьмой шта на затылке с зелеными точками. Я када малинький был всигда на плече у ниво сидел и глас шикотал. А па смиялся и гаварил шта я кукушонок. Ма так рассказывала патамушта. я тагда малинький был и ничево нипомню.

Мэр гаварит:

— Дурак ты, парень! Кого ты слушаешь. Они бы всю твою семью живьем в машину засунули. Думаешь, они с уродами церемонятся?

Я гаварю ма ни урот ма красивая. Но Ханна ище красивше. Если ана па съела то так нада. Я бы на месте па только улыбалса бы.

Мэр на миня смотрит и гаварит:

— Ты совсем дурак?

Толстый на миня смотрит и то же гаварит:

— Ты идиот?

А Ханна малчит на миня смотрит.

А я гаварю я урот. Миня убивайте а ее ни нада. Ана красивая.

Мэр гаварит:

— Начинайте!

Она гаварит:

— Мне страшно, Витя.

Ни бойся гаварю я. Хочишь я спаю тебе калыбельную, каторую мне ма пела?

Она гаварит: хочу. И я запел.

Александр Трубников

Убить Саладина

Большой палец завис над экраном коммуникатора и решительно тапнул бордовую кнопку «Enter». Экран осветился зеленой надписью «Mission started». Воздух внутри силового поля начал вибрировать, словно внутри огромного трансформатора. Изображение на экране дрогнуло. Поплывшие, словно изображение камеры в руках у пьяного оператора, цифры пошли в обратный отсчет. Погудев секунд десять-пятнадцать, трансформатор затих, и картинка приобрела прежнюю четкость. Теперь надпись посередине экрана была не зеленой, а ярко-красной.

Migration complete.

На длинном пляже не было ни души, если не принимать в расчет вышагивающих по кромке воды откормленных чаек. За скалами, которыми заканчивался пляж, зеленела ухоженная равнина, ограниченная цепью теряющихся в дымке холмов. Справа, если стоять лицом к морю, пляж уходил до самого горизонта, изгибаясь в большой открытый залив, который в богатом на морские слова английском носит название *bay*. Километрах в пяти слева вздымались зубчатые желтоватые стены прибрежной крепости.

Грязно-серый песок меж кромкой неаппетитного моря и грядой изъеденных ветром скал вдруг вспучился двухметровым фурункулом и рассыпался, обнажая серебристую полусферу, похожую на огромную каплю ртути. Несколько минут она стояла, поблескивая на солнце, затем потемнела и, к возмущению гуляющих рядом чаек, медленно растворилась в воздухе. Внутри образовавшегося песчаного круга обнаружился продолговатый контейнер цвета хаки, на боку которого чернела жирная надпись PROPERTY OF USAF. Сверху, спина к спине, обхватив руками колени и низко опустив головы, словно авиапассажиры при аварийной посадке, сидели двое обнаженных людей. Одним был афроамериканец с рельефной мускулатурой, способной посрамить и президента Шварценеггера в те далекие времена, когда тот, не помышляя о политической карьере, радовал кинозрителей ролями Конана-варвара и бравого коммандо Мэтрикса. Он поднял голову, испуганно встряхнулся, словно сгоняя сон, и уставился в экран зажатого в руке прибора.

— Если верить датчику, то мы на месте, Френки! — крикнул культурист, обернувшись к товарищу.

Его напарник, subtilный голубоглазый европеец с золотистыми кудрями до плеч, выпрямившись, оглядывался по сторонам.

— Хоть это радует, Лаки. Когда включили эту fucking машину, я думал, что меня наизнанку вывернет...

Наскоро оглядев море и пляж, голубоглазый Френки задержал взгляд на крепости, после чего, прищурившись, очень тщательно изучил ближайшие скалы.

— Fusking shit, я вижу какой-то грот! — окликнул он завозившегося с техникой чернокожего компаньона. — Хватит сопли жевать, Френки. Давай-ка шустро сдристнем в укрытие, пока нас местные не надыбали.

Чернокожий кивнул и взялся за ухватистую, закатанную в каучук ручку. Вздернув в воздух тяжелый груз, «черное дерево и слоновая кость» побежали в сторону скал. Их вспотевшие ягодицы ритмично посверкивали на солнце в такт раскачивающемуся ящику, который, если верить надписи, принадлежал военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки. На

экране коммуникатора, который его хозяин, не найдя лучшего места для переноски, зажал в зубах, почти неразличимая на солнце, с трудом разбиралась надпись: «1 JULY 1187».

* * *

«Господа журналисты! Через несколько минут хронодесантники отправятся в прошлое. Как вам известно, перед этими отважными парнями поставлена задача самая святая из всех, что стояли когда-либо перед нашей непобедимой морской пехотой. Их миссия — борьба, да что там борьба, — **уничтожение** в самом зародыше международного терроризма!

Сейчас 2187 год. Уже сто восемьдесят шесть лет прах безвинных жертв террористического акта одиннадцатого сентября стучится в наши сердца. И вот наконец настал тот день, когда мы сможем отомстить за невинно павших, ликвидировав самого первого террориста в истории человечества.

Исследовательский центр альтернативной истории (РСАН) имени Майкла Джексона предложил в качестве места и времени воздействия 1187 год, Ближний Восток, где в то время располагалось первое в истории демократическое государство — Королевство Иерусалимское.

Оперативное вмешательство должно предотвратить поражение армии крестоносцев в Хаттинском сражении 4 июля 1187 года. По мнению ученых РСАН, в результате подобных действий на территории современных Сирии, Палестины, Иордании, Израиля и Египта возникнет сильное немусульманское государство, которое в зародыше ликвидирует угрозу возникновения международного терроризма.

Те из вас, кто присутствовал на пресс-конференции, знают, что тысячу лет назад, 4 июля 1187 года, курдский террорист Саладин, используя преступные, антигуманные методы, запрещенные всеми международными конвенциями, уничтожил в Хаттинской битве миротворческую армию христиан-крестоносцев. Этот террористический акт не только стер с политической карты мира первое в истории демократическое государство — Иерусалимское королевство, но и заложил основы для появления таких подрывных организаций, как ассасины, Аль-Каида, ХАМАС, Хезбалла и Талибан. И вот теперь наконец мы получили возможность эффективной борьбы с терроризмом не только в пространстве, но и во времени!

Аналитики Оперативного центра „Радуга-семь“ разработали оптимальный план операции, который учел все особенности действий в двенадцатом веке. Уровень подготовки и материального обеспечения миссии соответствует наивысшим стандартам двадцать второго столетия.

Как вам было показано на демонстрационном видео, один из наших храбрецов за день до битвы проникнет в лагерь террористов и с помощью лазерного целеуказателя зафиксирует Саладина как цель. Второй десантник, находясь в нескольких милях, получив сигнал, запустит самонаводящуюся ракету, которая поразит террориста, при этом не нанеся вреда мирному населению. После выполнения миссии десантники будут эвакуированы и возвратятся домой.

Пусть же четвертое июля 1187 года станет не днем поражения крестоносцев, но воистину Днем Независимости всего цивилизованного мира!» (аплодисменты).

Укрывшись в глубоком гроте, хронодесантники осторожно опустили на землю контейнер и отдышались. Убедившись в том, что их появление осталось незамеченным, они синхронно отбросили тяжелые хромированные защелки, подняли крышку и первым делом натянули на себя заготовленную одежду, которая, если верить экспертам-историкам, была «стопроцентно аутентичной эпохе». Аутентичный эпохе наряд представлял собой штаны до колен и длинные льняные рубахи, перетянутые матерчатыми поясами. На ноги морпехи натянули легкие кожаные сандалии.

Одевшись, негр извлек на свет божий армейского вида ноутбук, подсоединил к нему коммуникатор и начал, хмурясь, елозить указательным пальцем по тачпаду. Его товарищ, тем временем расстелив на земле кусок камуфляжной ткани, выкладывал на него разнообразное оборудование, попутно освобождая от транспортировочной упаковки.

— Ну что там, Лаки? — поинтересовался златовласый, завершив разборку контейнера. — Определился с координатами?

Быковатый афроамериканец, щурясь на ярком солнце, еще немного поколдовал над гаджетом и хнычущим голосом произнес:

— Oh, my gosh! Френки, у нас внештатная ситуация. Похоже, что GPS накрылся...

— А если подключить внешний датчик? — совершенно по-женски хлопнув длинными густыми ресницами, переспросил златовласый Френки.

— Я только что сделал это.

— И, fucking world?

— Навигатор не цепляет ни единого спутника... Я не могу определить, где мы с тобой находимся...

Обама «Лаки» Смитсон, двадцать восемь лет. Генетическая женщина. Этническая афроамериканка. Трансгендерная операция проведена в 12 лет добровольно по представлению Комиссии демографических свобод штата. В качестве компенсации за смену пола выбрал право бесплатно обучаться в колледже бизнес-культуризма. На выпускном курсе занял второе место на конкурсе «Мистер Мускул», за что получил грант на обучение в Массачусетском технологическом институте. Баптист. Бисексуал. Постоянных партнеров не имеет. Чайлдфри. За время учебы дважды подавал жалобы в сексуальном домогательстве: на соседку по кампусу и тренера. Оба раза соглашался на отзыв иска за денежную компенсацию. После защиты диплома был завербован в корпус Морской пехоты в качестве эксперта вычислительных систем. Зачислен в хронодесант по требованию комитета по правам социальных меньшинств как афроамериканец с самым высоким IQ из всех представленных кандидатов.

Субтильный Френки отвесил чернокожему культуристу несколько звонких пощечин, на корню задавив истерику:

— Ну хоть то, что мы сейчас в двенадцатом веке, это точно?

— Точно! — всхлипнув ответил Лаки. — Там автономный датчик, он, слава Господу, не ошибается. Но вот где именно мы находимся...

— Море здесь есть, — глубокомысленно произнес Френки. — Вон там какая-то крепость торчит, она, если меня глаза не обманывают, построена из ракушечника. Тот долбанный эксперт по средневековой фортификации рассказывал, что этот дерьмовый материал использовали только в Африке и Восточном, fuck, Средиземноморье.

— Средиземноморье большое, — плаксиво откомментировал Лаки, рассматривая на экране ноутбука карту мира. — Как нам узнать точное место со сломанным навигатором?

— Вот, — сказал Френки, вставляя в нос процессоры для очистки воздуха. — От вас, яйцеголовых, если сломались игрушки, нет никакой гребаной пользы. А ведь имеется очень простой способ выяснить, куда мы попали.

— Какой же?

— Поймать туземца и расспросить его обо всем. Заодно и гардероб свой пополним.

— Но это же большой грех! — вяло возразил Лаки. — Нам выдано немаркированное золото именно для того, чтобы мы купили все необходимое, не нанося ущерба местному населению.

Лаки пожал плечами:

— Хочешь торговаться с местными? Хрен с тобой. В таком случае ты сам этим и займешься, умник. Я оперативник, мое дело — найти местных жителей и убедить их нас выслушать. Кстати, вот и они!

Златовласый Френки указал пальцем в сторону пляжа, откуда, погружая в песок короткие сапоги, приближались, выставив копыя, трое аборигенов.

Быковатый негр при виде остро заточенных наконечников захныкал и прижался к скале. В отличие от компаньона, сублильный красавец ни капли не растерялся. Подхватив с покрывала массивный травматический револьвер, он вылетел из пещеры и, не вступая ни в какие переговоры, выстрелил в голову одному из нападавших. Чайки, испуганные грохотом выстрела, взмыли в небо.

Не дав опомниться уцелевшим, хронодесантник вихрем рванул вперед и вырвал копье у второго туземца. Крутнув трофейным оружием в лучших традициях китайских фильмов про Шао-Линь, Френки загнал острие в живот ошарашенному противнику и, пока тот картинно падал в песок, тупым концом врезал третьему точно за ухо. Убедившись в том, что нападавшие валяются на песке, не подавая признаков жизни, оперативник возвратился к скале, извлек из контейнера расшитый бисером несессер и стал поправлять прическу.

Негр, всхлипывая, отклеился от скалы и пустыми глазами уставился на живописно разбросанные тела.

* * *

Френк Херберт, двадцать девять лет. Генетический мужчина. Этнический ирландец. Католик. Гей. Состоит в браке, четверо приемных детей. Его AFCT — Armed Forces Classification Test, — проведенный при заключении контракта, составил 18 баллов при минимуме в 15, но по физическим показателям он был первым в группе. Базовый тренинг проходил в Перрис Айленд. Освоил специальный курс рукопашного боя.

По завершении обучения участвовал в миротворческих операциях на территории Кореи, Ирана и Сирии. Сдал экзамен на капрала, после чего воевал в Венесуэле и

Курильской Республике Сендю. Дважды привлекался к суду по обвинению в жестоком обращении с пленными. Оба раза оправдан: первый раз по квоте сексуальных меньшинств, второй — за недостаточностью улик. В группу хронодесанта зачислен по представлению конгрессмена Ли Хея как активист партии геев-республиканцев.

* * *

— Who are You, fucking ass? — Френк брезгливо вытер платком испачканные костяшки пальцев и поправил прическу.

Пленный, протяжно всхлипнув, втянул кровавые сопли, но продолжал упорно молчать. Хронодесантник снова буркнул себе под нос сакральное fuck и врезал со всей дури под дых. Дури в гламурном теле оказалось немало — туземец мешком отлетел к стене и остался лежать, испуская протяжные стоны. Френки семенящей походкой приблизился к жертве и ткнул ее в ребра носком трофейного сапога.

Сеть-хамелеон, которой десантники замаскировали убежище, отодвинулась, и в пещеру ввалился Лаки с короткой лопатой в руке. Морпех-бакалавр устал, как раб, проработавший целый день на хлопковой или сахарной плантации. Черные ноздри ходили, как у быка-трехлетка, который только что слез с коровы, а завидный торс едва вмещался в снятую с трупа верхнюю одежду, которая напоминала стеганую фуфайку.

— Ты знаешь, как тяжело копать этот гадкий песок? Иисус свидетель, мне не приходилось так уставать с тех самых пор, когда отчим заставлял меня стричь газон после секса!

— Да ты в жизни не поднимал ничего тяжелее своего хера, Лаки-факи! — огрызнулся напарник. — Хорошо закопал?

— Как ты и говорил, на глубину всей лопаты, от кончика и до ручки.

— Песок?

— Разровнял и притоптал. А как у тебя прогресс?

— Этот трахнутый игуаной ублюдок молчит, как венесуэльский патриот.

— Ну так воспользуйся лингвокоммуникатором, о Мадонна! — буркнул негр Лаки, обрушиваясь на раскладной стул. — Он молчит не потому что патриот, а просто не понимает тебя.

Френки уважительно факнул, поглядел на приятеля так, как дети смотрят на фокусника, у которого из цилиндра выпрыгивает одновременно десяток зайцев, и, сверяясь с описью, начал рыться в контейнере.

Когда он вернулся к пленному, повесив на грудь плоский угольно-черный прибор со стилизованным изображением надкушенного яблока и надписью «I-Trans 64», тот уже немного пришел в себя и сидел, опершись спиной о камень.

— На какой язык мне его настроить, Лаки?

— Господи, да мне-то откуда знать?! Пусть он скажет хоть что-то, система сама определит направление перевода.

Френк ткнул пленному под ребро длинным холеным пальцем. Тот что-то залопотал. На приборе заморгал зеленый светодиод, пистон наушника ожил, и бесстрастный женский голос вежливо произнес:

— Арабский язык заблокирован как язык международного терроризма.

— Fuck You! — Френк ткнул пленного еще раз, теперь сильнее.

Тот выдал на-гора еще несколько путаных фраз.

— Тюркский язык установлен в версии Pro, — снова ответил голос. — Для активации этой

функции посетите сайт microsoft store и пополните счет на сумму...

Френки цветисто и сложно выругался.

— Кал, подвергнутый сексуальному насилию, который съел кошку и занимался самоудовлетворением при помощи фагота-вишни, — по собственной инициативе политкорректно выдал транслятор.

— Похоже, Лаки, что дерьмецы из логистического центра вместо рабочего переводчика всунули в контейнер стандартную версию из ближайшего интернет-магазина.

Негр охнул:

— Но ведь на тренировках мы использовали полную версию! И как мы ее теперь проапгрейдем, если до ближайшего банкомата лет девятьсот?

Френки пожал плечами:

— Каждый экономит бюджет, как умеет, Лаки.

— И все равно я не могу взять в толк, как это могло получиться.

— Ты вроде при штабе числился, уголек, должен рубить фишку, а на деле мудак мудаком.

Нашу операцию кто готовил?

— Военно-воздушные силы, USAF.

— А мы с тобой кто?

— Морпехи.

— А ты хоть раз задумался, почему морпехи направлены в миссию, которая изначально принадлежала USAF?

— Потому что мы — элита американской армии...

— Брось повторять эту обезьянью чушь. Если бы авиация могла выбирать, то она бы пригласила ребят из дружественной воздушно-десантной дивизии. У десантуры имеется свой спецназ, который нашим орлам с якорями так вставляет шершавого, что те и кудахтать не успевают. — Лаки непроизвольно скосился на тощее предплечье напарника, где красовался татуированный герб морпеха: наискось пронзенный якорем глобус с угнездившимся сверху орлом. — Тут уж можешь поверить, на своей жопе попробовал. Как-то нас занесло в клуб, где тусовались ребята сто первой дивизии из роты Браво, которая Черные драконы. Мы с ними там фаготов не поделили, причем нас было семеро, а их лишь двое.

— И что?

— А то, мать твою, что задница у меня потом болела неделю, а ребра до сих пор ноют к дождю.

— Ну тогда почему не они, а мы?

— Гребаная политика, мой афроамериканский друг. Президент, как ты знаешь, выдвигался от фракции геев. А среди военных геев, если, конечно, не считать Пентагон и штабы, как известно, больше всего в морпехе. Вот его превосходительство и распорядился, чтобы ради торжества демократии отряд хронодесанта был от Морской пехоты. Сам понимаешь, авиаторы, уяснив, что таскают каштаны из огня для другого ведомства, тут же скурвились и кастрировали снабжение.

— Это точно?

— Как то, что у слона яйца больше, чем твоя голова. Наш региональный партменеджер рассказал. У меня с ним был когда-то роман, причем он до сих пор по мне вздыхает, так что врать бы не стал.

Лаки замолк, переваривая услышанное. Френк сплюнул, потерял непослушный локон и коротко произнес:

— Ладно хватит гонять порожняк. Будем думать, как пленного потрошить. Погляди в мануале, какие языки доступны в стандартной версии.

Лаки воткнул в компьютерный бок чип с драйверами, поелозил пальцем по тачпаду и сообщил:

— Английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, португальский, японский. Китайский и русский — демоверсии на тысячу слов.

Пленник, до этого нервно прислушивавшийся к разговору, что-то пролепетал.

— Франкский я говорить! — немедленно доложил переводчик.

* * *

Хрониум — химический элемент. Открыт в 2112 году во время исследования Пояса астероидов. Встречается крайне редко. За семьдесят лет промышленной разработки обогатительные платформы компании Каллибертон Спейс Индастри получили всего около сорока килограммов вещества, которое целиком выкупило Министерство обороны США.

Эффект Григоряна — способность храниума при достижении критической массы чистого вещества (примерно двадцать три фунта) при облучении модулированным потоком нейтрино генерировать направленное темпоральное поле, создавая кратковременный «тоннель» в прошлое ровно на одну тысячу лет. Через такой тоннель может быть перенесено в прямом или обратном направлении около двух тысяч фунтов любого груза, в том числе и живые организмы. После создания темпорального поля храниум аннигилируется.

* * *

Старофранкский язык транслятор, хоть с изрядным трудом, одолел, и допрос понемногу стал приносить плоды. Пленный туземец оказался ополченцем из подданных графа Яффского, которому был приказано патрулировать пляж, по его словам, «от Соломоновой скалы до сарацинской деревни», а сами они находились в трех милях от портового города Яффа.

— Если ты христианин и говоришь по-французски, то какой задницы начал отвечать сначала по-арабски, потом по-турецки? — спросил Френки. Транслятор перевел фразу, споткнувшись на «заднице».

— Мы уже четвертый день ожидаем прихода армии Саладина. Твой друг — нубиец, а нубийцы служат у сарацин. Вы напали. Вот я и подумал...

— Он, fuck, подумал... Какой задницы вы здесь ожидаете армию Саладина, если сейчас она готовится к сражению в нескольких сотнях миль отсюда?

— Сражение уже состоялось, монсир! Еще вчера гонцы из Бельведера прибыли в крепость со страшной вестью. У деревни Хаттим армия христиан полностью разгромлена, король Ги взят в плен, а великий магистр тамплиеров то ли пленен, то ли погиб. Саладин во главе ста тысяч безбожных головорезов движется к побережью...

— Что ты несешь, придурок! Какой разгром? Сражение должно быть только четвертого июля...

Пленный нахмурил лоб.

— Вы что-то путаете, монсир! Я обучался грамоте в Тирском аббатстве и знаком с календарем, который когда-то ввел император Гай Юлий. Четвертое июля, как вы говорите, это суббота по Дню Иоанна Крестителя. Она была десять или одиннадцать дней назад...

— То есть как была? — поплыл ничего не понимающий Френки. — Лаки, поройся-ка в своем компьютере и объясни, что это за дела? Твои друзья-ученые утверждали, что сбоя по времени быть не может, да и твой сраный датчик показывал, что сегодня первое число...

Чтобы разобраться в проблеме, чернокожему культуристу понадобилось около трех часов. Компьютер, не имеющий выхода в сеть, оказался почти бесполезной грудой пластмассы. Слава богу, какой-то добрый самаритянин установил на диск последнюю версию Британской энциклопедии...

— Оказывается, четвертого октября тысяча пятьсот восемьдесят второго года папа Григорий Тринадцатый реформировал Юлианский календарь, признав астрономическую поправку, которая накопилась за полторы тысячи лет. Разница старого и нового календаря между двадцать вторым и двенадцатым веком составляет примерно одиннадцать дней. Те, кто планировал экспедицию, просто не обратили на это внимания...

— Мать осла, которую изнасиловал пьяный буйвол, который ест собственное дерьмо! — Транслятор по собственной инициативе счел целесообразным перевести ответную фразу Френки. Поскучневший от ожидания пленник, выслушав, одобрительно крякнул. — Стало быть, наша миссия провалена изначально, и в этом нет нашей вины. Стало быть, условия контракта соблюдены, наша страховка действует и мы можем, наплевав на этого Саладина, спокойно ставить маяк и ждать, когда нас отсюда вытащат. Я так понимаю, это будет через четыре дня?

* * *

— Следующий вопрос, господа!

— Интернет-портал «Политика для чайников». Генерал, наш источник из NASA утверждает, что, невзирая на громкие заявления, вопрос эвакуации десантников до сих пор не решен. Кроме того, отчеты компании Каллибертон, которая занимается добычей руды и получением храниума, явно показывают, что общего объема добытого вещества явно недостаточно для того, чтобы обеспечить еще один темпоральный портал.

— Это не совсем так... В настоящее время мы работаем над этим...

— Еще один вопрос, господин бригадный генерал! Калифорнийский независимый центр хрономоделирования опубликовал бюллетень, который утверждает, что активное вмешательство в прошлое создает «развилку реальностей», из-за чего изменение истории происходит в некоем альтернативном мире, а наше настоящее останется неизменным. Ваш комментарий?

— Эта псевдонаучная теория — происки международных террористов и врагов Америки! Два дня назад ЦРУ предоставило комиссии Конгресса документы, которые неопровержимо свидетельствуют о том, что упомянутый вами «независимый исследовательский центр» финансирует не кто иной, как Аль-Каида! В ближайшие дни эти продажные ученые будут арестованы как пособники террористов.

— И все же, будут хронодесантники эвакуированы или нет?

— Я же сказал, мы работаем над этим. Следующий вопрос, господа!

— Как вы относитесь к распространенной в блогах информации о том, что вся эта «операция» является не более чем прикрытием для списания храниума, который был нелегально продан России?

— Полиция! Я требую немедленно вывести из зала провокаторов и выяснить, с какой целью они проникли в пресс-центр...

Бравые хронодесантники переживали очевидный эпик фейл своей миссии в соответствии с характером и жизненным опытом. Оперативник Френки матерился без продыху так, что Ансельм, бывший пленник, нанятый на должность полевого агента с окладом один грамм золота в день, принося из города еду, питье и очередные новости о приближении армии Саладина, шепотом повторял «Отче наш». Технарь Лаки как мог отгораживался от жестоких реалий и под видом поиска выхода из сложившейся ситуации намертво слился со своим ноутбуком. К несчастью для чернокожего культуриста и нескрываемой радости златокудрого морпеха, единственный источник энергии — раскладная солнечная батарея — имел недостаточную мощность для того, чтобы одновременно обеспечивать и работу и подзарядку, а потому каждые пять-шесть часов Лаки был вынужден отрываться от экрана и общаться с Френки.

— Ну?! — поинтересовался оперативник, дождавшись, когда технарь, издав протяжный и обреченный стон стеллеровой коровы, опустит крышку лап-топа.

— События, предшествующие Хаттинскому сражению, расписаны в плане операции по минутам. Кто знал, что нам понадобится знать о тех событиях, которые НЕ должны были произойти?

— Ну хоть что-то там есть? Или ты третий день подряд только и делаешь, что смотришь всякое садо-мазо?

— В моем компьютере нет никакого порно! — обиделся Лаки. — Моя церковь его осуждает, а я добросовестный прихожанин. Мне залили туда Британскую энциклопедию и несколько электронных книг о крестовых походах. Но там все очень сбивчиво и противоречиво. Четвертого июля графиня Триполийская сдала Саладину крепость Тивериада, которая расположена на берегу Галилейского озера. Восьмого армия мусульман вышла к морю и двинулась в направлении Акры. Правитель этого города без боя открыл ворота и сдался. Яффу, рядом с которой мы и находимся, через некоторое время взял штурмом брат Саладина, прибывший с войском из Египта... Слушай, Френки, ты действительно считаешь, что нам следует, невзирая ни на что, провести это проклятую ликвидацию?

— Снежок, ты или дурак, или прикидываешься. Пока в Пентагоне не узнают, что Саладин сдох, никто и не подумает нас забрать. Хоть это ты понимаешь?

— Понимаю, приятель. Однако я тут вот что подумал. Как они там узнают, что мы выполнили задание?

— Нет, ты точно дурак. Саладин же будет убит!

— Но ведь он будет убит в двенадцатом веке!

— И что?

— А то, что для тех, кто живет в двадцать втором, это будет как бы само собой. Ты понимаешь, о чем я хочу сказать?

— Не морочь мне яйца, придурок! Нам приказано убить этого трахнутого курда, и мы его убьем. У нас есть все, что для этого нужно, — переводчик, оборудование, оружие. Ты просто должен откопать в компьютере информацию о том, где и когда эти террористы будут стоять лагерем достаточно долго, чтобы мы успели туда добраться и подготовить акцию...

Дождавшись заряда батарей, Лаки, поминая через слово Богородицу и Спасителя, начал рыться в первом томе фундаментального исследования, вышедшего из-под пера сэра Джеймса Кохрана Стивенсона Рансимана...

— В общем, Саладин, одержав победу над королевской армией, двигался от Акры на север, принимая капитуляцию тех городов, которые согласились ему сдаться без боя, и не

задерживаясь для осад. С двадцать шестого сентября по второе октября султан стоял лагерем под стенами Иерусалима. В декабре он безуспешно пытался захватить Тир...

— Тир на побережье, — тыкая пальцем в спутниковую карту через плечо приятеля, рассуждал Френки. — Там особо не спрячешься. А вот рядом с Иерусалимом сплошные холмы, есть где укрыть пусковую систему, а заодно и одного чернокожего, который в здешних местах бросается в глаза, как девственница в солдатском борделе. Что же, будем работать там...

* * *

Саладин. Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин. Этнический курд. Родился в 1138 году в Тикрите в семье эмира Баальбека (в этом же месте в 1937 году родился Саддам Хуссейн). Сделал военную карьеру при дворе султана Дамаска, в 1169 году стал визирем Египта. После смерти египетского султана недемократическим путем пришел к власти и начал проводить агрессивную террористическую политику по отношению к христианам-крестоносцам.

К 1187 году Саладин подчинил своей власти все мусульманские страны Ближнего Востока и начал тотальную войну с Иерусалимским королевством, которое разгромил практически полностью. Единственным человеком, кого опасался султан, был Старец Горы — глава секты исмаилитов. Эта крайне радикальная организация практиковала политические убийства с использованием специально подготовленных киллеров-ассасинов и считала султана одним из главных своих врагов. Зная о том, что на него готовится покушение, Саладин принимал экстраординарные меры личной безопасности. Рядом с ним, помимо нескольких десятков телохранителей, всегда находились тайные агенты, обязанностью которых было выискивать любых подозрительных людей, которые могли представлять опасность для драгоценной жизни светлейшего султана.

* * *

Главным украшением дороги, ведущей к сарацинскому лагерю, был полуразложившийся труп осла, над которым гудело плотное мушиное облако. Процессор вставленной в нос наносистемы очистки воздуха выдал в ушной пистон тревожный сигнал перегрузки и благополучно сдох. Френки втянул в легкие густую и сочную вонь, после чего долго блевал, опершись руками на посох и не обращая внимания на текущий в сторону Иерусалима людской поток. Впрочем, движущиеся к осадному лагерю воины, слуги, торговцы, воры, разбойники и просто искатели приключений, которых обреченная франкская столица манила легкой добычей, тоже не замечали грязного путника в длинном до пят хитоне и чалме, полностью скрывающей волосы. Блует несчастный — и Аллах с ним. Может, вчерашний кебаб съел, или фи́га несвежая попалась... Свыкнувшись с отвратительным запахом, Френки выковырял из ноздрей ставшие бесполезными образцы высоких технологий и сплющил их каблуком о сбитую в камень дорогу.

Проникнуть в лагерь оказалось проще простого — порядку здесь было не больше, чем на толкучке в Манагуа, которую бравый морпех посетил несколько лет назад в рамках программы принуждения к демократии. Вокруг беспорядочно расставленных шатров ржали, мычали и фыркали кони, мулы, ослы и верблюды, меж которыми конно и пеше носились туда-сюда до зубов вооруженные люди с озабоченными и злыми лицами. На каждом углу что-то продавали и

покупали, а под навесом наскоро сооруженного духана под дребезжащие звуки бубна трясла животом тощая как смерть танцовщица. Единственным местом в лагере, где соблюдался хоть какой-то порядок, был невысокий холм, увенчанный очень просторным и явно недешевым шатром, над которым торчал высокий шест с куском зеленой материи. Судя по всему, это и была ставка подлежащей ликвидации цели.

Френки протолкался поближе к шатру, который оказался оцеплен мрачными здоровяками с профессиональными взглядами парней из секретной службы. Внутри оцепления пропускали только с личного разрешения высокого и довольно симпатичного араба, но дистанция наведения морпеха вполне устраивала. Он тронул спрятанный на груди селектор переговорного устройства:

— Ну что, дружище, готов?

— Все в порядке, Френк! — голос Лаки, доносившийся из наушника, был бодр и весел, словно у потерявшего невинность бойскаута. — Место удачное, это ложбинка недалеко от дороги. Меня отсюда совсем не видно. Система развернута, можешь в любой момент брать на себя управление.

Френки представил себе треножник пускового устройства, на котором, ожидая сигнала, стояла на полозьях полуторафутная ракета.

— Включаю тестовый сигнал. На корпусе должен заморгать индикатор, — морпех сдвинул крышку на ручке посоха и нажал на кнопку с подписью test.

— Моргает! — с энтузиазмом попавшей в телешоу домохозяйки радостно взвизгнул Лаки. — Зелененький!

— Отлично. В общем, сиди там и не отсвечивай. Я дожусь, когда этот Саладин выползет наружу, грохну ублюдка и сделаю ноги. Встретимся там, где и договорились. Все понял?

— Все понял, Френки! Удачной охоты, да хранит нас Господь!

Шелковый занавес, закрывающий вход в шатер, начал отодвигаться. Движением, доведенным на тренировках до полного автоматизма, Френки забросил посох на плечо, навел его на цель и замер, ожидая, когда проем откроется настолько, чтобы в него влетела ракета. Дождавшись, когда на балахоне сидящего внутри человека запляшет розовое пятно, он осторожно положил палец на спуск, замаскированный под сучок...

* * *

Юсуф ибн Айюб ожидал приезда берберского эмира Фесы — вождя одного из самых многочисленных разбойничье-кочевых племен, что зимой выпасают свой скот от Египта и до Магриба, а летом примыкают к любому военачальнику, который разрешает им безнаказанно грабить всех, кто попадется им на пути. Часы ожидания султан скрашивал в беседе с персидским астрономом и математиком, достопочтенным устамом ал-Битруджи, который, направляясь из Толедо в Багдад, осчастливил своим присутствием его полевую ставку.

О делах военных султан особо не беспокоился: сдача аль-Кудса, который назареи упорно именовали на иудейский манер Ершалаимом, уже была оговорена в мелочах и более не занимала мысли султана. Главное, неверные согласились на то, что армия Ислама войдет в город именно двадцать седьмого раджаба, то есть в годовщину того дня, когда Пророк, посетив во сне этот город, был вознесен отсюда на Небеса. Андалузский ученый, любезно согласившийся разделить с султаном обед, добравшись до Багдада, непременно расскажет об этом халифу...

Гораздо важнее было договориться с Фесой. Этот полудикий эмир, удачливый, щедрый и

невероятно хитрый, имел огромное влияние у всех кочевников. Во избежание будущих осложнений его следовало либо по-тихому убить, либо, на худой конец, приручить, дав высокий придворный пост.

От приятных размышлений о том, как он обведет вокруг пальца бербера, а своими победами в священной войне в очередной раз утрет нос Багдадскому халифу, Юсуфа оторвал начальник личной охраны Дауд.

— Мы поймали ассасина, светлейший султан!

Двое мамелюков из внешней цепи охраны затащили в шатер крепко связанного и сильно избитого человека.

— В платье богомольца он затерялся в толпе и направил на тебя посох, светлейший, — пояснил Дауд. — Он держал свою палку так, словно целил из арбалета в шатер, поэтому мы решили...

— Вы правильно решили. Он уже рассказал хоть что-то?

— Нет, светлейший. Мы еще не проводили допрос. Пока его не связали, он, действуя одними лишь кулаками, сумел лишить сознания четверых.

— Если это посланник Старца Горы, то он ничего не скажет. Еще ни один пойманный ассасин не произнес ни слова. Покажите-ка мне его...

Охранники подтянули ассасина поближе к султану. Один из мамелюков, отвесив пленному подзатыльник, схватил его сзади за волосы, вынуждая поднять лицо.

— Но это же франк! — удивлению султана не было предела. — У него волосы мерзко-соломенного цвета и голубые глаза. Старец Горы не берет к себе франков!

— Нужно поглядеть, обрезан он или нет, — рассудительно заметил Дауд. — Ты позволишь, светлейший?

Султан кивнул. Юсуф скомандовал. Охранники задрали одежду пленного и подняли его за ноги.

— Не обрезан, — удивился Дауд. — Но поглядите, какой красавец! — Его глаза сально блеснули.

Султан нахмурился. Ему хорошо было известно, что пятидесятилетний араб держит гарем лишь для виду, однако его личная преданность и деловая хватка пока что позволяли закрыть глаза на то, что всем радостям жизни Дауд предпочитает любовные утехи со статными красавцами. При этом выступая отнюдь не в роли мужчины...

— Это точно не ассасин, — облизывая губу, продолжил Дауд. — Он крепко сложен, хорошо кормлен и весьма приятен лицом. К тому же в его глазах нет безумия, которое отличает всех ассасинов, употребляющих без меры гашиш. Позволь, о светлейший, допросить его лично.

— Оружие у него нашли?

— Нет, светлейший. При нем был только посох, который мы сломали и выбросили...

Султан прищурил глаза, решая судьбу странного пленника. Избитый франк что-то залопотал, но на него уже не обращали внимания, потому что открытую площадку перед шатром заполнило несколько десятков одногорбых верблюдов. Управляли ими вооруженные до зубов всадники в запыленных одеждах, чьи лица по самые глаза были укрыты куфиями в темно-синюю клетку. Один из всадников, ловко действуя заостренной короткой палкой, заставил животное опуститься на передние ноги и ловко выпрыгнул из седла, закрепленного на горбу. Приблизившись к султану, он сдернул с лица защищающую от пыли повязку и коротко поклонился, прижав руку к сердцу.

— Эмир Феса прибыл к тебе, светлейший султан, чтобы присоединиться к джихаду! Позволь вручить тебе наш подарок — белого верблюда, который приучен ходить в седле. Он приносит удачу. И еще. — Эмир, сверкая зубами, махнул рукой в сторону прибывших с ним

джигитов, и те свалили на землю какой-то куль. — Неподалеку от лагеря, — пояснил Фесу, — мы поймали нубийского колдуна. Укрывшись в ложбине, он расставил какой-то треножник и шаманил в сторону твоего шатра.

Колдун-нубиец поднял уродливое лицо, стараниями пленителей превращенное в сплошной, различимый даже на черной коже синяк, разглядел ожидающего своей участи ассасина и, попытавшись вскинуться, что-то ему проблеял. Ассасин охнул, разинул щербатый рот и, сплевывая кровавые сгустки, что-то быстро залопотал в ответ.

— Чтоб меня дэвы сожрали! Похоже, эти двое знают друг друга!!! — удивленно вскричал Дауд. — Позволь мне, светлейший, продолжить допрос!

— Нубиец-колдун и франк-богомолец? — покачал головой Фесу. — Но где они могли сговориться? Разве что на Сицилии, где живут и те и другие.

Нубиец, теперь уже обращаясь к султану, начал быстро и путано говорить на каком-то незнакомом наречии. Франк попытался его оборвать, но не смог, ругнулся, плюнул кровью на землю и замолчал. Нубиец, не обращая ни на кого внимания, высвободил правую руку и начал лихорадочно чертить пальцем в пыли. Он нарисовал несколько вложенных друг в друга кругов, потом на внешних линиях начал изображать кружки поменьше.

— Колдует! — сказал Дауд, положив руку на рукоять сабли. — Я бы не рисковал, светлейший...

Султан собрался было кивнуть, но ему помешал дикий вопль, который вдруг издал астроном аль-Битруджи:

— Клянусь сандалиями Пророка! О, великий султан, этот черный язычник не колдун, а ученый. Он только что изобразил картину мироздания, которую я, тридцать лет изучая математику и астрономию, опираясь на труды самых выдающихся умов, едва-едва нащупал и начал описывать в своем новом трактате. Подари мне его, о светлейший, да продлит Аллах годы твоей драгоценной жизни!

— Пусть он сперва расскажет, откуда ему известен этот франк и что они вдвоем замыслили, — проявил упорство начальник стражи.

— Допрашивай! — махнул рукой Саладин. — Только где-нибудь в другом месте. Сейчас я желаю угостить за своим столом уважаемого эмира... Устам аль-Битруджи может, если у него есть желание, присутствовать на допросе.

* * *

В этот же день светлейший султан, приняв берберского эмира Фесу, изволил насладиться двумя наложницами, выслушать жалобу жителей деревни Зария, которую разграбили джигиты из Хамы, и самолично допросить по просьбе устама аль-Битруджи двух странных пленников. Помимо прочего те утверждали, что они посланы из огромной страны, лежащей по ту сторону Эфиопского моря в тысяче фарсахов к западу от берегов Магриба. Выслушав пленников и переговорив с андалузским астрономом и начальником стражи Даудом, светлейший приказал вызвать к себе находящегося при лагере мастера Александрийской верфи. На вопрос, в силах ли тот построить корабль, способный плыть три месяца, не имея связи с берегом, тот сказал: александрийские корабли способны двигаться в открытом море и давно уже по кратчайшему пути достигают берегов Индии. Главной трудностью такого плавания является не надежность самого судна, а невозможность пополнять запасы скоропортящейся пресной воды.

«Настоящим спешу сообщить Вашему святейшеству о том, что, возвратившись в Каир и покончив с самыми неотложными делами, Саладин приказал отправить в город Рабат, что лежит на берегу Эфиопского моря, пять двухмачтовых багалл, не боящихся шторма, каждая из которых могла взять на борт пятьсот человек. Из Рабата флот, приняв на борт огромное количество разнообразных припасов, отправился на Запад, в сторону открытого моря. Доверенный человек из числа приближенных к Саладину утверждает, что адмиралу Балаху Ма-Алла, чье прозвище переводится как „Голубь, несущий в себе Аллаха“ или Коломбо Христофоро, султан лично приказал отыскать неведомую землю, о существовании которой ему известно доподлинно...».

Гортанные крики матросов перекликались с воплями выпрашивающих угощение чаек. Двое, эфиоп и франк, в дорогих одеждах важных сановников стояли на кормовой надстройке и разглядывали тающие вдали серые кубики, окруженные со всех сторон песчаными дюнами.

— Опять стонешь, Лаки? — фыркнул бывший морпех, а ныне визирь дивана. — Что у тебя не так? Ты — ученик главного математика. Я — глава мамелюков, личной гвардии султана Дауда. Мы плывем в Америку во главе огромного флота, на борту которого все трахнутое племя этого бербера Фесы. Шесть, твою мать, тысяч арабов, которые прижмут к ногтю индейцев и выйдут к Тихому океану за какие-то шесть-семь лет. Если ты до сих пор считаешь нас предателями, то пора бы и успокоиться. Миссия выполнена, Саладина я прикончил своей собственной саблей — и это был не дворцовый переворот, а отлично подготовленная антитеррористическая операция! Ну а в том, что это случилось в иное время и в ином месте, не наша с тобой вина. Кстати, как там поживает твой почтенный учитель?

— Устам не хотел меня отпускать до того времени, когда в Каире запустят наконец счетную машину, — всхлипывая, отвечал приятелю Лаки. — Но воля султана была тверда — я должен отправиться вместе с первыми колонистами.

— А уж как мне было тяжело, приятель, — вздохнул Френк. — Даудик рыдал, отправляя меня за море. Да и я, положив руку на сердце, изрядно привязался к этой лохматой заднице. И если бы не его обещание сделать меня султаном нового континента, я бы никогда не покинул дворец...

«Господа журналисты! Через несколько минут хронодесантники отправятся в прошлое. Перед нашими непобедимыми федаинами поставлена святая задача. Их миссия — борьба, да что там борьба, — уничтожение в самом зародыше международного терроризма!

Сегодня двадцать пятый день месяца Зульхиджа одна тысяча шестьсот тринадцатого года Хиджры. Уже сто двадцать семь лет как прах безвинных жертв террористического акта двадцать второго джумада стучится в сердца всех правоверных. И вот наконец настал тот день, когда мы сможем отомстить за невинно

павших, ликвидировав самого первого террориста в истории человечества!

Те из вас, кто присутствовал на пресс-конференции, знают, что тысячу лет назад назарейский террорист Балдуин, используя преступные, антигуманные методы, запрещенные всеми международными конвенциями, преступно захватил аль-Кусор и осквернил мусульманские святыни. Этот террористический акт уничтожил первое в истории демократическое государство — Палестинский султанат и заложил основы для появления таких подрывных организаций, как бенедиктинцы, иллюминаты, тамплиеры и иезуиты.

По мнению экспертов исследовательского центра альтернативной истории при главной мечети города аль-Френки, ликвидация главаря внесет смятение в ряды террористов, чем и воспользуются мусульманские миротворцы. Установление на территории Сирии, Ирака, Иордании и Египта твердой конституционной власти сделает невозможным возникновение международного терроризма, и светлая цель, ради которой мы принесли столько жертв, наконец-то будет достигнута!»

Большой палец завис над экраном коммуникатора и решительно тапнул бордовую кнопку «ادخل». Экран осветился зеленой надписью «بداية بعثة»...

Виктор Ночкин

Хороший зомби — мертвый зомби

Снаружи зашаркали, звук приближался... пришельцы остановились перед дверью. Кто-то громко чихнул. Вот и еще одного брата настигла лихая судьба.

— Входите! — крикнул Семь Протезов. — Я слышу ваши шаги.

Дверь с душераздирающим скрипом отворилась, и в комнату по одному протиснулись трое. Рваное Ухо, Трехпалый и Бешеный Крыс. Вождь внимательно оглядел их — которого на этот раз? Бешеный Крыс чихнул.

— Он чихает, — грустно сказал Рваное Ухо.

— Он дышит, — зачем-то добавил Трехпалый.

— Он превращается в краснощекого, — печально заключил Семь Протезов.

— Я не хочу-у-у! — взвыл Бешеный Крыс. Спутники на всякий случай схватили его. — Я не хочу, не хочу, не хочу! За что! Почему это со мной!

Он бился в руках соплеменников, и из его глаз лились слезы — настоящие слезы. Он и впрямь превращался в краснощекого. Ужасное бедствие для истинного сына Великой Равнины.

— Ты не виноват, Бешеный Крыс, — тоскливо промолвил Семь Протезов. — Можешь оставаться с нами, сколько пожелаешь...

— Я не хочу! — выл Крыс.

— ...Но рано или поздно тебе придется уйти, — не меняя тона, закончил вождь. — Все равно ты теперь не такой, как мы. Да и на шахте работать ты уже не сможешь. А чем еще здесь заниматься?

Крыс всхлипнул.

— Как это случилось?

— Я работал в забое, потом вдруг что-то произошло, да так быстро, что я и не успел сообразить... в меня что-то воткнули, потом... нет, не могу! Очнулся — лежу рядом с вагонеткой... и чихаю-у-у-у...

— И все?

— Еще я помню звук трубы. Сперва протрубила труба, а потом уже... — бедняга снова чихнул.

— Ступай, Крыс. У тебя насморк. Это, говорят, частенько случается с краснощеками.

Он встал и, не глядя на рыдающего Крыса, которого Рваное Ухо с Трехпалым выводили за дверь, подошел к грудке мусора в углу. Разгреб протезом хлам и вытащил большой лист фанеры. Положил на стол...

Семь Протезов думал о своей судьбе. У него отняли всё. Сперва у него отняли жизнь. Потом отобрали смерть. И все, что осталось ему, — родная земля да низкое, всегда налитое свинцом небо, да племя, то есть те, кто встал с ним на одном кладбище. Потом пришли краснощекие и вознамерились отнять даже это. Совет вождей постановил: сопротивляться захватчикам, и Семь Протезов тоже повел свой народ на войну. Тогда его звали иначе. В битве он потерял ногу, и его стали звать Протез. С тех пор протез ломался шесть раз, сейчас у него седьмой.

Наверное, когда-нибудь и этот, седьмой, не выдержит, тогда вождь сменит имя и его будут звать Восемь Протезов. Если прежде не приключился куда более страшное, чем потеря деревянной подпорки... Великое бедствие обрушилось на народ Семи Протезов! Раньше вождь умел сберечь народ. Когда война с краснощеками была безнадежно проиграна и разгромленные

племена отступили, он, Семь Протезов, сумел договориться с победителями. Ему и землякам позволили остаться на родном кладбище в обмен на уголь. В шахте то и дело происходили утечки природного газа, живые не могли работать на добыче, вот краснощекие и позволили племени Семи Протезов трудиться в штольнях. Пока племя дает краснощеким уголь, их не сгоняют с родной земли. Сам шериф Саймон Глипсон обещал покровительство, а он — большой начальник среди краснощеких. Называется это по-новому — резервация.

И только показалось, что бытие наладилось, как новая беда пришла к племени Семи Протезов. Беда невиданная, необъяснимая, а потому страшная стократ больше. Как можно сопротивляться тому, чего не понимаешь?

Семь Протезов достал баночку краски, облезлую кисть... подумал немного и стал писать, старательно выводя большие буквы.

* * *

Паровой дилижанс дал пронзительный свисток и выпустил к низкому свинцовому небу струю белого пара. Тяжелые колеса, окованные стальными полосами, провернулись еще немного и замерли, взрыхлив напоследок грунт, взметнулось облачко серой пыли. Заскрежетали сминаемые камешки, лязгнули металлические крепления, угольная тележка звякнула сцепкой и толкнула сзади... Дилижанс замер.

Салон покачнулся, и пятеро пассажиров переглянулись. Рейсом Мусор-Сити — Красный Угол никогда не ездило много народу. Пятеро, это, можно сказать, довольно-таки порядочно.

На облучке, огражденном стальными листами, возница вглядывался в холмы справа от дороги. На нижней площадке кочегары отложили лопаты и, утирая потные лбы, взялись за винчестеры. Они всегда держали оружие под рукой — мало ли что случится в пути.

— Почему стоим? — окликнули из пассажирского салона.

— Засада в холмах, — лениво объяснил возница. — Пусть покажутся, кто таковы, там будет видно, сразу дальше двинем или сперва пострелять придется.

Пассажиры снова переглянулись. Двое рыцарей Ордена Хлама поднялись и откинули полы плащей. Двигались они как части единого механизма — будто нарочно повторяя один и тот же жест. На самом деле вышло случайно, отработанным движением орденские братья распахнули широкие белые одеяния, помеченные — на спине и на груди слева — черными квадратами, символами веры. Ладони одновременно опустились на рукояти кольтов.

Попутчики хламовников вели себя не так решительно. Тощая востроносая девица пискнула, вжимаясь в деревянную спинку сиденья, осанистый мужчина с большими усами завозился на месте, поглубже запихивая под себя объемистый саквояж, а его спутница, тетка с квадратным потным лицом, привстала, потянулась к верхней полке, нащупала дробовик в чехле и протянула мужу прикладом вперед. Тот убедился, что драгоценный саквояж упрятан надежно, и принял оружие. Но к окну не совался.

Тем временем на гребень холма въехал всадник и остановился в картинной позе, уперев длинное ружье в бедро. Одет он был во все черное, и крысук под ним был покрыт попоной — некогда черной, но давно уже превратившейся в пропыленные лохмотья.

— Здорово, Винс, — окликнул он возницу.

— И тебе того же, Черный Боб!

— А как ты понял, что я стою в засаде, Винс?

— Когда твои парни перестанут курить, а крысуки под ними перестанут гадить, тогда сможешь меня обмануть, — ответил тот. — Я увидел полосу крысиного помета, уходящую за

холм, потом увидел столб табачного дыма за холмом. Тогда я хорошенько приняхался и уловил вонь.

— И чем же это воняло, Винс?

— Тобой, Черный Боб! Ты смердишь, как покойник, как проклятый зомби! Может, ты умер, и в твою могилу ударила живомолния?

— Тебе и твоим дружкам из Мусор-Сити придется крепко попотеть, чтобы прикончить Черного Боба, — гордо ответил бандит. — Ладно, хватит пустого трепаченья. Что везешь?

— А тебе зачем?

— Хочу прикинуть, стоит ли добыча того пороха, который я изведу, чтобы добраться до нее. Порох нынче в цене.

Крысенок под бандитом пискнул.

— Порох всегда в цене, — ответил возница. — Нынче я налегке. Вот разве что пассажиры...

— Пассажиры? — Черный Боб оживился. — А бабы есть? Молоденькие? Хорошенькие? Ласковые? Я бы прилег с такой, нынче у меня подходящее настроение.

Востроносая девица съежилась на сиденье и вжалась в самый угол салона.

— Есть пара рыцарей Хлама! — выкрикнул один из хламовников, молодой высокий блондин атлетического сложения. — Хочешь улечься? Я тебе это устрою!

Он выглянул в окно и поднял кольт. Черный Боб оценивающе осмотрел рыцаря и буркнул:

— Ладно, проезжайте. Что за горячий народ эти хламовники... Только захотелось поболтать с Винсентом... когда еще встретишь приличного собеседника в этой глухомани...

Бормоча, он развернул крысенок и исчез за холмом. Вскоре раздался его голос, приглушенный земляным скатом:

— Эй, сваливаем! Здесь нечего ловить, дилижанс идет порожняком.

Ответом ему был хор разочарованных мужских голосов и шорох камешков под крысиными лапами, после чего банда убралась.

Возница Винсент снова дал гудок, кочегары на нижней площадке отложили винчестеры и взялись за лопаты.

Толстый мистер, пыхтя, засунул дробовик в чехол и встал, чтобы уложить оружие на полку. Девица снизу вверх заглянула в мужественное лицо блондина и с чувством произнесла:

— Ах, вы такой храбрый!

— Нет, мисс Конни, — улыбнулся тот, — я всего лишь исполняю свой долг. Долг рыцаря Хлама — давать отпор всякому злу, во славу предков, которые были благи и мудры.

Пассажиры уже успели перезнакомиться в пути. Девицу звали Конвергенция, она выросла в сиротском приюте, одном из многочисленных учреждений, открытых Орденом. Там воспитанникам давали такие имена — длинные красивые слова, оставшиеся в книгах предков, но исчезнувшие из повседневного обихода. Представившись, девица попросила называть ее Конни и всю дорогу не сводила глаз с красавца рыцаря. Его звали Гектор.

— Давать отпор злу можно и без всяких красивых слов, — буркнул спутник Гектора, низенький толстячок по имени Бутс. — Этот Черный Боб был у меня на прицеле, и если бы ты его не спугнул...

— Мы уже подъезжаем! — объявил усатый толстяк, выглянув в оконце. — Я вижу блеск шпиля на Красноугольской мэрии. Мисс Конни, если желаете, я провожу вас к месту будущей работы, когда доберемся.

— Когда доберемся, тебе нужно будет позаботиться о багаже, — напомнила жена усатого. — Да и нечего там провожать: слава предкам, наш Красный Угол — вовсе не большой город, мисс Конвергенция здесь не заблудится. Тем более от вокзала до школы всего два квартала, да площадь пересечь. И никаких опасностей.

Востроносая Конвергенция ехала в Красный Угол, чтобы работать учительницей в открывающейся там школе. Она впервые покинула приют и очень волновалась — как-никак она одна в чужом городе! Однако спорить не стала. Заявила только:

— А хоть бы и опасности! Если в городе будут рыцари Хлама, мне бояться нечего.

— Они там будут, смею вас уверить, — пробурчал коротышка Бутс, — особенно один, весь такой из себя красавчик.

* * *

В славном городке Красный Угол вокзалом назывался длинный приземистый сарай, большую часть которого занимал угольный склад. Единственный товар, который Красный Угол мог предложить Великой Равнине, — уголь. Здешнее месторождение считалось богатым, антрацит залегал широкими пластами и неглубоко, но разработку затрудняли обильные выходы газа. Вот почему шериф Глипсон не только добился, чтобы рядом с городком образовали резервацию, но и всячески оберегал племя Семи Протезов. Зомби не дышат, они могут добывать уголь в загазованных штольнях — именно этим и объяснялось доброе отношение Глипсона к мертвякам. Еще бы — шерифу принадлежало восемьдесят процентов акций компании «Красноугольский уголь».

Сейчас Глипсон стоял у вокзала на широком дощатом помосте, к которому катил дилижанс. Застыв, как изваяние, этот крупный важный мужчина спокойно глядел на приближающийся паровик. Рядом с ним переминался с ноги на ногу тщедушный старичок, глава местного представительства Ордена, по имени Остис. Помощники шерифа, крепкие парни при оружии, расположились поблизости в тени. Перед вокзалом раскинулась городская площадь.

Площадь окружали двухэтажные здания — мэрия, тюрьма, салун, гостиница, цирюльня, приходский храм Ордена и торговые заведения, проще говоря — лавки. День нынче был не базарный, и площадь пустовала. Тем больше выделялась на ней толпа мужчин в бурых накидках. Они помалкивали, сосредоточенно разглядывая вокзал и катящий к нему паровик. Эти были вовсе не похожи на праздных зевак, какие иногда собираются к приезду дилижанса за неимением иных развлечений. Возглавлял компанию пожилой сухопарый мужчина, такой тощий, что казался умирающим от голода дистрофиком.

Дилижанс подкатил к помосту и остановился, Винсент дал свисток. Первым на помост выбрался усатый мистер с саквояжем. Огляделся, подал руку жене. Старичок-хламовник в белом плаще нетерпеливо подался вперед — он знал, что этим рейсом прибывают двое братьев рыцарей. Собственно говоря, Гектор с Бутсом приехали по его вызову. Вот на помост выбрался Гектор, помог сойти Конни, следом на доски спрыгнул Бутс.

— Брат Гектор и брат Бутс! — старик направился к прибывшим. — Заждался вашего приезда, ох, заждался... У нас тут такое творится!

— Сейчас расскажете, — остановил старика Гектор. — Сперва устроим мисс Конни. Она будет учительницей в здешней школе.

— Я распоряжусь, чтобы ее проводили, — обернулся к ним шериф. Перед этим он обменивался приветствиями с усатым мистером — редактором местной газеты, который ездил в Мусор-Сити за новыми шрифтами. Над ними он и дрожал всю дорогу. — Эй, Питер!

Здоровенный парень в кожаной безрукавке, украшенной жестяной звездой, выступил из группы приятелей.

— Питер, проводи учительницу и будь вежлив с ней. А остальные пусть собирают людей на

погрузку угля. Винсент, сколько ты простоишь у нас?

— До утра. Похоже, гроза собирается, — ответил возница. — Пусть ночью пройдет непогода, а поутру разведем пары.

Все дружно уставились вверх — поглядеть на свинцово-серое низкое небо. Воздух над городом так сгустился, что казался плотным, даже твердым. Похоже, и впрямь собиралась гроза.

— Что ж, — кивнул шериф Глипсон, — значит, можно не спешить, у нас время до утра. Идемте, господа хламовники, я помогу почтенному Остису ввести вас в курс дела. У нас немало слышали о ваших похождениях, добрые рыцари.

В толпе бурых накидок тоже обсуждали прибывших.

— Зовут их брат Гектор и брат Бутс, — рассказывал тощему вожаку молодой сутулый парень в треснувших очках, подвязанных веревочкой. — Я читал, что эта парочка выполняет всякие особые задания ордена Хлама. Трудные задания, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я понимаю, — проскрипел тощий. — Это значит, что Орден не на шутку обеспокоен тем, что мы несем людям слово правды, несем как факел среди мрака лжи и мрака, которым затопили страну хламовники. Что еще о них известно?

— Подробностей разузнать я не успел, — потупился парень. — Вроде бы один из них отменный боец, а другой очень умен.

— Голова и кулак, — кивнул тощий. — Что ж, кулаки у этого молодчика и впрямь здоровенные.

Он разглядывал Гектора, который выделялся ростом даже рядом с шерифом и его помощниками — плечистыми парнями.

— Но голова важнее. Вон тот толстяк — мозг их команды. Мы выведем его из игры. Но не сейчас, а в самый последний момент, чтобы красавчик не успел ничего придумать. Да протрубят трубы!

— Да протрубят трубы! — нестройным хором пробубнили спутники аскета.

* * *

Хламовники и шериф с подручными зашагали через площадь, толпа в бурых накидках провожала их взглядами.

— Так что у вас стряслось? — заговорил Гектор. — Вы донесли в Мусор-Сити, что в городе появилась опасная секта...

— Да вон они, глазеют нам в спины, — тщедушному Остису пришлось семенить, чтобы поспеть за размашисто шагающим блондином. — Вон те, в накидках с капюшонами. Их глава, которого они именуют Зрящим, утверждает, что наше учение ложно! Святотатец, он предрекает скорый Конец Времени! Как будто это бедствие не случилось, как будто Великая Битва Добра со Злом не была выиграна для нас, недостойных, благими предками! Ересь! Ересь и святотатство!

— Не он первый, не он последний, — флегматично заметил Бутс. — Мало ли таких лжепророков являлось до вашего Зрящего?

— Этому верят, — уныло объяснил Остис. — Год назад он явился в Красный Угол в одиночку, а теперь полюбуйтесь, скольких ему удалось склонить на свою сторону. Его учение прельщает слабых духом. Им нравятся слова Зрящего насчет того, что можно не работать, потому что Конец Времени грядет, и нет смысла собирать сокровища земные на этом свете.

— Конечно, куда проще поделить то, что заработано другими, — поддакнул шериф.

— Они воруют? — Гектор оглянулся и обнаружил, что толпа в бурых накидках увязалась за

ними, хотя и соблюдает довольно большую дистанцию. — Кстати, куда вы нас ведете?

— Недавно неизвестные ограбили представительство Ордена, — пожаловался Остис.

— Воров ищем, — вставил Глипсон. — И непременно найдем. Я думаю, вам сейчас следует осмотреть большой зал мэрии. Там состоится диспут.

— Диспут?

— Зрящий вызвал нас на диспут о Конце Времени, — снова заговорил престарелый хламовник. — Потому я и обратился в представительство Ордена, чтобы прислали оратора, который бы выступил от нас. Я и сам мог бы, но Зрящий необычайно убедителен. Но, может, сперва посетите наше скромное отделение?

— Нет, я хочу сразу перейти к делу, — решил Гектор, — покажите зал... в мэрии, говорите? А кто у вас мэр? С ним следует переговорить.

— Он скончался три дня назад, — буркнул шериф, — я временно взял на себя обязанности по управлению городом. Выборы через три дня. И если мы не изгоним Зрящего с его прихвостнями из Красного Угла, легкомысленная часть общины вполне может проголосовать за него.

— За него, а не за вас, шериф? — Бутс ухмыльнулся.

— Если народ изъявит волю, я, со своей стороны, готов принять этот пост, — с достоинством согласился шериф.

— А прежний мэр... — задумчиво произнес Гектор. — Его смерть... в свете растущей популярности Зрящего...

— Мэр скончался естественной смертью, если вы об этом, — ответил Глипсон. — Смерть от белой горячки в наших краях считается естественной.

— Он наслушался проповедей Зрящего, — поддакнул Остис, — вот и запил. Но мы пришли, вот мэрия. Идемте, я покажу вам зал.

Помощники шерифа остановились у дверей, многозначительно поглядывая на толпу сектантов. Хламовники и шериф вошли в задние мэрии, увенчанное башней, над которой торчал длинный шпиль громоотвода. Металл почернел от многочисленных разрядов, которые обрушили на него небеса. Зрящий со своими остановился в двух десятках шагов от мэрии и заговорил:

— Братья, поступим следующим образом. Мелкого хламовника нужно под каким-либо предлогом выманить наружу и взять в оборот. Вот, к примеру, ты, Лидий.

Твердый тощий палец пророка уставился в грудь молодому сектанту в очках, тому, что рассказывал о прибывших хламовниках.

— Но я не так силен телесно, чтобы... — забубнил Лидий.

— Не говори ерунды. Тебе нужно всего лишь подойти к толстому рыцарю и попросить его выйти из здания. Скажешь, что ты и несколько твоих друзей сомневаются в моих словах и тебе страсть как охота немедленно получить разъяснения относительно Конца Времени. Намекни, что ты готов предать меня, на это хламовник обязательно клюнет! А когда он выйдет из мэрии...

Зрящий многозначительно оглядел сектантов. Несколько человек кивнули в ответ.

— Но не позволяйте себе лишнего, братья, не грешите сверх меры. Помните, Конец Времени близок! Нужно всего лишь, чтобы этот человек не присутствовал на диспуте.

Пока Зрящий наставлял паству, Гектор осматривал большой зал. Это было просторное помещение прямоугольной формы, большую часть которого занимали скамьи. В дальнем конце был помост высотой по колено.

— Нет, это не годится, — вынес вердикт хламовник. — Нужно все развернуть, скамьи

поставить вот так, не поперек, а вдоль. Тем, кто сядет с краю, будет немного хуже видно, зато свет из окон будет падать вот так. Еще мне понадобятся фонари и зеркала.

— Фонари и зеркала? — удивился Глипсон.

— Да. Масляные светильники, подсвечники, эти новомодные электрические фонари — все, что сыщете. Разместите их вот в каком порядке...

Гектор подробно расписал, как следует выставить источники света и как разместить за ними зеркала. Его объяснения прервало появление помощника шерифа.

— Там один из этих, которые со Зрящим, — объявил парень. — Мы не пропустили, потому что зал готовим к диспуту, никто не должен мешать.

— А он? — живо спросил Гектор.

— Не желает подчиняться. Говорит, ему срочно приспичило получить наставление приезжего хламовника. Будто ему Остиса мало.

Гектор обернулся к Бутсу:

— Это за тобой.

Коротышка объявил:

— Я, пожалуй, пройду. Подышу свежим воздухом, то да се... заодно вразумлю эту заблудшую душу.

— Скорее, тебе придется вразумлять несколько душ, — напутствовал его Гектор.

— Вразумим, — пообещал, выходя, коротышка, — не впервой.

— Я думаю, диспут следует устроить именно сегодня.

— Мы думали, вы сперва пожелаете отдохнуть с дороги, смыть пыль, — пролепетал Остис.

— К тому же сегодня может случиться гроза, небо хмурится, — добавил шериф.

— Ничего, ничего, сегодня — самое подходящее время! Отправьте приглашение Зрящему и известите горожан. Как только расставят лампы и зеркала, можете открывать зал для зрителей.

* * *

Бутс шагал за парнем в очках. Тот семенил впереди, то и дело озираясь — как там хламовник, идет ли? А Бутс шагал себе вразвалочку; откинул полу плаща, вытянул плитку жевательного табака, отломил кусок и кинул за щеку. Стал жевать, поминутно сплевывая. Свернул за угол вслед за провожатым, потом снова — и так, покуда очкарик не привел его в глухой закоулок. Домишки теснились друг к другу, подпирали соседей облупленными стенами. Окон здесь не было — сплошь сараи и заборы.

Этот тупик местные использовали как свалку, так что справа и слева громоздились бочонки с продавленными обручами, покореженные ящики, груды золы и гнилая кожура. Ну и воняло здесь соответственно. Тут только очкарик остановился.

— Здесь, что ли, наставления тебе давать? — благодушно осведомился Бутс. — Ну и местечко ты, паренек, выбрал.

Из-за груд отходов вышли четверо сектантов, помахивая дубинками. Очкарик навел на Бутса неуклюжий пистолет и сказал:

— Оружие не хватай, не то стрельну! Тихонько пойдешь с нами и тогда не пострадаешь.

За спиной толстого хламовника послышалось сиплое дыхание. Тот, не оборачиваясь, ткнул назад локтем, угодив под дых парню, который подкрадывался сзади. Сектант ахнул и сложился пополам. Взметнулись полы белого плаща, Бутс ловко нырнул под руку противнику, мигом оказался у того за спиной и выдернул из ослабшей руки дубинку. Очкарик растерялся — стрелять он не мог: Бутс заслонялся хрипящим сектантом, да и не хотелось стрелять — велено

все сделать без шума... Пока сектант раздумывал, хламовник толкнул пленника к вооруженному очкарику, два сектанта столкнулись и свалились в грязь, а Бутс бросился на остальных, размахивая трофейной дубинкой...

Как раз в это время Гектор оглядел преображенный зал и удовлетворенно кивнул:

— Впускайте зрителей.

— А ваш друг, мистер Бутс? — на всякий случай уточнил Глипсон.

— Он появится, когда закончит работу. Ну а если что, мы отыщем его по плевкам. Он жует табак и сплевывает через три шага, так мы с ним уговорились. Табачные плевки хорошо заметны.

— Как скажете, — кивнул шериф. — Я велю своим парням быть наготове. Вдруг сторонники Зрящего захотят устроить потасовку?

— Мы позаботимся о том, чтобы они ничего такого не захотели. Бутс сейчас как раз этим и занимается.

Зрящий получил два сообщения почти что одновременно: сперва — что толстый хламовник пошел с его людьми, и тут же явился помощник шерифа с приглашением на диспут. Пророк победоносно оглядел братьев по вере и объявил, что правое дело торжествует. Теперь не придется удерживать хламовника в плену несколько дней, как предусматривал первоначальный план. Зрящий предполагал, что исчезновение главного оратора заставит оппонентов оттягивать диспут, а он, Зрящий, будет требовать обещанного состязания немедленно... но самонадеянный противник поторопился. Теперь хламовникам уже не отвертеться — сами виноваты, нечего было спешить с вызовом.

Когда он появился на площади, горожане уже собирались к зданию мэрии. Помощники шерифа просили маленько погодить — приготовления уже заканчиваются. Зрящий понял это так: хламовники надеются, что пропавший толстяк вот-вот объявится. Он двинулся через площадь, среди расступающихся людей, изрекая на ходу постулаты своего учения: Конец Времени близок, отриньте суету, бросьте мирские заботы, думайте о предстоящей битве со Злом...

Тут помощник шерифа по имени Питер вышел на крыльцо и громко объявил: можно входить!

* * *

Большой зал едва вмещал всех желающих. Люди расселись на скамьях, женщины шуршали широкими юбками, мужчины ворочались на скрипящих под их весом скамьях, оправляя выходные сюртуки — все приоделись по случаю общегородского собрания. Последователи Зрящего держались особняком, они собрались вокруг вожака, а тот сидел ровно, как будто проглотил лопату, и разглядывал наспех сколоченный помост, где предстояло выступить ему и представителю Ордена. Свечи и лампы ярко горели, под потолком клубился дым, а за окнами сгущался сумрак — похоже, в самом деле нынче будет гроза. Кое-где позади особенно ярких светильников Гектор расставил зеркала, и собранный ими свет пересекал зал, как опрокинутые колонны из белого сияния.

Горожане переговаривались, в ожидании начала представления. Со всех сторон сыпались шуточки, сторонники и противники секты беззлобно задевали друг друга. Глипсон расположился на подиуме в ярко освещенном углу и не без тревоги разглядывал сограждан,

которым через три дня предстояло поддержать либо отвергнуть его кандидатуру на выборах мэра. Шериф слушал выкрики в зале, и его пугало то, как благодушно люди Красного Угла относятся к сектантам. Это грозило осложнениями на выборах. Рядом с ним сидел Остис, а Гектор куда-то скрылся, сказав, что явится, когда его призовут выступать. Гомон в зале нарастал, голоса звучали все резче и громче — люди собрались и теперь возбуждались все больше и больше, как обычно и выходит, когда сходится такая толпа.

Вот старенький хламовник обернулся к шерифу и громко, чтобы перекрыть шум голосов, сказал:

— Мы можем начинать!

Глипсон занес молоток и громко стукнул по столу. Зрящий, только этого и дожидавшийся, вскочил, будто подброшенный пружиной, и широко шагая, двинулся через зал. Полы накидки взлетали, как крылья, в зале, пронизанном яркими лучами света и наполненном празднично одетыми людьми, обтерханное одеяние пророка казалось грязным и неуместным.

Вот он взошел на кафедру и оглядел зал. Глаза его сверкали на изможденном лице. Те, на кого падал взор пророка, тут же смолкали, будто придавленные тяжестью этого взгляда. Вскоре стало совсем тихо, и за окном пророкотали раскаты грома — пока что где-то вдалеке. Гроза приближалась к городу.

— Открылось мне, — медленно заговорил Зрящий, — открылось потаенное и неотвратимое... Близок Конец Времени, близка последняя битва. Восстанут силы Зла и обратятся на нас, грешных!

Откровения Зрящего звучали не впервые, всем, кто сидел в зале, уже не раз доводилось слышать его пророчества, но сейчас все внимали молча, затаив дыхание — такой силой обладал взгляд и голос аскета. Он говорил и говорил, медленно, размеренно, сперва тихо, потом сила голоса стала нарастать. Он вещал о том, какие бедствия обрушатся на головы недостойных, тех, кто заботился о мирских благах, забывая про душу. Живописал картины смерти и разрушения, когда сойдутся в схватке Добро со Злом.

— И тогда каждый боец будет на счету, — глас Зрящего клокотал, бился о стены зала, вяз в кубах дыма под сводами, — с каждого спросится, и каждому придется нести ответ за свои деяния! Каждому!

В зале заплакала женщина, потом другая... мужчины ерзали на жестких скамьях и прятали глаза, опасаясь огненного взгляда пророка. За окнами снова прогремело — теперь ближе. Потом еще раз... а Зрящий все пугал и пугал ужасами Конца Времени.

Когда он закончил, женщины уже отрыдали и теперь только всхлипывали в платочки.

— Зря мы дали ему выступать первым, — прошептал шериф на ухо Остису.

Тот пожал плечами:

— Так велел Гектор. Я слышал, что он знает толк в прениях с еретиками... Ваши люди помнят, что им нужно сделать?

— Я сейчас сам обойду их и проверю... возьмите молоток, подадите сигнал вместо меня.

Шериф, вжимая живот, выбрался из-за стола, а Остис привстал, высматривая собрата. Гектор ожидал своего выхода в боковой комнате. Вот он появился в дверях и кивнул. Пожилой хламовник стукнул молотком, а помощники шерифа, проинструктированные заранее, слегка повернули зеркала, установленные позади светильников. Лучи сместились и образовали яркую дорожку от дверей, где возник хламовник, до кафедры. Гектор двинулся по дороге света, и, глядя на него, жители приободрились. Выглядел красавец великолепно — высокий, статный, кудрявый, в белом плаще. Он шел, облитый сиянием, и один его вид вселял бодрость в горожан. А женщины просто млели, разглядывая чудесного рыцаря.

Гектор встал на кафедре, и лучи света окружили его, а танцующие в лучах пылинки

образовали искрящийся ореол вокруг белокурой головы.

— Кажется, гроза прошла стороной, — широко улыбаясь, — произнес Гектор. — Гремит уже тише.

И от этой улыбки всем стало радостно и легко на душе. Жители Красного Угла с трудом сдерживались, чтобы не вскочить с мест и не броситься обнимать хламовника, как будто именно он отвел грозу от города и спас их от Конца Времени, предсказанного Зрящим.

— Я благодарю человека, выступившего до меня, — с той же приязненной улыбкой продолжил Гектор, — он весьма красочно описал бедствия, пережитые нашим несчастным миром, и отведенные от нас великими предками. Конец Времени наступил, и великая битва с силами Зла прогремела... она была выиграна великими предками! Ради нас! Великие предки сражались и победили!

Зал взорвался овациями. Гектор развел руками, Остис несколько раз стукнул молотком, прежде чем шум пошел на убыль. После этого Гектор стал рассказывать, как сражались предки со Злом, как Зло атаковало отовсюду — с небес, из-под земли, из воды и воздуха. Повсюду был яд и грех, но предки не сдались и выиграли свою битву.

— ...Что же осталось нам? — продолжал он. — Вести праведную жизнь, пользоваться благами мира и по мере сил стараться восстановить тот мир, который погиб. Битва со Злом была тяжелой и кровопролитной, она унесла жизни великих предков, их души вознеслись к небесам и слились в ноосфере, потому наши небеса темнее и плотнее тех, что мы видим на воскресных службах в храме, когда включаем Священный Телевизор. Плотность витальных и интеллектуальных эманаций, скопившихся в ноосфере после битвы Добра со Злом, такова, что небеса переполнены ими. И во время грозы молнии, сиречь электрические разряды, становятся проводниками, воротами между миром душ и нашим дольным миром, тогда-то некоторые молнии оказываются живомолниями и несут витальную силу предков сюда, к земле.

Гектор вскинул руки, простирая ладони к зрителям. Будто в ответ на его слова за окном снова зарокотало — теперь уже совсем далеко, гроза удалялась. Открылась дверь, и вошел, помахивая дубинкой, Бутс. В его сторону никто не смотрел, все сидели спиной к дверям, вошедшего видел только Гектор. Бутс перехватил его взгляд и кивнул. Потом бочком, вдоль стены направился к боковой комнате. Ему было необходимо привести в порядок порванную и выпачканную одежду.

— Нам же остался Хлам предков, которые выиграли битву для нас, — немного тише продолжил Гектор. — Мы обязаны бережно собирать его, хранить и почитать, потому что в нем — память об ушедших и образец для подражания. Помните: их души глядят на нас с небес. Трудитесь честно и старательно, посещайте воскресные службы в храмах, смотрите Священный Телевизор, проникайтесь благой жизнью предков и стремитесь к такой. Кстати, приглашаю всех присутствующих на воскресную службу. Мы с братом Бутсом привезли новый Молитвенный Ролик. О Жевательной Резинке!

Бутс скрылся за дверью.

— Жевательная Резинка! — энергично повторил молодой хламовник. — Откройте для себя важный аспект жизни предков! Очищает полость рта и освежает дыхание!

— Это ложь! — выкрикнул Зрящий. — Не было никаких предков, это вы сами все придумали, чтобы обманывать простаков! Вы сами сделали эти вещицы, якобы принадлежавшие предкам! И Молитвенные Ролики делаете сами! А Конец Времени грянет! Грянет, говорю вам! Трубы протрубят! Вы все услышите их зов!

Теперь крики пророка не производили прежнего эффекта. После того как люди Глипсона повернули зеркала, получилось, что Зрящий сидит в тени. Крики из темного угла неслись к Гектору, окруженному столбами света. Казалось, хриплые вопли аскета ударяются в светящиеся

стены и отскакивают. Гектор снисходительно улыбнулся.

— Любому из нас доводилось откапывать в земле или находить в заброшенных руинах Хлам предков. Неужто Орден позаботился о том, чтобы зарыть и припрятать повсюду священные реликвии? А небо? Посмотрите, как выглядело небо предков! Священные Ролики показывают нам небо высоким и голубым. А сейчас? Сейчас, когда небосвод населен тысячами и тысячами душ, которые единовременно унесла великая битва?

Зрящий в темном углу хрипло выкрикивал: «Обман! Вы сами изготовили Священные Ролики!» — но его уже никто не слушал. Многие принялись рукоплескать Гектору, а тот с улыбкой разводил руками — дескать, я бы продолжил говорить, но шумно...

Зрящий вскочил с места, его приспешники тоже поднялись. Пророк направился к выходу, сердито выкрикивая на ходу:

— Вы еще убедитесь! Вы увидите! Знамения! Знамения множатся! Близок Конец Времени! Не собирайте сокровищ на земле! Не верьте Молитвенным Роликам! Знамения! Подтвердят мою правоту!

В дверях он столкнулся с парнем в очках — тем, который накануне увел Бутса. Сектант держался за голову и стонал, левое стеклышко в очках было разбито, и белая паутина трещин смотрелась особенно ярко на фоне громадного лилового кровоподтека, расплывающегося вокруг глаза.

— Наставник... — пробормотал парень. — Этот хламовник...

— За мной! — сердито рявкнул Зрящий. — Прочь из этого проклятого городишки. Прочь от этих ничтожных людишек, прельстившихся Жевательной Резинкой!.. Сами позовут меня, когда увидят знамения!..

* * *

После того как сектанты убрались, зал еще долго шумел. Глипсон вернулся за стол, отобрал молоток у Остиса и принялся колотить, но шум уже не унимался. Обыватели радовались, что Конец Времени не произойдет, потому что он уже состоялся, это было просто и понятно, в такое всегда легко веришь. Тем более если тебе это доказывают так ловко, да еще если доказывает такой славный парень, как рыцарь Гектор. Убедившись, что толпу не унять, Глипсон уgomонился и просто показал Гектору большой палец.

Наконец рукоплескания и приветственные вопли пошли на убыль, но покинуть кафедру Гектору не дали — горожане желали послушать еще. Тогда хламовник заговорил. Он рассказывал, как велики были предки, как силен был их дух и как этим духом переполнилась атмосфера в тот день, когда Конец Времени не состоялся и великая битва унесла жизни несметного числа воинов Добра. Гектор рассказывал, что Молитвенные Ролики составляли неотъемлемую часть жизни предков, по ним люди прошлого учились жить, с ними сверяли каждый шаг, и потомкам следует поступать так же. Заодно снова пригласил всех на воскресную службу, и снова был награжден аплодисментами. Многие женщины в зале прослезились и нашли, что хламовник — точь-в-точь один из предков, которых можно видеть в Молитвенных Роликах. Особенно когда улыбается. Конни сидела в первом ряду, хлопала громче всех и взвдох рассказывала соседкам, что она приехала в Красный Угол одним рейсом с хламовниками и что рыцарь Гектор разогнал банду Черного Боба.

Когда за окном стемнело, а Гектор слегка охрип, народ наконец уgomонился. Но и после этого разошлись обыватели не сразу — многие мужчины хотели напоследок пожать рыцарю руку, женщины желали поблагодарить его за душеспасительную проповедь... В общем, зал

опустел лишь ночью.

Глипсон вызвался проводить хламовников в представительство Ордена, где им уже приготовили комнату. Как-то само собой получилось, что и мисс Конвергенция оказалась в этой компании — ее устроили в здании школы, а это было по дороге. Сперва шериф нахваливал ораторские способности Гектора, обещал, что его парни присмотрят за сектантами — чтобы не вздумали устроить западню рыцарям.

— Это спасибо, конечно, за такую заботу, — подал голос Бутс, который до сих пор помалкивал, — но не очень-то они западню устроят после полученной взбучки. Я крепко поколотил этих парней. Полагаю, это остудит их пыл.

— Да? Хм... — шериф слегка замялся, разговор-то он продумал заранее, хотел посулить помощь и только после просить об ответной услуге. Но смутился Глипсон недолго и мигом перешел к делу.

— Не выручите ли нашу общину еще в одном деликатном вопросе?

— Выручать прихожан — наш долг, — объявил Гектор. — Что у вас стряслось?

— Серийный маньяк... Мисс Конвергенция, вот и школа. Желаю доброй ночи.

Конни не хотелось расставаться с новыми друзьями, в особенности — с отважным рыцарем Гектором, но в приюте ей вдолбили накрепко правила поведения, а навязывать свое присутствие мужчинам, обсуждающим дела, было бы с ее стороны не деликатно.

Когда девушка покинула компанию, Глипсон заговорил свободнее:

— Здесь неподалеку есть шахта, при ней — заброшенный поселок. Я добился, чтобы зомби, вставшим на тамошнем кладбище, позволили остаться у родных могил. Выхлопотал для их общины право на резервацию. На федеральном уровне!

— Вы добрый человек, — заметил Бутс.

— Да, я таков, — не стал спорить шериф. — Ну и вообще, я опекаю бедных зомби, позаботился о том, чтобы они были при деле, организовал компанию, выкупающую у них уголь... слежу, чтоб никто не обижал мертвяков. Ну, вы понимаете?

— Акционерное общество «Красноугольский уголь», — ответил Гектор. — Я наводил справки. Итак? Что за маньяк там завелся? Убийца? Насильник? По отношению к зомби эти преступления кажутся невероятными.

— В том-то и дело! — с досадой буркнул Глипсон. — Их оживляют! А для зомби обрести жизнь — все равно что для нашего брата убийство. Взялись бы вы изловить маньяка, а? Разумеется, щедрые пожертвования в пользу ордена Хлама...

— Разумеется, — перебил Гектор. — Пожертвования — само собой. Но я готов взяться за это дело вовсе не из-за них. Уж очень интересное преступление, а, старина?

Бутс, к которому был обращен вопрос, пожал плечами:

— Решай ты. Мне все едино — что убийца, что оживитель.

— Я бы и сам занялся, да предвыборная кампания... в городе неспокойно, нужно следить за порядком, и еще эта эпидемия...

— Эпидемия? Тоже у зомби?

— Нет, это у нас, здесь. Люди теряют сознание, а когда их находят — не могут прийти в себя очень долго. Слабость, провалы в памяти... э-э, если вам интересно, побеседуйте с доктором Купертом. Он такие штуки объясняет лучше меня. Ну-с, мы на месте, вот и представительство Ордена. Остис, устраивайте гостей, а я, с вашего позволения, откланяюсь. Дела, дела!

Утром в представительство Ордена явился помощник шерифа Питер — крупный парень с навеки застывшим на лице флегматичным выражением. На этом большом и плоском лице флегматичному выражению было просторно. Глаза у Питера были маленькие, нос крошечный, но природа, поскупившаяся на эти детали внешности, с лихвой отыгралась на подбородке, создав нечто выдающееся.

— Шефу нездоровится, — объявил Питер приезжим рыцарям. — Мне велено сопроводить вас в резервацию.

— Ах, — расстроился Остис, — я же собирался показать братьям Гектору и Бутсу мою коллекцию Хлама!.. То есть не мою, конечно, а принадлежащую здешнему представительству Ордена.

— Вы говорили, часть коллекции была украдена, — вспомнил Гектор.

— Ищем, — буркнул Питер, переступая с ноги на ногу. Ему не терпелось проводить приезжих в поселок углекопов и освободиться. — Ну так что, в путь? Я уж крысюков оседлал, ждут у входа.

— Мы непременно осмотрим вашу коллекцию, брат Остис, — заверил Гектор, — когда управимся с делом.

Они с Бутсом уже успели наскоро обсудить ситуацию. В городке всем заправляет Глипсон, его расположение — залог процветания представительства Ордена. Значит, это самое расположение нужно всячески укреплять и поддерживать.

У дверей здания хламовников ждали оседланные крысюки и мисс Конвергенция. Краснея и смущаясь, девушка отозвала Гектора и прошептала:

— Дорогой мистер Гектор, прошу вас, будьте осторожнее! О зомби рассказывают всякие ужасы.

— Я всегда настороже, мисс Конни, — заверил красавец-хламовник, — а в здешней резервации проживают мирные зомби. Они оставили дикие повадки и заняты общественно-полезным трудом.

— И еще... я не знаю, как сказать... в общем, я заметила кое-что странное. Видите ли, меня поселили в здании школы, а там неподалеку салун...

— Скверное соседство, — заметил Гектор. — Плохой пример для юных граждан Красного Угла!

— Сперва я тоже так подумала, но школа открыта с утра, а посетители сходятся в салун лишь под вечер. Да и они не совсем рядом, салун со школой, это только мое окно выходит в ту сторону... Однако я хотела сказать кое-что другое. Вчера мне не спалось, я сидела у окна и слушала, как в салуне шериф празднует победу. По правде говоря, это ваша победа, мистер Гектор, но он праздновал ее как свою. Нет-нет, не перебивайте, я и так не знаю, сумею ли описать то, что видела. Из салуна вышел человек, он был изрядно пьян, судя по походке. Он брел по улице, проковылял у меня под окном, и тут я заметила, что его преследуют!

— Преследуют? Едва ковыляющего пьяницу?

— Возможно, я неудачно выразилась... Вернее сказать, за ним следили. Двое.

— Вот как... рассказывайте, мисс Конни, рассказывайте, что было дальше!

— Эти двое, на них были накидки с капюшонами.

— Бурого цвета?

— Увы, они держались в тени, я различала только силуэты. Один из них нес какой-то ящик или коробку, я не разобрала впотьмах, но что-то громоздкое и тяжелое. Потом пьяный свернул за угол, эти двое — следом. Потом я увидела отблески. Как будто что-то сверкнуло за углом.

— Там, куда свернул пьяный и преследователи?

— Да. Именно так. И еще... боюсь, мне только почудилось...

— Ничего, рассказывайте смелей!

— Мне послышался звук трубы!

Тут Гектора окликнул Питер:

— Эй, мистер, мы едем или как? У меня еще дел по горло!

Хламовник пожал руку мисс Конни, отчего ее щеки зарделись ярче прежнего, и торжественно заверил, что они еще непременно побеседуют, когда он возвратится из поселка углекопов, и что его ужасно заинтересовала эта история. Когда садились в седла, прибежал запыхавшийся редактор, давешний попутчик рыцарей. Он вручил Гектору несколько листов:

— Дорогой мистер рыцарь, я взял на себя смелость стенографировать вашу вчерашнюю речь! Проглядите текст, сделайте милость. Если все в порядке, я размещу это как передовицу в воскресном номере «Красноугольских ведомостей»!

Бутс сунул за щеку порцию жевательного табака и заявил:

— Я очень рад, что уродился не таким умником, как ты. Мне живется куда спокойней. А к тебе то и дело лезут с разговорами.

— Я бы согласился с тобой, приятель, — кивнул Гектор, укладывая рукопись во внутренний карман плаща, — но иногда разговор может оказаться весьма кстати.

И бросил взгляд на мисс Конни. Та улыбнулась и помахала хламовнику рукой.

Дорога к поселку углекопов петляла между холмами. Питер, почесывая необъятную челюсть, пояснил, что паровик здесь не пройдет, поэтому уголь возят в Красный Угол на крысюках, а оттуда забирают раз в месяц. Ну или, как нынче, при okazji прицепляют грузовую тележку к дилижансу. Совсем скоро всадники миновали покосившийся столб с табличкой: «Резервация. Вход живым — только с разрешения администрации». Рядом валялось несколько обгорелых бревен.

— Табличку меняем в который раз, — пояснил Питер. — Как гроза — непременно сюда молния саданет. Любят молнии это место. Потому и племя зомби здесь. Встали на старом кладбище, и живут себе.

— Понятно, — кивнул Гектор, — на кладбище и церковь предков небось имеется?

— А как же. Только теперь она вся развалена.

— Однако башня с куполом сохранилась? То-то и оно. В башню бьют живомолнии, во время дождя все мокрое, электрические разряды проникают в землю, а электричество, как учит нас наука, является проводником информационно-витальных сил. Великие предки некогда опутали землю информационно-витальной сетью Священного Интернета, работавшей на электричестве, а законы природы, в соответствии с которыми она сеть создавалась, действуют и поныне.

Дорога свернула из-за холма, и открылся вид на поселок углекопов. Как и полагается в приличной резервации, все было разрушено, развалено, покрыто трещинами и оплетено колючими побегами травы-камнеломки. В поселке вряд ли осталось больше десятка не провалившихся крыш, а большая часть зданий и вовсе лежала в руинах. Слева высился холм, изрытый шахтными входами, едва укрепленными гнилыми брусьями, справа — громада древней церкви за обвалившейся оградой. Кладбище, родина местного племени. Осыпавшиеся могильные ямы, разломанные могильные плиты, покосившиеся обелиски...

— Нам прямо, — Питер указал двухэтажное здание, — там на первом этаже вождь живет, Семь Протезов. С ним переговорите, он все покажет, а я обратно в город. Нынче дел невпроворот. Сегодня же пятница, а на воскресенье выборы мэра назначены. Ох и суматоха будет послезавтра...

Навстречу всадникам стали сходитья обитатели резервации. Тощие, синюшные, в

лохмотьях, украшенных бусами и ожерельями из костей. Многие, лишившись волос, водрузили на головы высокие сооружения из перьев. Зомби как зомби, ничего примечательного.

— Вождь у себя? — спросил Питер. — Чем занят?

— Вождь рисует охранные знаки, — ответил долговязый мертвец. — Вчера мы потеряли еще одного брата.

— Я привез хламовников, они обещали помочь.

— Краснощечие любят обещать, — буркнул долговязый. — Сами же думают лишь об одном — как бы выжить нас с родных кладбищ.

Когда приезжие добрались к резиденции вождя, Семь Протезов как раз приколачивал над входом в свой дом фанерный щит с надписью:

«ХОРОШИЙ ЗОМБИ — МЕРТВЫЙ ЗОМБИ».

— Ну, вот вам вождь, дальше с ним говорите, — бросил Питер, разворачивая крысюка.

— Рыцари Хлама, — проворчал Семь Протезов. — Ну что ж, входите в мой дом, если прибыли с миром.

— С миром, с миром, — заверил Гектор. — Шериф попросил нас поймать серийного маньяка. Так что...

Семь Протезов, не дослушав, повернулся и вошел в здание. Хламовники последовали за ним. Поведение вождя их не удивило — у мертвых свои представления о приличиях. Семь Протезов показал, что готов говорить о делах, а такие разговоры ведутся под крышей. Зомби не любят открытых мест, где над головой нет ничего. Зато любая кровля делает их уверенней, потому что напоминает родную могилу.

Внутри обстановка была соответствующая — потрескавшаяся отсыревшая штукатурка, скрипящие доски пола, тухлая мебель... Зомби равнодушны к бытовым удобствам. Семь Протезов, усевшись за стол, монотонно вещал:

— Когда-то это была наша земля. Мы встали из нее, мы — прах от праха ее, здешний край принадлежал нам. Но пришли краснощечие, чтобы отнять землю, прогнать нас от родных могил. Мы — мирный народ, мы не желаем сражаться. Шериф Глипсон пообещал, что, покуда мы добываем уголь для краснощечих, никто не тронет мое племя. До сих пор так и было. Мы копали уголь там, где краснощечие не могут. Мы не дышим, и значит, никто, кроме нас, не может работать в шахте. Однако теперь неизвестный злодей появился в резервации. Он хочет отнять у моего народа последнее, что ему осталось, — нежитие.

— А разве это не славно — снова стать живым? — подал голос Бутс.

— Нет. Если бы тебя, краснощечий, лишили привычного существования, ты был бы рад? Найдите злодея, и мой народ будет благодарен. Спасите племя Красноугольской шахты.

— Мы приложим все силы, — Гектор старался говорить как можно дружелюбнее, но с опозданием понял, что на мертвяка его обворожительные улыбки не действуют. — Давайте сразу перейдем к делу. Нужно осмотреть место происшествия и поговорить с потерпевшими. Хотя бы с последним. Я слышал, накануне еще кто-то пострадал?

— Место посмотреть можно, но краснощечие не могут дышать в нашей шахте.

— Ах, да, из-за газа... значит, преступление случилось именно там?

— Да. Поэтому свидетелей нет. Бешеный Крыс работал один. Ну а чтобы поговорить с ним, придется навестить несчастного. Он теперь не может явиться сюда. И рассказать толком ничего не может — только вспомнит этот ужас, как начинает трястись и заикаться.

Бешеный Крыс хворал. Его одолевали многочисленные недуги, присущие племени

краснощеких. Он то дрожал от холода, то обильно потел. Соплеменники — теперь уже бывшие соплеменники — старались позаботиться о нем: натащили в погреб, служивший обиталищем Крыса, всевозможного барахла, какое, по их представлениям, могло понадобиться живому. Укутали драными одеялами, снабдили грудой подгнивших диких яблок и кипятили для него воду в котелке. Но бедняга никак не мог оклематься.

Выглядел он, надо сказать, преотвратно. Еще не человек, но уже и не совсем зомби. У Бешеного Крыса отросла щетина, но она не прикрывала всех прыщей и язв, в обилии усеявших физиономию. Волосы, частью выпавшие, уже начали отрастать заново, так что убор из вороньих перьев он больше не носил. Кожа висела неопрятными складками, и все это усугублялось вонью — однако смердел Крыс не мертвечиной, как полагается честному зомби, от него несло немытым телом, потом и прелым тряпьем, в которое его укутали соплеменники.

Осмотрев недужного, Гектор сказал, что для данного больного лучший доктор — это время. — Он сейчас беззащитен перед болезнями, потому что лишен иммунитета. Дайте срок, организм приспособится. Хотя показаться врачу все-таки не мешало бы.

Бутс ничего говорить не стал, а предложил Крысу флягу виски. Это средство оказалось действенным. Сделав большой глоток, больной перестал дрожать и заявил, что огненная вода — единственное, что хорошо в жизни краснощекого.

— Это еще что, — заверил беднягу Бутс, — вот ты попробуешь нормальной еды! Представь себе сочную вырезку филейной части крысы, да под острым соусом, да с запеченными овощами! А яблоки? Настоящие спелые садовые яблоки, не эта кислятина!

Крыс почувствовал, что его рот сам собой наполняется слюной, и встревожился — не новый ли недуг? Хламовники дружно кинулись успокаивать его и сулить дальнейшие радости жизни. Наконец жертва маньяка пришла в состояние, подходящее для серьезной беседы. Бутс заверил Крыса, что флягу тот может оставить себе и лечиться понемногу — это помогло бедняге более или менее связно пересказать свою печальную историю.

Дело было вот как — он, как обычно, прикатил вагонетку в забой и принялся рубить уголь. Работа привычная, темно, как в могиле, вода где-то рядом каплет — благодать! Крыс и по сторонам не смотрел, знай себе трудился — а потом вдруг ему на голову накинута мешок, куда-то поволокли... совсем недалеко. Его повалили, кто-то сел сверху, Крыс ощутил, как в тело вонзается холодное и острое... Боли не было, потому что мертвякам такие уколы нипочем. А вот дальше — дальше он сквозь окутывающую голову мешковину услышал звук трубы, а хриплый голос произнес какие-то странные слова, что-то вроде: «Встань, воин Добра!»... и вот тут-то с ним началось по-настоящему страшное. В место, куда укололи холодным острием, стало вливаться нечто обжигающее, бурлящее и клокочущее, в голове заорали тысячи голосов, все тело стало зудеть и чесаться. Крыс вмиг ощутил боль от множества ушибов и порезов, какие выпали его бедному мертвому телу, причем почувствовал их разом, одновременно. Он был жив! Он страдал всеми проклятыми недостатками, присущими краснощеким!

Расстроенный бывший мертвец снова приложился к фляге Бутса, утерся и закончил:

— Вот как оно было, добрые рыцари. Чтоб мне лопнуть!

Хламовники переглянулись. Последняя тирада была совершенно не свойственна зомби, но Бешеный Крыс произнес ее буднично, как будто эти слова давно вошли у него в привычку.

— Я должен кое-что проверить, — сказал Гектор. — Тебе, парень, мы уже вряд ли сумеем помочь...

— Разве что прирезать и привязать к шпилью на башне, да надеяться, что тебя сызнава шарахнет живомолнией, — добавил Бутс.

Эта перспектива Крысу не понравилась, он только-только начал отыскивать приятные стороны своего нынешнего состояния.

— Но мы попытаемся помочь твоим соплеменникам, — закончил свою реплику Гектор.

Покончив с допросом, хламовники отправились осматривать шахту. Внутри они, разумеется, не совались, поскольку не имели подходящего снаряжения. В любом случае, им не поймать злодея в штольнях — наверняка он лучше рыцарей знает лабиринт коридоров внутри горы. Оставалось надеяться, что он хотя бы изредка выходит на поверхность.

Скинув белые плащи, приятели обследовали несколько входов. Навстречу попался зомби с вагонеткой — деревянным коробом, скрепленным для прочности стальными полосами и поставленным на неуклюжие колеса. Без особой охоты мертвяк объяснил, что знает не меньше десятка штолен, по которым можно добраться к угленосному слою. Искать среди них тот, которым пользуется маньяк, бессмысленно, все равно не угадаешь. Подумав немного, Гектор заговорил:

— Подведем итоги. Что нам известно?

— По-моему, ровным счетом ничего, — равнодушно отвечал Бутс.

— Ничего и еще немного сверх того. Мне не дает покоя звук трубы. Зрящий, когда поминал грядущий Конец Времени, упоминал трубы, которые призовут всех на бой.

— Я не удивлюсь, если эти проделки с зомби — его рук дело. Но доказательств у нас нет. И потом, как он с приятелями может охотиться на зомби в шахте? Ему-то дышать надо!

— Мне нужно наведаться в Красный Угол, — решительно заявил блондин. — Если мои догадки подтвердятся, у нас появится зацепка.

— Валяй, ищи зацепку. Я поброжу здесь немного. В шахте дышать нельзя, и если злодей — человек, он должен иметь здесь поблизости логово. Вот и поищу его.

Рыцари церемонно пожали друг другу руки и обменялись пожеланиями удачи.

* * *

По пути Гектор обдумывал происходящее в Красном Углу и пришел к выводу, что нужно спешить. В городок он примчался галопом, проскакал, разбрызгивая грязь, по улицам и остановил взмыленного крысюка у мэрии. Там ему попался на глаза один из помощников шерифа.

— Где шеф? Или хотя бы Питер?

— Шеф у себя, ему нездоровится... А Питер занимается предвыборной агитацией.

— Нездоровится? Видимо, после вчерашнего?

— Ничего, мистеру Глипсону не впервой, — заверил помощник шерифа. — Он куда крепче прежнего мэра, оклемается.

— Тогда мне нужно разыскать Питера. Необходим помощник, я не знаю вашего города.

— Так давайте я провожу, — вызвался парень. — Шеф велел помогать вам во всем. Куда желаете?

— В больницу. Я хочу осмотреть пострадавших от эпидемии.

Городская больница располагалась на окраине, идти пришлось минут двадцать. По дороге встретился Питер — заместитель шерифа вышел из лавки, потирая кулак. Гектор заметил, что костяшки пальцев рассажены, а на широком лице Питера подсыхают мелкие капельки крови. Здоровяк сказал, что не может бросить дело, у него еще семь адресов на сегодня.

— Агитация — первое дело перед выборами, — важно объяснил он, — пусть Крес вас сопровождает.

Крес кивнул и повел хламовника дальше. В больнице он представил Гектору доктора Куперта — седенького старичка в пенсне.

— Вчера как раз доставили еще одного пострадавшего, — объяснил врач, — но он не в состоянии говорить. Они приходят в себя на второй-третий день, да и после этого не сразу способны к нормальному общению. Плохо узнают окружающих, не могут припомнить некоторых слов, путаются в падежах... Идемте, я провожу. Сами поглядите.

Больной лежал на койке, укрытый одеялом до подбородка. Глаза были закрыты, бледное лицо спокойно.

— Когда придет в себя, будет вялым, реакции заторможены, общая слабость, зрачки сужены, — пояснил Куперт.

— Как будто душу из него вынули?

— Ну... если выражаться не медицинским языком, то примерно что-то в таком роде я бы и сказал. Хотя никаких видимых повреждений, никаких симптомов...

— Хорошо. Проводите меня к предыдущему. Крес, пригласи сюда мисс Конвергенцию, мне нужно кое-что у нее спросить. Только вежливо, вежливо! Это не имеет отношения к предвыборной агитации.

— Это мы понимаем, — ухмыльнулся Крес. — Такая славная мисс, зачем ее агитировать?

— Мистер Сезански, — представил врач хламовнику другого больного, — этого доставили два дня назад, и он уже начал приходить в чувство.

— Мне паршиво, доктор! — сварливо заявил Сезански, плешивый немолодой мужчина с испитой физиономией. — Дайте виски, и я мигом оклемаюсь. Просил же виски, а вместо этого вы приводите ко мне этого верзилу. Он, конечно, представительный парень, но, в отличие от виски, не может мне помочь!

— Я рыцарь Хлама, — с достоинством заявил Гектор, — и помочь как раз могу. Например, я берусь убедить доктора налить вам на три пальца отборного виски.

— Но мистер Сезански нуждается в...

Гектор украдкой подмигнул доктору:

— Разумеется, разумеется! Нуждается в покое и уходе. Однако я ручаюсь, что виски больному не повредит. А пока вы нальете, я задам ему несколько вопросов.

— Рыцарь Хлама, надо же! — фыркнул Сезански. Он, вероятно, хотел, чтобы его слова звучали язвительно, но говорил вяло, без выражения. — Ладно, вываливайте ваши вопросы. Если они мне не понравятся, я попрошу доктора вытолкать вас взащей, чтобы не выходило мучение тяжело больным людям!

— Итак, мистер Сезански, прежде чем свалиться от хвори, вы сидели, как обычно, в салуне...

— Чтоб мне лопнуть! Именно там я и сидел, как подобает честному человеку! И оставьте ваши грязные намеки! — монотонно забубнил больной. — Я вообще пью очень мало! Практически не пью! Совсем, можно сказать, не пью!

— Выпив небольшую порцию виски, приличествующую честному человеку, — невозмутимо продолжал хламовник, — вы направились к себе. По дороге... впрочем, я думаю, вы плохо помните, что случилось по дороге.

Появился доктор Куперт со стаканом. Сезански, только безразличный ко всему, слегка оживился и протянул руку, не забывая ворчать:

— Вот еще! Не помню! Я отлично все помню. Я же не был пьян! Все я помню...

— И звук трубы помните?

— Помню, чтоб мне лопнуть! Дайте же наконец виски и проваливайте, док. И вы, мистер рыцарь, проваливайте тоже. Уф-ф... — Сезански одним глотком влил в себя содержимое стакана и выдохнул. — Я устал. Спать хочу. Проваливайте все и дайте виски сделать свое дело

— помочь моему несчастному организму, пока он будет спать.

Гектор, не прекословя, встал и направился к выходу, подталкивая врача. Переступая порог, он оглянулся — Сезански уже спал. Он был так слаб, что глоток спиртного действовал как снотворное.

Тут объявился Крес с мисс Конвергенцией. Завидев Гектора, девушка зарделась и учтиво спросила, чем она может быть полезна славному мистеру рыцарю. Хламовник попросил ее взглянуть на пациента, которого ему показали вначале — того, что был доставлен последним. Разумеется, Конни узнала в нем вчерашнюю жертву — забулдыгу, которого преследовали двое неизвестных в накидках с капюшонами.

— Кое-что проясняется, — глубокомысленно произнес Гектор. — Значит, они подстерегают пьяных, покидающих салун.

— Кто — они? — тут же спросил помощник шерифа.

— Вот это нам и предстоит выяснить. Ступай, Крес, твоя помощь мне пока что не требуется. Если я понадобится шерифу или Питеру, пусть ищут меня в представительстве Ордена. И мой партнер, мистер Бутс, пусть направляется туда же по возвращении в Красный Угол.

Конни набралась смелости и вызвалась оказать помощь не только как свидетель.

— Если вдруг что-то понадобится, я готова... то есть... как бы это сказать... помочь правому делу...

Гектор вежливо ответил:

— Благодарю, мисс, вы весьма самоотверженны.

Сопровождаемый самоотверженной мисс Конвергенцией, Гектор явился в местное представительство Ордена и первым делом поинтересовался, составлялся ли здесь каталог собранного Хлама предков. Особенно его интересовали те раритеты, что были похищены накануне. Имелись ли среди них Благословенные Противогазы? Остис, несколько удивленный напористостью собрата, предъявил тетрадку, в которой были тщательно перечислены и пронумерованы собранные им экспонаты. Среди безликих «штучка медная, неизвестного назначения, весом в три унции» и «некий предмет из красной субстанции, не ясно для чего нужный, но, несомненно, свидетельствующий об утонченном образе жизни» Остис нашел: «маска резиновая с глазами из стекла — 3 шт.». Пометка красными чернилами свидетельствовала о том, что все три маски были похищены.

— Отлично! — заявил Гектор. — Все сходится.

Тут в представительство явился шериф, сопровождаемый Питером. Последний явно столкнулся с трудностями в предвыборной кампании — его рука была забинтована, а под глазом наливался лиловый синяк. Может, это и повлияло на настроение Глипсона — шериф был не в духе и тут же напустился на Гектора:

— Что за слухи вы распространяете, добрый рыцарь? После вашего посещения больницы по Красному Углу поползли слухи, что неведомая эпидемия косит исключительно тех, кто выпивал в салуне.

— Ничего такого я не говорил!

— Но народу рты и уши не заткнешь! Вы высказались в том смысле, что все жертвы болезни выпивали в салуне, горожане домыслили остальное! А ведь я обещал выпивку всякому, кто проголосует за меня! Это важная составная часть предвыборной агитации!

Гектору пришлось оправдываться: он проводит расследование, тут невозможно молчать, приходится задавать вопросы свидетелям... Под конец он сообщил, что надеется прекратить эпидемию и заодно найти похищенное из представительства Ордена. Разумеется, при помощи

шерифа и его славных помощников, что также послужит дополнительным аргументом на выборах. Последнее несколько утешило Глипсона, и он доверительно сообщил, что в салуне у него тоже доля, так что ему весьма желательно, чтобы заведение функционировало бесперебойно. Хотя сегодня туда вряд ли кого заманишь, даже отпетые пьянчуги — и те напуганы.

Шериф удалился, а Гектор при помощи Остиса и образованной мисс Конни стал разбираться в списке похищенного. Резиновые маски и прилегающие к ним артефакты — это ясно... но для чего могли служить прочие вещицы предков, унесенные злоумышленниками? Например, несколько серебряных ложечек? Или Священный Аккумулятор? Все трое — оба хламовника и Конни — стали наперебой строить предположения, что можно соорудить из похищенного. За этим занятием и застал их Бутс, явившийся в представительство с большим мешком, вымазанным угольной пылью. Плащ хламовника тоже был порядком испачкан.

Бутс вывалил добычу на стол — прямо поверх листков с записями.

— Глядите, — буркнул коротышка, — вдруг что и признаете...

Остис принялся ахать и разводить руками — большая часть добычи Бутса была ему знакома, это и были похищенные реликвии, в том числе Благословенные Противогазы. В количестве именно трех штук.

— Я нашел тайник, — гордо объявил Бутс.

— Зря ты забрал оттуда барахло, — заметил Гектор. — Пропажа встревожит злодеев. Они поймут, что мы знаем о них слишком много... и... даже не знаю, что предпримут в таком случае. Нужно было действовать осторожнее.

— Ну я ж не знал, — коротышка ничуть не смутился. — Всякая там осторожность и предусмотрительность — это больше по твоей части, а я человек простой. «Нашел — тащи!» — вот мой девиз.

— Постой, постой... — Гектор задумался. — А может, ничего не потеряно? Сколько пострадавших от неведомой хвори сейчас в больнице? Семеро? Как будто, так... А скольких зомби лишилось племя Семи Протезов?

— Троих, это я как раз выяснил, — ответил Бутс.

— Один к двум, вот какая пропорция. Значит, для обращения четвертого зомби им потребуется восьмой человек.

— Им?

— Ну да, ведь все три маски носят следы употребления. Втроем преступники спускались в шахту, чтобы наверняка управиться с одним углекопом. И как минимум двое, по словам мисс Конни, нападали на живых здесь, в городке. Это не маньяк, это группа преступников! И мы подстережем их, когда они будут обрабатывать восьмого человека. Нужно только устроить засаду, проследить, когда пойдут от дверей салуна за новой жертвой. Они же подстерегают пьяных и беспомощных!

— Легко сказать, — буркнул низкорослый хламовник. — Я по дороге наслушался, что местные нынче в салун ни ногой. Кто-то пустил слух, что от виски происходит эта самая хворь...

— Боюсь, здесь моя вина, — понурился Гектор. — Как же нам выследить злодеев... Это нужно сделать именно сегодня, пока они не обнаружили, что их тайник возле шахты опустошен...

— Знаю! — пискнула Конвергенция. — В салун отправлюсь я! Эти негодяи непременно захотят напасть на слабую женщину!

— Это слишком опасно, — попытался остановить девушку Гектор.

— Я обещала помогать рыцарям Хлама, и я сдержу слово! — торжественно отчеканила

учительница. — Я буду нынче в салуне, с вашего согласия или без оного!

* * *

Шериф Глипсон наведалься в представительство еще раз, чтобы узнать, как продвигается расследование. Кстати, он пожаловался, что салун нынче пуст, а ведь к этому часу, как правило, хотя бы десяток клиентов, а бывает.

— А что Зрящий и его приспешники? — как бы невзначай поинтересовался Гектор.

— Так это он преступник? — шериф оживился. — Да нет, вряд ли. Он со своей шайкой то ли убрался из города, то ли затаился где-то в заброшенных домах на окраине. Я его, паразита, хорошо изучил! Объявится в воскресенье под утро, чтобы выставить свою кандидатуру на пост мэра. Вот попомните мое слово, до того срока его никто не увидит!

— А последователи?

— Эти-то? Кто пропал вместе с ним, а кто возвратился по домам. Твердят, что раскаялись... что речь мистера Гектора вернула их на истинный путь... врут, конечно. За парочкой особо рьяных присматривают мои люди. Однако ничего подозрительного. А жаль, обвинить бы их в преступлении, это произвело бы на граждан отличное впечатление! Народу по душе, когда в воскресный или праздничный день кого-нибудь осудят. Казнь преступника всегда отличное дополнение к любому торжеству, а уж к выборам мэра — особенно!

— Но сейчас обвинить их не в чем? — уточнил Бутс.

Глипсон с видимым сожалением развел руками. Дескать, он бы и рад, да не выйдет.

Когда шериф ушел, Гектор с Бутсом переглянулись. Конни истолковала их взгляд верно и тут же поднялась с места:

— Я иду в салун! И не появляйтесь там, не то спугнете преступников!

— Бедное храброе дитя, — прочувствованно произнес Гектор, когда Остис запер дверь за девушкой.

— Такими их воспитывают в наших приютах, — заметил старик.

— Ай, бросьте, братья, — Бутс зевнул и задумчиво почесался. — В приютах воспитывают в строгости, это верно. Вот храброе дитя и хватается за первый же подходящий повод, чтобы наведаться в салун. Бедняжка, небось мечтала об этом и боялась признаться самой себе. Ну а теперь у нее отличная причина ввергнуть себя в бездну. Для благого-то дела как не напиться! Я ее отлично понимаю, потому что сам прогулялся бы в салун. К своей старой доброй фляге я теперь и прикасаться не стану — после того, как из нее лакал Бешеный Крыс.

— Ты же сам его угостил!

— А что было делать? Дал ему глотнуть, а после пожалел, да было поздно, вот и оставил виски Крысу. Кстати, он собирается сюда, в Красный Угол. В больницу. Он же теперь один из нас... хотя и не самый пригожий.

* * *

Мисс Конни отправилась в салун — и оказалась там едва ли не в одиночестве. Слухи о том, что причиной загадочной болезни может стать вечер в этом заведении, мигом облетели Красный Угол. Конвергенция устроилась на высоком табурете у барной стойки и храбро заказала «капельку виски». Она страшно смущалась — а как иначе, ведь подобное заведение она посещала второй раз в жизни. В приюте строгие наставницы вдальблывали девицам в головы, что

салуны — источник мерзости, самое грязное место на свете, гнездо греха и скверны. Лишь окончив обучение, Конни с подружками набрались храбрости, чтобы посетить сей мерзостный притон. Разумеется, они выбрали для эксперимента самое респектабельное заведение подобного рода, какое имелось в Мусор-Сити, явились туда большой компанией и отважно вкушали грех на протяжении получаса, после чего сбежали, считая, что приобрели достаточный опыт.

Сейчас девушка была одна, и уж конечно грязный красноугольский салун не шел ни в какое сравнение с чистенькой ресторацией в Мусор-Сити. С другой стороны, народу сегодня было немного, и тишину в салуне нарушали лишь негромкие разговоры малочисленных посетителей да звучный шорох тряпки. Бармен старательно полировал стаканы, чтобы побороть смутную тоску, которая охватила его при виде пустого зала. А зал на памяти этого честного человека пустовал впервые.

Конвергенция оглядывалась в поисках злобных преступников, но ни одного подозрительного лица не обнаружила. Вернее сказать, все были подозрительны в равной степени. Имелось двое разбойного вида молодцов, в которых бармен признал соглядатаев из шайки Черного Боба. Эти были вне подозрения, поскольку явились в город только сегодня и не могли быть замешаны в прежних преступлениях. Плюс трое стариков, которые пили пиво и были полностью увлечены карточной игрой. Плюс сизоносый забулдыга, медленно тянувший виски через соломинку. Больше в зале не было никого.

Конвергенцию побеспокоили лишь раз — сизоносый, разглядев у стойки девицу, просипел: — Какая славная барышня! Жаль, что у меня нет детишек, такой учительнице я бы доверил свое чадо с легким сердцем! Наставник, который пьет виски, не научит детей плохому!

Вскоре он начал клевать сизым носом и, в конце концов уронив голову в очередной раз, сломал соломинку. Вскоре забулдыга уже храпел. Старики-картежники вполголоса ругались, уличая друг друга в жульничестве... в общем, на роль злодея-воскресителя в зале не подходил никто, Конни пила маленькими глотками, морщилась и пила снова — просто потому что заняться было более решительно нечем. Прикончив свою крошечную порцию, она повторила заказ — вкус виски больше не казался отвратительным. Потом она удвоила ставки, и погруженный в меланхолию бармен налил ей уже не «капельку», а «два раза по столько»... Конни уже совсем освоилась в логове греха...

Когда стемнело, Бутс, скинув приметный белый плащ, обошел окрестности.

— Никого, — буркнул он, возвратившись к Гектору, который ожидал в укромном закутке неподалеку от салуна.

— Странно. Если злодеи следят за салуном и заранее подбирают жертву, то мисс Конни должна была показаться им вполне подходящей.

— И что?

— Она живет здесь неподалеку. Я надеялся, что преступники покажутся... если они подстерегают людей по дороге от салуна к дому, а тут рукой подать, всего-то пара кварталов. Они обязаны быть рядом! Может, они там, в салуне?

— Туда я тоже заглядывал. Либо приезжие, либо совершенно безобидные люди. Между прочим, наша учительница уже готова.

— В каком смысле?

— Набралась до крысиного писка.

— Выбирай выражения, Бутс! Ты говоришь о леди!.

— Я говорю о вдрызг пьяной леди. Сколько мы будем еще ждать? Уже скоро полночь.

— М-да... — Гектор задумался. — Что ж, похоже, здесь у нас ничего не вышло.

— Мы можем подстеречь преступников возле тайника, где я нашел артефакты,

похищенные из представительства. Хотя местечко там не очень-то подходящее для приличной засады.

— Я уже думал об этом. Нет, туда злодеи не явятся, пока не обработают еще одного человека. Ловить их нужно здесь, в городе... Обидно, но, похоже, наш план провалился. Пойду помогу мисс Конвергенции добраться домой.

— Во-во, давай. Сама она сейчас вряд ли доберется, так надралась.

Гектор тяжело вздохнул, но не стал напоминать приятелю о том, что о дамах следует говорить в более пристойных выражениях.

Когда рыцарь в белом плаще появился в салуне, Конни страшно обрадовалась. Она попыталась встать ему навстречу, это ей не удалось, учительница снова плюхнулась на табурет и объявила:

— А, мистер Гектор! Слава предкам, вы здесь! А то я уж опасалась, что придется коротать вечер в одиночестве! Идите сюда, здесь наливают виски!

Гектор испустил тяжелый вздох — по его вине приличная девушка дошла до подобного состояния! Он прошел через зал и остановился перед стойкой. Конни, нежно глядя на него снизу вверх, промурлыкала запинаящимся голосом:

— Добрый джентльмен, не угостите ли даму стаканчиком виски?

— Идемте, мисс, на сегодня достаточно. В следующий раз я не допущу, чтобы вам пришлось сидеть в таком месте одной. Тогда с радостью угощу вас.

— Обещаете? — с подозрением спросила учительница. Ей вовсе не хотелось уходить, потому что казалось: вечер только начинается.

— Клянусь, — объявил Гектор и подал руку.

Конни попыталась встать и едва не свалилась на пол. Рыцарю пришлось подхватить ее и держать куда более крепко, чем диктуют приличия. Бармен, глядя вслед удаляющейся паре, скорбно покачал головой и пробормотал себе под нос:

— Какое падение! Разве можно приличной девушке так себя вести после нескольких капель виски? Нет, нет... порядочная дама может прийти в подобное состояние, разве что выпив полпинты. Куда катится мир?..

Гектор с едва передвигающей ноги Конвергенцией прошли по темной улице. Девушка бормотала какой-то вздор насчет того, что она не забудет об обещании хламовника и они непременно проведут завтрашний вечер вместе, рыцарь настороженно вглядывался в каждую тень. Но улицы были пустынные, по пути не встретилось ни души. Наконец он доставил Конни к ее жилью. Учительница долго копалась в карманах, отыскивая ключ, потом столь же долго пыталась попасть неуклюжей железякой в замочную скважину... Наконец ей это удалось, и Гектор провел девушку внутрь. Он уже собирался сказать, что прощается с ней до завтра, как заметил краем глаза движение сбоку. Расплывчатые силуэты метнулись из углов, Гектор наугад ткнул локтем назад, и рука его попала в костлявое тело. Кто-то хрипло ахнул, перед хламовником возник новый силуэт, рыцарь с разворота ударил кулаком. Конни, которую он больше не мог поддерживать, села на пол. Тут на голову Гектора обрушился удар дубинки, и темная комната перед ним озарилась разноцветными пятнами. Он пошатнулся, и последнее, что ему удалось услышать, был голос Зрящего:

— Отлично, сразу двое! К делу, братья, и да протрубят трубы!

Когда Гектор очнулся, револьвера на его поясе не было, а затылок покоился на полу в липкой теплой луже. Рыцарь понял, что это его собственная кровь, которая сочится из разбитой головы. Иначе почему все кружится перед глазами и так зверски ноет в висках? Он лежал, прижатый к полу двумя сектантами, а где-то совсем рядом придушенно хрипела Конвергенция — она бы визжала от страха, но ей зажали рот. Зрящий каркал над ней:

— Падшая душа, ты не можешь быть истинным воином Добра! Напивалась в салуне, путалась с рыцарями Хлама, а они лжецы! Но твоя никчемная душонка еще может послужить великой цели. К грядущему Концу Времени я создам нового воина Добра, не пьющего, не курящего, не знающего мирских соблазнов!

Гектор услышал треск рвущейся ткани — на Конвергенции рвали одежду. Тут наконец зрение сфокусировалось, и рыцарь разглядел, что Зрящий стоит над Конни, которую держит человек в буром плаще с капюшоном. Другой заносит над девушкой серебристо блестящую в лунном свете иглу, от которой к странному прибору у ног Зрящего тянется толстый гибкий кабель. Гектор рванулся, сбросил одного из сидящих на нем злодеев, высвободил ногу и пнул второго в голову. Сектант кубарем покатился прочь. Рыцарь вскочил.

— Коли быстрее! — заорал Зрящий.

Конни замычала и стала трепыхаться в руках сектанта с удвоенной энергией.

— Не смей! — рявкнул Гектор.

Шатаясь, он надвинулся на пророка и только теперь заметил в руке Зрящего свой собственный револьвер. Отрывисто грохнули выстрелы — один, другой, третий, четвертый. Гектора толкнуло в грудь, но он сумел в падении выбить серебряную иглу из рук преступника, потом вцепился в того, который держал учительницу, и в падении сдернул его на пол. Конни вырвалась и завизжала. Этот крик отвлек внимание сектантов от скрипа отворяемой двери — в комнату ворвался Бутс. Ворвался и прошел по ней, как ураган, оставляя позади себя руины и неподвижные тела. Зрящий выпустил последние пули, но попасть в стремительно движущегося хламовника не смог. Тогда он прикрыл голову руками и бросился в окно, как ныряльщик в воду. Звон стекла, треск рамы...

Бутс и Конни склонились над окровавленным телом Гектора.

— Ох, беда, — озабоченно сказал коротышка, — он помирает. Четыре пули в грудь, это, мисс, весьма скверное дело! Гектор, Гектор, сколько раз я тебя учил — двигаться, двигаться, ни мгновения не оставаться на месте, когда против тебя парень со стволом... Эх, друг ты мой...

— Он спасал меня, — всхлипнула Конни. — Это все я виновата...

— Мисс Конвергенция, — прохрипел умирающий рыцарь, — не вините себя... лучше подтащите ближе этот странный прибор. Возьмите иглу и воткните мне... э... в мягкие ткани.

— Ай, — только и смогла произнести бедная мисс.

— Лучше я, — вызвался Бутс. — У меня рука не дрогнет, а юной даме негоже всаживать джентльмену что-либо в мягкие ткани.

Прибор представлял собой ящик без крышки, внутри поблескивали стеклянные колбы, перевитые кабелями, торчали какие-то странные штучки, мерцали крошечные огоньки. В центральной, самой большой колбе мутно клубились пары странной субстанции, а из бока коробки выходил витой кабель, обмотанный плотной просмоленной лентой. Заканчивался он тонкой серебряной иглой.

— Мисс, отвернитесь, — велел Бутс, — самые мягкие ткани расположены в таком месте, которое может вас смутить.

— Я приведу доктора, — пискнула Конни. — Сил нет смотреть на это!

Она выбежала, а Бутс деловито спросил:

— Гектор, здесь два крана, синий и красный, насколько я могу разобрать в темноте. Какой

из них отвернуть?

— Синий. Полагаю, что красный отбирает витальную силу у живых... — все тише и тише шептал раненый, — а синий — выход... Таким образом они... впрыскивали жизненную энергию в...

— Помолчи, дружище, и молись, что ты правильно угадал назначение кранов. Ну, во имя Хлама...

Кабель в руках Бутса дернулся, как змея, странный прибор издал звук, напоминающий торжественную песнь трубы... Гектор длинно застонал... Потом лампочки прибора мигнули и погасли.

* * *

В субботу доктор Куперт, совершая утренний обход, задержался у кровати Гектора. Конни, сидящая у изголовья поверженного героя, с тревогой глядела, как врач хмурится, измеряя пульс пациента, как проверяет повязки и делает пометки в тетради.

— Ну что, доктор? — наконец не выдержала девушка.

— Жизнь вне опасности, я могу повторить это в тысячный раз, если вам так угодно, мисс. Общая слабость, обильная потеря крови... Ума не приложу, как наш герой мог выжить при таких ранениях? Это противоречит всему моему опыту, а уж он достаточно велик, смею вас уверить! Это невероятно, это поразительно, это...

— Это чудо, явленное великими предками своему недостойному слуге, — слабым голосом произнес Гектор. — Надеюсь, ранения не помешают мне нести мою службу?

— Препрежнее здоровье вряд ли восстановится, друг мой, но вы сможете по-прежнему бегать, стрелять, фехтовать, совершать акробатические номера... или чем еще занимаются рыцари Хлама?

— О, этим в нашей паре всегда больше занимался Бутс. А я и прежде был не так ловок.

— Вот и отлично. Да, мисс, я вижу, вы не собираетесь уходить? Отлично, возьмете на себя обязанности сиделки, а я хочу заняться неким любопытным случаем. Мне привезли сегодня еще одно чудо — ожившего зомби. Хочу понаблюдать за ним. К мистеру рыцарю никого не пускать! Ему необходим покой... Я уже запретил посещение шерифу и нашему дорогому редактору «Красноугольских ведомостей».

— Ах да, газета... — вспомнил пациент. — Я же так и не просмотрел стенограмму! Увы, я вряд ли сумею сейчас читать.

— Позвольте, мистер Гектор, я буду читать вам вслух? — очаровательно краснея, предложила мисс Конвергенция.

Тем временем в соседнюю палату привезли Бешеного Крыса — бывший зомби уже окреп настолько, что смог выдержать дорогу от резервации до Красного Угла. Его поместили с самым тихим пациентом — мистером Сезански. Этот пожилой джентльмен не причинял никому беспокойств, лежал себе и с утра до вечера пялился бесцветными глазами в потолок. Безразличный и безучастный, он не проявлял никаких чувств и, кажется, вовсе не испытывал эмоций, как будто из него вытянули некую часть души. Если к нему обращались, отвечал сварливо и пререкался по любому поводу, однако сам ни к кому не лез. Доктор Куперт решил, что этот пациент не помешает наблюдать за парнем из резервации.

Крыс выглядел немногим лучше, чем в тот день, когда его навестили рыцари Хлама. Все такой же тощий, облезлый и неуверенный. Все так же покрытый язвами и струпьями, которые

едва начали подживать.

Стоило новичку появиться в палате, как безразличный ко всему мистер Сезански проявил неожиданную прыть. Он резко сел в кровати и уставился на нового соседа. Санитар, уложивший Крыса в постель, даже всплеснул руками от удивления — эти двое, коренастый низкорослый старый пьяница и бывший зомби, приобретший после оживления внешность угловатого молодого паренька, — показались ему похожими, словно близнецы, хотя ничего общего в их внешности как будто не было. Крыс тоже пожирал глазами Сезански. Потом оба в один голос и со сходными интонациями произнесли:

— Чтоб мне лопнуть! Похоже, я тебя прежде встречал... вот только не припомню, где?

Такое совпадение удивило не только санитар, но и обоих больных. Они надолго смолкли. Наконец Крыс осторожно произнес:

— Я тут новичок, мистер. Не знаю, как и что устроено...

— Да ты небось и салун сам не отыщешь! — оживился старичок. Он вмиг отбросил и ворчливость, и безразличие. Морщинистое лицо сложилось в добрейшую на свете улыбку. — Пожалуй, придется мне стать твоим проводником в мир живых! Как только выпишут нас с тобой, первым делом — в салун! Отметим знакомство, а потом... э, потом мы с тобой придумаем что-нибудь еще. А, парень?

— Да, мистер, с вами я чувствую себя готовым на всякие веселые проделки! Как будто только теперь и ожил по-настоящему!

— Так-то, душа моя!

* * *

Через неделю рыцари покинули взбудораженный Красный Угол. Бутс, поставив короткие ноги на ящик с прибором Зрящего, жевал табак, глядел в окно и периодически сплевывал.

— Что за история с нами в этот раз приключилась, так и не пойму.

— Но ведь получилось весело? — заметил Гектор. Он был все еще бледен, но быстро поправлялся. Слишком быстро для человека, получившего четыре пули в упор.

— Весело? Ты имеешь в виду выборы мэра? Со стрельбой и пьянкой? Ну да, это было довольно живенько, не хуже, чем в большом городе. А-а! Тебе понравилась учительница!

— Стыдись, Бутс, — Гектор сделал вид, что возмущен. — Ты всегда умеешь находить во всем низменную сторону. Мисс Конни — славная девушка и оказала нам немалую помощь в расследовании. Нет, я имел в виду другое. Этот прибор... этот самый, который ты топчешь ногами, может изменить всю жизнь Великой Равнины.

— Всю нежить Великой Равнины, хочешь ты сказать? Я так ничего и не понял, ну, как эта штука работает.

— Не понял? Бутс, ты же видел его работу своими глазами! При помощи этой штуки Зрящий отнимал у подвыпивших красноугольцев часть витально-информационных сил, поскольку считал, что люди эти недостойные, пьющие, грешные и не смогут быть воинами Добра в последней битве.

— Душу, что ли, откачивал через этот самый шланг?

— Грубо говоря, да. Он считал, видишь ли, что из зомби, не знающих человеческих грехов, выйдут праведники. Ну и возвращал им жизнь. Чушь! Я видел Бешеного Крыса мертвецки пьяным... в компании этого, как его? Мистера Сезански. Однако хотя Зрящий сумасшедший, но он гений. Его прибор — чудо, достойное великих предков!

— А, вот чего я тоже не понимаю. В чем его интерес?

— Материального интереса не было. Он совершал преступления из идеалистических, хотя и ошибочных, побуждений. В чем-то он похож на нас, рыцарей Хлама. Мы тоже идеалисты, воины Добра, готовые сражаться с любым проявлением зла не ради земных благ, а по велению сердца. Однако, в отличие от Зрящего, мы не действуем наобум. У нас есть образец для подражания — Молитвенные Ролики.

— погоди ты с Роликами! Я понять хочу. Значит, этот Зрящий — он вроде нас? А почему ж он в тебя стрелял?

— Ну... видишь ли... это как с электрическими зарядами. Одноименно заряженные отталкиваются, а разнородные — притягиваются.

— То-то меня тянет к мелким грешкам! Значит, я очень положительный! — Бутс вытащил флягу, не прежнюю, а новую, купленную взамен подаренной Бешеному Крысу. — Так ты поэтому решил не гнаться за Зрящим?

— Вообще-то, мне сейчас не до погонь, — признался Гектор. — Я был очень слаб, нуждался в лечении и уходе.

— Конечно, — кивнул Бутс, делая порядочный глоток, — ведь за тобой ухаживала такая миленькая девушка.

— А Зрящий, — поспешил сменить тему Гектор, — теперь наверняка успел убраться очень далеко. Вообще-то, это даже хорошо. Такие люди должны появляться, чтобы прогресс не стоял на месте. Все-таки он гений...

— А я — не гений, и я бы его шлепнул, — заключил Бутс. — Не нравятся мне преступники, у которых нет понятного интереса. Ничего, может он мне еще попадетсЯ.

Это соображение, а также, новый глоток из фляги привели Бутса в прекрасное расположение духа.

А Семь Протезов был печален. Он размышлял о том, что его мир отныне изменился и никогда уже не будет прежним. Если человека из резервации можно обратить в краснощекого, это полностью меняет весь порядок, заведенный издавна и до сих пор казавшийся незыблемым. Правда, рыцари Хлама увезли странный прибор из Красного Угла, но такие штуки всегда дадут о себе знать, как их ни прячь. Не может чудесное изобретение никак и ничем себя не проявить.

Да и пророк по прозвищу Зрящий сбежал. Шериф хотел отрядить погоню, но так и не собрался — выборы мэра слишком уж занимали в эти дни мистера Глипсона. Вдруг этот опасный маньяк, безумный даже по меркам краснощеких, объявится снова?

Что будет с Великой Равниной? Что будет с племенем Семи Протезов? А впрочем... пусть все идет, как идет. Главное — самому держаться правил, не изменять своей природе и не совершать ничего такого, чего после будешь стыдиться. Словом, важно оставаться собой. Хороший зомби — мертвый зомби!

Александр Шакилов

Категория «Б»

Люгеру, милитаристу-водителю

Шаман бьется в конвульсиях, освящая мухоморным отваром мои новенькие права категории «Б». Это вам не «А» и не «П»!

Это «Б»!

Я горжусь собой, я рад и просто счастлив. Я прямо сейчас рвану по автобану и проскочу полторы сотни кэмэ до замка Светки. Лязгнув траками у рва, кишащего пираньями, напрягая ларингофон, проору: «Светка, выходи! Покатаемся, по карасям-мутантам постреляем!»

И она выйдет, она... такая вся красивая, в самом модном — эротичном! — своем наряде: в пятнистой каске-сфере и в бронике без малейшего намека на декольте.

Да я же люблю ее! Люблю! Она мне снится третью неделю подряд! И категорию «Б» я открыл, чтобы покрасоваться перед Светкой. Отец говорит, это глупо, ради какой-то девки... Да только Светка — не какая-то девка. Она — СВЕТКА!!!

Но это потом, это скоро — и автобан, и ров, а сейчас: бубен, вонючая волчья шкура на худых плечах да оскал морщинистой морды, до подбородка перемазанной барсучьим жиром. Гад-шаман, два ящика сакэ за услуги затребовал. Ну, это ладно, бывает, разок можно. Лишь бы правильно обряд произвел, лишь бы с духами предков перетер по понятиям да категория моя вступила в силу — наполнилась законным смыслом и содержанием, чтобы любой гаишник отвял да из РПГ в траках дырки не компостировал.

Прыгает шаман, пену изо рта пускает, обделался даже — в общем, все согласно ритуалу и прейскуранту. И тут — ку-ку, да? — у него мобильная рация заверещала: алло? а как же, в лучшем виде, будет исполнено, уже еду.

— Молодой человек, на этом сеанс инициации закончен. Спасибо за внимание. — И счет протягивает. Мол, сакэ — это само собой, а денежки перечислить стратегически необходимо в течение банковской недели.

— Это вам спасибо, — говорю, — спасибо большое!

— Да не за что! — стянул он с себя лохмотья меховые, амулеты в кейс спрятал, бубен в футляр определил — профи, любо-дорого смотреть!

Стоит себе голый по пояс, мышцей искусственной играет. Смотрю, а у шамана-то рука левая того, как бы... протез, ага. А на лопатке — татуировка армейская. Осназ. Сибирь-Байкал...

— Это, — говорю, — вы там шаманить научились?

— Там, — отвечает. — Где ж еще? После третьего курса практику проходил.

— О, — говорю, — каратели, это всем известно, специализация благородная, это не мамонтов за хобот таскать, это ого-го-го! А вот нас на преддипломную в концлагеря распределяют, а там, сами знаете, не шибко разгуляешься — пытки да казни, скукотища...

А он, кевларовый тельник поверх бронежилета натянул, кивнул — мол, да, бывает, сочувствую — впрыгнул в багги и умчался по бетонке автобана: только рев турбин, только пар радиоактивный клубится. Видать, очень мужик торопился.

Да и я от радости сразу в гараж рванул. Распахнул ворота — и не могу наглядеться на приобретение свое долгожданное! Полгода деньги копил, на пайках НЗ в институтской столовке экономил, в бордели солдатские с друзьями не ходил, по барам наркомовскими стограммами не злоупотреблял. Да что там, последнюю сессию на одни пятерки сдал, чтоб отец чуть-чуть евро

на покупку добавил.

И он таки добавил!

И вот она передо мной, моя новенькая боевая машина пехоты!

Сварной корпус из катаных листов броневой стали. Конусообразная башня с прицелами и пусковой установкой ПТУР. Термодымовая аппаратура, ПРХР и прочий «фарш». Ну и роскошная кровать в десантном отделении, с подушками и матрасом — на всякий экстренный случай. Вдруг Светке захочется прилечь отдохнуть, а я рядышком, исключительно платонически, вы не подумайте...

В общем, настроение у меня преотличное!

Запрыгнул я в люк, упаковался в дроды, навешал на хребет килограмма три датчиков и по уши нырнул в гель управления — короче, прочувствовал броню как свою кожу, траки как пятки, пушку, хе-хе, как самый мужской из органов. Теперь хочу Светку поскорее увидеть и отстреляться по полной программе.

И выскочил я на автобан, да как из пулемета в небо жахнул, мол, осторожно, это я иду! — и притопил по максимуму. Благодать! Природа! Из придорожных кустов по мне из автоматов постреливают — работяги местной белковой фабрики развлекаются, а мне плевать. У них категория «А» открыта, а у меня теперь — «Б»! Самая, что ни на есть, «Б»!

Ну, до сегодняшнего дня я тоже как бы из «мини-узи» по щеглам-переросткам палил. И полгода назад на карасей-мутантов посредством АКСУ охотился, и нормально, кстати, себя чувствовал. Пока Володька Буси, мой друг заклятый, бронированным мотоциклом не обзавелся. С прилаженным к коляске огнеметом.

И вот тогда я идеей о боевой машине загорелся. Которая не роскошь, но средство передвижения.

И вот сегодня — Мой День! Сегодня я утру нос Володьке! Неужто я, Федор Палаш, пацифист какой-то недоделанный?!

Правда, категорию «П» я поздно открыл, мне семь лет тогда было. Помню, отец торжественно вручил мне первый мой пистолет — «ПМ», ага. Фигня, конечно, полнейшая, но ведь семейная реликвия! Из этого «Макарова» еще мой прадед Право Человека на Оружие отстаивал! Правда, я до сих пор не понимаю, как из этой пукалки что-то можно отстаивать, ну да ладно, семейные реликвии — святое. И вот я с «макаровым» целый год, как дурак, по школе ходил, и все надо мной смеялись. А потом я дома такую истерику закатил, что отец в тот же день купил мне очень даже неплохую «беретту». А ребята все равно надо мной потешались и однажды «темную» устроили. В смысле, подстерегли вечером после уроков, когда я к остановке маршрутного бронетранспортера шел, и давай в меня из «стечкиных» шмалять. В общем, троих я сразу «выключил», остальные разбежались — не зря же у меня по баллистике твердые четыре балла было. Реаниматоров я, конечно, вызвал, хотя и не очень хотелось. Они минут через пять приехали, похвалили меня — всем троим жмурикам я черепа провентилировал — мол, молодец, пацан, отлично ствол держишь! А я покраснел, засмутился и опоздал на маршрутку. А следующая через час. Пришлось отцу звонить, он за мной на Ка-52 прилетел и дома отругал — мало не показалось. Отругал за то, что я не дал себя в обиду. Отец у меня верующий очень и по части доблести неблагонадежный. Считает, что люди без Оружия должны отношения выяснять — говорить друг с другом и принимать компромиссные решения, и вообще — Оружие надо запретить и все категории отменить.

Такие вот у моего отца убеждения, но я — заметьте! — с ним не согласен ни на грамм пороха! Я считаю, люди созданы для Боя! Ведь Арес сделал человеку руки, чтобы держать меч, ноги — чтоб быстро бежать к вражеским траншеям. Арес наградил человека храбростью, чтоб не боялся воин-камикадзе заградотрядов и газовых атак!..

Ну, это и «ежу» понятно. Кстати, я уже на грунтовку выскочил, а «ежей» здесь натыкано великое множество. И надолбы тоже имеются. И минные поля... Хорошо, я проход секретный знаю, по спирали к Светкиному замку подбираюсь.

Подбираюсь — и что я вижу?!

Шаман мой давешний — вот он, значит, куда спешил?! — мухоморным кипятком танк обрызгивает. А танк этот у рва стоит, а во рву пираньи плещутся, а на броне — кто бы вы думали?! — Володька Буси собственной персоной при параде. С букетом, перетянутым колючей проволокой! Неужто свататься прискакал? На танке?!

— Привет, — кричит, — Федор! А у меня праздник, я сегодня категорию «Т» открыл!

— А чего это, — кричу в ответ, — ты к Светке приперся? Дома бы и праздновал!

А Светка из донжона на нас в прицел снайперской винтовки поглядывает — и наверняка улыбается. Жаль, под зеленой шлем-маской личика не видно — н-да, а противогаз у Светки, как всегда, самый модный: демисезонный, в крапинку.

И захотелось мне очень по танку разок-другой ПТУРами бахнуть, чтоб заодно и шамана зацепило. Но тут Светка флажками мне знак подала: мол, вали-ка ты, Федор, откуда приехал, мне Володька милей, он же на танке, а не в БММ, он же круче и вообще мачо в стильном камуфляже.

Насчет камуфляжа, кстати, еще поспорить можно. На моем пятнистом вся зачетка вывешена — оценками за экзамены и курсовые: наградных планок куча, медалек еще больше, даже ордена имеются. А у Володьки, между нами, ни одного ордена нет! Когда мы лабораторную по захвату аэродрома сдавали, он СПИДом дома хворал. А когда опыты по геноциду проводили, его рак прихватил.

В общем, обиделся я на Светку очень сильно, да так, что стабилизатор пушки набок повело.

А Володька уже плащ химзащиты стянул, короче, раздеваться начал — с намеком на продолжение атаки в Светкином бомбоубежище.

А я... а что я?!

Развернулся на месте, дымовые гранаты презрительно выкинул и покатился домой. Но злобу затаил.

Ничего! Мы еще посмотрим, кто кого! Я скоро институт закончу и устроюсь на работу в военно-промышленную корпорацию! Буду шурупы в термоядерные боеголовки закручивать! И мне громадную зарплату назначат, и премию будут давать регулярно, и вот тогда!..

Тогда я точно куплю себе истребитель Су-27 и открою категорию «С»! Непременно!

Или сразу Б-52 приобрести? Чтоб поразить Светку размахом? Чтоб влюбилась наконец в меня без памяти и на Володьку даже не смотрела?! А если нет, так хоть разбомбить сгоряча ее замок — тоже неплохо, тоже вариант. Залить сверху напалмом и...

Кстати, Надька, Светкина подруга, тоже очень даже симпатичная девчонка, недавно вроде диплом санинструктора защитила. И глазки мне строила. Может, влюбиться в нее? И вот прямо сейчас рвануть по автобану и проскочить три сотни кэмэ...

И пока я размышлял насчет перспектив и планов на будущее, мою БМП из гаубицы накрыло. Новенькую машинку, не обкатанную, в масле еще!.. — в пух и металлолом! Ну и меня в клочки, понятно.

Баххх!!! — и очнулся я через пару суток. В больнице. Чувствую, тело вроде сносное — реаниматоры постарались, максимально подогнали под исходник. Хотя один орган могли бы и покрупнее сделать, ну да ладно.

А на постели рядом со мной, ага, та самая Надька сидит. В о-очень эротичном бронежилете — без декольте! И с венком в бронеперчатках. А на венке ленточки — «Любимому от Надежды».

— Это ты, — говорю, — по мне из гаубицы зафигачила? Прямой наводкой?

— Я, — отвечает, кротно так, смутившись.

— Да что ж ты, — говорю, — я ж только БМП купил?!

— А это, Феденька, — отвечает, — чтоб ты на меня внимание обратил. Это я не из гаубицы в тебя зафигачила, это стрела Амура в тебя попала. Ты ж от Светки как от фосгена млеешь, а на меня и не смотришь совсем!

В общем, после того случая мне Надька сниться стала. Исключительно она и все, и никто больше. Только вот незадача: мне ж теперь еще полгода на новую БМП копить придется.

И вот, думаю я, братцы-бойцы, может, и прав отец? Может, и стоит иногда отношения без Оружия выяснять? Если б я с Надькой вовремя поговорил, глядишь, и машинка моя цела бы осталась. И кровать опять же — в десантном отделении... чтоб как бы невзначай прилечь рядом с Надюхой любимой...

Может, и прав отец.

Но категорию «С» я точно открою.

Так, на всякий случай.

Иван Магазинников
Агент апокалипсиса

Первый. Второй. Третий...

Я молча считал огоньки, мелькавшие перед глазами. Бесконечная вереница скучных одинаковых огоньков, которые отсчитывали оставшиеся мне минуты... Последние минуты жизни одного из влиятельнейших некогда людей современности... Ну или, по крайней мере, человека, который стоял всего в нескольких шагах от этого буквально месяц назад.

Увы, все мои планы, мои надежды и усилия пошли прахом из-за одного клочка бумаги под названием «диагноз», хотя с таким же успехом там могло быть написано и «приговор»: три года жизни отмеряли мне врачи. Точнее, три года полурастительного существования в специальном изоляторе под пристальным наблюдением специалистов. При обычном же режиме никто из врачей не давал мне даже полугода. Признаюсь, это известие несколько выбило меня из колеи. Проклятье, да у любого в такой ситуации сдали бы нервы!

Нет, я не устроил загул вселенского масштаба, чтобы оттянуться напоследок, не заперся в каком-нибудь тибетском храме и даже не начал лихорадочно искать каких-нибудь целителей-шаманов, способных избавить меня от смертельного недуга. Я не сделал ничего этого и ни одной из десятка других глупостей, которые обычно устраивают в подобных случаях герои кинофильмов...

Пост генерального директора крупнейшей энергетической компании в стране дает некоторые преимущества. Например, доступ к технологиям, о которых простые смертные могут только читать в бульварной прессе...

* * *

Корпорация «Вечность» была создана известной голливудской звездой, баснословно богатой и смертельно больной, как и я. Лучшие умы планеты получили доступ к неограниченным ресурсам, но целью их исследования были вовсе не поиски лекарства. Они искали ключ к бессмертию. Герой блокбастеров был прагматиком, а не мечтателем, и потому перед «Вечностью» стояли более чем четкие цели и пути их достижения. А также имелись сотни богатейших клиентов, которые по разным причинам хотели оставить этот мир на долгие годы и даже столетия, чтобы проснуться в будущем.

Криотехнологии. Вот чем занимались ученые, привлеченные баснословными окладами и проектом, сулившим навсегда вписать их имена в историю науки. Всего три года понадобилось им, чтобы создать прототип «саркофага» глубокой заморозки, который первым испытал на себе известный киноактер... Шумиха вокруг его трагической гибели поднялась такая, что «Вечность» и всех ее сотрудников едва не уничтожили, как террористическую организацию. Однако армия адвокатов с миллионными гонорарами, предусмотрительно нанятая основателем корпорации, смогла выиграть дело, и исследования продолжились, но уже при поддержке правительства.

Со дня смерти создателя «Вечности» до первой успешной разморозки человека прошло почти два года. Проект признали успешным и поставили всё на коммерческие рельсы...

* * *

После того как я провел чистку рядов и почти полностью сменил управленческий аппарат компании, было переписано и завещание: все мои миллиарды ушли «Вечности» и паре благотворительных фондов, которые были искренне озабочены будущим нашей планеты. Мне не хотелось проснуться на выжженном пепелище или в разгар ледникового периода. Так же, как и вовсе не проснуться из-за недостатка финансирования проекта.

И вот я лежу в саркофаге, медленно отсчитывая последние мгновения своей жизни. Лаборант, который укладывал меня в саркофаг, рекомендовал считать овец. Правда, как они выглядят, я понятия не имел — последние овцы вымерли еще в двадцать втором году, во время эпидемии овечьего гриппа, вместе с одной двадцатой населения Западной Европы. Кажется, это именно тогда мы очень удачно успели купить «Бритиш Фармацевтик» и перепродать ее в десять раз дороже как раз перед тем, как неэффективность их вакцины была подтверждена...

Проклятье! Даже перед смертью эта проклятая работа не дает мне покоя... Спокойно, Генри, спокойно... Теперь там всем заправляет Морган, а ты здесь, лежишь и готовишься проспать едва ли не целую вечность — уж что-что, а каникулы ты заслужил...

Итак, на чем это я остановился? Сорок пять... Сорок шесть... Сорок... восемь... Или сорок восемь уже было? Пятьдесят...

Пробуждение

— Эй, папа, консерва зашевелилась! — звонкий детский голосок прорвался сквозь мутную ткань моего сна и вонзился в уши раскаленной иглой.

Юная дева, только что весело хохотавшая у меня на коленях, вдруг превратилась в цветной дым и развеялась по ветру, ускользая из рук. Пора было возвращаться в реальность. Которая, кстати, встретила меня весьма неприветливо.

В ушах шумело. Множество посторонних звуков, которые, скорее всего, были обещанными мне врачом слуховыми галлюцинациями после разморозки. Осмотреться я тоже не мог: красное марево застилало взгляд, и я мог различать сквозь него лишь смутные силуэты. Помимо этого, тело жутко ломило, словно все суставы были раздроблены.

И несмотря на все это, я попытался сесть. Резкий рывок, острая боль в позвоночнике, словно тот так и остался лежать, вырванный из тела. Но мне все же удалось кое-как усесться. Тут же к горлу подкатил тяжелый ком, просясь наружу.

— Смотри, папа, опять дергается!

— Консерва не должна шевелиться, — раздался позади меня хриплый мужской голос, и что-то тяжелое обрушилось на мой затылок, снова вынуждая улечься в криогенный «саркофаг»...

* * *

...Второе пробуждение помимо вышеописанных симптомов сопровождалось еще и жуткой болью в затылочной части. Здорово приложили! Интересно, чем это меня так? На этот раз я не спешил играть в «шевелиющуюся консерву» и сперва внимательно прислушался, стараясь не обращать внимания на шум в ушах и головную боль. Никого.

Прежде чем встать, я попробовал понять, чего это будет мне стоить. Сначала шевельнул пальцами руки, потом слегка согнул ноги в коленях и, наконец, покрутил головой, едва слышно шипя от боли в затылке. Кажется, можно попробовать подняться. Почему-то мне казалось очень важным понять, где я нахожусь.

Несколько минут у меня ушло лишь на то, чтобы проморгаться, а когда зрение пришло в норму... Уж лучше бы я оставался без сознания. Больше всего это напоминало холодильник, вот только холода я почему-то не ощущал. Вокруг как попало валялись человеческие тела разной степени замороженности, а на соседнем со мной столе лежала обнаженная молодая девушка... На первый взгляд мне даже показалось, что она просто спит, а вот на второй...

— М-мать! Да что же здесь творится-то?! — не выдержал я и согнулся пополам, даря свободу и независимость скудному содержимому своего желудка.

У несчастной девушки не было ног. Точнее, они были, вот только не там где положено, а висели прямо над ней на длинных крючьях, свисающих с потолочной балки. Между прочим, весьма стройные и красивые ножки... были когда-то.

Усилием воли отогнав накатившую дурноту, я беглым взглядом окинул помещение, стараясь не опускать глаза на эту свалку тел. Впрочем, и наверху зрелище было весьма жутким: то тут то там к потолку были подвешены различные конечности и органы людей или даже целые тела, но — с содранной кожей.

— Это вообще что такое? — пробормотал я себе под нос.

«Еда»... — подсказал внутренний голос.

Скорее всего, так и есть. Если эти двое и меня определили в «консервы», то их с определенной долей уверенности можно записать в людоеды. А это, получается, их столовая. Стоп!

Только тут до меня дошло, что внутренний голос был каким-то странным. Во-первых, он звучал так, словно я действительно его слышал откуда-то изнутри, а не просто как какая-то посторонняя мысль, внезапно у меня возникшая, как бывало порою. А во-вторых, этот голос мне был совершенно незнаком: хрипловатый, низкий и со странным акцентом. Я осмотрелся. Нет, ни единой живой души кругом не было, если не считать разложенных и развешанных вокруг «консервов». Кстати, только теперь меня начал пробирать холод: похоже, утраченная после глубокой заморозки чувствительность возвращалась.

— Надо бы выбираться отсюда, пока и впрямь в «консерву» не превратился, — пробормотал я себе под нос.

«Еда. Много еды», — теперь голос уже звучал более явственно. И да, он раздавался внутри моей головы.

Сославшись на усталость и последствия анабиоза, я решил пока что не обращать на него внимания. Увеличивать за свой счет запасы продовольственного склада семейки каннибалов мне решительно не хотелось. Вместе с чувствительностью начали возвращаться и другие ощущения. Например, явственно засосало под ложечкой. В соответствии с техникой безопасности в «саркофаг» меня поместили на пустой желудок — предполагалось, что после разморозки меня будет ждать сытный горячий ужин, а не замороженные «консервы» из человечины.

«Жрать!» — озвучил мои чувства внутренний голос и умолк.

Но сперва нужно было позаботиться о своем внешнем виде. Бегать нагишом по улице, демонстрируя все свои достоинства (равно как и недостатки), мне не особо хотелось. К тому же нужно было согреться. Помимо обнаженных тел из саркофагов, я заметил несколько одетых и еще не успевших заколоться трупов, просто сваленных в кучу. Отлично! Подойдя поближе, я убедился, что их действительно принесли сюда относительно недавно, и у всех «свежаков» были проломлены головы. «А значит, одежда им точно не понадобится», — решил я и уже через несколько минут стал обладателем короткой кожаной куртки, ношеных джинсов и высоких мягких сапог из неизвестного мне материала.

Одевшись, я почувствовал себя увереннее и начал согреваться. Скорее всего эффект был чисто психологический: снятая с трупов одежда была ничуть не теплее своих предыдущих хозяев.

«Жрать!» — снова повторил внутренний голос, напоминая мне об основных потребностях моего оттаивающего организма.

Мысленно с ним согласившись, я подошел к единственному выходу из холодильника. Как и ожидалось, он был заперт с той стороны, но достаточно широкая щель вселила в меня робкую надежду: не должен морозильник так закрываться, а значит, что-то было не в порядке с замком.

Беглый осмотр подтвердил догадку: замок был вывернут, а дверь — просто закрыта на засов с внешней стороны.

— Подвинься, приятель, — оттолкнул я висящий на крючьях труп, и тот плавно поехал к стене, освобождая мне путь к столу, на котором были разложены нехитрые инструменты: топор, обломок ножовки и пара крючьев.

Все это было покрыто бурыми пятнами крови. То ли орудия убийства, то ли столовые приборы каннибалов, к которым меня угораздило попасть. Ну что ж, зато теперь они послужат благому делу...

С помощью крюка мне удалось поддеть засов и поднять его, открывая себе путь к свободе.

По крайней мере, очень хотелось на это надеяться.

«Много еды», — на этот раз я едва обратил внимание на голос. Тем более что он ошибался — вокруг не было ничего съедобного, несмотря на то что оказались мы, судя по всему, в каком-то супермаркете.

Однако теперь все полки его были пусты. Да и вообще создавалось ощущение, что здесь пронесся разрушительный ураган, старательно выметая и унося в неизвестном направлении все, что было плохо закреплено. Не исключено, что магазин просто давно уже не работал и переехал в другое место. Хотя это никак не вязалось с работающей холодильной установкой. Кстати, света внутри не было. Странно...

Я поудобнее перехватил топорик, а крюк сунул в шлевку на поясе джинсов. Раньше мне никогда не приходилось держать в руке оружие, тем более такое примитивное. Максимум — кухонный нож. Моим оружием были умело подвешенный язык, острый ум и огромные деньги на десятках счетов. Ну и, разумеется, врожденная скромность. Чем все эти несомненные достоинства — особенно деньги — могли мне помочь в схватке с людоедами, я не представлял, да и проверять не очень-то хотелось.

Осторожно изучив улицу через грязную витрину, я наконец-то выбрался наружу.

Непредвиденные встречи

Дверь супермаркета оказалась сорванной с петель и лежала чуть в стороне, прямо на проезжей части. А вот окна были целехоньки все, как одно. И вообще, чем больше я оглядывался по сторонам, тем больше странностей примечал: да уж, совсем не так я представлял свое пробуждение и мир будущего. Кстати, а какой сейчас год? И что вообще произошло за время моего «отсутствия»?

Прояснить ситуацию могла бы пресса или средства массовой информации, но ничего похожего на газетный киоск или плазменный информационный экран вокруг не было. Даже рекламных щитов, которые, казалось, давно уже стали неотъемлемой частью современного общества. Точнее, когда-то современного.

— Папа!

Этот мерзкий голосок я узнал бы даже из тысячи противных детских голосов. Его обладателем оказался невысокий мальчонка лет восьми, одетый в какое-то невообразимое тряпье. Он вышел из-за угла в сотне метров справа и поднял руку, указывая на меня.

— Папа, наша консерва уходит! Эй, стой...

Ага. Наивный малыш... Ваша консерва не уходит, а уже убегает с предельной для своего полубоморочного состояния скоростью!

Я рванул в противоположную от юного людоеда сторону, одновременно высматривая его папашу. Не хватало еще прямо на него наткнуться.

Мой забег закончился так же внезапно, как и начался, буквально через пару кварталов. Свернув за угол дома, я едва не ткнулся в спину странного типа, выраженного так, словно он только что сбежал с операционного стола. Или с обеденного.

Незнакомец был одет в просторную светлую пижаму и такие же штаны. Одежду эту покрывали пятна крови, а голову типа — старательно наложенные бинты.

— Гхм-гха, — кашлянул я, чтобы привлечь его внимание.

«Пациент» начал медленно поворачиваться ко мне, но лучше бы он этого не делал.

Как и предполагалось, все его лицо было старательно забинтовано, открытыми оставались лишь щелочки глаз и рот. Вокруг которого, кстати, алели пятна свежей крови. Ого! Или кому-то не повезло со стоматологом, или...

«Еда», — снова напомнил о своем присутствии внутренний голос.

...Или я наткнулся на еще одного члена развеселых любителей человеческих «консервов». Почему я так решил? Да потому что в правой руке эта пародия на мумию сжимала самую настоящую человеческую ногу.

— Да что ж это за день-то такой, а?

Каннибал вытянул в мою сторону указательный палец и угрожающе зарычал. Я отмахнулся от него рукой, в которой по-прежнему сжимал топор, и на асфальт упало несколько пальцев. Вопреки моим ожиданиям, урод никак не отреагировал на их потерю и медленно шагнул в мою сторону.

— Сюда, папочка! — раздалось за моей спиной.

— Ненавижу детей! — выдохнул я.

Пригнувшись, мне удалось проскользнуть под руками навязчивого «пациента», однако особого успеха этот маневр не возымел. Хотя бы потому, что из распахнувшейся двери соседнего дома медленно вышло еще несколько человек в аналогичных пижамах, и все они направились в мою сторону, перекрывая путь к отступлению.

Все происходящее начало напоминать бред опиумного параноика. Тихий безлюдный город,

обшарпанные стены и глухо урчащие завсегдатаи психиатрической лечебницы, шагающие в мою сторону, — все это никак не напоминало мне светлое будущее, обещанное представителями корпорации «Вечность».

— Эй, ты, пригнись! — раздался вдруг откуда-то голос, а следом за ним — звон разбиваемого стекла.

Я оглянулся, одновременно приседая как можно ниже. И тут же раздалась короткая очередь.

В своей жизни мне всего один раз доводилось слышать звуки выстрелов: когда вздумалось научиться стрелять и я приказал телохранителю отвезти меня на стрельбище. Помнится, тогда я ухитрился оглохнуть, вывихнуть плечо, обжечь пальцы и ранить инструктора по стрельбе. Больше меня туда не приглашали.

Тем не менее спутать эти звуки с чем-нибудь было затруднительно. И особенно когда первые два каннибала начали заваливаться назад под ударами пуль.

— Скорее, лезь ко мне! — снова раздался голос, сопровождаемый лязгом железа.

Я осмотрелся по сторонам. Со второго этажа дома по ту сторону дороги опускалась пожарная лестница, которую придерживал бородатый тип весьма неприятной наружности. По крайней мере я никогда не считал приятными людей, которые ходят в обносках, не моются неделями и вообще не следят за собой. Впрочем, люди в окровавленных пижамах мне нравились еще меньше, так что особого выбора не было.

Снова раздались выстрелы, и я, не разгибаясь, бросился к лестнице...

* * *

Через здание мы выбрались на другую улицу, и там, приказав сохранять тишину, мой спаситель повел меня... А бог его знает, куда он меня вел, да я особо и не интересовался. Нет, серьезно — любое место мне нравилось в десятки раз сильнее полного недоеденных трупов холодильника или улицы, кишачей выпускниками психушки, специализирующейся на проблемах каннибализма. Мой же проводник не был похож ни на людоеда, ни на психа. Обычный бездомный бродяга или житель трущоб, которых постоянно показывали по телевизору в утренних новостях.

Чем дальше мы продвигались по городу, тем больше меня охватывало беспокойство. Улицы были мертвы. Даже бродячих собак, которых хватало даже в мое время, не было видно, не говоря уже о людях. Правда, один раз мы заметили вдалеке чью-то фигуру, но мой проводник приказал не издавать ни звука, и мы свернули в другую сторону.

— Девяносто пятый, — хмуро прокомментировал бородач, словно это все объясняло, и мы продолжили путь.

Впрочем, идти пришлось недалеко: приподняв крышку люка (я знал, я знал!), мой неразговорчивый проводник жестом приказал мне спускаться. Ага, прямо с разбегу нырну! Я, между прочим, свою одежду не на помойке нашел! Ну и что, что она с трупов была снята? Пахнет и выглядит все равно лучше, чем у некоторых...

Я мотнул головой, отказываясь спускаться.

«Опасность!» — взвыл у меня в голове внутренний голос.

И тут они поперли отовсюду.

На первый взгляд это были обычные дворовые псы, ободранные и исхудавшие, а вот на второй... Третий раз на них смотреть мне сразу расхотелось. «Собачки» были не просто худые, а до торчащих сквозь разодранные бока ребер. И не столько ободраны, сколько освежеваны —

словно кто-то просто содрал с них кожу.

Псы атаквали молча, и от этого их нападение казалось еще страшнее.

— Урррод! — прошипел в мою сторону бородач и встретил собак очередью из маленького автомата, который он вытащил откуда-то из-под одежды.

«Еда!!!» — не унимался мой внутренний советчик, однозначно определяя нашу гастрономическую ценность для нападающих животных.

Вопреки ожиданиям, собаки не бросились врассыпную, заслышав выстрелы. Два зверя коротко взвизгнули и рухнули на асфальт, несколько раз перевернувшись от удара угодивших в них пуль. Остальные лишь немного сбавили скорость, за исключением одной, прыгнувшей в мою сторону...

Вот только она так и не долетела до моего горла, а повисла в воздухе, словно кто-то большой и великий нажал на кнопку стоп-кадра на своем пульте управления мирозданием. Нет-нет, я не верующий... По крайней мере не был до сих пор, однако повисший на расстоянии руки громадный ободранный пес с широко раскрытой пастью в этот момент убедил бы меня даже в существовании Санта-Клауса и его летающих оленей. Ну, или зависающих в воздухе собак.

— Хвала агенту, Фриз нас подстраховал! — с облегчением вздохнул бородач, а я оглянулся.

Все псы застыли на месте, словно статуи. Кто-то даже не успел поставить лапу на землю, одна из собак замерла во время прыжка прямо в воздухе, так же как и напавшая на меня. Даже капли слюны неподвижно висели в воздухе, так и не упав. Все это начинало походить на параноидальный бред. Или на сон! Вот оно! Ответ на все мои вопросы: где я, когда, что случилось, а также кто эти психи с окровавленными рожками? Оказывается, это просто плоды моего воображения, а я по-прежнему лежу в своем саркофаге, дожидаясь пробуждения.

— Эй ты, а ну быстро вниз, пока тридцатки в себя не пришли!

Сильная рука толкнула меня в плечо, роняя в бездну колодца...

* * *

Падая я совсем не долго и приземлился на бетонный пол, сильно ударившись. К счастью, никаких нечистот там не было. А вот острая боль в правом плече быстро убедила меня в реальности происходящего — во сне я бы и внимания не обратил на железный штырь, вонзившийся мне чуть повыше ключицы.

— Жив? — мой проводник спрыгнул следом и уже успел задвинуть за собой крышку люка.

Внизу было не так уж и темно: тусклое освещение обеспечивали широкие горизонтальные полосы, нанесенные каким-то флуоресцентным составом примерно на уровне моей головы. И на том спасибо.

«Жрать», — неуверенно заявил внутренний голос, но его заглушало бурчание в животе.

— За мной. Тихо, — проявив прямо-таки чудеса красноречия, бородач двинулся по туннелю. Мне ничего не оставалось, как пойти за ним.

Не знаю, сколько мы сделали шагов, сколько поворотов пропустили или сколько раз свернули. Много. Рана в плече беспокоила меня куда больше, чем то, куда и зачем мы идем. Не вверх же возвращаться, в самом деле. И когда я уже окончательно потерял счет времени, проводник вдруг замер перед ржавой железной дверью. Почему именно перед ней, мне было совершенно непонятно — с десятков точно таких же дверей нам уже встречались раньше.

— Десять. Шесть. Сорок пять. Четырнадцать, — негромко, но разборчиво заговорил незнакомец, обращаясь непонятно к кому.

В ушах у меня шумело, а уже привыкшие к полумраку глаза заслезились, и все вокруг

поплыло. Нет-нет, то было вовсе не последствие цифрового «заклинания» колдуна, просто голод, усталость и потеря крови дали о себе знать.

«Плохо», — сочувственно пробормотал внутренний голос.

— Ага, — смог лишь кивнуть я, прежде чем потерял сознание.

Последнее, что я видел, — огромные глаза на милой девчачьей мордашке, выглянувшей из распахнувшейся двери.

— Папа! Ты принес новую игрушку! — донесся до меня сквозь гул в ушах радостный голос.

Я уже говорил, что ненавижу детей?..

Апокалипсис вчера

Очнулся я, лежа на чем-то твердом. Вокруг были белоснежные стены, словно в больничной палате. Одежды на мне не было, и лишь грязная простыня отделяла меня от сурового внешнего мира. Хотя... А существовал ли на самом деле тот вымерший город, по которому бродили людоеды и освежеванные собачки?

Я осмотрел себя. Левое плечо было плотно перебинтовано, однако боли уже почти не ощущалось.

«Жрать!» — «поприветствовал» меня мой незримый собеседник.

Значит, все-таки существовал. И я по-прежнему находился в этом кошмаре.

— Как вы себя чувствуете? — раздался незнакомый голос.

Я оглянулся и только теперь заметил сидящего в углу человека. Он был похож на типичного доктора: полненький, немного лысоватый и с небольшими очками на носу. А еще на незнакомце был белый халат. То есть если не брать в расчет сальные и бурые пятна, покрывавшие его.

«Плохо!»

— Нормально, — в унисон отозвались мы. Кажется, я уже начал привыкать к этому голосу внутри своей головы. И задал вопрос, который мучил меня все это время:

«Еда?»

— Какой сейчас год?

* * *

Мужчина, назвавшийся доктором Рутгером, отвечать не стал. Вместо этого он пригласил меня в гостиную, где уже поджидали остальные жители убежища. Их было немного — около полутора десятков. Мужчины, женщины, двое детей и одна древняя старуха. Судя по ее поведению, она была слепа. Правая рука старухи лежала на плече девочки, которая что-то нашептывала бабуле на ухо. Наверное, описывала, что сейчас происходит.

— Итак, внимание! — доктор громко хлопнул в ладоши, и все присутствующие повернулись в нашу сторону. — Разрешите представить вам нашего нового гостя... — Он вопросительно уставился на меня.

— Айвен. Меня зовут Айвен Карго.

— Его подобрал Динамо возле третьего торгового, вырвал из лап семьдесят пятых.

— Пробу делал? — спокойно поинтересовался юноша лет двадцати с короткими усиками, сидевший в кресле-качалке с сигаретой в зубах.

— Н-нет...

— Тогда делай. А мы пока побеседуем с господином Айвеном... на расстоянии, — остановил он меня жестом. — Ближе — ни шагу.

— Но почему! Кстати, вы так и не ответили на мой вопрос.

Усатый бросил выразительный взгляд на доктора.

— Он спросил, какой сейчас год.

— Ого. Так, значит, ты из «консервов»?

— Что?

— Не обижайся... Так мы называем консервантов — тех, чьи тела лежат в холодильнике «Вечности». Точнее, так вас называет обосновавшаяся у холодильника семейка людоедов. В

каком году тебя заморозили?

— В две тысячи четырнадцатом...

— Значит, семьдесят четыре года назад. Ну что ж, добро пожаловать в будущее, господин Айвен! А пока любезный доктор Рутгер берет у вас пробу крови, я вам кратко расскажу, что интересного вы пропустили, изображая замороженный овощ.

— А зачем проба?

— Это вы узнаете из моего рассказа. Если кратко, то мы боимся, что вы можете представлять опасность для всех нас. Большую опасность.

— Ладно, я слушаю...

— Не волнуйтесь, больно не будет, — Рутгер улыбнулся и всадил мне в предплечье иглу толщиной с шило. Странно, но боли я действительно не почувствовал...

* * *

Пока доктор ковырялся во мне кривой иглой, имитируя вампира, юноша рассказал о событиях последних трех четвертей века.

Как оказалось, мои миллиарды не пошли на пользу «Вечности», а может даже и совсем наоборот. Непонятно с какого перепугу, корпорация вдруг увлеклась генетическими исследованиями. Их ученые нашли эффективный способ манипуляцией ДНК в условиях низких температур. В том числе и человеческим ДНК.

И началось... Сначала руководство «Вечности» пыталось осчастливить все человечество. Победа над раком, врожденная устойчивость к гепатиту, повышение умственной активности и прочие эксперименты неизменно заканчивались впечатляющими результатами, громкими заявлениями и приличными вливаниями бюджетных и частных средств. Они действительно хотели сделать человечество лучше!

Все манипуляции с ДНК производились с помощью вирусов-программ, называемых «агентами». Агенты внедрялись в плод на втором-третьем месяце беременности и... В перспективе корпорация «Вечность» могла создать расу сверхлюдей, проведя генетическую чистку и улучшение ДНК человека, но ожидаемому триумфу не суждено было состояться.

У корпорации нашлись очень серьезные и влиятельные враги, которые спланировали целую серию акций. В результате часть руководства «Вечности» угодила в тюрьму или пропала без вести (сбежали?), а сама организация вдруг оказалась банкротом. Более того — использование «агентов» на людях законодательно запретили во всех странах — членах ООН. В одночасье корпорация лишилась и денег и власти, а человечество — надежды на избавление от СПИДА, информационной лихорадки и прочих бичей двадцать первого века.

К тому времени «Вечность» почти не занималась заморозкой безнадежно больных или бегущих от суровой действительности богатеев — намного проще и выгоднее оказалось их лечить. Так что надеяться было не на что. И только тогда появились «кукловоды» — те, кто спланировал и воплотил в жизнь всю эту операцию против «Вечности».

В один прекрасный день в кабинет директора корпорации вошел человек в строгом черном костюме. А когда он оттуда вышел, «Вечность» уже не была частной коммерческой организацией, а стала частью оборонных исследовательских центров страны.

Корпорация занялась исследованиями и разработками в области новейших средств уничтожения. Генетическое оружие долгое время было лишь «страшилкой», но благодаря стараниям гениев «Вечности» превратилось в реальность.

Из генетических вирусов-целителей «агенты» стали оружием. И если для улучшения ДНК

«агент» внедрялся в плод в специальной лаборатории, то оружие нового поколения было похоже на обычный грипп. Оно передавалось по воздуху, через пищу или прикосновение и было способно изменить ДНК даже сформировавшегося организма: вызвать изменения в участках мозга, уничтожить естественный иммунитет или спровоцировать гормональный дисбаланс — в зависимости от того, на что был «запрограммирован» агент.

Гипноз, сыворотка правды, психотропное или биологическое оружие — все это было не то что прошлым — позапрошлым веком в сравнении с чудесами, на которые оказались способны агенты. Хотя бы потому, что не они, а именно ДНК-вирусы стали причиной апокалипсиса. Во время одного из террористических актов, которые в конце пятидесятых просто-таки захлестнули Америку, были взорваны хранилища «Вечности»... Шкатулка Пандоры оказалась открыта, и... Человечество оказалось обречено...

* * *

Сначала пришли болезни... Они просто уничтожали иммунитет или превращали человека в растение — полная дегградация нервной системы. Это было страшно, но, к счастью, недолго. А потом появились мутанты...

Как оказалось, часть «агентов» вполне успешно работала и с ДНК животных. Бродячие и домашние звери превращались в жутких монстров, одержимых бешенством и жаждой убийства. Мутанты не трогали пораженных тем же «агентом» и группировались друг с другом, создавая стаи.

Люди же превратились в монстров, словно вышедших с экранов голопроекторов (которые пришли на смену плазме в более поздние годы). Это была не просто война, а истребление человечества существами, утратившими разум и нормальный облик. Избежать жуткой участи удалось лишь изолированным поселениям и секретным военным объектам, но даже это была лишь отсрочка. Победить в подобной войне было невозможно.

— Да ты и сам их видел, — вмешался бородач, который привел меня сюда, — зомби, дворняги, контролеры...

— Контролеры?

— Тварь, которую мы встретили по дороге. Девяносто пятый «агент» способен контролировать чужой разум. Стоит ему лишь тебя заметить — и ты сам отправишься монстру в пасть, да еще и соусом обмажешься. Кстати, почти все они людоеды.

— Собственно, мы на все сто процентов уверены, что вы тоже заражены. Как-никак, морозильник находился под хранилищем «агентов». А вот чем именно — это мы и хотим выяснить, взяв анализ крови.

— То есть я тоже, — я сглотнул подступивший к горлу ком.

— Ну почему же... Существует вероятность около десяти процентов, что тебе достался не военный, а медицинский «агент». Например, прививка от рака.

— Откуда ты столько всего знаешь? — Этот напыщенный самодовольный мальчишка вызывал у меня непонятное раздражение. К тому же у меня снова скрутило желудок, что ничуть не улучшало настроения.

— Все очень просто. Я был там. Как раз когда все началось.

— Полсотни лет назад? Ты же еще совсем мальчишка! — шагнул я вперед, сжимая кулаки.

— Эй-эй, полегче, дядя...

Мне на плечо опустилась рука, принадлежавшая, судя по всему, Статуе Свободы. Даже кости захрустели. Я оглянулся. Позади стоял крепко сбитый мужчина, кожа которого была густо

усыпана мелкой сыпью.

— Нет, Грэг, все нормально, можешь его отпустить. Понимаете, господин Айвен, я ведь тоже подвергся действию «агента», как и все мы здесь. Разумеется, медицинского. Генетический модификатор с кодовым номером сорок пять подарил мне вечную молодость. Усиленная репликация и обновление клеточного материала.

— Круто! Настоящий бессмертный, — хмыкнул я.

— На самом деле — не очень. Ценою стала моя подвижность и особая диета. Клеточный материал ведь нужно откуда-то брать. Паралич нижних конечностей, шестнадцать инъекций в день и трехкратная потребность в свободном белке, такова цена моей молодости.

— Готово! — доктор вышел из соседней комнаты. — Я получил предварительный результат, и он отрицательный.

— Не понял. Разве такое возможно?

— Ни один известный «агент» в его крови пока что не подтвержден. Я отправил материал на более тщательный анализ, но результаты будут через пару часов, не раньше.

— Ну надо же! Или вы везунчик, или ваше замороженное мяско оказалось устойчиво к заразе. Но особо не обольщайтесь, ведь с каждой минутой риск заражения растет. И мы не можем посадить вам «агента»-доктора, так что возможен только один исход, и он неутешительный.

— А как же вы? Вы все?

— Часть из нас уже родились измененными. Некоторые попали в те самые десять процентов счастливицов, ну а остальных мы нашли в больничных палатах, где проводились эксперименты по замещению. Как видите — удачные, вот только ни специалистов, ни оборудования для повторного фокуса уже не осталось.

— И что теперь?

— Будем ждать... Только не вздумайте выкинуть какую-нибудь глупость. А когда мы выясним, какой именно «агент» в вас сидит, тогда и решим, что с вами делать.

— Отпустить или посадить под замок?

— Сжечь или расчленить.

Кажется, он был серьезен.

— Не волнуйтесь, это будет совсем не больно. Я сумею блокировать вашу боль, — почти по-отечески улыбнулся мне доктор Рутгер.

— Не подходи ко мне! Пусть никто ко мне не подходит, долбаные вы супермутанты!

— Только не надо волноваться, вам вредно волноваться! — забеспокоился доктор.

Щелкнул передергиваемый затвор. Силач направил на меня сдвоенный ствол какого-то диковинного оружия. Я не особо разбирался во всех этих штуках, но ничего подобного в мое время точно не существовало. Похоже, все, что мне оставалось, — это надеяться попасть в группу везунчиков. Шансы один к десяти.

«Жрать!»

— Ну тогда хотя бы поесть дайте, — вздохнул я и опустился в свободное кресло...

Ужин особой радости не доставил. Я машинально набивал брюхо, лишь мимоходом отметив, что еда будущего была суховатой и безвкусной. Запивал обычной водой, которая имела явный металлический привкус. Я съел двойную порцию, но почти не насытился. Удивительно, как мои негостеприимные хозяева ухитрились быть в сносной форме, на таком-то корме. Или просто не хотели переводить нормальную еду на потенциального покойника?

«Плохая еда», — пробурчал внутренний голос, и я вынужден был с ним согласиться.

— Эй, ты уже закончил? — голос бородача отвлек меня от размышлений.

— Да-да...

— Тогда давай в общий зал. Пришли результаты анализа.

Дверь открылась. Нет, меня не запирали в камере, а просто выделили небольшую комнатку, чтобы я мог спокойно поужинать и обдумать свое положение. Как я понял, убежище находилось в каких-то служебных помещениях коллектора. Все комнаты были крохотные и без единого оконца, да и куда тут бежать?

Снаружи меня уже ждали двое обитателей убежища, и оба были вооружены. Стволы орудий были направлены вниз, но взгляды красноречиво говорили: «Только выкинь что-нибудь». Все уже собрались в самой большой комнате. Повисшее в воздухе напряжение можно было подсоединять к аккумулятору. А вот толстячок-доктор выглядел... смущенным?

— Ну?

— Результат анализов, если можно так выразиться, отрицательный...

— Что? Это как? — подал голос вечный юноша.

— Совсем. Он чист.

— Значит, я еще не заразился? И если меня можно изолировать...

— Это может означать все, что угодно. «Агента» еще нельзя выявить, ты пока не опасен или твоя иммунная система поборола вирус... А может, в коллекции нашего доктора просто нет данных о твоём «агенте».

— То есть как это?

— Всего нам известно девяносто девять «агентов», — вмешался доктор. — Господин Хорус не упомянул еще одну возможность. Возможно, вы являетесь носителем сотого «агента», о котором нам доводилось слышать.

— Сотого? И что это значит для меня? Сожжение или четвертование? — вяло попытался отшутиться я.

— Спасение... — Хорусом оказался тот самый «вечный мальчик». — Дело в том, что человека может поразить только один ДНК-вирус. Вносимые им изменения необратимы, и они же защищают носителя от всех прочих «агентов».

— Но я все равно не понимаю...

— Последней разработкой «Вечности» был особый «агент»-защитник, который должен лишь не давать носителю подцепить другой вирус. А в перспективе — настроить иммунную систему носителя таким образом, чтобы его кровь можно было использовать как вакцину на ранних стадиях поражения любым «агентом».

— Понимаете? — руки доктора тряслись. — Если вы — сотый «агент», то вы наш шанс на спасение!

«Плохая еда. Голова болит».

— Ага. Кстати, а чем известен вот его «агент»? — я ткнул пальцем в своего спасителя.

— Мы прозвали его Динамо, потому что кожа мистера Салливана не проводит

электричество.

— А как связана проводимость с цветом глаз и волос?

Все уставились с недоумением сначала на меня, а потом на бородача.

— Эй, Карл... У тебя же... Была рыжая борода!

— Мммать, тревога! Тринадцатый «агент» в убежище! — истошно завопил кто-то.

Раздались выстрелы, крики — началась паника. Я резко присел, уходя с линии огня, и отполз в сторону, чтобы ненароком не угодить под кого-нибудь.

— Эй, Рик, осторожно, не подстрели меня вместо «хамелеона»! — раздался звонкий голос над моей головой.

Но я уже не обращал на него внимания, потому что увидел цель: в паре шагов от меня виднелась лестница, уходящая в люк на потолке. Конечно, надо было быть полным идиотом, чтобы сбежать из убежища обратно на улицы мертвого города, но что меня ждало здесь?

«Бежать. Плохая еда», — согласился со мною внутренний голос.

И я рванул вперед. Помню, как с кем-то столкнулся, кого-то ударил... Слышал свое имя позади, но все это было словно во сне. Добравшись до люка, рванул ручку: не заперто!

* * *

Я и не помнил, как выбрался наружу. Брел по тоннелям, вжимаясь в стену при каждом шорохе, карабкался по лестницам... Словно какое-то шестое чувство указывало мне путь. И вот очередной люк был сдвинут в сторону, и меня ослепило солнце. А потом я услышал шаги...

Их было много. Десятки и даже сотни зараженных брели по улице, неуверенно переставляя ноги. Одетые в лохмотья, зачастую перепачканные бурыми пятнами засохшей крови. Кажется, эти зомби по классификации доктора назывались «агентом семьдесят пять». И они были кругом меня. Это разносило по округе стоны и шарканье ног, и это были единственные звуки, которые я слышал.

«Идти», — решил дать совет мой незримый собеседник.

Решение я принял моментально. Выбрался наверх и, скорчив жуткую гримасу, способную напугать даже меня самого, побрел по улице, старательно подволакивая ногу и издавая максимально нечленораздельные звуки. Конечно, это было даже похлеще волка в овечьем стаде... Или даже наоборот — овцы в волчьей стае, учитывая гастрономические предпочтения мутантов. Тем не менее факир был трезв и фокус удался: никто не обращал на меня внимания!

Вскоре показалась цель этой толпы «ходячих мертвецов». Ею оказалась какая-то военная машина неизвестной мне конструкции. Башня ее была свернула набок, а из люка свисало человеческое тело в пятнистой форме. Под колесами лежало еще одно, и наверняка еще несколько было внутри. И все семьдесят пятые шли именно к ним, брели на запах свежей крови.

В пяти метрах правее я обнаружил кое-что, привлекавшее мое внимание: металлический блеск оружия. Оторванная рука сжимала что-то похожее на пистолет-пулемет, только с расширяющимся стволом и странным спиралевидным магазином. Оружие!

Немного изменив направление, я доковылял до находки и, сделав вид, что споткнулся, присел рядом. Протянул руку и поднял диковинное оружие. Оторванная кисть цепко держалась за рукоять.

«Опасно», — прокомментировал мой незримый собеседник.

— Ага. Этой штукой и убить можно.

«Еда».

— Пусть жрут несчастных вояк, им уже все равно ничем не помочь. Зато я теперь смогу

постоять за себя.

Я поднес пистолет поближе, чтобы прочитать маркировку.

«Хорошая еда», — снова повторил голос, и я вдруг почувствовал вкус свежей крови во рту.

Каким-то образом у меня во рту оказалась кисть бойца, чье оружие я решил присвоить. Она была еще теплой и источала приятный сладковатый запах.

«Вкусная еда!»

Мои зубы сами собой впились в человеческую плоть. Я почувствовал, как становится мягкой и податливой кожа там, где на нее попадала моя слюна. Да, эта еда действительно была лучше того, чем пытались меня накормить обитатели сортирного бункера. Настоящая еда! Сочная, с ярким приятным ароматом. Проглотив пару кусочков, я почувствовал, как насыщаюсь. Благодатное тепло начало разливаться по телу, а жизнь заиграла новыми красками. Казалось, у меня обостряются чувства, все вокруг становится... Объемнее? Ярче? Словно у него появилось новое измерение.

Закончив трапезу, я распрямился. Весь мир окрасился в необычные цвета, словно сейчас был не полдень, а закат. Я повернулся и, ухмыльнувшись, побрел в сторону броневика, расталкивая своих сородичей. Там было много хорошей еды...

Рядом со мною медленно брели сородичи. Они чувствовали то же самое, что и я. Это нас сближало. Даже с закрытыми глазами я мог сказать, сколько их вокруг и где.

И мы вместе шли к цели.

Да. Теперь у меня была цель. А в моей жизни появился смысл...

«Жраааать!!!»

Игорь Вардунас

Попутчик

Природа дышала осенью. Алые спицы заходящего солнца, огибая стволы деревьев, медленно скользили по мшистому лесному ковру, порождая замысловатые тени. В подступающей вечерней тишине не было слышно ни звука, ни писка. Даже карликовый рылосвин спрятавшись под пеньком, настороженно водил пятак, с подозрением прислушиваясь к чавканью глубоко увязающих в густом, болотистом мхе кирзачей. Ужин был безвозвратно испорчен — он отвлекся на звук, и пойманная было белка проворно сиганула обратно на дерево. Эх, вздуть бы гада! Но чужак был в несколько раз больше, непривычно пах, и поэтому голодный пупырчатый хищник теперь лишь воинственно раздувал ноздри и пучил глаз из укрытия, наблюдая, как одинокая фигурка, окруженная невесомым хороводом неторопливо облетающей листвы, то спотыкаясь, то увязая в трясине, торопливо продвигалась вперед.

Идти было трудно, но необходимость раздобыть лекарство для неожиданно свалившегося отца, оставшегося на мельнице, заставляла упрямо продвигаться вперед. Если он не поправится — не будет зерна. Не будет зерна — не будет денег. Не будет денег — они умрут.

Шаг, еще шаг...

Женя впервые пересекала Топь.

Тяжелый костюм сковывал движения, безразмерные отцовские сапоги, в которых нога болталась даже несмотря на четыре пары носков, то и дело грозились сдернуть чавкающая голодная трясина. Мотающийся на груди автомат больно тыкал по ребрам. Руки заняты: одна — длинной сучковатой палкой, которая то и дело совалась в мох, нащупывая путь, другая — корзинкой с грибами и мелкой самодельной снедью с их фермы — на продажу. Да плюс увесистый рюкзак за спиной, на лямке которого болтался компас — единственный ориентир в этих опасных и непривычных местах.

Рюкзак...

Пальцы вот уже, наверное, в сотый раз с опаской коснулись молчавшего дозиметра. И зачем согласилась? Ее извечная, дурацкая слабость всем помогать. При упоминании о недавней сделке девушку снова прошиб озноб, и она, зазевавшись, споткнулась о трухлявый пенек, чуть не ухнув носом в усыпанную поздней брусничкой кочку.

Дура! Только теперь-то чего уж... И к тому же деньги за «проезд» — им с отцом столько и за полгода не выручить.

Да и все равно по пути.

Страхнув вновь нахлынувшие сомнения, Женя поудобнее перехватила палку и, прислушавшись, снова оглянулась.

Все было тихо, только в отдалении воинственно хрюкнул оставленный без ужина рылосвин. Девушка никогда его не видела и внутренне порадовалась, что встреча со зверем так и не состоялась — патроны отец строго-настрого велел не расходовать понапрасну, а с засунутым в голенище сапога ножом она еще плохо обращалась.

Солнце почти закатилось, и казалось, что оставленный позади редкий лес был щедро облит красной каской. Цепочка наполненных водой следов, оставленная Женей, медленно исчезала — примятый лиловый мох упруго распрямлялся прямо на глазах, снова напитываясь влагой. Как и не шел никто.

Сверившись с компасом, девушка приободрилась. До плота у переправы на пути к Рынку она успевала затемно. Стянув респиратор, Женя с наслаждением вдохнула морозный вечерний

воздух и шагнула было вперед...

— А ведь говорил меня в брезент завернуть.

Хрипловатый голос, неожиданно раздавшийся из-за спины, заставил вздрогнуть. Женя почувствовала, как на лбу, мгновенно пропитав вязаную шапку, выступила испарина. С самого начала пути она боялась с НИМ заговорить.

— Зачем? — поборов страх, тихо спросила она.

— Они меня учуяли. Ховаться надо.

Девушка резко обернулась, загнанным зверьком озираясь в поиске чужаков. Лес позади нее по-прежнему был пуст.

Хотя...

Где-то в отдалении, пока что чуть ощутимо выделяясь на фоне тихого жужжания просыпающихся ночных насекомых, можно было различить монотонный звук мощного двигателя гусеничной самоходки. Той самой, которую она видела вчера в цирке, куда ее отпустил отец.

Погоня все-таки приближалась.

* * *

Когда пропажу заметили, началась сущая чехарда. Несущийся по коридору подсобки Карабасыч словно ураган сокрушал все на своем пути. Раздувающиеся на ветру брезентовые своды передвижного цирка-шапито то и дело оглашались нечленораздельными воплями и витиеватыми матюками, адресованными каждый по конкретному адресу.

Перепуганная клоунская челядь тщетно пыталась спрятаться кто куда, на бегу уворачиваясь от всевозможных летящих предметов, попадающих хозяину под руку. Брызжа голубоватыми фонтанами искр, то и дело хищно щелкала электроплеть. Стенали карлики, в клетках ворочались обеспокоенные мимы-зомби.

— Ротозеи! — зловеще рычал Карабасыч и тряс головой, отчего вплетённые в его всклокоченную бородищу пружинки, гайки и другие многочисленные регалии жалобно звенели. — Бестолочи, дармоеды, распустились совсем. Я вам покажу! Как теперь прикажете заканчивать представление?! Это же был гвоздь программы...

— Я давно говорил, что выступления пора менять, — цыкнул зубом меланхолично курящий в сторонке заяц-псевдоплоть. — От этого лоботряса все равно было мало проку.

— Вот-вот, давно пора! — Из стоящей рядом шляпы высунулся зализанный фокусник с тонкими усиками, который подобострастно посмотрел на хозяина и собирался добавить что-то еще, но кролик, не поворачиваясь, снова цыкнул, и человечек тут же исчез.

— А может, это ты его кокнул, а? — размахивая топором в левой руке и плетью в правой, ринулся к лопухому бородач. — Ты ведь давно на его место метишь?

— Очень надо, — заяц равнодушно выпустил клуб дыма, не моргнув даже после того, как мелькнувшее в воздухе лезвие значительно укоротило его длинные усы.

— Мы не успеем ничего поменять, представление сегодня вечером! — безумно вращая красными глазами и несясь дальше по коридору, Карабасыч огромным сапогом отшвырнул с дороги зазевавшегося карлика-раба. — Да и как? Это последнее шоу гастролей в этой дыре! И что я теперь предложу публике? Смердящую Твердь или Близнецов-кобылоносов? Они идут друг за другом почти весь второй акт... О-о-о, сделайте что-нибудь, убейте кого-нибудь!..

— Сир, — на пути начальника неожиданно (впрочем, как и всегда) вырос конференсье в розовом фраке, с невозмутимостью посмотрев на двухметровую тяжело дышащую тушу. — Тут

кое-кто видел его в компании некоей особы...

— ГДЕ?! — в недогнувшее лицо артиста ударил яростный поток слюны.

— У черного входа. Один из местных признал в ней дочку мельника. По его словам, она направлялась в сторону Рынка, что за Топью.

— Ага! От меня не уйдет, — Карабасыч стиснул щелкнувшую разрядом рукоять плети волосатым кулаком. — Решил кинуть... Меня! Да я собственными руками расщеплю его тушку в протонном активаторе. В погоню! Будите акробатов! Мимов на поводки — пусть берут след!

Припугнутая челядь с удвоенным рвением кинулась выполнять распоряжения хозяина.

— А что делать с местным, сир? — все так же невозмутимо поинтересовался конференсье у удаляющейся спины. — Он рассчитывает на вознаграждение...

— Отрубите ему голову! — заревел Карабасыч, выбегая на поляну перед полосатым шатром, где силачи с толкача заводили гусеничную самоходку. — Здесь цирк, а не торги!..

* * *

Почти стемнело. Женя торопилась, как могла, но от рычащего гусеничного монстра, першего напролом через болото, было непросто убежать. Между стволов, мерцая, словно глаза диковинного хищника, то и дело вспыхивали алые кругляки фар.

До переправы оставалось совсем чуть-чуть — впереди уже можно было различить деревянный настил причала и привязанную к нему лодчонку — как неожиданно звук мотора стих.

— Что случилось? — с надеждой спросила остановившаяся перевести дух Женя. — Они сломались?

— Шас, сломались... спустили мимов-зомби — те меня по запаху найдут. Карабасыч та еще садюга, — отозвался рюкзак. Девушка увидела, как от черного массива самоходки отделилось несколько гибких теней, которые, рассредоточившись, стали бесшумно двигаться к ней по веткам деревьев. — Прячься куда-нибудь!

— Куда?.. — растерянно пролепетала беглянка, вспомнив, что вытворяли на давешнем представлении те артисты — гибкие размалеванные зубастые твари в шапочках и черных трико. — Мы уже все прошли.

Ранее заболоченное пространство Топи было территорией военного полигона, но все бункеры и укрепления, способные сойти за укрытие, остались далеко позади — с той стороны, откуда теперь стремительно надвигались зловещие тени мимов. Впереди была только переправа.

— Тогда бегом, — прохрипела невидимая ноша. — Может, оторвемся еще. Да, и на автомат не надейся, эти гады все равно быстрее.

Перехватив палку, подстегиваемая страхом Женя из последних сил побежала вперед. Самое страшное в этой погоне было то, что настигавшие свою жертву преследователи не издавали ни единого звука — словно девушка одна неслась по ночному болоту.

Деревянный настил переправы был уже совсем близко, но и мимы не отставали.

— Я чую воду, — внезапно насторожились в рюкзаке. — Это переправа?

— Да... — с трудом выдохнула начавшая выдыхаться девушка.

— Отлично, плескаться они не умеют. Поднажми!

Женя с усилием подавила в себе желание сбросить ношу на землю — сидящий в рюкзаке уже порядочно достал ее советами. Но все-таки, достигнув берега, она с разбегу повалилась на дно лодки. Потом, несмотря на недовольное кряхтение в рюкзаке, на который она приземлилась

исключительно из вредности, выхватила из голенища сапога нож и принялась быстро перепиливать острым зазубренным лезвием натянутую веревку, соединяющую суденышко с причалом.

В этот момент на деревянный настил выскочил самый проворный и самый сильный мим. Одним мощным прыжком он оказался рядом с Женей, которая уже оттолкнула суденышко палкой от берега. Изловчившись, беглянка ухитрилась сунуть сапогом прямо в раззявленную зубастую пасть, а затем столкнуть оглушенного преследователя в черную воду реки. Его сородичи, достигнув берега, растерянно выпрямились у кромки воды, нащупывая перчатками невидимую преграду перед собой.

— Что там? Что происходит! — взволнованно возопила ноша девушки.

— Оторвались, — перевела дух Женя, с облегчением сбрасывая с плеч лямки рюкзака.

Но радость ее была не долгой — на берег, ревя мотором, вылетела самоходка, на крыше которой бесновался Карабасыч.

— Не уйдешь! — яростно потрясая электрической плетью, возопил он. — Акробаты, вперед!

Из грузового отсека механического чудища выгрузилась дюжина акробатов на ходулях, которые, ловко передвигая удлинёнными конечностями, устремились в воду, постепенно погружаясь. У Жени защемило сердце — беглецы были обречены.

Глаза Карабасыча безумно вращались, он уже предчувствовал сладкий вкус жестокой расправы. Но на его беду, в это время года на реке было сильное течение, и устремившихся за лодкой акробатов стало быстро сносить в сторону. Прислужники хозяина адского цирка беспомощно барахтались и молили о помощи, погружаясь в воду один за другим, и вскоре лодку окружали лишь красивые поплавки розовых цилиндров, медленно кружащихся на воде.

— Болваны, сооружайте настил! — жестоко щелкала плетью, подгоняющая карликов-рабов. Те, вооружившись бензопилами, стали быстро валить растущие на берегу деревья, которые с жалобным треском стали одно за другим падать поперек узкого русла реки.

— Не уйдем, — одними губами прошептала Женя.

— Что они делают? — беспокойно пошевелился рюкзак.

— Валят лес, хотят перебраться на другой берег, там поля... — девушка едва не плакала. — Они нас догонят!

Под траками самоходки жалобно заныло дерево, и механический монстр ринулся по пригнанным друг к другу стволам на другой берег. Женя остервенело налегала на весло в последней попытке оторваться от адской колесницы. Ах, если бы спутник в рюкзаке мог грести!..

Неожиданно за ее спиной послышался жуткий треск, мат и писклявые вопли карликов-рабов. Обернувшись, Женя увидела, как самоходка, соскочив с одного из бревен, заваливается набок и из люка в крыше вываливается Карабасыч.

— Ротозеи! Да я вас всех... бульк... — последнее, что успел выкрикнуть циркач, прежде чем соприкоснувшаяся с водой электроплеть озарила ночной лес яркими сполохами смертельного фейерверка.

Самоходка камнем пошла на дно, погребая под собой дрыгающуюся под ударами электричества трупку. Заяц-псевдоплоть тщетно пытался втиснуться в шляпу, в которой сидел фокусник, но был оттуда предательски вытолкнут своим тщетно цеплявшимся за жизнь подчинённым. Через мгновение на поверхности показалась лишь парочка скупых пузырьков — все, что осталось от знаменитого Цирка и его трупки.

Ярмарка не спала ни днем, ни ночью. Подсвеченная тысячами огоньков, источающая мириады запахов — приятных и не очень — огромная территория, уставленная лотками со всевозможным товаром, круглосуточно кишела разношерстной публикой, на все голоса и наречия старающейся повыгоднее всучить зазевавшимся простакам свой товар.

Оказавшись среди деловито галдящего люда, Женя вздохнула с облегчением, почувствовав себя увереннее — Карабасыч и хищная, безлюдная Топь наконец-то остались позади.

— Мы на рынке, что дальше, — попутно выискивая необходимые медикаменты для отца, украдкой поинтересовалась у рюкзака пробирающаяся между прилавков девушка. — Мне задерживаться долго нельзя, только лекарства куплю — и назад.

— Людно здесь. Найди местечко потемнее, там и рассчитаемся.

К удивлению путешественницы, поиски не заняли много времени. Каждый из обитателей и посетителей ярмарки был занят только процессом купли-продажи. Да оно и понятно в это время года — скоро зима, пора делать запасы.

Укрывшись в темном углу между двумя заброшенными лотками и положив рюкзак на землю, Женя, снова поборов внутреннее волнение, стала торопливо его расшнуровывать. Осознание того, что неожиданный попутчик вот-вот оставит ее в покое, вселяло в девушку чувство облегчения.

— Все, — закончив возиться с веревками, она выпрямилась и отступила на шаг. — Можешь выходить.

— Наконец-то, а то пахнет тут у тебя, — рюкзак пошевелился, и к ногам Жени с тихим шорохом выкатилась... крупная мужская голова.

— Деньги давай, — как и при первой встрече, невольно попятившись, девушка сглотнула подступивший к горлу ком.

— Под шапкой, — безволосая мужицкая рожа оскалилась щербатым ртом и приглашающе пошевелила растопыренными ушами.

Поборов отвращение, Женя опустилась на корточки и стянула с головы попутчика вязаную шапочку, в которой оказалась маленькая трубочка свернутых разноцветных бумажек.

— Ну-ка, еще раз пересчитай, — пока девушка быстро шелестела заработанными деньгами, голова внимательно следила за процессом. — Хватит тебе?

— Мы с папой столько не заработаем и за целый сезон! — воскликнула Женя.

— Добро. Топь, без тебя я бы стопудняк не прошел, ушами в трясине грести — тот еще геморрой, а тут-то я следы будь здоров замету. Ладно... Ну, вот и разошлись пути-дорожки, красна девица. Спасибо, что перенесла. Поклонился, если б мог...

Голова было заржала хриплым прокуренным басом, но быстро осеклась.

— Почему тебе не сиделось в цирке? — расовав бумажки по карманам комбинезона, Женя закинула на плечи рюкзак. — Там еда и кров, деньги опять же.

— А на что их тратить-то? — цыкнула вставным зубом голова. — Теперь вот сгодятся — хоть мир посмотрю. А Карабасыча и его свиту знаешь куда я слал? Во! Задолбали они меня. Как выстрелят, каждый раз раскалывался весь.

— Понимаю, — Женя топталась на месте, теребя лямку рюкзака и не зная, что бы еще сказать. — Ну, теперь все в порядке.

— Угу. Звать-то тебя как?

— Женя.

— А меня Колобком кличут, — голова шмыгнула носом. — Ладно, бывай, Женя. Может,

свидимся еще.

— Может, — хотя внутренне девушка изо всех сил желала обратного.

Некоторое время она стояла и смотрела, как Колобок катится, ловко лавируя между ногами снующих туда-сюда покупателей. Неожиданно он на мгновение остановился, выматерился на что-то, лежавшее на земле, смачно плюнул и покатился дальше.

Подойдя к тому месту, Женя увидела втоптаный в траву яркий плакат, изображавший огромную пушку, из которой прямо на нее вылетал Колобок в жутковатом клоунском гриме. Заголовок гласил: «Цирк Карабасыча представляет! Лучшее шоу Северной страны. Заяц-псевдоплоть, мимы-зомби, акробаты, и многие другие! Гвоздь программы — невероятный летающий Колобок, больше известный как Человек-Голова! Спешите...»

Девушка огляделась, выискивая среди множества снующих ног Колобка, но его уже и след простыл. Перехватив лямку рюкзака, Женя тоже смешалась с толпой — лекарства она еще не купила, а на мельнице ждал отец.

«Кстати, — подумалось ей по пути к лотку с мигающим красным крестом, — из опустевшего теперь шатра шапито получился бы отличный амбар...»

Виктор Глумов

«Я думаю не как все», или поучительная история об интеллектуальном превосходстве

*Мы вчера играли в стадо
И рычать нам было надо...*

А. Барто

Быдло. Отара овец. Хомячки офисные, безмозглые.

Через реку от меня, на площади, под холодным декабрьским небом колыхались знамена. Там выкрикивали лозунги, там многотысячная толпа внимала поводам.

Тадеуш положил руку на плечо:

— Владимир, пойдешь?

Тадеуш говорил не о митинге. Я не знаю, откуда пришел Тадеуш, не знаю, где он живет. За свои услуги он берет не так чтобы дорого, и его легко найти в Сети, достаточно поспрашивать на форумах и в группах — уходили многие. Говорят, некоторые вернулись. Тадеушу нужно мое устное согласие, подтверждение условий. Мамина заначка уже перекочевала в его карман — ничего, хоронить меня не придется, платить за институт теперь не надо, и ртов, опять же, дома меньше — мама быстро организует новую.

— Пойду, — в третий раз ответил я.

И добавил, не дожидаясь вопросов:

— В тот вариант, где восстанавливают погибшую цивилизацию и где ценят мозги.

— Смотри вперед.

На плечи мне легли обе руки Тадеуша. Я слегка напрягся: со стороны могут подумать, что мы с ним — парочка. Тадеуш, он выглядит похоже — волосики, пальто, шарфик... Послушно уставился вперед. Рюкзак я снял, он стоял у моих ног, я за лямку его придерживал. И смотрел вперед. На придонный планктон. С меня хватит. Сейчас я окажусь там, где человек свободен, где нет политиканов и дебилятора, где каждый — сам за себя и никто не указывает тебе, как жить!

— Удачи! — шепнул Тадеуш на ухо.

Мир кувыркнулся, мне показалось, что я лечу в холодную мутную воду. Рюкзак оттянул руку, будто набережная ушла из-под ног.

Меня замутило, я зажмурился, а когда открыл глаза, тяжело осел на землю. Я был уже там.

* * *

Ой, мама, вот это ряха! Зрение возвращалось медленно, и лучше бы оно погодило, лучше бы милосердная тьма окутывала меня, как раньше.

— Паря? Эй, паря, ты чё?

Щербатый, вонючий, по самые брови заросший черной курчавой бородой, абориген склонился надо мной. И тряс, зараза такая, за плечо. Я вцепился в рюкзак — не отберешь! Пожалел, что нож там, внутри, под вещами закопан.

— Эй, паря? Ты чё, из этих? Тамышей, значит?

Было тепло. Перебивая вонь аборигена, пахла раздавленная трава. Солнце припекало нос, и я уже вспотел под курткой. Чернобородый поковырялся в носу, задумчиво вытер палец о мой рукав. Пошмыгал. Агрессии он не проявлял, и я слегка расслабился.

— Из каких «тамышей»?

Абориген шлепнулся на зад напротив меня. Содержимое носа интересовало его больше расспросов.

— Лады, — удовлетворившись раскопками, буркнул чернобородый. — Чё в котомке? Еду не возьму. Лубки есть?

Я крепче обнял рюкзак. Над нами заливался жаворонок или еще какая-то одуревшая весенняя птица. Лубки? Это что он в виду имеет, чернобородый? Палочки для перевязок, что ли?

— Лубки, — повторил абориген. — Гаврилой меня кличут. Лубки с картинками похабными, значит. — Он шумно почесался в паху. — С бабами голыми. Есть? Возьму. И на место тебя отведу, тамыш.

Одет чернобородый Гаврила был в какую-то рванину, на ногах — кирзачи, древние, растрескавшиеся.

— Нетути, значит, — подытожил Гаврила горестно. — А машинЭрия есть? Э, да ты совсем тамыш. Небось, только по литике разумеешь? Не бла-ародные мы, по литике не можем. Чего лупаешь, неразумный? Эх, дитё совсем. Ни лубков у него, ни машинЭрии... Ладно, мудрецы вознаградят. Пошкандыбали, что ли?

— Пошли, — согласился я. — А куда? К мудрецам?

— К им, к им, значит, — обрадовался Гаврила. — Звать-то тебя как, паря?

— Владимир, — представился я, поднимаясь.

Лексика Гаврилы меня порядком обескуражила. Ничего подобного я Тадеушу не заказывал. То есть я вообще не обрисовывал вариацию, одну из миллиардов доступных нам. Я желал свободы, постапокалипсиса, восстановления разрушенного. И чтобы ценили умных. Чтобы ценили меня.

Я ожидал увидеть развалины Кремля, ведь попал сюда с Болотного острова, но ничего, похожего на Москву, не было вокруг. Сельский пейзаж: луга, перелески, деревенька вдалеке — темные срубы. Коровы пасутся. Я присмотрелся и крепко моргнул. Коровы, ага. Винторогие коровы с мощными когтистыми лапами.

— Склиссы, — проследив за моим взглядом, вздохнул Гаврила. — Мудрецы глаголят, летать должны. Не летают, значит, людей только жрут почем зря, если не приручить. Дикий склисс — он, паря, страшней волколака.

Завершив, таким образом, краткий экскурс в фауну постапокалипсиса, Гаврила поднялся и, поманив меня за собой, поплелся вперед, к срубам. Только сейчас я заметил, что иду не по дикому лугу — по полю. С опушки ближайшего леса за нами наблюдали аборигены — мужчины и женщины, на вид — крестьяне крестьянами. Это на сколько же от БП меня забросило? И как узнать? Гаврила меня, похоже, понимает плохо, а каким эвфемизмом здесь обозначают БП, я не в курсе. И вообще, про такую ситуацию в руководствах не сказано.

— Слушай, Гаврила. А расскажи, как вы здесь живете?

Чернобородый обернулся, посмотрел на меня, поскреб грудь и сделал жующее движение челюстью.

— Хорошо живем, значит. Барей мудрецы свергли — лет семь уже как. Так хорошо и зажили. Ни оброка, ни десятины, каждый — сам себе хозяин, значит. Община у нас, паря, крепкая. Торгуем, значит, на ярмарке. В град-столицу ездим каждые две седмицы. Староста наш

— справный дед, с мозгой. Хорошо живем. Тамошей много — мудрецы то особым благословением считают, угодным Принцессе.

Принцессе? Это что еще за сказка? Ну, спасибо тебе, Тадеуш, ну, угодил, шельмец, паршивец, сукин сын. Мамины деньги... Черт, и дороги назад нет. Жить мне среди вонючих крестьян, доить этих... склиссов, оборонять общину от волколаков и хорошо хоть, не тигрокрысов.

— Что за принцесса? — спросил я.

Чернобородый быстро осенил себя кругом — с таким рвением, какое и не снилось нашим попам. Потупился.

— Пойдем, паря, пойдем. Лошадь возьмем, телегу, да и отвезу тебя к мудрецам. В град-столицу, значит. Тама все и расскажут. А Принцесса — прекрасней и мудрей ее свет не знал. Истину говорю.

* * *

В попутчики нам с Гаврилой набился рыжий и рябой от веснушек парень лет пятнадцати. Любознательный до настырности, он клянчил у меня «одежку тамошнюю» (пришлось запасную рубашку отдать), засыпал вопросами (правда, ответы слушать не стал). Звали стихийное бедствие Женьком, приходился он Гавриле племянником и больше всего любил поболтать.

Под его нескончаемые рассказы мы тряслись в телеге. Грунтовая дорога, сплошная пастораль со всех сторон: преувеличенно яркое небо с барашками облаков, вьющаяся над полем хищная птица (я оценил размах крыльев и забеспокоился, а Женёк на всякий случай достал из-за пазухи пращу), березки, дубы и сосны, люди, трудящиеся, люди, бредущие в город, повозки, попадающиеся навстречу. Один раз мы остановились, пропуская всадника в алом плаще и островерхом шлеме. Всадник припал к гриве огромного вороного льва, к седлу которого был приторочен АК. Гаврила потупился, и Женёк пихнул меня, чтобы я склонился, а не пялился на благородного.

Наша кляча, хвала всем высшим силам, от обычной ничем не отличалась. Мне только ездовых пантер не хватало.

Поездка получилась длинная и в целом скучная. В полдень остановились в роще, под деревьями, пообедали хлебом, творогом да квасом. Гаврила вздремнул полчаса.

Скрашивала кажущееся бесконечным путешествие только болтовня Женька.

— А краше и мудрей Принцессы нет! Я сам не видел, но знаю. Мудрецы к ее речам прислушиваются, с литики на внятную речь толмачат, народ за собой ведут. Барей упразднили, попов выгнали, благородных на службу поставили, охранять простой люд, вести развозить и свет просвещения нести! Принцесса так и завещала: ум — всему голова, ищите и обряцете мудрость. Я в град-столицу по осени поеду Вунивер поступать. Жаждет света душа.

Я уже разделся до футболки, и в жарком мареве полудня меня разморило. Болтовня Женька сливалась с гудением пчел, телегу потряхивало, кляча пахла лошадьё, Гаврила смердил мужиком, и где-то вдалеке раздавалась народная песня, печальная и тягучая. Я прислушался и с удивлением разобрал слова:

Белая стрекоза любви,
Стрекоза в пути,
Белая стрекоза любви,
Стрекоза лети!

Наверное, не всем еще принесли загадочные мудрецы свет разума. А быдло — оно всегда, при любом режиме остается быдлом. Но голоса женщин, тонкие и пронзительные, были столь прекрасны, что скоро слова потеряли для меня значение. Лежа на спине, глядя в небо, я слушал их и думал, что, пожалуй, смогу прижиться в этом мире.

* * *

Кремль показался из-за поворота, и только тогда до меня дошло: эти холмы, покрытые лесами, застроенные избами, погребли под собой развалины Москвы. Даже центр не уцелел, ни следа не осталось, только Спасская башня торчала над «град-столицей», покосившаяся, обветшавшая, но вполне узнаваемая. К ней, обнесенной частоколом, вела разбитая дорога, брели люди, скрипели тяжело груженные телеги.

К башне лепились со всех сторон деревянные хоромы, терема и крытые галереи. Мост через Москва-реку охраняли стражники на ездовых львах, одетые, как встреченный утром, в алые плащи и островерхие шлемы. Женёк слез с телеги, извинился и улизнул в сторону «Вунивера», как он объяснил.

Я занял место на облучке рядом с Гаврилой. Чернобородый, не переставая, чесался, вздыхал, скорбно указывал взглядом на очередь в Кремль.

— На всякого мудреца довольно простых, — наконец изрек Гаврила. — Значит, успеть бы до заката.

Когда от «таможни», как я окрестил привратников, нас отделяла скрипучая телега, я рассмотрел изображение на воротах: странная голова на ножках, с коленями врасстырку. Колобок не колобок, солнце не солнце... Короче говоря, покровитель города нынче — какая-то головоногая хрень.

Наконец с крестьянином, что перед нами, разобрались, и наша телега чуть продвинулась вперед. Стражники — усатые, грязные, заросшие до самых бровей, вперились в Гаврилу алчными глазенками. Я вспомнил украинских таможенников и приготовился к бою.

— Куды вас всех несеть-то? — проскрипел тот, что пониже, пшеничноволосый. — По какому такому делу в город?

— Чаво везем? — пробасил чернявый, поскреб под шапкой. — Злая трава, картины да запрещенные до ввоза письма имеются?

Гаврила пред лицами, наделенными властью, сгорбился, задыхался часто, нервно.

— Нету, я тамыша везу, — проговорил Гаврила с чувством, стянул шапку. — Как есть, везу! Дабы предстал он пред ясны очи Принцессы, значит.

Охранники переглянулись, черноусый казался недовольным. Пожевав губами, он указал на меня:

— Этот?

Гаврила закивал:

— Как есть, этот. Он, голубчик.

Изучив меня, черноусый стражник гаркнул:

— Пронька, растуды тебя в пупок, чтоб ты перекочевряжило! Пронька! — тотчас рядом с ним материализовался невысокий парнишка и получил подзатыльник. — Не в падлу, препроводи к Ее Святости тамыша. А ты, смерд, тута будь. Коли правду глаголишь, будет дадено тебе три деньга в натуре, а нам — спасителя. Да поможет нам святой Паукан, — он

осенил себя кругом, глядя на хрень, изображенную на воротах.

Пронька поправил съехавшую набок шапку, оглядел меня с ног до головы, разинул рот и махнул рукой:

— За мной вали. Тамыш — это славно будет. Уже годного тамыша не было зиму как. А Ее Святости нужны умные, да-а-а... Главным советчиком будешь, — говорил он на ходу. — Это ж праздник-то какой для нас для всех! А ты, по гляделкам вижу, умен будешь! Ох, чует сердце, умен! У нас умных мало, беда просто.

Под ногами мелькали кирпичи брусчатки, кое-где засыпанные землей. Я вертел головой, не веря глазам: дома — местами каменные, местами — кособокие, но не выше двух этажей, на крышах — резные флюгеры, белье хлопает на ветру. Чистота, красота, как на картинках к датским сказкам. А вот и дворники в оранжевых кафтанах — я аж икнул — два то ли узбека, то ли таджика, только совсем мелкие, мне по пояс. Естественный отбор, однако! Скребут метлами по брусчатке, косят черными глазами.

Свернули в проулок — узкий, едва телега проедет. Под стенами домов из дикого камня тянулись желоба.

Над головой со стуком отворились ставни — Пронька схватил меня за руку, потянул в сторону, и в желоб недалеко от места, где мы только что стояли, сисястая бабень в цветастом переднике вылила ведро помоев. Тотчас откуда-то образовалось круглое мохнатое существо на паучьих лапках и с чавканьем набросилось на нечистоты.

— Дертохав! — прокомментировал Пронька. — Его наши мудрецы придумали. Вот на то ты им и нужен — подсоблять.

Я ухмыльнулся и мысленно окрестил тетку, вылившую помои, «подсоблятью». Кстати, через пару секунд с тихим хрюканьем набежали другие грязееды и приступили к пожиранию.

А что, экологически чистая система. Наверное, тут есть генная инженерия — просто после катастрофы цивилизация пошла по другому пути развития.

Проулок уходил в перспективу, открывая узкий выход на улицу, где плотным строем двигались люди. Когда мы подошли поближе, я разглядел белые полотнища и предположил, что это шествие наподобие религиозного. Люди то замирали, то срывались с места, и в их голосах, слившихся в монотонный вой, сквозила вселенская скорбь:

— О-о-о... Мо-о-о-о, — долетали до моих ушей обрывки их песни.

Наверное, они в трансе, медитируют, потому и двигаются так странно. Пронька сплюнул, свернул в проулок и зашагал в сторону, противоположную шествию. Видимо, и здесь прогрессивно мыслящие граждане относятся к фанатикам с пренебрежением.

— Принцесса, она, — заговорил Пронька, остановившись, и лицо его преобразилось. — Она как цветок на снегу. Представительница древнейшего рода. Когда-то они с нами воевали, и мы едва друг друга нах не извели, но потом поняли, что лучше жить в мире. А раньше... э-эх, раньше только наши правила, беда была. Воровство набрыдло, ведь народ не быдло! — Последнюю фразу он проскандировал и добавил: — А тебя нам прям Паукан послал! Идем, недолго осталось.

Конечным пунктом маршрута оказался белый дом. Точнее, стена — идеально гладкая, без окон, с единственной дверью, напоминающей ворота. При входе, закрыв глаза, бдили четверо оркоподобных стражника с лицами, замотанными черными банданами.

Не размыкая век, они обнюхали меня и издали глухое ворчание. Аж не по себе стало. Жертвы, блин, генной инженерии!

За вторыми воротами были нормальные люди. Посмотрели на меня как-то странно, переглянулись и поклонились. Я снисходительно кивнул. Привыкайте, плебеи, к новому господину!

Когда ворота захлопнулись, я долго щурился: огромный зал освещался двумя факелами, и рассмотреть его удалось лишь частично: кривые стены, на них — почерневшие картины и закопченные подсвечники. Никакой отполированной бронзы, доспехов и голов поверженных оленей. Просто, я бы даже сказал, скудно, половицы так скрипят, что ступать на них страшно. Пронька резко остановился, наступил мне на ногу и даже не подумал извиниться, за что получил подзатыльник.

— Смотри, куда прешь, образина!

Привыкший к такому обращению смерд даже не обернулся, взлохматил волосы, побрел дальше. Я зашагал следом. По деревянной лестнице, готовой провалиться, поднялись на второй этаж. Пронька постучал в массивную дверь:

— О Дзуликий, можно?

— Входи, на!

Пронька вцепился в огромную отполированную ручку и, отклячив зад, потянул ее на себя. Яркий свет резанул по глазам — я невольно сделал руки козырьком, но все, что успел разглядеть, — силуэт напротив окна.

— Тамьш! — сказал Пронька гордо.

— Молодец, — проговорил хозяин кабинета. — Можешь идти, а ты — присаживайся.

Я нащупал кресло, плюхнулся и потер веки. Ясно дело, что в кабинете мог заседать разве что таинственный мудрец, но из-за яркого солнца, бьющего в глаза, я так и не смог его разглядеть. Наконец удалось различить детали: потертые кресла, стулья с облезшей позолотой, шкафы, заваленные книгами, свитками, листами. Книги громоздятся вдоль стен, занимают стулья, разбросаны на огромном столе, за которым восседает невысокий человечек лет пятидесяти, темноволосый, курносый, с пухлыми губками и ручками. Черные, чуть лупатые глаза смотрят весело и снисходительно, по стене развешаны странные деревянные лопаточки разных размеров.

— Зовут как? — поинтересовался он.

За книжными завалами зашелестело, и на стол, щелкая клешнями, вылез камчатский краб с человеческой головой — узколицый, лысый, со злыми близко посаженными глазками. Полукраб занял золоченый трончик, скрестил лапки.

Я потерял дар речи.

— Что зенками лупаешь? — проворчал краб. — Имя говори, потом будет тест и посвящение. Если повезет и не врешь.

— Вла-вла-димир, — представился я и добавил: — Николаевич.

Воцарилось молчание. Краб злобно уставился на человека, прищелкнул клешнями, поднялись и остатки волос на голове. Сразу стало ясно, кто тут главный.

— И что тупим? Вот, придет полнолуние, займу я твое место...

— Какая первая паланета от солнца? — пискнул напуганный человек.

Я опять онемел. Где подвох? Ну, не могут мудрецы задавать такие тупые вопросы! Ладно бы, минеральный состав Меркурия, или скорость вращения вокруг своей оси, или расстояние от солнца до Меркурия.

— Вишь? Тупит! — краб указал на меня когтем.

— Меркурий, — ответил я настороженно.

Краб подпрыгнул и растопырился в полете, закружил на месте и, расплываясь в улыбке, вскарабкался мне на шею, прижался к виску, пояснив:

— Ай да Вла-вла-дим! Умный. Ты не пугайся, я мыслю слушать буду...

Тест я прошел на «отлично». Крабочеловек ликовал. Тотчас объявили пир на весь мир в честь меня. Вот, это мне уже нравится. А то эти два придурка начали изрядно действовать на

нервы. Гнать таких надо! Ничего, подвину их со временем.

После пира меня, слегка захмелевшего, отвели в покои — просторную комнату с огромным окном, за которым мигали огромные, не по-московски яркие звезды. Я разделся и нагишом упал на постель. Белье было чистым, перины — мягкими, обстановка — роскошной. Я наслаждался жизнью, представляя себя правителем во главе этого нехитрого мира, смотрел на портрет Принцессы — огромный, во всю стену — и грезил о ней. Она ведь красавица! Действительно — цветок, лилия или лотос: снежно-белые волосы, лицо скрыто вуалью, но и под ней видны изящные черты, подвеска украшает изящную шею и спускается на грудь. Тонкую талию перехватывает атласный пояс. Она стоит вполоборота и смотрит, манит, манит...

Во сне меня ей представили, а потом она куда-то исчезла, я искал ее, но она все время исчезала. Скверный, тревожный сон!

А потом меня разбудили. Я разлепил веки и увидел не Ее лицо, а одутловатого серокожего мужика.

— Вставайте, барин. Извольте сауну принять, Ее Святость ждет!

Сердце трепыхнулось — ждет!!! Вот так чудо! Просто какая-то магия! Неужели я влюбился в человека, которого никогда не видел? А что — обстановка вполне располагает, да и по местным меркам я для нее самая подходящая партия.

«Принять сауну» оказалось искупаться в тазу. Одутловатый молчал и тер спину, а потом протянул золоченый жилет и белые брюки. Удивительно, но они пришлись впору. В отполированном бронзовом щите я увидел свое отражение и присвистнул: настоящий барон. Да какой барон — истинный лорд!

К сожалению, вместе с ненавистной цивилизацией загнулась и корпорация «Gillette», и пришлось воспользоваться приспособлением, похожим на опасную бритву. С непривычки я порезался и вверил себя заботам одутловатого.

И вот я, свежий и выбритый, можно сказать, благоухающий, шагнул в зал, на этот раз хорошо освещенный. Зал взорвался овациями, и я, в сопровождении двух стражников в красных кафтанах, прошествовал сквозь человеческое море, которое расступалось передо мной, как перед Моисеем. Кровь пульсировала в висках, заглушая крики радости.

Скоро!

Сейчас!

Я замер перед двустворчатыми дверями, стражник, что справа, отпер их огромным ключом, заскрипели петли.

— О-о-о, м-о-о-о, — доносилось с улицы.

Все это — для меня! Всегда знал, что лучше быть на вершине такого мира, чем составляющей протоплазмы нашего. Я, конечно, не протоплазма, но незаметен на общем фоне серости и интеллектуальной убогости.

Потянуло сыростью и тленом. Совсем дом запустили, нужно будет заняться этим вопросом в ближайшее время! А то дело ли — в покоях принцессы, и такой запах!

Ну да, еще бы — и тут мрачно. Я шагнул к высокому трону, где угадывалась фигурка в белом. Да она, на самом деле, хрупка. Цветок. Лилия.

Еще шаг, поклониться... Блин, как тут правильно кланяться-то? Согнусь пополам... пола касаться не буду. А пылищи-то! Куда слуги смотрят?!

Ближе, ближе. Теперь следует стать на одно колено и поцеловать ее руку. Но как, когда трон — на некоем подобие пьедестала. Значит, склоню голову. Вот так. Наверное, смотрится галантно.

Выждав время, я набрался смелости и посмотрел на принцессу.

Она неподвижно сидела в кресле, закатив глаза так, что на меня уставились слепые бельма.

Спутанные волосы свисали вдоль впалых, сероватых щек. Губы потрескались.

Крылья тонкого носа шевельнулись, и принцесса повернула голову в мою сторону. Руки, лежавшие на подлокотниках трона, напряглись, и звякнули цепи, которыми сковали Принцессу.

Обнажив неровные, почерневшие зубы, Принцесса улыбнулась.

Я непочтительно вскочил и попятился к двери. Нашупал ручку за спиной, нажал — заперто. Еще раз нажал — заперто! Ничего. Она же привязана. Я развернулся и принялся колотить в дверь:

— Выпустите! Выпустите меня!

Молчание было мне ответом. Сзади снова звякнули цепи, похолодев, я посмотрел назад. Вытянув руки (обрывки цепей звенели, свисая с запястий), шаркая ногами, раскачиваясь на ходу, последняя из древнего рода, лучшая из лучших, спасительница мира, единственная защитница интеллекта брела ко мне.

— Выпустите! Выпустите! Помогите! Уроды! Люди! Пожалуйста! — я вопил, и голос мой срывался на недостойный скулеж.

Я больше не оборачивался, чтобы не видеть *это*. Сейчас дверь распахнется и тупые уроды подхватят теряющего силы меня, отгонят чудовище, сейчас...

— Не кипеши, умник! — крикнули в ответ из коридора. — Ты лучше молись. И гордись! Ты всем пригодился!

На плечи мои, повторяя жест Тадеуша, с которого все началось, легли тяжелые холодные руки принцессы.

— Мозги! — прохрипела она. — Мозги-и!

— О-о-о... Мо-о-озг! — донеслось с улицы.

Олег Дивов

Стрельба по тарелкам

Рано утром Будкин, Шапа и Варыхан отцепили от мотоблока пушку, развернули ее к цели, уперли сошники в рыхлую сырую землю. Будкин открыл затвор, присел перед ним, раскорячась неловко. Зажмурил левый глаз и, глядя в канал ствола, начал командовать:

— Шапа, лево чутка. Теперь выше. Много взял, ниже давай. Стоп! Ну, попалась, родимая. Точняк под башню, мужики. Уж со ста шагов не промажем.

Летающая тарелка сидела посреди картофельного поля, утонув в нем посадочными опорами по самое брюхо.

* * *

Пушку Будкин еще в том году купил у городских, сорокапятку, за самогона ведро. Без прицела, без колес, зато дали снарядов три ящика — бронебойные, осколочные, картечь, особо картечь советовали.

— На кабана, — сказали, — лучше нету. Засядешь в поле, свиньи эти как выйдут картошку жрать, а ты хрясь, и все стадо — готовые шашлыки.

Будкин к картечным снарядам отнесся не по-крестьянски, бесхозяйственно, заглянул в ящик, да и говорит:

— Какие-то гнилые они. Сами с такой картечью на шашлыки ходите. Вон у вас собаки дикие на пустыре, хрясь — и того. Ящик возьму, пригодится, а колбасу эту синюю на фиг.

Пушку Будкин поставил в дровяной сарай и там всю зиму с ней вечерами при коптилке возился, ржавчину обдирал. Жена сначала ругалась, потом рукой махнула — пускай сбрендил мужик, зато не пьет, зимой-то самое оно запить. А Будкин по весне орудие заново покрасил, колеса наладил от телеги, стала не пушка, загляденье. Маленькая, аккуратная, под колесами чуток подкопай, она на лафет садится — и не видать ее.

А врезать может — клочья полетят, у Будкина прадед как раз с сорокапяткой полвойны прошел, в истребительном противотанковом полку. Черная эмблема на рукаве, двойной оклад, и кто после трех боев жив остался, тот везунчик, а кто год провоевал без царапины, того, не иначе, сам Господь в темечко чмокнул. Бывало, ночью прадеда накроет, он сядет на кровати и давай с закрытыми глазами орать на всю избу — за Родину, за Сталина, прямой наводкой бронебойным по фашистской сволочи, господабогадушмать!

Будкин так и отвечал, когда соседи его подкалывали насчет орудия — это в память о любимом прадедушке. И вообще, авось пригодится, на селе всякое бывает, сами знаете, прямой наводкой бронебойным никогда не лишнее.

Вот под самую осень и пригодилось.

Тарелка сверзилась в поле вечером, прочертила небо горячей пламенной струей, да хлопбысь на пузо. Как рассвело, мужики сбегали, поглядели — и к Будкину. Сказали, лежит там закопченная такая, потрескивает тихо, а чего в ней внутри — не разбери-поймешь, вроде кто-то ходит и железом гремит. Чинится небось. Вот бы ему пушку твою предъявить, чтобы разговор по понятиям сложился. А то он починится и улетит, а картошку-то потравил, гадюка, основательно, как раз ее через пару недель копать.

Да не вопрос, Будкин говорит.

Тут соседи пришли. Слева Леха Шаповалов, сам поперек себя шире и морда страхолюдная, но глаза добрые, мухи не обидит, если та его не укусит, а тогда уж держись, избу раскатает, пока муху догонит. Справа Стас Варыханов, егоза мелкая, вороватая, зато руки откуда надо, и вообще продуманный до делов мужичок. Нынче оба смурные, трезвые и при ружьях, значит, готовые на все. Сами пришли, главное, и не звал их никто.

— А вот и расчет орудийный! — Будкин обрадовался.

Жена как слово «расчет» услышала, сразу в слезы, насилиу успокоил ее. Сказал, да чего ты, ну попугаем дурака, не будет он против сорокапятки выдрючиваться, она же танк пробивает... Если повезет, конечно. Жена от этого «повезет» — реветь пуще прежнего. Будкин рукой махнул только, и в сарай.

Орудие — на буксир к мотоблоку. Будкин в седло взгромоздился, Шапа с Варыханом в прицеп на ящики улеглись — и потелепали со скоростью пешехода, кутаясь в телогрейки по утреннему холодку, провожаемые суровыми улыбками мужиков, детскими радостными визгами да бабским всхлипываньем.

Через полчаса на исходную позицию, к полю картофельному приклепали, как раз совсем рассвело.

Шапа глянул на тарелку и говорит:

— Блин, с самых петухов на ногах, а еще не похмелился.

Это он так дал понять, что неуютно ему малость.

И действительно, вот блюдо железное с башенкой, разлеглось посреди картошки, а ты тут с голым задом практически — как прадедушка супротив фашиста. Сорокапятка, она, конечно, сила, но и блюдо уж больно железное, да и фиг знает, чего там за бластер-шмайсер в башне и какой космический фашист за тем шмайсером притаился, сквозь прицел тебя оценивает.

— А у нас с собой было... — как бы вспомнил Варыхан, и руку за пазуху.

Но Будкин панические настроения мигом пресек.

— В бою пьяному сразу гибель. Не время сейчас, мужики.

И смело направил мотоблок с края поля в борозду. Подкатил к тарелке шагов на сто, заглушил мотор.

— Расчет! Орудие к бою!

Будто всегда командовал.

А куда ему, он и в армию-то не успел, да никто из его ровесников не успел, ни Шапа, ни Варыхан, не было уже армии.

Ни фига уже не было, какая на фиг армия, когда на всей планете деньги кончились.

То есть деньги и сейчас как бы есть, но их как бы нет, захочешь денег, зайди к Будкину в сортир, где стены в три слоя бумажками по сто долларов оклеены, папаня это покойный дурака валял. Оторви себе купюру и как хочешь, так используй.

Да не в деньгах счастье и не в них дело. И без денег нормально устроились — наши землю пашут, городские железо варят, чечены бензин самогонят, хачики на рынке торгуют, доктор травки целебные собирает, поп детишек крестит, вроде живы, не помрем.

Но когда такое счастье с неба валится, сразу думаешь: надо было выменять у городских не пушку, а танк, у них вроде есть лишний, ведер за пять самогона отдали бы. Хотя танк, зараза, солярки немерено жрет, пахать на нем невыгодно, да и неудобно, и чего он стоять будет, ржаветь.

Ладно, мы уж как-нибудь с Божьей помощью.

— Разворачивай! — скомандовал Будкин.

...Точно под башню навели, не может быть промаха. Варыхан ушел к мотоблоку, пошуровал в прицепе, достал из ящика снаряд, ветошью обтер от смазки тщательно и на позицию принес. Снаряд бронебойный, длинный, хищный, похож на громадный винтовочный патрон, Варыхан стоит рядом с пушкой, смертоносную болванку на руках держит, будто младенца. Еще и мурлычет себе под нос.

— На поле танки гро-хо-та-а-ли...

— Ты это и сыну поешь? — спросил Шапа.

— А то, — сказал Варыхан, на тарелку глядя и баюкая снаряд. — Вместо колыбельной в самый раз. Жёнка ему пела «Хочу такого, как Путин», прикинь. Ты чего, говорю, творишь, чему ребенка учишь, педиком вырастет...

— А так, думаешь, танкистом, хе-хе...

— Механиком станет. В город его отдам в учение, вернется, будет у нас молодой механик, чем плохо...

— Кончай базар, мужики, — сказал Будкин строго. — Мы тут вроде по делу. Пора вступать в переговоры.

— И как? — спросил Шапа простодушно.

— А как городские с чеченами, когда бензин подорожал.

— А-а...

Городские тогда с чеченами в момент договорились. Бах, трах, и готово дело. Правда, самих чеченов с тех пор никто не видел, бензин у них азеры перекупают и в город возят. Но, главное, по старой цене.

— Варыхан, дай сюда эту... Вещь.

Варыхан нехотя отдал снаряд, видать, понравился ему.

— Точно бронебойный? — спросил Будкин, придиричливо оглядывая красивую остроносую штуковину. — Вроде да. Ну, с Богом!

Звонко клацнул затвор.

— Ну... — начал было Будкин.

Летающая тарелка отчетливо чавкнула.

Расчет дружно упал на колени и спрятался за щитком орудия.

Тарелка чавкнула снова, потом тихо зашипела. Будкин осторожно выглянул в смотровую щель.

— О-па... — сказал он. — Кажись, сработало.

В боковине тарелки открылся люк, и оттуда торчала какая-то синяя морда.

— Делать вам нечего?! — крикнула морда на незнакомом языке. — Взяли бы да помогли тогда!.. Эй! Гуманоиды! Чего молчим?! Сюда идите, разговор есть!

— Ты его понял? — спросил Будкин громким шепотом. — Он же вроде не по-нашему...

— Он прямо в башку говорит, — Варыхан постукал себя пальцем по лбу. — Ловко придумано, скажи по планетам да базлай со всеми... Мужики, давай его поймаем — и на базар! Чтоб перевел, о чем там хачи бур-бур-бур. Цены собьем!

Будкин встал из-за щитка во весь рост и гордо расправил плечи.

— Сам сюда иди! Ты нам картошку испортил! Все поле расфигачил, а жрать мы чего будем теперь?!

— Несчастный! — взвыла синяя морда. — Какая картошка, какое поле?! Если я через час не стартую, за мной такие прилетят, вообще тут все расфигачат! Деревню сожгут!

— Торгуется, — сказал Варыхан уверенно.

Но Будкин уже шел по полю к тарелке.

Вблизи тарелка оказалась не страшная, просто обгорелая железяка, под слоем копоти серая в синеву, и как бы теплая привычным уютным теплом нагретого механизма, вроде тракторного дизеля. Будкин и сам теперь не понимал, чего так опасался тарелки со ста шагов. Ну, летательный аппарат. У нас тоже были летательные аппараты. Некоторые и сейчас в городе на аэродроме стоят. Они бы и полетели наверное, да не умеет уже никто на них, а пробовать боязно, мало ли, куда свалишься, ладно в картошку, а то и в навозную яму загреметь можно.

Синяя морда спряталась в люке, потом высунулась снова, а за ней и весь пилот вылез, кутаясь в бурую драную попону. Росточком он оказался Будкину едва по плечо, зато башка тыквой, и пальцев немерено на каждой руке, штук по восемь. А физиономия почти человеческая, ну вот как у Шапы наутро после литра самогонки, если не опохмелить. Жаба с пережору, она и есть жаба.

— Хрю, — буркнул синий.

— Хрю, — кивнул Будкин.

— Ты не понял, это имя. Оно не такое, конечно. Но если подогнать под твой язык, будет Хрю.

— А-а... Будкин Василий Степаныч. Можно просто Будкин, я привык.

— Здравствуй, Будкин. Мне очень неприятно и очень стыдно, но я не нарочно тут упал. За мной гонятся. Меня подбили. Сейчас они меня потеряли временно, но скоро опять найдут. И в твоих интересах, чтобы я улетел как можно скорее. Потому что мои враги это такие негодяи, каких ты и не видел.

— Ну, знаешь... — начал Будкин.

— Да, знаю, — перебил Хрю. — Считается, что главные негодяи здесь вы, русские. Что вы страшнее всех и вас надо бояться. Но я заявляю ответственно: мои враги — еще страшнее. Они просто чудовищные негодяи. Помоги, чтобы я улетел быстро, и они вас не тронут.

Будкин критически оглядел синего Хрю, зябко кутающегося в свою дерюгу, надвинул кепку на нос и почесал в затылке. Подошли Шапа и Варыхан. От обоих слегка пахло самогоном. Хрю бросил на них косой взгляд и заметно съежился.

— Откуда ты, чудо? — спросил Будкин снисходительно.

— Ну... Как бы тебе... Типа, с Сириуса. Подданный Его Величества Императора... — тут Хрю сбился. — К сожалению, прекрасное имя Его на ваш язык не переводится. Нет у вас понятий, чтобы передать такую красоту. В дерьме живете, вот и нету, простите за откровенность.

— Ой-ёй-ёй! — Шапа усмехнулся криво.

— Да брось, он ведь правду говорит, — вступился за синего Варыхан. — Натурально в дерьме живем, как жуки навозные. А ты сам-то кто, сизая морда?

— Курьер по особым поручениям Его Величества, — Хрю приосанился.

— Государев человек, значит... — протянул Будкин. — А те, что за тобой... Они другому царю служат?

— Какому царю, откуда у них царь? — Хрю отмахнулся восьмипалой рукой. — Демократы они, говоря по-вашему.

Слово «демократы» вызвало понятный ответ: Варыхан с Шапой переглянулись и недобро оскалились, а Будкин воинственно поправил на голове кепку.

— Демократы все свои богатства пустили на зарплаты лентяям да пособия дуракам, теперь без штанов сидят и нам завидуют, — добавил Хрю горестно. — А у нас всего много, потому что мы работающие. Хорошие товары производим и торгуем ими. А демократы говорят, торговать

нечестно, раз у нас много, а у них пусто, надо бесплатно делиться. И вообще мы по-ихнему дураки, потому что у нас империя. И, типа, мы все делаем неправильно, значит, надо нас раскулачить. Нормальные заявочки, да? У вас тут похожая история была, как я понимаю.

— Чем подсобить-то можем? — спросил Будкин почти ласково.

— Да ничем особенным. Мне просто рук не хватает, помощник нужен. Там поддержать надо, подвинуть кое-что... Я покажу. Давай со мной, Будкин, ты здоровый, то, что надо. За час управимся — только вы меня и видели.

Будкин оглянулся на мужиков — те молча кивнули, — и полез в тарелку. Тут же ойкнул, стукнувшись внутри головой. Синий забрался в люк за ним следом. Сразу там опять загрохотало. Послышались неясные голоса.

Шапа с Варыханом вернулись к пушке, присели на станины, свернули по козьей ножке из старой желтой газеты, задымили.

— Живут же люди... — протянул Шапа мечтательно, выпуская дым колечком.

— Не говори, — поддержал Варыхан. — Империя! Империя это, брат... Это звучит гордо! А с другой стороны, и у них демократы гадят.

— Да, у нас хотя бы демократов нет уже.

— Осталось царя выбрать!

Посмеялись немного.

— Ну его, — решил Шапа. — обойдемся. От царя тоже, знаешь, неприятностей...

Он задумался. Варыхан терпеливо ждал — Шапа был не из болтливых, когда трезвый.

— Если царя заведем, — сказал наконец Шапа, — следом демократы сами собой заведутся, я вот о чем. Решат царя скинуть — и все по новой. Сколько можно на грабли наступать?

— Точняк! — поддержал Варыхан. — Мне поп говорил, империя штука хорошая, но обязательно разваливается, потому что рано или поздно наступает бардак. А доктор говорил, демократия хорошая штука, но там всегда бардак, и она тоже разваливается. Ну их всех к лешему. У городских, вон, голова выборный есть, и то не знают, как избавиться, сами жалеют, что придумали такую обузу себе на шею. То ли дело мы, все решаем сходом. Чего они так не могут?

— Так городские, — объяснил Шапа.

Из тарелки доносился приглушенный лязг.

— Надо было мне идти, — сказал Варыхан, плюнул в ладонь и погасил об нее окурок. — У Будкина наглости не хватит что-нибудь полезное от тарелки отвинтить.

— Вороватости не хватит, — поправил Шапа.

— Не без этого, — легко согласился Варыхан. — Но у своих-то не тащу, заметь.

— Еще бы ты у своих тащил... Ё-моё!

В небе раздался тяжелый гул, потом засвистело, заскрежетало, и вдруг как-то резко, будто прибитая, крайполя рухнула да встала еще одна тарелка. Хлоп!

Варыхан и Шапа от неожиданности оба упали со станин в разные стороны. Но тут же вскочили и, не сговариваясь, бросились разворачивать пушку.

Вторая тарелка оказалась чистого серебряного цвета, сильно больше, и с башенкой не куполом, как у Хрю, а наподобие ведра. Ствол пушки был закупорен снарядами, поэтому Шапа навел орудие приблизительно в центр корпуса. Пушка стояла аккуратно между двумя звездными кораблями. Расстрелять синего Хрю, не задев землян, новоприбывшие не смогли бы.

— Только рыпнитесь, демократы хреновы, — пообещал Шапа сбивающимся шепотом, приседая за щитком.

— Ты хоть знаешь, за что дергать? — таким же шепотом спросил Варыхан.

— Догадаюсь. Тащи-ка из прицепа ящик со снарядами. И ружья прихвати.

Варыхан, согнувшись в три погибели, метнулся за боеприпасами и личным оружием. От тарелки Хрю к пушке бежал, тоже пригибаясь, Будкин.

— Не успели... — выдохнул он, оттирая Шапу в сторону. — Ладно, авось придумаем чего...

Демократическая тарелка чавкнула, очень похоже на имперскую тарелку, в ее боку открылся проем, выдвинулся наружу пандус. По нему, забавно семеня, выбежал кто-то маленький, в серебристом комбинезоне, с большой зеленой головой.

— Эй, вы, местные, мля! — крикнул он на непонятном языке. — Какого хрена?!

— Большого и толстого! — отозвался Будкин. — Не дергаться, иначе открываю огонь!

— Какой огонь, делать вам нечего, мля?! Мы за этим педиком по всей Вселенной гоняемся — и нате, хрен в томате!

— Знаем мы, чего вы за ним гоняетесь! — заверил Будкин.

— Ну и какого хрена защищаете его тогда? Может, вы сами педики?!

Будкин озадаченно поглядел на Шапу. Тот пожал плечами.

Приполз, весь в земле, Варыхан с ящиком и ружьями.

— Фигня какая-то получается, — заметил он снизу. — Я за педиков не подписывался.

Будкин высунулся из-за щитка и махнул зеленому.

— Сюда иди!

Зеленый, то и дело спотыкаясь, заторопился по борозде к орудию. Пару раз он едва не упал, и только отчаянными взмахами коротеньких ручек удерживался на ногах. Вблизи он оказался заметно мельче Хрю, а морда — с огромными глазами, крошечным ротиком и без ноздрей.

— Охренели вы в чужие разборки лезть... — сообщил зеленый уже более миролюбиво. Его мучила одышка после бега по полю, и он по-свойски, не спросив, присел на снарядный ящик.

— А ты кто, чудо? — спросил Будкин с угрожающей ласковостью.

— Я сотрудник Галактической Безопасности, — ответил зеленый горько. — По-вашему — майор КГБ.

Земляне дружно вылупили глаза.

— Мое социалистическое отечество, — продолжал зеленый, — борется за освобождение народов, стенающих под игом Императора!

— Ишь ты... — только и сказал Будкин.

— Идет холодная война, борьба на истощение. Из стратегической необходимости мы вынуждены поддерживать с Императором торговлю, продавать ему ресурсы, в которых он остро нуждается, покупать в ответ дурацкие имперские шмотки и модные новинки техники для идиотов... Но это все ширма, товарищи, для отвода глаз, вы должны понимать. Просто мы хотим одержать победу и освободить братские народы мирным путем. Пока еще мирным...

— А этот?.. — Будкин обалдело ткнул большим пальцем себе за спину.

— А этот гад — шпион! — взвился зеленый. — Дипломат, видите ли! Понимаете, товарищи, мы, социалисты, неподкупны. Ведь деньги, взятые у врага, надо потратить, а КГБ сразу заметит, если у тебя стало чего-то больше, чем у других. Поэтому купить наши государственные тайны невозможно. Но этот педик исхитрился по-другому! Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, он вошел в контакт с нашими педиками и создал из них шпионскую сеть! Ему удалось похитить уникальный образец и сбежать с ним! Сейчас на борту его корабля спрятан главный секрет моей социалистической родины!

От этой тирады зеленый, видимо, устал, потому что поник и умолк.

— А чё он спёр-то? — заинтересовался Варыхан.

Зеленый медленно поднял голову и глянул на Варыхана огромным печальным глазом.

— Ну... — протянул он. — Вы, товарищи, извините, в таком дерьме живете... Почему бы и

не рассказать. Хотя узнаете, чего можно достичь при социализме. Имперский шпион украл образец новейшего источника энергии. Почти вечный двигатель. Представьте, малюсенькая капсула, вот с мой кулак, и два контакта торчат, плюс и минус. Капсула добывает энергию из пятого измерения. Одна штука сможет обеспечить даровым электричеством... Не знаю, у вас тут просто нет таких потребителей. Ее хватит, чтобы по всем вашим жалким деревушкам лампочки развесить, и по всем городишкам, и еще останется, чтобы все поля распахать — и это навсегда, понимаете? Капсуле сносу нет, мы сами не знаем, сколько тысячелетий она проработает...

— Офигеть! — честно признался Будкин. — Как вы это придумали?

— Достижения социализма, — скромно объяснил зеленый. — У нас все равны и счастливо трудятся на общее благо. При социализме, товарищи, и не такое можно. Хотим — реки вспять поворачиваем, хотим — в пустыне еду выращиваем. Потому что все заодно!

— Сила... — оценил Будкин.

— Да-а... — согласился с достижениями социализма Шапа.

— Это как мы тут вместе картошку на продажу растим, — прикинул Варыхан. — Тоже ведь заодно.

— Давайте-давайте, — одобрил зеленый. — Начинайте с малого. Потом сами догадаетесь орудия труда общими сделать, поля, скотину, мастерские и заводы... У богатых все отнимете, раздадите бедным...

Мужики настороженно переглянулись.

— Эх! — воскликнул зеленый. — Сколько прекрасных свершений вам предстоит, аж завидно. А мы Императору козью морду устроим — и заживем!

— А чем вам Император мешает? — осторожно поинтересовался Варыхан.

— Говорю же, народы империи не свободны. Там люди трудятся не ради общего блага, а ради денег. Это неправильно.

— У нас денег нет, — заметил Будкин. — Кончились однажды, да и хрен с ними, так обходимся.

— Первый шаг на пути к социализму! — похвалил зеленый. — Двигайтесь в этом направлении, и все будет отлично. А мы сейчас заберем у шпиона образец... Это исторический день, товарищи! Наконец-то можно будет забыть о позорной холодной войне. Сделав по образцу хотя бы сотню таких капсул, мы превратим наш звездный флот в непобедимую армаду и порвем войска Императора в клочья! Принесем свободу его несчастным подданным, сделаем их равными, подарим им радость освобожденного труда! Вот какую драгоценность украл этот педик! А вы его защищаете...

— И чего ты хочешь? — спросил Будкин сухо.

— Просто не мешайте нам. Мы арестуем шпиона и улетим. И никогда больше вас не потревожим. Ну, разве лет через пятьсот, когда вы дорастете до социализма — тогда мы вам поможем его построить.

— Скотина, значит, общая... — протянул Будкин. — У богатых все отнять и раздать бедным...

— Социализм — это торжество справедливости, — сказал зеленый проникновенно. — У нас все делится на всех, никто не может быть богаче других. Полное равенство, у всех одинаковая зарплата и никто не останется голодным. Здорово, правда?

— Офигенно, — кивнул Будкин. — Я это так понимаю: у вас полдеревни самогонку хлещет, а остальные полдеревни за двоих вкалывают? Был у нас такой социализм, проходили.

Зеленый ошалело захлопал своими глазищами. Видимо, оказался не готов к ответу.

— Давай ближе к делу, майор. Чего вы нам дадите, если мы не станем вмешиваться?

Зеленый очень по-человечески почесал в затылке.

— Видите ли, мужики... — сказал он после короткого раздумья. — Я бы вам, конечно, подбросил чего-нибудь. Но со мной еще два майора КГБ, и они этого не поймут. Мы поддерживаем только миры победившего социализма. А у вас тут, считайте, первобытно-общинный строй. Можем как договориться... Вы ведь здесь самые страшные, отважные и непобедимые, да? Значит, вы сейчас быстренько образуете социалистическую партию, она захватит планету и провозгласит на ней власть рабочих и крестьян...

— Погоди-погоди, — перебил Будкин. — У нас с тех пор, как деньги кончились, и так вся планета — сплошь рабочие да крестьяне. Торговцы еще, они товары перевозят туда-сюда. Ну и мастера есть, конечно. Это такие люди, кто лучше всех свое дело знает — у кого свечной заводик, у кого мельница там, пекарня...

— Торговать может только государство, — терпеливо объяснил зеленый. — И заводики, мельницы, пекарни должны быть государственными. Государство устанавливает план, сколько произвести товаров, сколько вырастить еды, сколько чего и кому продать.

— Ах, значит, план... Государство... Это мне городские указывать будут, как я пахать и сеять должен?

— А ты думал? Зачем еще устанавливать власть рабочих и крестьян? Чтобы создать рабоче-крестьянское государство! И вести плановое хозяйство! Без плана ничего не получится. Ох, ну и дикий же вы народ...

— Знаешь, что, майор КГБ... — произнес Будкин медленно. — А лети-ка ты, чувак, подбру-поздорову на фиг. Все отсюда летите.

— Без шпиона не могу, — отрезал зеленый.

— Можешь, — заверил его Будкин. — И ты, и шпион твой ненаглядный, вы всё можете. В особенности — лететь отсюда. На фиг!

С этими словами он шагнул было к зеленому, но тут в небе зажужжало, загрохотало, взревело, и на другой край поля, разметав во все стороны землю с картофельными клубнями, хлопнулась еще одна тарелка.

Хитрый Варыхан и так уже лежал, Шапа с Будкиным тоже упали, спасаясь от летящей над головой картошки.

Новая тарелка размером превосходила обе предыдущих. Крашена была пополам в черный и белый цвета, и с башней грибком.

С этого-то грибка и сорвался вдруг огненный луч, да как шарахнул в сторону пушки — вжж-бах! Перед орудием взметнулся столб земли, опять полетела по небу картошка.

Шапу и Варыхана уговаривать не пришлось, они на четвереньках скакнули к станинам и проворно развернули сорокапятку на врага. Будкин почти не глядя потянулся, дернул спуск, пушка оглушительно жажнула. Именно жажнула, другого слова не подберешь. А потом раздалось громкое «бамс!», словно молотком в кастрюлю.

Варыхан прыгнул к ящику, а там уже зеленый майор КГБ как-то умудрился поставить на попа новый снаряд, подпер его хилым плечиком и теперь сноровисто обтирал ветошью.

Будкин, глядя в ствол, орал Шапе, куда наводить.

Черно-белая тарелка выстрелила снова, теперь с перелетом. Луч прошел над щитком орудия, угодил на дальнем краю поля в разваленный амбар без крыши и окончательно разметал его.

— В вилку берут, гады! Варыхан, снаряд! Выстрел!

Ж-жах! Хрясь! То ли повезло, то ли на таком расстоянии и не могло не повезти, но вторая болванка въехала черно-белой тарелке точнехонько по башне-грибку. Раздался такой звон, что больно стало даже ушам, заложенным от стрельбы... И все стихло.

Новый снаряд зарядить не успели — в борту тарелки открылась дверца, из нее выскочили двое и завизжали на непонятном языке:

— Да вы чё — с ума посходили?! Да вы ваще!!! В натуре!!!

— Сами вы с ума посходили! — рывкнул Будкин в ответ.

— Да они и есть психи, — подсказал зеленый майор. — Либералы, чего ты хочешь.

— Цыц! — приказал Будкин. — Эй, вы, двое! Идите сюда оба! Иначе стреляю!

— Не надо! Идем уже, идем, только не стреляй!

Две фигурки вприпрыжку поскакали к пушке.

— А кто такие либералы? — спросил Варыхан у майора.

— Психи, — объяснил тот.

— Без тебя догадались, — сказал Будкин, вставая из-за щитка. На всякий случай он подобрал с земли ружье, отряхнул его и взял наперевес.

Подбежавшие к пушке инопланетяне смахивали на зеленого майора, но выглядели при этом страннее странного. Оба в черно-белых комбинезонах, только у одного морда как снег и наполовину замазанная черным, а у другого угольная, и тоже на полфизиономии пятно белой краски.

— Ага, и ты здесь, коммуняка, — сказал черный майору. — Сейчас мы с этими разберемся, и тебе устроим дружбу народов в полный рост.

— Пошел в задницу, чурка, — отозвался майор с достоинством. — Вчера с дерева слез, а понтов-то, понтов...

Черный кинулся было на майора с кулаками, но Шапа ухватил его за шиворот и одним движением поставил на место.

Майор гордо приосанился.

Белый тем временем наседавал на Будкина, снизу вверх, но так нахраписто, будто ростом вышел.

— Ты нам линзу разбил! — орал он. — Вывел из строя лазер! Мы на тебя подадим в Галактический Трибунал за порчу имущества! У нас знаешь, какие адвокаты?! Всю твою драную планету засудят!

Будкин, хоть и при ружье, невольно сделал шаг назад. И тут в разговор вступил Шапа. Недолго думая, он взял да заехал белому легонько в лоб. Со лба посыпалась краска, белый ойкнул и сел. Шапа повернулся к черному.

— Я все понял, брат, — поспешно сказал тот. — Никаких проблем, брат.

— Ты кого братом назвал, чурбан нерусский?.. — осведомился Шапа, заноса кулак.

— Нет-нет-нет! — протараторил черный и на всякий случай тоже сел.

Варыхан оглядел собравшуюся вокруг пушки компанию, бросил взгляд на тарелку, где благоразумно прятался Хрю, и заключил:

— Прямо как в городе, полный интернационал. Кого хочешь, того бей. Ну, кого первого будем?..

— Так нечестно, вы сильнее! — заявил белый, держась обеими руками за голову.

— Мы не сильнее, это вы сильнее, вон у вас какая техника. Просто мы не боимся вас ни фига. А кто не боится, тот и самый страшный! Тот и бьет!

— погоди, Варыхан, — попросил Будкин. — Надо их допросить сначала, а то я уже ничего не понимаю. Ты лучше пока еще ящик принеси, и пускай майор снарядами займется, раз ему нравится. Объявляю тебе, майор, благодарность от имени трудового крестьянства за помощь в бою.

Майор вытянулся в струнку и щелкнул каблуками. Глаза у него так и бегали, он явно прикидывал, как теперь обратить свой подвиг на службу окончательной победе социализма.

— Вы кто такие, чудики? — спросил Будкин новоприбывших.

— Мы — либералы! — хором доложили те. — Мы несем по Вселенной знамя свободы! Да здравствует свобода — экономическая, политическая, свобода верить во что угодно, говорить что угодно и быть таким, каким хочется! Ура!

Будкин от изумления даже ружье опустил и растерянно оглянулся на Шапу.

— Просто как у нас в деревне, — кивнул тот. — Один в один.

— Ну здрасте, братья по разуму... — неуверенно приветствовал либералов Будкин. — Мы здесь тоже, так сказать, всем народом за свободу...

— Прекрасно! — возликовал белый, все еще держась за голову. — Значит, мы легко найдем общий язык! Свободный гражданин всегда поймет свободного!

— Ага, должно быть так... А вы по нам, толком не познакомившись, — лазером. Нехорошо, ребята. Вы военные, что ли?

— Мы — торговые агенты Свободной Республики, — ответил белый. — Назовите свою цену, попробуем договориться.

— Ни фиги себе торговцы... — изумился Варыхан, подходя с ящиком на плече. — Только прилетели, и стрелять... У нас за это, знаешь ли, сначала рыло начистят, а потом товар отнимут.

— Мы же не знали, что у вас оружие такое мощное, — объяснил белый. — Мы всегда начинаем торговые контакты со стрельбы, это полезно для бизнеса. Ну извините, ошибка вышла.

— Но какой цене ты говорил? — поинтересовался Будкин.

— О цене за содействие. Имперский шпион украл у социалистов одну вещь, которая нас интересует. Помогите ее достать, и не пожалеете.

— Помогите лучше нам! — воскликнул майор. — За это мы поможем вам установить социализм в кратчайшие сроки! Я добьюсь, чтобы уже через год здесь высадился десант агитаторов-пропагандистов и партийных инструкторов! Мы сделаем вас счастливыми! Мужики, вот вы трое будете секретарями райкомов! Это офигенно — быть секретарем райкома! Товарищ Будкин, ты представь, целый район — твой! И все тебя слушаются! Приказал, когда пахать, — все пашут. Приказал, когда сеять, — все сеют. А кто против, ты только стукни в КГБ, и...

— Тамбовский волк тебе товарищ, — хмуро отозвался Будкин. — У нас и так все знают, когда пахать. Эй, вы, двое. А вам зачем капсула? Кому ее перепродать думаете?

— А-а, ты знаешь про энергетическую капсулу! — обрадовался белый. — Нам она нужна самим. Мы дадим свободу всем обитаемым мирам. Свергнем проклятые тоталитарные режимы! Все существа будут равноправны, и отвечать будут только перед законом. Никаких империй, никаких соцлагерей, одна вселенская либеральная республика! Мы принесем культуру свободного мира во все уголки Вселенной. И к вам тоже!

— Морду краской мазать — это и есть ваша культура? — ввернул Варыхан.

— Наша раса состоит из белых и чё... ну, разноцветные мы, — поправился белый. — Чтобы существам другого цвета было не обидно, мы мажем лица краской. Так мы устраняем злобу и зависть, сливаемся в единое общество. Иначе белым будет стыдно, что они не черные, и наоборот. А у нас — равенство!

— И у этих все равны, кругом все равны, да что ж за напасть... — буркнул Шапа.

— Минуточку, минуточку, — Будкин присел на корточки перед белым и уставился ему прямо в глаза. — То есть я, по-твоему, должен стыдиться того, что белобрысый? — Он подергал себя за спутанные светлые лохмы. — А Варыхан — того, что чернявый? А уж как хачикам с рынка должно быть стыдно...

— Хачикам должно быть стыдно! — ввернул Варыхан. — Обдиралы несчастные.

— Твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого, — терпеливо объяснил

белый. — Чужую свободу ущемлять нельзя, это незаконно. Чтобы все были свободны в равной степени, нужно объединить расы и культуры. Надо достичь полного взаимопроникновения!

— Это в смысле, я должен бросить пить, начать курить дурь и лезгинку танцевать?

— Гы-гы-гы!!! — Шапа давно уже сдерживался с трудом, но тут его прорвало, и он принялся ржать.

— ...И жениться на Карине, что рыбой торгует, — подсказал Варыхан. — Можно ее второй женой взять, у нас культура есть, которая это позволяет. У нас тут до фига культур!

— А Карина ничего, кстати, — вспомнил Будкин.

— Очень даже ничего. Но ты, Вася, слишком русский для многоженства. А вот у меня дедушка татарин, и я по идее...

— Да кого вы слушаете, мужики! — взмолился Шапа. — Давайте им просто по мордасам настучим и пускай валят отсюда. Эй, ты куда, я тебя не отпускал!

— А ну вас в задницу, — буркнул через плечо черный, уходя по борозде к своей тарелке. — Я так и знал, что вы расисты!

Белый поднялся на ноги и, держась одной рукой за голову, простер другую к Будкину.

— Что за глупый спор! — воскликнул он. — Отринем условности, забудем идейные разногласия! Во имя идеалов либерализма я готов вести дела с кем угодно. Бизнес есть бизнес. Господа и товарищи, скажу честно, я тоже расист! Терпеть не могу черномазых! Они сами такие расисты, каких свет не видывал! Да и хрен с ними. Товарищ майор! И вы, господа крестьяне! Назовите свою цену — и пойдемте выковыривать шпиона из его корабля. Добудьте мне капсулу, и вы не пожалеете! Я сделаю так, что вы будете купаться в роскоши. Сможете купить себе по планете и устроить там хоть социализм, хоть каннибализм!

Будкин глядел на белого, разинув рот. Рядом застыли Варыхан и Шапа.

Чавкнул люк тарелки Хрю, высунулась синяя физиономия.

— Не слушайте его, он вас надует! — крикнул Хрю. — Он же торговец! Он специально обучен пудрить мозги!

— Заткнись, имперский педрила! — рявкнули хором белый и майор.

Хрю поспешно спрятался.

— Ведь вы меня понимаете, товарищ майор? — спросил белый, заглядывая в лицо зеленому. — Неужели вам не надоело жить в нищете и среди нищих?

— У меня на корабле еще два майора КГБ, — ответил тот неуверенно. — Им все это очень не понравится.

— О, не волнуйтесь, моего предложения хватит на троих... А вы, господа крестьяне, меня понимаете? — спросил белый проникновенно.

Перед внутренним взором Будкина пролетали картинки одна соблазнительней другой. Все, о чем он только удосужился когда-то мечтать, слилось в разноцветный поток соблазнов.

Это было как-то странно и не к месту. Не о том стоило думать сейчас. Будкин встряхнулся, отгоняя наваждение. Справа и слева точно так же замотали головами Шапа и Варыхан.

— Знаешь, Вася, я передумал... — прошипел Варыхан зловеще. — Не надо нам синего, пускай убирается восвояси. Мы этого белого себе оставим, с ним будем на рынок ездить. Он там цены собьет вообще до нуля.

Белый опасливо попятился.

— Куда... — лениво протянул Шапа, подтягивая рукава.

— Летите, — сказал Будкин негромко. — Летите все отсюда, пока живы.

Белый, продолжая отступать задом, развел руками.

— Бизнес есть бизнес, не обессудьте, стараемся, как можем, — сказал он. — Мое предложение остается в силе. Звоните по внутригалактическому 8-800-NO-PROBLEMS, первая

минута разговора бесплатна...

Тут не выдержал Шапа. Невнятно рыча, он прыгнул к белому. Тот повернулся, думая броситься наутек. Мощнейший пинок под зад оторвал белого от земли и запустил далеко вперед по пологой траектории.

— Красота, — заявил кто-то рядом с Будкиным. — А теперь мы спокойно все обсудим, товарищ. Я тут подумал, может, вы и правда не готовы к социализму. Ну и не надо. Зато мы могли бы организовать поставку оружия...

— Тебе сказано было лететь?! — взъярился Будкин, оборачиваясь к майору. — Лети, гнида!!!

Майор попытался увернуться, но Будкин ухватил его за шкурку и легко метнул над полем. Зеленый, смешно растопырив ручки-ножки, полетел по воздуху, упал в борозду и, не вставая, побежал на четвереньках к своей тарелке.

— Это наша земля! — крикнул Будкин. — И мы тут главные негодяи! И никто не страшнее нас! Это мы страшнее всех! И если мы говорим лететь, то все летят на фиг! Через минуту открываю огонь!

— Тогда, может, не улетят, вдруг попортим, — сказал Варыхан тихонько.

— Улетят, — заверил его Будкин. — Но пинка хорошего получат.

Он присел к орудию и положил руку на затвор. Ласково погладил его.

Позади раздался гул. Тарелка Хрю судорожно задергалась, пытаясь вырваться из картофельного поля глубоко в него ушедшие посадочные ноги.

— Сообразительный педрила, — одобрил Будкин.

Впереди белый карабкался в свою тарелку, изнутри его тянули за шиворот. Белый визжал, что всех засудит в Галактическом Трибунале, и чужих, и своих. Наконец его втянули в корабль и захлопнули дверцу.

— За Родину! По либеральной сволочи прямой наводкой — огонь! — сам себе приказал Будкин и рванул спуск.

Пушка жახнула, опять заложило уши. И тут же колокольным звоном отозвалась тарелка либералов, едва успевшая приподняться на метр над землей. Удар пришелся по касательной, корабль закрутило на месте, он подпрыгнул и юлой ввинтился в небо, раз — и нету.

— Варыхан, снаряд! — проорал Будкин, сам себя плохо слыша. — Шапа! Разворачивай!

Майор КГБ скакал на четвереньках вверх по аппарели. Чавкнул, закрываясь, люк. Тарелка мелко завибрировала, собираясь взлететь.

— За Родину! По социалистической сволочи — огонь!

Маленький, но злой снарядик треснул инопланетный корабль в борт словно кувалдой. Густо сыпанули искры, тарелку аж переставило над полем, она затряслась и нелепыми прыжками поскакала вдаль. Поломала кусты, плюхнулась в озерцо, отскочила от его поверхности, будто мячик, и наконец, опомнившись от удара, ушла вверх. Исчезла.

Тарелка Хрю все дергалась, никак не могла вырвать ноги из земли. Будкин заглянул в ствол и навел орудие, как в первый раз — под башню.

— За Родину! По имперской сволочи — огонь!

Бамс! Сноп искр, хлопья окалины во все стороны. Маленькую тарелку снаряд тоже не пробил, но удар железной колотушки приподнял ее ближний край, наконец-то выскочили из земли опоры. Мужики обалдело следили, как тарелка Хрю катится по полю на ребре, медленно отрывается от земли и так, перекошенная, взлетает. И тоже исчезает.

Шапа сел на станину, поковырял пальцем в ухе, закурил. Будкин стоял, глядя в небеса. Варыхан полез за пазуху и вытащил початую бутылку, заткнутую тряпкой.

Будкин обернулся к мужикам.

— Ну, теперь самое время.

По очереди отхлебнули из бутылки и занюхали рукавом Варыхана — он вчера дизель чинил, испачкался в солидоле.

Заговорили наперебой, очень громко, потому что в ушах еще звенело — а ты видал, а ты заметил, а как мы ее, а как она...

Потом одновременно утихли и задумались.

— А чего ты про имперскую сволочь-то?.. — спросил Варыхан у Будкина. — У них хотя бы скотина не общая. И стесняться цвета морды вроде не надо.

— Да понимаешь... Мы пока чинились, я этого Хрю расспрашивал, откуда берутся империи. И он мне очень спокойно все растолковал. Из завоеванных народов империи собираются по кусочкам. Либо сам присоединишься, либо тебя силой присоединят. И еще скажут, что тебе так лучше будет. Может, конечно, и лучше, но... У нас уже была империя, хватит, наигрались.

— Угу, — кивнул согласно Шапа.

— Ну и ладно, — сказал Варыхан, затыкая бутылку тряпкой. — Ну их на фиг всех. Сами как-нибудь. Об одном жалею, что не полез вместо тебя чинить тарелку. Я бы там...

— Чего ты там? — Будкин прищурился.

— Ну, ты понял.

Будкин опустил руку в карман. Вытащил сжатый кулак.

— Ты ведь у своих не тащишь, правда, Стас? Вот и я — у своих.

Он разжал кулак, и Шапа с Варыханом громко столкнулись лбами над его рукой. На ладони Будкина лежала прозрачная капсула, в которой горело маленькое теплое солнышко. Из капсулы торчали два контакта в аккуратных белых чехольчиках.

Будкин подождал пару секунд, потом убрал добычу в карман обратно.

— Как?.. — только и спросил Варыхан.

— Да я в тарелке огляделся и сразу понял, где самое интересное заныкано. В ящике для мусора. А я как раз туда ломаные детали кидал, ну и незаметно рукой по доньшку пошарил. Там много чего было, я эту штуковину не глядя прихватил, потому что маленькая... Опыта у них нет, одно слово — нерусские. Знамо дело, этот Хрю никогда от жены самогонку не прятал!

Шапа тяжело хлопнул Будкина по плечу. Тот усмехнулся и сказал:

— Ну, поехали, что ли. Строить полегоньку нормальную свободную жизнь.

Подогнали мотоблок, собрали в прицеп вещички, привязали сзади пушку и медленно тронулись по борозде, отхлебывая по чуть-чуть из бутылки и занюхивая рукавом.

Поехали.

* * *

Мотоблок с пушкой на буксире уже скрылся из вида, когда посреди картофельного поля очень тихо и аккуратно приземлилась еще одна тарелка. Из нее толпой высыпали малюсенькие гуманоиды, все, как один, желтые.

И бросились с нечеловеческой скоростью копать картошку.

Андрей Левицкий, Виктор Ночкин

Похитители артефактов

К северу от ЧАЭС есть заведения похуже, чем «Мозг кровососа». Они есть, я уверен, но мне до сих пор не попадалось более убогой дыры.

Торгаш по прозвищу Ушлый открыл свой бар на заброшенной военной базе. Водка у него паленая, жратва тоже не первый сорт, обставлен бар ужасно, с потолка капает, а на полу сырость, и все вместе это выглядит так... ну, будто комната ужасов в провинциальном луна-парке. Не страшно, зато дешево.

Когда я подошел к стойке, за которой торчал хозяин, рядом ошивался какой-то тип. Увидев меня, Ушлый ему кивнул, после чего тип обратился ко мне:

— Не хочешь заработать, малый?

Прежде чем ответить, я окинул его взглядом. Молодой парень, одетый типично для местной братии. Лицо недоброе, какое-то кривое, губы тонкие и бледные, а глаза злые. Глаза убийцы, это сразу понятно. В общем, молодчик из тех, кому вы вряд ли доверили бы нести свой хабар. Почему-то так почти всегда получается, чтобы заработать — приходится иметь дело с подобными личностями.

— Какая-никакая работенка мне бы сейчас, пожалуй, не помешала бы, — неопределенно откликнулся я.

Ушлый выставил перед типом бутылку, тот сгреб ее со стойки и кивнул мне:

— Пошли, перетрем.

Денег он бармену не дал, из чего несложно было заключить, что Ушлый тоже в деле. Парень, назвавшийся Заточкой, провел меня в угол, где у большого ящика, служившего столом, на ящиках поменьше, заменявших стулья, расположились двое отважных воинов Зоны. Одного, худого и нескладного, с всклокоченными волосами, Заточка назвал Кирзой, а второго, коренастого, крепкого, лобастого, — Стопкой. Оба отважных воина, судя по рожам, были не дурни выпить. И не только судя по рожам — об их склонности я догадался еще и потому, что они именно этим делом и занимались: пили, закусывая салом и соленым огурцом. Одним на двоих. Я не понял, что их обрадовало больше, я или бутылка, доставленная к столу Заточкой. Наверное, бутылка понравилась больше, но я был не в обиде, мне вся эта компания тоже не очень-то по душе пришлась. Водка лучше.

— Вот тот самый мужик, — представил меня Заточка, откупоривая бутылку. — Ушлый сказал, что ты на мели и от стремных дел не отказываешься.

— Язык бы этому Ушлому укоротить, — вслух подумал я. — Чтоб не говорил чего не следует про честных сталкеров.

— Так ты с нами или нет? — нетерпеливо буркнул Стопка, не сводя взгляда с бутылки в руке Заточки. Водка в другой бутылке, стоящей на столе, уже закончилась, и эта, полная, приковывала взгляды, как голая женщина в церкви.

Заточка медлил, ждал моего ответа. Я понял, что, если Стопке сейчас не нальют, будут жертвы. И сказал:

— С вами, но только если дело стоящее.

— Тогда нужно за знакомство! — обрадовался Кирза, который тоже пожирал глазами бутылку. Или не пожирал, а выпивал? Наверное, так будет ближе к правде жизни.

Заточка разлил, мы все выпили, и тогда он наконец перешел к делу.

— Ушлый сделал заказ, ему нужны артефакты: «мозг кровососа» и «путанка». Артефакты

работают в паре, вот он и ищет эту пару.

— Комплект, так сказать, — вставил Стопка.

— Полный набор! — многозначительно добавил Кирза, чтоб уж не осталось никаких неясностей.

А Заточка, внимательно глянув на меня, спросил:

— Знаешь, что получается, если «мозг кровососа» с «путанкой» срастить?

— Неви... — начал было Кирза, но главарь так пронзительно посмотрел на него, что тот закашлялся и умолк.

Я пожал плечами:

— А что может получиться? Сборка какая-то. Говоришь, «мозг», «мутанка»...

— «Путанка» — поправил Заточка, не спуская с меня настороженного колючего взгляда. — Редкий артефакт.

— Да-да, путанка-шмутанка... Нет, не знаю.

— Ага! — многозначительно кивнул Стопка, тоже довольно напряженно ожидавший ответа.

— Эге! — кивнул ему в ответ Кирза, прекратив кашлять.

Заточка слегка расслабился, повел плечами и продолжил свой рассказ:

— В общем, «путанку» мы принесли, долго ее добывали, со всякими невероятными трудностями. Но Ушлый согласен купить только пару артефактов, а за один давал так мало, что... Короче, мы зря проторчали здесь три дня, ругаясь с ним, и тут Ушлый получил сообщение: «мозг кровососа» есть у парня по прозвищу Пригоршня. Тот согласен уступить, но цену заломил...

— До-хре-на! — конкретизировал Кирза.

Заточка продолжал:

— Вот Ушлый и предложил вариант: он дает знать Пригоршне, что согласен, а мы по дороге владельца принимаем, берем у него «мозг» и сдаем Ушлому по нормальной цене вместе с «путанкой».

— Принимаете и берете, — задумчиво повторил я. — Не знаю этого Пригоршню, но мой опыт подсказывает, что парни, заламывающие цену в районе «дохрена», как правило, не соглашаются отдавать артефакты по-хорошему.

— Так а мы на что? — влез в разговор Стопка. — Ты наливай, Заточка, не тяни.

— Пригоршня упрямый, это верно, — продолжал тот, неторопливо разливая водку по стаканам. — Но вопрос в другом. Он то ли просек расклад, то ли еще что, но теперь уперся: пусть к нему Ушлый человека с бабками пришлет, а сам Пригоршня сюда не сунется. Ну, ладно, раз такое дело, мы к нему отправились.

— А где он засел?

— Есть такое местечко, Коровники называется. Там и молодняк тусуется, ну и серьезные люди тоже заглядывают. Людное, в общем, место. Мы пытались все тихо уладить, не вышло, шум поднялся. А Пригоршня там замечен, он целый бетонный ангар в Коровниках занял, хозяину забашлял, чтобы его не беспокоили. Короче, мы втроем, пока пытались у Пригоршни «мозг кровососа» отобрать, засветились. Нужен новый человек, которого никто не знает и который вынесет из Коровников артефакт. Мы, получается, разведку как бы провели...

— Разведку боем! — Кирза задрал к сочащемуся каплями серому потолку длинный корявый палец с грязным ногтем.

— Ага, боем, — согласился Заточка. — В общем, знаем, что там да как и в Коровниках, и внутри того ангара. Опишем тебе. По словам Ушлого, ты парень боевитый, опытный... Ну что, согласен?

— Я, по-твоему, лох с Периметра? — удивился я. — Ты ж мне цену не назвал, Заточка. Сколько хабар стоит, какая моя доля...

— Ой, да сколько там тех денег, — снова вклинился в разговор Кирза.

— Заткнись, — бросил ему Заточка, не поворачивая головы. — Ушлый готов отвалить за пару артефактов две с половиной тыщи. Тебе — пятьсот за дело.

— Ну, пока, три богатыря. — Я поднялся с ящика. — Счастливо вам у Пригоршни арт спереть.

Когда шагнул прочь, Заточка ухватил меня за полу куртки.

— Стой!

— Клешню убери, — бросил я равнодушно.

— Стой! — повторил он, но руку убрал. — Сядь, чего ты подорвался?

— Да, чего ты? — добавил Кирза.

Я пояснил:

— Несерьезно говорите, молодые люди.

— Да ладно, садись, говорю... — Заточка разлил по стаканам остатки водки. — Признаю, я слегка... приуменьшил. Ушлый дает за оба арта пятерик. Честно! У него спроси, ежели хочешь.

— Так он мне и ответил, — проворчал я, опять взгромождаясь на ящик. — Ну хорошо, пятерик — уже более правдивая цифра. Моя доля, стало быть, две штуки?

— Да ты оборзел! — вскинулся Стопка.

— В натуре! — поддакнул Кирза.

Заточка покачал головой.

— И правда, загнул, малый. Нам на троих, что ли, треха? То есть по штуке — а тебе аж две?

— Скорее всего, — пояснил я, ласково улыбаясь всем троим, — арты эти, когда в паре, цену имеют более значительную. Я, конечно, расклада не знаю, но вряд ли Ушлый меньше семи тысяч за них башляет. А может — и все восемь. Узнать-то примерную стоимость для меня не трудно будет, ну, поспрашиваю народ здесь в баре или в тех же Коровниках... Но я не буду этого делать, я просто говорю: такая работа, как ты мне предложил, стоит... ну, пусть полторы тысячи баксов. Вот за столько я и возьмусь, а за меньшее ищите себе какого-нибудь новичка. Ну, что, согласны, нет?

Они втроем переглянулись, и на худом лице Заточки мелькнуло такое выражение, что человек, менее доверчивый, чем я, мог усомниться в том, что эта троица вообще собирается делиться деньгами. Но я парень добродушный, я им верил.

— Лады! — кивнул Заточка, и Стопка с Кирзой облегченно схватились за стаканы, где плескались остатки водки. — Добазарились.

— Вот и сладилось! Ну, за успех, стало быть! — Стопка был рад поводу выпить.

Прикончив бутылку, мы занялись деталями.

— Хорошо, я вхожу в Коровники, вижу ангар Пригоршни. Ищу нычку... а что, если он носит арт при себе?

— Это вряд ли, — Стопка ухмыльнулся. — Это мы уже выяснили.

— Верняк! — поддакнул Кирза. — Заточка, скажи ему.

— Точно. — Заточка слегка расслабился после того, как я согласился. — Это мы и вправду выяснили. «Путанка» и «мозг кровососа» чуют друг друга. Говорю же, парный артефакт. Когда «Мозг» рядом, «путанка» начинает греться и слегка трястись.

— Как мобильник с вибросигналом?

— Ну типа. Или как вибратор перегревшийся, ага. Так вот, когда мы с Пригоршной рядом стояли, моя «путанка» не дергалась, нет у него арта при себе, прячет где-то в ангаре. Вот туда если подойти — тогда она начинает дрожать.

Он выложил на стол сверток, развернул и показал мне хреновину размером с кулак, больше всего похожую на ком грязных волос. Я потрогал пальцем — твердый как камень и маслянистый на ощупь. Заточка ревниво глядел, как я прикасаюсь к арту, будто его бабу щупаю. Не позволив мне наглядеться, снова упаковал свое сокровище. Кирза со Стопкой тоже молча пялились на арт, и из этой пантомимы можно было заключить, что стоит «путанка» немерено. А уж в паре с «мозгом кровососа»...

— Один вопрос возникает, — сказал я. — Как в ангаре отыскать тайник? Придется мне «путанку» при себе иметь, чтобы найти хабар Пригоршни без задержки и свалить побыстрее.

Заточка помрачнел и тяжело задумался. Я не сомневался, что он и сам понимал, что придется на время расставаться с его прелестью, но оттягивал неприятный момент.

Кирза со Стопкой тоже несколько взгрустнули, но явно по другой причине.

— Возьму еще бутылку, — решил я. — Ушлый в кредит даст, если скажу, что с вами в деле?

Этот широкий жест сразу расположил ко мне двух добрых молодцев. Да уж, хорошее отношение таких типов имеет фиксированную цену...

Пока я ходил к стойке, Заточка решил.

— Арт получишь у входа в Коровники, — буркнул он. — Как обратно покажешься, сразу вернешь, понял?

— Да я тебе оба отдам, и «путанку», и «мозг», — пожал плечами я. — Сам с Ушлым торговаться будешь, мне это не интересно, только нервы мотать. А как «мозг кровососа» выглядит? Как его узнать среди хабара, возле которого твой мобильник прозвонит?

— Какой еще мобильник? — спросил Кирза нервно. — Ты наливай, наливай уже, что ее в ладонях греть?

Но Заточка понял, что я имею в виду, и, пока я наливал, описал артефакт. Это, сказал он, такой сморщенный комок, серый, шершавый, пронизанный тонкими дырочками-каналами.

Выпив, Стопка принялся глубокомысленно рассуждать, что «мозг» на самом деле и есть самый настоящий мозг кровососа.

— ...Но не простого, а только крупного, матерого. Зрелого, скажем. Такой мутант нужен, чтоб десяток сталкеров сожрал. Так вот, если он попадает в «электру» и лежит там с недельку, его мозги превращаются в эту штуку. Дальше нужно тушу вытянуть из «электры», скорлупку вскрыть, и вот он, орешек.

— Брехня это! — возразил Кирза. — Я сам кровососа как-то завалил да нарочно в «электру» сунул, а к лапе веревку привязал. Ну, чтобы потом вытянуть за веревку. Нет у него в черепушке ничего такого, грязь одна.

— Это у тебя там грязь! — заспорил Стопка. — Врешь ты все! Врешь и не синеешь! Как это ты мог кровососа завалить, да еще матерого? Ты и матерого таракана не сможешь...

— Ты на себя глянь, мутант! — Кирза стал подниматься во весь свой немаленький рост, но медленно, чтобы у Стопки было время пойти на попятный.

Однако тот не хотел униматься — сипел что-то угрожающее и выпячивал грудь, глядя на Кирзу снизу вверх. Я отодвинулся, чтобы без помех наблюдать за этой парой клоунов. В моей голове сложилась веселая картинка: Стопка с Кирзой бродят по Зоне, мочат кровососов и суют их в «электры», потом снимают урожай и извлекают из черепух дохлых мутантов билетики с надписью: «Без выигрыша».

— Хорошо трепаться! — Заточка хлопнул ладонью по ящику, служившему нам столом, и выпивохи заткнулись. На самом деле им только и нужен был повод, чтобы угомониться.

— Допиваем, и по нарам, — распорядился Заточка. — С утра идем к Коровникам.

Поутру Стопка с Кирзой долго о чем-то шушукались, шарили по карманам, потом направились к стойке, за которой зевал Ушлый, и взяли бутылку. Потом еще некоторое время спорили, кто ее понесет. Не доверяли, значит, друг другу. Пить Заточка запретил, и Стопка, гулко стуча себя в грудь, заявил, что если на дело — то они ни капли, а вот пока меня будут ждать за воротами Коровников, то без лекарства от скуки не обойтись. Заточка промолчал. Грозные взгляды, которые он бросал на двух этих рыцарей бутылки и огурца, романтиков Зоны, не шли ни в какое сравнение с тем, как он пялился на меня. Еще бы — ему предстояло вручить мне дорожный артефакт, а парням вроде Заточки отдавать свое добро не вмоготу. Они от этого даже заболеть могут. И пока шагали к Коровникам, он действительно болел душой, что было хорошо заметно по кислой роже, и на меня то и дело косился.

В Коровниках я уже бывал, как здесь всё устроено, более или менее представлял. Несколько бетонных ангаров, между которыми проложены асфальтовые дорожки, раздолбанные и поросшие колючими побегами, — это место для постояльцев. Хозяева обосновались в зданиях у входа, где раньше было управление, какие-то склады, подстанция и всякие такие учреждения. Вокруг — бетонная ограда метра два высотой, с «колючкой» поверху. Не знаю, что здесь было до аварии на ЧАЭС, но теперь вот, стало быть, Коровники... Ну и сталкеры толкуются, как телята. Выйдут, попасутся вокруг, и обратно.

Заточка со своими алкашами остался в зарослях, не доходя метров пятьсот до входа, отдал мне «путанку» и ничего не сказал. Да ему ничего говорить и не надо было — очень уж глядел выразительно.

— Ну, я пошел?

— Давай, — напутствовал он меня. — Здесь всего одна дорога, так что не ошибешься. Когда «мозг кровососа» у Пригоршни вымешь, топай сюда, мы на этом месте ждать будем, за деревьями вот ляжем, понял?

— Чего ж не понять, — согласился я и шагнул было в сторону Коровников, но тут Заточка схватил меня за плечо.

Когда я обернулся, он подался ко мне, громко сопя, заглянул в глаза и сказал тихо:

— Только ты, слышь... Короче, не вздумай, когда возвращаться будешь, другим путем пойти. Ты, наверное, не понимаешь еще толком, кто я такой. Если кинуть попробуешь, я тебя из-под земли выму, с самой ЧАЭС достану, распотрошу и на деревьях по всей округе развешу. Ты в этом районе никого не знаешь и весу не имеешь... Так что лучше такого врага, как я, не заводи.

— Да понял я, понял, — ответил я, стряхивая его руку с плеча. — Получишь назад свою прелесть вместе со второй... прелестью. Но чтобы сразу как к Ушлому придем — рассчитался.

— Отдам сполна все бабки, — кивнул он.

Во время этого диалога Кирза со Стопкой стояли немного в стороне и пялились на меня. И ясно было, что клоуны-то они клоунами, но для этих двоих человека завалить, что для снарка подпрыгнуть — то есть без проблем. И когда я пошел к Коровникам, то ощущал три внимательных взгляда, скрещенных на спине. Чуть дыру мне в комбезе не прожгли.

Вороты были выломаны, одна створка висела косо на петле, вторая валялась рядом, выгнутая, будто ее псевдогигант бодал, причем вмятин было несколько. Упрямый, значит, мутант попался. Вход охраняли двое парней с «калашами». Один сидел на выломанной створке и пытался шутить:

— А вот ты знаешь, почему у псевдогиганта голова так низко посажена?

— Ну и почему? — лениво отозвался второй. Ему шуточки напарника, наверное, успели надоесть.

— А потому что у него ручки коротенькие. Если бы башка выше была, как бы он в носу ковырял?

Напарник лишь скривился в ответ.

На меня эти двое даже не глянули, я и протопал мимо, буркнул только: «Привет, бродяги». Обошел двухэтажное здание, из которого доносился звон гитары и пение:

Раз пришли с хабаром, выпить захотелось,
Завалили к Сидорычу в бар,
Там сидели снарки, все в противогазах:
— Отдавайте, — говорят, — хабар...

Чтоб не шухериться, мы решили смыться,
Но хотелось снаркам отомстить...

Я свернул за угол и направился по дорожке между ангарами. Народу в Коровниках было довольно много, сталкеры, в основном нежно-зеленые новички, слонялись повсюду, как тени отца Гамлета. И тут меня что-то будто в бок толкнуло — в кармане ожила «путанка». Вовремя, прямо скажем, ожила: я как раз проходил мимо ангара, где обосновался Пригоршня.

Дверь была заперта изнутри на простую задвижку, рядом с ней я заметил свежие сколы, какие остаются от пулевых попаданий. Понятно, почему Заточка с корешами не рискует сюда возвращаться, в прошлый раз слишком сильно пошумели. Огляделся... могут заметить. Поэтому я тоже прошелся туда-сюда, и потом, когда никого поблизости не было видно, вернулся к двери. Засов даже не вдвинут до конца, его едва подсунули под скобу самым кончиком. Определенно, Пригоршня ждет меня! Одно движение ножа — и дверь качнулась, освобождаясь от засова. Я шагнул внутрь и замер, прислушиваясь и выжидая, чтобы глаза привыкли к полумраку. «Путанка» в кармане дрожала, предвкушая встречу с «мозгом кровососа», как Джульетта с Ромео. Ну что ж, надеюсь, я скоро смогу устроить их свиданку.

От двери вдоль барака уводил длинный коридор, справа и слева были секции, разгороженные бетонными стенами. Над головой — местами просевший и даже обвалившийся потолок. Свет проникал сквозь прорехи в кровле. Я вытащил «путанку», она была слегка теплая и дрожала в ладони, как живая. Выставив артефакт перед собой, словно компас, двинулся по коридору, прошел около трети и остановился, увидев впереди пирамиду из ящиков. «Путанка» потянула вправо — в этой секции тайник. Но мне сперва хотелось глянуть на ящики в коридоре. Я подошел, заглянул в верхний — бруски пластита. Пригоршня и в самом деле неплохо приготовился к моему приходу! Рядом к стене был прислонен крепкий стальной лист и рассыпана свежевыкопанная земля, а за ящиками была яма, на дне которой лежал рюкзак. На нем валялся выключенный фонарик.

Дальше по коридору раздался шорох, что-то со стуком упало. Я решил не терять времени и скользнул в отсек, к которому настойчиво звала «путанка». Пространство между стенами было завалено сломанными ящиками, тряпьем, обломками мебели. Если бы не «путанка», ни в жизнь не подумал бы, что среди такой рухляди хранится что-то ценное. Но артефакт в руке настойчиво тянул меня в угол, и я устремился туда, будто химера на добычу. Осторожно, стараясь не шуметь, убрал ящик с полустертой маркировкой, отгреб скомканную мешковину и обнаружил жестяную коробку. «Путанка» сбесилась окончательно, колотилась и тянула мою руку к

коробке. Я послушался зова, взял коробку, раскрыл.

«Мозг кровососа» выглядел именно так, как его описал Заточка: твердый комок темной субстанции, шершавый и пронизанный тонкими ходами, будто червями изъеденный. Он тоже слегка дрожал и немного нагрелся.

За стеной снова что-то стукнуло, я расслышал неторопливые шаги, кто-то зевнул в коридоре — шумно так, словно предупреждал о своем приближении. Потом закашлялся, словно говорил: а вот и я! Шаги приближались. Я сложил артефакты — и теплый дрожащий ком в моих руках ожил. «Путанка» словно вывернулась наизнанку, образующие ее нити, до сих пор казавшиеся слипшимися намертво, разделились, перестав составлять общую массу, и лохматой бородой опутали «мозг», проникая в каналы, которыми был пронизан второй артефакт.

Кивнув, я полоснул ножом по ладони и сжал сборку окровавленной рукой. Меня качнуло, комната; заваленная хламом, поблекла. И еще — я вдруг исчез. То есть не в каком-то там философском смысле, да и не в физическом тоже — никуда я, конечно, не делся, просто больше не видел даже собственную руку. Видел грязный пол, мешковину, на которой должны были стоять мои залепленные грязью ботинки, но меня не было, я стал невидимым.

Вот такое оно, действие сборки из «путанки» и «мозга кровососа». Я об этом давно знал, только Заточке не сказал.

Может, и правду утверждал Кирза: арт под названием «мозг кровососа» имеет какое-то отношение к мутанту? Ведь те умеют исчезать... Любопытно будет на досуге разобраться, но сейчас не до того. Шаги в коридоре приблизились и стихли у входа. Похоже, я каким-то образом привлек внимание Пригоршни — он остановился совсем рядом, за стеной.

Присев за ящиками, я вытащил «Макаров». В дверном проеме возник здоровенный парень с автоматом наперевес и тут же дал очередь. Пули зацокали по стенам, высекая искры и кусочки бетона. Я выстрелил в ответ, но поздно — Пригоршня уже скрылся. Тогда я, не теряя времени, бросился к выходу и, пригнувшись, нырнул в проем. Пригоршня пятился, и мое появление смог засечь, лишь когда я выстрелил снова. Не попал. Он метнулся в соседний отсек, а я воспользовался этим для отступления к входу в ангар.

Тени отца Гамлета, конечно, уже заинтересовались, кто это там шумит. Когда я вывалился наружу, то увидел устремленные в мою сторону стволы. А вот меня парни не видели. Зато Пригоршня знал, что я убегаю, и из глубины ангара пустил очередь вслед — и снова слишком высоко. Обернувшись, я разрядил остаток магазина, но не в него, а в ящики посреди прохода. Бросился дальше.

Сперва показалось, что в ящики не попал, но когда отмахал с десятков шагов от ангара, за спиной гроыхнуло так, что всякие сомнения в собственной меткости исчезли. Так сказать, верь в себя, и Зона тебе улыбнется. Или отдастся, это уж кому что нравится.

В спину толкнуло теплой воздушной волной. Я бежал, как шестиногий заяц-мутант. Навстречу спешили сталкеры, несколько человек показались из соседних строений, я несея между ними, стараясь никого не задеть. Назад глянул только когда был у ворот. Арендванный Пригоршней барак до сих пор рушился — бетонные пролеты в центральной части сложились внутрь, соседние секции все еще валились, вздымая тучи пыли, а над всем этим вставал роскошный угольно-черный дымный столб.

Часовые в воротах пялились на разрушения. Невидимый, я миновал их без помех. Тот, что раньше сидел на опрокинутой створке, теперь уже стоял, задрав голову — почему-то его больше всего заинтересовала верхушка дымного столба, которая сворачивалась наподобие здоровенной шапки гриба. Он задумчиво обратился к приятелю:

— А знаешь, почему псевдогигантов нельзя кормить горохом?..

По дороге, где поджидал Заточка с приятелями, я, конечно, не пошел. Они очень скоро

узнают о перестрелке с последующим разрушением, о таких событиях любят трепаться, слухи пойдут сами собой... так что меня, без сомнений, спишут со счетов. Да и Пригоршню, которого завалило обломками. Ну а к бару Ушлого можно пройти и другой дорогой.

Не знаю, сколько держится невидимость, созданная сборкой, но рисковать не стал. Мало ли что, вдруг еще щупальца на морде расти начнут? Отлепил артефакты от ладони, когда отмахал с километр от Коровников, потом расположился в укромном местечке, перебинтовал ладонь и сбрил бороду. Отпускал ее с месяц, но не жалко. Хотя борода лучше, чем щупальца.

* * *

К Ушлому я заявился поздно ночью, когда в баре уже никого не было, даже самые отпетые любители культурного отдыха разбрелись. Хозяин куковал за стойкой, а перед ним, спиной ко мне, сидел единственный полуночник. Когда я вошел, Ушлый смерил меня взглядом и буркнул: — Принес?

Я кивнул. Хозяин больше ничего не сказал и, протопав через зал, с грохотом захлопнул дверь. Лязгнул засов. Я взгромоздился на поставленный торцом ящик рядом с парнем, положившим на стойку локти. Перед ним была бутылка водки, три стакана и блюдо с тремя маринованными грибами — опять, очень я их в таком виде уважаю и люблю.

Ушлый вернулся за стойку и выжидающе уставился на меня. Я выложил перед ним сборку. Он ее внимательно оглядел, чуть не обнюхал всю, и полез под стойку.

— Как прошло? — донеслось оттуда глухо.

— Нормально. — Я разлил водку в стаканы.

— Заточка с теми придурками ни о чем не догадались? Сталкеры в Коровниках?

— Не-а. Мы там устроили то, о чем в репортажах говорят «Взрыв сопровождался значительными разрушениями».

— И человеческими жертвами, — многозначительно добавил сидящий рядом Пригоршня. — Между прочим, я весь в земле перемазался и руку о лист расцарапал, когда вылезал.

Ушлый, вынырнув из-за стойки с жестяным коробом в руках, спросил:

— Тебя точно никто не заметил?

— Да не... — махнул рукой Пригоршня. — Для всех я теперьдохлый сталкер. Даже тело не найдут: взрыв, понимаешь, всего меня разметал, а потом еще обломки засыпали... Конец такому прекрасному человеку.

Он похлопал себя по широким плечам, по груди, как бы подчеркивая свою прекрасность, и скорбно покачал головой.

— Я, между прочим, тоже погиб, — ревниво заметил я. — Расплющило же насмерть, вчистую.

— И арты оба расплющило, — кивнул Пригоршня, осторожно дотрагиваясь указательным пальцем до сборки.

— Интересная штука, а?

— И дорогая, — добавил я многозначительно.

Ушлый на то и был Ушлым, чтобы ловить намеки с лету. Он раскрыл жестянку и выложил перед нами десять аккуратных пачек приятного серо-зеленого цвета, столь милого сердцу всякого уважающего себя сталкера да и вообще мужчины.

— Можете не считать, — буркнул он. — Ровно десятка.

— Ладно, не буду считать. — Я стал убирать деньги в заранее приготовленный пакет. — Ну

что, тогда мы пойдем.

Ушлый поднял один стакан, Пригоршня — другой, а я третий. Кивнув друг другу, залпом опустошили их, после чего мы с Пригоршней взялись за грибы, а Ушлый даже закусывать не стал — сграбастал сборку цепкими лапками и понес к двери за стойкой. Глаза у него при этом алчно поблескивали и весь вид был нездоровый, как у торчка, заполучившего наконец вожделенный шприц с дозой. Вот что алчность с людьми делает, вот до чего доводят нас презренные деньги!

С этими мыслями я бережно спрятал набитый купюрами пакет в особый потайной карман, после чего мы с Пригоршней покинули заведение.

В глухом логе позади брошенной базы, где Ушлый обустроил свой бар, стоял наш трехосный вездеход под названием «Мальш».

— Нормальное дело, — разглагольствовал Пригоршня по дороге. — Теперь новую муфту купим, да и топливную систему я хотел поменять... Махнем, может, к северному Могильнику, как думаешь? — Оглянувшись, он добавил: — Знаешь что, пошли-ка быстрее, а то этот Ушлый — он не зря такой Ушлый, он щас сам воспользуется сборкой и деньги у нас поперет.

— Ничего, у меня надежно спрятано, — я хлопнул по груди, где в подкладке куртки был потайной карман, но все же машинально ускорил шаг.

Забираясь в кабину, сказал:

— Так, теперь давай распределим обязанности: ты рулишь, я сплю. Идет?

— Идет, — кивнул он, заводя мотор. — Когда я с тобой спорил, Химик?

notes

Примечания

Майк Зиновкин.

Джулия Дональдсон. Груффало: Сказка в стихах. Пер. М. Бородинской.

«Queen», «Uriah Heep», «Deep Purple» — британские рок-группы.

«Корвет 038» — уникальный проигрыватель, разработанный советскими учеными. Уникальный, потому что этой разработкой действительно можно гордиться — аналогов у нее нет. Чисто наше изобретение, так никем и не повторенное. Даже сейчас частями от «Корвета» пользуются любители качественной аппаратуры за бугром.

Альбом британской рок-группы «Pink Floyd».

«ABBA» — шведский квартет.

«Ниппон Будокан» (日本武道館) или «Будокан» — арена в центре Токио. Построена в 1964 году для соревнований по дзюдо на XVIII Олимпийских играх. Ее название переводится как «зал боевого искусства». За пределами Японии «Будокан» более известен как место, где состоялись масштабные рок-концерты.

Композиция «Uriah Heep».

Дэвид Байрон — вокалист «Uriah Heep».

М. Булгаков. «Собачье сердце».

«Night Flight to Venus» — хит немецкой диско-группы «Boney M».